

БЭЗІФФА

НАТАЛЬЯ ПРОНИНА

ИВАН
ГРОЗНЫЙ

«МУЧИТЕЛЬ» ИЛИ МУЧЕНИК?

БЕЛОРУСА МІФЫ

НАТАЛЬЯ ПРОНИНА

**ИВАН
ГРОЗНЫЙ**
«МУЧИТЕЛЬ» ИЛИ МУЧЕНИК?

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2005

Оформление серии художника
П. Волкова

Пронина Н.

П81 Иван Грозный: «мучитель» или мученик? — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 512 с. — (Мифы без грифа).

ISBN 5-699-13874-9

Его проклинаят историки.

Его дружно поносят «западники» и «либералы» всех мастей.

Его пытаются представить чудовищем, маньяком, бесноватым садистом.

Почему? За что?

Когда и, главное, зачем был создан этот миф о «кровавом тиране» Иване Грозном — один из самых грязных русофобских мифов в нашей истории?

Кому потребовалась эта злобная легенда?

Кто заинтересован в ее существовании?

И кем в действительности был первый Русский Самодержец Иван IV — «мучителем» созданной им могучей державы или мучеником за нее?

ББК 63.3

Слово к читателю

Хорошо известно что историческая память — это не просто произвольная подборка фактов, имен и дат. Прежде всего история каждого народа есть одна из важнейших частей его национального самосознания. Следовательно, уже поэтому любые манипуляции в данной области преступны, так как могут взорвать народ изнутри, на глубинно-психологическом уровне. Могут лишить его собственных, веками формировавшихся духовных и государственных ориентиров и, значит, ослабить или же вовсе парализовать его способность к самозащите, к сопротивлению внешнему, нередко враждебному влиянию. А последнее, в свою очередь, ставит под вопрос само дальнейшее существование народа как нации, как самостоятельного субъекта всемирно-исторического процесса.

Не случайно именно так дважды произошло с русским народом в XX веке, ставшем для России веком тяжелейших войн, революций и невиданных социальных потрясений. Ибо дважды русские проиграли не просто войну, а именно идеологическую, информационную войну Запада против нашего государства. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как еще на заре столетия революционные витии всех мастей и рангов настойчиво стремились очернить в глазах русских прошлое Отечества, звали «*отречь-*

ся от старого мира» и считать началом подлинного исторического бытия России только 1917 год. Ведь народ с тысячелетней памятью далеко не просто было завлечь в пекло «всемирной революции»... Подобная ситуация с точностью повторилась и в конце XX века, когда стараниями все тех же пособников «нового мирового порядка» в России была преднамеренно опорочена, расшатана и рухнула уже коммунистическая идеология. Увы, нас снова убедили отказаться от своего — на сей раз советского! — прошлого, растоптать собственные святыни. И защищать могучую ядерную державу оказалось некому. Крах ее был стремительным и почти бескровным...

Но идеологическая агрессия, направленная на окончательное подавление и разрушение нашего национального самосознания, продолжается. Ибо с ликвидацией СССР мировой закулисой на повестку дня ясно и недвусмысленно поставлен вопрос теперь уже о разделе самой России, а следовательно, разделении и уничтожении русского народа. Именно с этой единственной и главной целью развернут в настоящее время подлинный террор, наглое, циничное насилие над русской историей — начиная с древнейших ее эпох и вплоть до наших дней. Изуверски тонко, со знанием дела на массового читателя (и телезрителя) с новой силой обрушен целый поток лжи и клеветы едва ли не обо всех ключевых событиях и деятелях нашего прошлого. Под видом «независимого исследования» или «свежего взгляда на проблему» извлекаются на свет старые и спешно создаются новые желчные мифы о «стране вечного рабства и бескультурия». Мифы, в который раз призванные убедить: русские — дикие варвары, а исторический путь России — путь кровавых преступлений. Значит, чтобы войти в «семью цивилизованных народов», от этого пути необходимо отказаться. Его надо про-

клясть и забыть, всецело подчинившись «демократии» по американскому образцу.

Данное тяжелое положение многократно усугубляется и тем обстоятельством, что в силу целого ряда причин по-настоящему правдивая, патриотически ориентированная история нашего Отечества как таковая до сих пор не написана. К сожалению, отмечал еще в XVIII столетии великий русский ученый М.В. Ломоносов, далеко не все историки в должной мере точно и достоверно пишут о России. И за прошедшие с тех пор долгие века в этом смысле мало что изменилось... Таким образом перед неравнодушным и непредвзятым читателем, который все-таки хочет объективно разбираться в отечественной истории, встает поистине непростая задача, требующая глубоких знаний и глубокой мудрости.

Но без решения как раз этой задачи Россия никогда не сможет подняться с колен. Ибо в наступившем XXI веке информационная война становится уже ОСНОВНЫМ средством современной мировой политики, доминирующим способом достижения политической и экономической власти. (Самым свежим тому примером является успешно осуществленная при поддержке известных спецслужб «оранжевая» революция на Украине, в результате которой к власти в Киеве смогли прийти политики, настроенные резко прозападнически.) Пример этот ясно указывает: плодотворная созидательная работа, столь необходимая сейчас нашему Отечеству, невозможна прежде всего без активного духовно-интеллектуального отпора ополчившимся против нас силам мирового зла.

Отпора жесткого и бескомпромиссного, с четким пониманием того, что в развернувшейся глобальной информационно-психологической борьбе за власть на планете России важно отстаивать не только свои

национальные экономические интересы. Не менее актуально для нее укрепить сегодня свой национальный иммунитет на духовном уровне, защитить свою историческую память. Только так, только обратившись к подлинным живительным корням, только зная и защищая свое великое тысячелетнее прошлое, мы найдем в себе силы отстоять и свое будущее. Память спасительна, ибо зовет бороться.

...Итак, когда, кем, где и для чего был создан один из самых страшных, самых русоненавистнических мифов нашей истории — миф о «кровавом тиране» Иване Грозном? Кому эта злобная легенда требовалась раньше? Кто горячо заинтересован в ее существовании теперь? Наконец, кем был в действительности первый русский самодержец Иван IV — «мучителем» созданной им могучей державы или мучеником за нее? Над всеми этими вопросами и приглашает задуматься уважаемого читателя автор...

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ

В 2004 г. исполнилось 420 лет с момента смерти (предположительно, насильственной) величайшего из русских государей — Ивана Грозного. Срок, казалось бы, достаточный для того, чтобы разобраться в делах и поступках сего в высшей степени неординарного человека, дав ему в нашей истории место, подобающее его вкладу в эту историю. Но, как ни парадоксально (и само по себе наталкивает на определенные размышления), не существует в отечественной исторической литературе личности, вызвавшей большее количество самых ожесточеннейших споров и критики, нежели первый русский царь Иван Васильевич Грозный (1533—1584). О нем писали поэты, драматурги, публицисты. В свое время даже «неистовый Виссарион» (Белинский) не мог обойти молчанием вопрос о загадочном венценосце. «Это, — отмечал он, — была душа энергическая, глубокая, титаническая. Стоит только пробежать в уме жизнь его, чтобы убедиться в этом... Иоанн был *падший ангел*, который и в падении своем по временам обнаруживает и силу характера железного, и силу ума высоко-го»¹... Естественно, душу Ивана пытались понять, раз-

¹ *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в трех томах. — М., 1948. Т. 1. С. 655.

ложив по отдельности все ее плюсы-минусы, и знаменитые наши историки — Карамзин, Костомаров, Ключевский. Да только и у маститых профессионалов, причем пользующихся почти одними и теми же историческими документами, разброд во мнениях касательно Грозного был поистине ошеломляющим: от «тирана и злодея» до «выдающегося государственного деятеля». Хотя критические настроения, за немногими исключениями, преобладали и здесь. Скажем, если Карамзин, без сомнения осуждая известную жестокость Ивана, все-таки действительно пытался *понять* его, объясняя суровый, порывистый нрав государя дурным воспитанием, полученным им в сиротском детстве, то уже для Костомарова Грозный царь — лишь безвольный, легко поддающийся чужому влиянию человек, никогда не имевший никаких продуманных государственных программ, в душе которого бушевали только необузданные страсти и любовь ко всяческому лицедейству.

Резко разграничивались в работах российских дореволюционных историков и два периода правления Ивана IV: первые тринадцать лет, когда молодой царь находился еще (якобы) всецело под влиянием «Избранной Рады» советников, именно благодаря мудрости которых свершились все военные победы и наиболее важные реформы того времени, и второй, разительно отличающийся от первого период — последующие 23 года, с разгулом террора и насилия, когда Грозный, отвергнув «умных руководителей», правил уже сам. Даже настойчивая борьба царя во имя централизации и укрепления государственной власти, в 1564 г. принявшая (из-за сильнейшего сопротивления оппозиции) такую жесткую форму, как введение опричнины — своеобразного «прямого» государева правления в некоторых особо стратегически важных областях страны, — многим прежним

исследователям виделась лишь как расправа Ивана с князьями и боярами, ненавистными сугубо лично ему одному и, следовательно, «политически совершенно бесцельной»¹.

В общем признавая наличие княжеско-боярской оппозиции, например, Ключевский считал, что все же бороться с ней Ивану следовало бы не так жестоко и с большей последовательностью. Все дело в том, писал знаменитый историк, что «вопрос о государственном порядке превратился для него (Ивана) в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испуганный человек, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов»². Только С.Ф. Платонов (наиболее глубокий исследователь русской Смуты XVII века) счел возможным высказаться более однозначно, полагая, что опричнина нанесла ощутимый удар по оппозиционной аристократии и тем самым укрепила русскую государственность в целом³.

Таким в основном негативным был взгляд на Ивана IV российской историографии дореволюционной поры. Во-первых, это объясняется скудным количеством источников, сохранившихся от эпохи Грозного. Источников, среди которых преобладают документы и свидетельства, к тому же не русского, а иностранного происхождения, часто подающие события нашей истории донельзя искаженно. Другая причина данного факта заключалась в том, что немало дореволюционных отечественных исследователей (равно как и определенная часть российского образованного общества) проникнуты были идеями западного либерализма, вследствие чего история России изучалась не с позиций ее национальных ин-

¹ Ключевский В.О. О русской истории. — М., 1993. С. 205

² Там же. С. 212.

³ Платонов С.Ф. Иван Грозный. — Петроград, 1923. С. 2.

тересов, но с позиций западных, крайне критично настроенных ко всему русскому. Как указывал еще И.Л. Солоневич, события и явления нашего прошлого эти авторы нередко стремились лишь подвести под западные схемы¹. Схемы, согласно коим, писал публицист, «переходы от «старого режима» к «великой революции» либо к «великой демократии» считались «железным законом истории». Что касается собственно русской истории, то образованная публика не видела в ней ничего, кроме:

Хитрость да обманы,
Злоба да насилие,
Грозные Иваны,
Темные Василии»².

Немало было говорено тогда этой же либеральной интеллигенцией (особенно на волне революционного подъема конца XIX — начала XX века) и о рабской психологии русского народа, безропотно терпевшего власть столь деспотичного правителя, каким был (по ее мнению) Иван IV. Так что уже в 1890-х годах Е.А. Соловьев в популярном биографическом очерке «Иоанн Грозный», рассчитанном на самые широкие слои читателей Российской империи, позволил себе вынести следующий, явно не подлежащий обжалованию приговор царю. «Как Государь, — писал историк-литератор, — Грозный совершил величайшее преступление: он развратил народ, уничтожил в нем все героическое, выдающееся, славное»³. (Вот как усиленно готовилось общественное

¹ Солоневич И.Л. Народная монархия. — М., 1991. С. 22, 27—28.

² Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство от Петра I до наших дней. — М., 1997. С. 484.

³ Соловьев Е.А. Иоанн Грозный. — В кн.: Библиотека Флорентия Павленкова. Биографические повествования. — Челябинск, 1997. С. 108.

мнение к грядущим революционным ломкам и потрясениям!..)

Словно под занавес, как один из последних гневных упреков ненавистному режиму, в 1893 г. был поставлен вопрос и о психическом здоровье Ивана Грозного. Некий П.И. Ковалевский, врач-психиатр по профессии, опубликовал специальную работу, в которой, анализируя деятельность государя, пришел к выводам о том, что Иван IV — душевнобольной, параноик с манией преследования¹...

Собственно, не менее чуждая проблемам русской национальной истории советская марксистско-ленинская историография с ее вездесущими «классовыми принципами» не так уж далеко ушла от своей предшественницы в оценке личности, достижений и неудач эпохи правления первого русского царя. Напротив, именно здесь у них обнаружилось наиболее полное, поразительное совпадение взглядов. Даже несмотря на то что в 20—30-е годы XX века было опубликовано много вновь найденных архивных документов, переведены на русский язык и впервые изданы «Записки о Московии» немца-опричника Генриха Штадена, работы историков тех лет, касающиеся времени Грозного, не отличались особенной оригинальностью, во многом лишь подтверждая прежние выводы. В сущности, все, на что они сподобились, — это добавить к навешанному на Ивана IV еще дореволюционными авторами ярлык «трусливого тирана» клеймо «крепостника».

Пожалуй, единственным независимым историком, посмевающим в то сложное время возвысить свой голос в защиту царя и выступить с предельно лако-

¹ Ковалевский П.И. Иоанн Грозный. — СПб., 1901. См также: Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. — М., 1995. Т. 1. С. 3—163.

ничной, но чрезвычайно насыщенной по содержанию книгой «Иван Грозный», был известный исследователь Средневековья Р.Ю. Виппер. Практически впервые он четко и недвусмысленно, без каких-либо смягчающих оговорок высказал мысль о Грозном как о гениальном организаторе и создателе величайшей империи своего времени, благодаря которому Россия и смогла стать именно *Россией*.

Особую значимость точка зрения профессора Виппера, поддержанная и некоторыми другими исследователями¹, приобрела в 40-х годах. Но произошло это отнюдь не только потому, что личность Грозного самодержца уважал красный диктатор Сталин. Причины были значительно глубже. Они заключались в том, что именно тогда, в годы Великой Отечественной войны, сражающейся не на жизнь, а на смерть стране, отшвырнув все марксистско-космополитические догмы, позволено было, как встарь, мобилизовать всю свою историю, всех своих государей-воителей, полководцев, святых мучеников на поддержку общенародного патриотизма, на укрепление воюющего Русского Духа, который один и мог по-настоящему защитить родную землю.

Впрочем, это исключительно вынужденное «идеологическое отступление» допустили крайне ненадолго. Ведь те, в чьих руках находилось тогда (как находится и теперь) манипулирование нашим сознанием, хорошо понимали, сколь опасно было для их власти дать возможность духовно ослепленному народу действительно вспомнить его великое тысячелетнее прошлое. Вследствие этого после окончания войны, а еще точнее, после смерти Сталина, который считал себя в деле защиты русской государственности прямым продолжателем Грозного, советские ис-

¹ См.: *Смирнов И. И. Иван Грозный.* — Ленинград, 1944.

торики вновь послушно вернулись к ортодоксальным марксистским оценкам, едва оставившим место для объективного анализа. Так что в вышедших на протяжении 60—70 гг. довольно многочисленных работах об эпохе Ивана IV А.А. Зимина, а чуть позднее — Р.Г. Скрынникова, несмотря на собранный богатый фактический материал, доминировали все та же привычная «классовая сущность самодержавия», все тот же «противоречивый», «болезненно-вспыльчивый нрав царя-тирана», «половинчатость и незавершенность его реформ»... Так что даже налетевший в середине 80-х шквал обвальных перемен не смог разорвать этот, по сути, замкнутый круг, в котором бьется наше историческое сознание.

Ведь подобно тому, как в начале XX века либеральная критика отечественной истории плавно перешла в критику советскую, точно так же уже на наших глазах советская историческая наука, в одночасье позабыв весь свой марксизм-ленинизм, с не меньшей легкостью трансформировалась в самую непримиримую демократическую критику. К известному еще со времен революционеров-демократов жупелу «Россия — тюрьма народов» лишь добавили новый: «СССР — тюрьма народов». В остальном же все мнения снова теснейшим образом совпали.

Скажем, плодовитый и благополучный советский (в прошлом) историк Р.Г. Скрынников опубликовал в 1993—1994 гг. сразу две книги: «Иван Грозный» и «Царство террора», где опять и опять, на основе искусно подобранных фактов, показывает борьбу Грозного... против особо неугодных лично ему княжат и бояр, против централизации, именно на подрыв (а не на укрепление) которой сработало, по мнению Скрынникова, введение опричнины. Таким образом наиболее бескомпромиссного борца за величие, мощь, целостность и безопасность страны исследо-

ватель вновь представляет читателю отъявленным негодяем, а саму Россию — царством слепо повинующихся власти холопов...

Естественно, столь одиозное мнение о Грозном, господствующее в официальной исторической науке уже не одно столетие, наложило свою тяжелую печать и на российскую беллетристику, по сей день идущую за ней едва ли не след в след, о чем ярко свидетельствует маленькая (карманного размера) книжца известного писателя Эдварда Радзинского «Мучитель и тень», выпедшая в 1999 году. А потому факту этому не стоило бы, пожалуй, даже удивляться, если бы... Если бы не личность автора.

Историк по образованию, драматург, публицист, телеведущий. Своего рода писатель и артист в одном лице, владеющий не только даром художественного слова, но и умением произнести это слово. Способный заморозить, приковать к своим историческим миниатюрам внимание поистине многомиллионной аудитории телезрителей. Казалось, от такого «мастера» можно было бы ожидать все-таки нечто большее, чем заурядное повторение известного, не раз уже сказанного другими. Но... к сожалению, при первом же знакомстве с текстом стало ясно, что автор ни на йоту не отступил от вышеизложенной и по тем или иным причинам общепринятой точки зрения, лишь щедро сдобрив свое повествование откровенным смакованием «ужаса эпохи Грозного». В целом же там рисуется привычная картина «страны поголовного рабства» и не менее привычный образ ее кровожадного царя-«мучителя». Грозному автор противопоставляет его так называемую «тень», его антипод — Дмитрия Самозванца, через 19 лет после смерти царя захватившего московский престол и намеревавшегося (по мнению автора) дать народу-рабу волю, но этим же народом убитого, ибо, как считает

г-н Радзинский, закоснело-холопские «взгляды общества даже Смута не переменяла». Концепция, явно не отличающаяся ни свежестью, ни глубиной психологического проникновения.

Поспешной поверхностью грешит не только общий замысел книги, но и сам ее текст, являющийся, по всей вероятности, всего лишь дословным воспроизведением текста одноименной телепередачи Э. Радзинского. Текста, несомненно, занимательного, театрально-эффектного, но который автор даже не потрудился хорошенько выверить (о чем говорят имеющиеся в тексте досадные опечатки и смысловые оговорки), снабдить хотя бы минимальным научно-справочным аппаратом, так и отправил в набор с легким сердцем (и легкой улыбкой?)... Впрочем, памятуя популярный (а следовательно, как бы ни к чему не обязывающий) характер изложения, вполне можно было бы понять и отчасти простить автору сию небрежность: мол, и впрямь, зачем обыкновенному рядовому читателю какие-то научные сноски? Но... за небрежностью этой г-на литератора к собственному тексту явственно проступает и его небрежность к тому, о чем он пишет, а это, как говорится, уже гораздо более серьезно.

Например, Эдвард Радзинский на странице 22 «ничтоже сумняшеся» сообщает, что «кровавая история татарского ига» на Руси закончилась... «великим стоянием на реке Калке»(!!). Очевидно, для автора не существует никакой особенной разницы между двумя совершенно полярными событиями из нашей истории, к тому же разделенными двумя с лишним столетиями. А ведь именно в этот отрезок времени, точнее, тяжкого безвременья для русской земли — от трагического поражения на реке Калке в 1223 г. объединенной русско-половецкой рати, ставшего горестным прологом к последующему завоеванию Руси

ордами Батыея, и до победного «стояния на Угре» в 1480-м, когда власти этих завоевателей пришел позорный конец, — именно в этот позабытый автором период сформировались почти все те проблемы, которые потом так настойчиво пытался решать (и решал) Иван Грозный, равно как пытались решать их его отец и дед и многие другие русские государи. Возможно, потому и «темна» для Э. Радзинского (по его собственному выражению) «история московских правителей — безликих теней, тускло отраженных в летописях»¹.

Указанная оплошность, случайна она или не случайна, свидетельствует именно об этом. Книжная страничка — не призрачный блеск телеэкрана, она освобождает слово от маски лицедейства, помимо воли автора обнажая его подлинные мысли, то, что хотелось бы ему оставить «за кадром», с изощренной жестокостью высвечивая одни факты и легко, с младенчески-невинной усмешкой «забывая» другие.

А потому, ни в коей мере не стремясь спорить с автором (зачем, ежели сам Эдвард Радзинский твердо убежден, что по традиции русская полемика — «это спор глухих, каждый пишет только о том, что его интересует, старательно не отвечая на конкретные вопросы и доводы оппонента»²), мы всего лишь попытаемся именно **конкретными** историческими фактами дополнить и уточнить его беглую «историческую зарисовку», предоставляя уже самому читателю сделать окончательные выводы.

Причем в ходе этой работы мы будем стремиться, (в отличие от г-на Радзинского) брать за основу не сочинения преимущественно иностранных мемуаристов, которые очень часто дают намеренно пред-

¹ Радзинский Э. Мучитель и тень. — М., 1999. С. 8.

² Там же. С. 63.

взятое представление о России. Главное, мы попытаемся учесть тот широчайший спектр внутренних и внешнеполитических проблем государственного бытия нашего Отечества, среди которых суждено было родиться и жить, над коими думать и принимать решения первому русскому царю. И, уже именно с этих позиций — с позиций реальных исторических условий, с позиций национальных интересов страны — оценивая действия монарха, тем самым хоть на сотую долю приблизиться вместе с читателем к пониманию, кем же был для России царь Иван Васильевич Грозный — великим государем или лишь «мучителем»?..

Но такая задача потребует обращения не только к эпохе Грозного. Чтобы действительно понять истоки личности Ивана IV, как и реальные мотивы поступков этого человека, ныне кажущихся «необъяснимо жестокими», нам с вами, дорогой, терпеливый читатель, придется всмотреться и во времена, предшествовавшие его появлению на свет, и в то, что случилось в России уже после его кончины. Нам придется вспомнить и отдаленных предков царя — великих наследников Владимира Святого, и одновременно сквозь незримую грань столетий заглянуть в глаза его ближайших родственников, его отца и матери, дядей и братьев, его жен и сыновей. Необходимо нам будет шаг за шагом проследить также собственные действия Грозного на русском престоле. Действия его сподвижников и, конечно, его врагов — врагов внешних и внутренних, среди коих пройдут пред читателем такие известные исторические особы, как Андрей Курбский, Стефан Баторий, Антонио Поссевино.

Кстати, последние имена (да и не они одни) принудят нас, погружаясь в глубины русской истории, все же ни на секунду не забывать и о Европе, о ее соб-

ственных проблемах, многие из которых она с завидным постоянством стремилась разрешать либо за счет Руси, либо путем агрессии против Руси. Опираясь на подлинные документы и факты, мы получим возможность присутствовать не только на заседаниях боярской Думы в Кремле. Мы услышим также и гневно-спесивые выступления шляхтичей на коронных сеймах в Польше. Мы проникнем под своды роскошных дворцов Ватикана, где выносила свои страшные приговоры святая инквизиция и где папа римский Григорий XIII лично беседовал с русским гонимым Истомой Шевригиным. Мы увидим кровь как на улицах Новгорода, так и на улицах Тулузы, Савойи, Парижа. А все это, вместе взятое, наверняка позволит нам оценить *реальную* степень «свободы и гуманизма», которая якобы уже тогда существовала в Европе и которую так любят до небес превозносить наши либеральные писатели. Превозносить, противопоставляя этой «свободе» варварские, холопские нравы России.

Наконец, мы пристально взглянем в личности и «деяния» непосредственных преемников Ивана Грозного — Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца. А взглядевшись, попытаемся ответить на вопрос: благодаря чему смог прийти к власти царский шурин Борис? Кто привел на Русь Самозванца? Действительно ли был он для нее счастливым шансом «избавиться от деспотии», войти в семью «христианских народов Европы»? И так ли уж неверно, «по-рабски» поступил русский народ, когда после всех искушений и провалов Смуты он единой соборной волей все-таки восстановил прежнюю форму правления, возведя на престол нового самодержца?

Лишь после этого, может быть, и приоткроются нам потаенные причины... нет, не «кровавых зверств тирана». Причины возникновения *мифа* об этом «ти-

ране». Причины тщательно продуманной клеветы, жертвой которой стал не только великий русский царь, а и вся Россия, уже тогда провозглашенная страной «слепо повинующихся рабов»... Впоследствии таких лживых мифов будет создано еще много, дабы подорвать, разрушить историческое самосознание русского народа. Но миф о «царе-мучителе» оказался в этом длинном ряду самым живучим и занял едва ли не главенствующее место. И значит, именно с ним нам необходимо разобраться в первую очередь. Отправимся же в путь. Ибо всегда дорогу осилит только идущий...

ЕВРОПА И РУСЬ НАКАНУНЕ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Итак, Европе уже «было явлено чудо Нового Света», когда на Востоке, «где обрывалась европейская цивилизация... из загадочной тьмы Азии воздвигался другой «новый свет» — колосс Россия», говорит г-н Радзинский, широкими (хотя и сильно размытыми) мазками набрасывая исторический «фон» своего повествования. Действительно, «чудо» было явлено. «Чудо» открытия Америки, положившее начало неслыханной, невиданной по своей разрушительной, пожирающей все и вся экспансии западноевропейских государств, благодаря которой они в последующие три-четыре столетия покроют, подобно удушающей паутине, едва ли не весь земной шар сетью своих гигантских колониальных империй, неуклонно и педантично высасывая жизненные силы из поработанных народов. Увы, вслед за романтиком-искателем Колумбом, именно неутолимая «жажда быстрой, хищнической наживы вела за море испанских и португальских конкистадоров, сочетавших христианское благочестие с бездушной жестокостью. Захват богатств — золота, серебра, пряностей — всюду был первичной и предпочтительной формой колониальных операций», бесстрастно кон-

стативирует академическое издание «Истории Европы»¹. Всех тех, кто хоть как-то противился их вторжению, эти «бледнолицые» варвары уничтожали самым зверским образом. Как, например, всего только через два десятилетия после открытия Колумба было почти полностью истреблено ими, вымерло или бежало коренное население Вест-Индских островов.

Однако очень скоро на вновь открываемых землях первоначально свободного Американского континента, кроме сугубо военных баз для захвата сокровищ, начали возникать и первые колониальные поселения европейцев гражданского характера, с большими плантаторскими хозяйствами. Эти огромные латифундии требовали обеспечения их рабочей (желательно рабской) силой. А так как превращение в рабов или крепостных гордых и воинственных американских индейцев просто не представлялось возможным, то в 1518 г. от Р.Х. (запомним эту дату, почти на целый век опережающую официальное закрепощение крестьян в России!) «был заключен первый договор «асъепто» о поставке в Вест-Индию выносливых негров-рабов из Африки»².

Но, может, более благополучно обстояли дела в это же время в самой Европе? Опять-таки увы. Пик и постепенный закат блестящей эпохи Возрождения — XV—XVI века — ознаменовались там кровавым террором святейшей инквизиции и не менее кровавыми зверствами начинавшейся Реформации. Вольный, веселый Париж еще ждала дикая Варфоломеевская ночь (1571 г.). Лишь за несколько кратких ее часов там погибнет гораздо больше людей, чем за все вместе взятые годы правления Ивана Грозного в России... Почему-то у нас не принято вспоминать об этом страшном историческом факте, равно как и о

¹ История Европы. — М., 1996. Т. 3. С. 388—389.

² Там же. С. 391.

тех долгих, изнурительных религиозных войнах, что захлестнули тогда европейские страны и ценой неисчислимых человеческих жертв утверждали там «свободу совести». Да и свободу ли?..

Сам «великий отец Реформации» Мартин Лютер, несмотря на весь свой гуманизм и тягу к высшей справедливости, не смог обойтись без насилия ни в действиях, ни в воззрениях. Он считал, например, что для искоренения пороков римско-католической церкви необходим именно м е ч. И в этом даже не было ничего удивительного, особенно после того, как в декабре 1520 г. вступила в действие булла папы Льва X об отлучении Лютера от церкви и по всей католической еще Европе началось массовое сожжение его книг. На сию пропагандистскую акцию он ответил столь же демонстративным сожжением одного из экземпляров папской буллы, а также сборника канонических законов. Война была объявлена, и вызов принят...

Впрочем, пламенно проповедуя необходимость «очищения» церкви и возврата к высоким идеалам раннего христианства, Лютер тем самым, по сути, призывал к ее фактическому уничтожению и формированию иной, более дешевой и... более *послушной* структуры, нежели древняя римско-католическая церковь. Светская (королевская) власть очень скоро уразумела всю огромную выгоду для себя этого движения против католицизма и сумела быстро подчинить его своим собственным интересам. Выход из-под главенствующей духовной власти Рима и массовая конфискация гигантских церковных имуществ в странах, воспринявших Реформацию, сослужили хорошую службу прежде всего для укрепления абсолютистской власти монархов, но никак не для «духовной свободы» в обществе. Например, в 1527 г. король Швеции Густав Ваза на Вестеросском риксдаге добился признания лютеранства *единственно до-*

пустимым вероисповеданием в своей стране, со всеми вытекающими из этого последствиями. Земли, отобранные им при этом у церкви, были розданы поддержавшим его дворянам. Аналогичным образом поступил и сосед Густава Вазы — король Дании Христиан III, провозгласив в 1536 году, что отныне он сам будет руководить проповедью слова божия в своей стране. Отпала от Рима англиканская церковь (1530 г.) и некоторые немецкие земли, входившие в состав Священной Римской империи германской нации. Последняя — слабая, аморфная империя — состояла теперь не только из плохо связанных между собой городов и мелких княжеств, но оказалась разобщенной и в религиозном отношении.

Сама же декларируемая «свобода совести» на деле оборачивалась совсем не тем, чем грезились вначале. Нетерпимость лютеран к инакомыслящим, к людям, оставшимся преданными старой вере, поистине не имела границ. Добившись власти, они начинали свирепствовать не хуже, чем католическая инквизиция с ее кострами и виселицами. Достаточно вспомнить то, как в январе 1522 г. магистрат охваченного Реформацией немецкого города Виттенберга принял решение об искоренении «идолопоклонничества». Осуществление его вылилось в подлинную вакханалию насилия. Изъятие икон из городских храмов и монастырей сопровождалось их немедленным уничтожением, а также жестокими нападениями фанатически разъяренной толпы на монахов и священников. Сам Лютер был поражен действиями своих сторонников и таким, по его собственному выражению, слишком «плотским» пониманием идей Реформации. Уже в марте 1522 г. он выступил со специальным обращением к народу, в котором осудил виттенбергский погром. В этом же обращении Лютер впервые высказал и весьма примечательную мысль о том, что право проводить Ре-

формацию принадлежит исключительно власть имущим, а не народу. Народ же должен пребывать в смирении и покорности..

Весьма любопытно и то, что победившая таким вот образом «свобода совести» насаждалась и укреплялась также очень знакомыми нам методами — методами «промывки мозгов», или «воспитания масс», как будут говорить уже много позже и уже вроде бы совсем другие великие реформаторы.. Главный упор они делали прежде всего на то, что больше всего воздействует на человеческое сознание, его нравственный и интеллектуальный уровень — на систему и содержание образования. Для этого сразу после своего прихода к власти деятели Реформации начинали проводить массовую реорганизацию школ, в том числе и высших. Во *всех* учебных заведениях вводились так называемые церковные визитации (инспекции). Эти визитации, по специально разработанной Лютером программе, призваны были *проверять убеждения и действия* университетских преподавателей, проповедников, низших церковных служащих, от которых требовалось неукоснительное соблюдение предписаний реформационных властей. Первые такие проверки лояльности вновь установленному режиму проведены были в 1526 г. в Саксонии. Высокая «комиссия из теологов и юристов» сначала устроила там описи церковного имущества, а затем тщательно изучила жизнь общин, воззрения пасторов, учителей и... пришла к явно неутешительным выводам, жалуясь в своих отчетах «на *равнодушие* народа ко многим различиям старой и новой церкви»¹. А ведь ни для кого не секрет, что равнодушие, апатия — первый признак разочарования и подавленности духа. Такова была уже от самых своих истоков реальная свобода совести в Европе.

¹ История Европы. Т. 3. С. 281.

Вместе с тем этот мучительный духовный кризис, принявший форму Реформации, вызревал в европейском обществе давно и преодолеть его уже не смог ни стареющий Ватикан, ни светский дублер-соперник Ватикана — Священная Римская империя германской нации. Власть «наместника бога на земле» — папы римского — не имела ни прежней мощи, ни того высокого авторитета, коим обладала она в раннее Средневековье. Едва ли не точно так же и власть германских императоров (Габсбургов), считавших себя главенствующими среди всех прочих европейских монархов, даже в их собственных разрозненных владениях все более становилась чисто номинальной. Религиозный раскол имперских земель был окончательно узаконен в 1555 г., когда несколько немецких князей-протестантов общими усилиями нанесли поражение своему верховному сюзерену — императору Карлу V, и заключенный между воюющими сторонами так называемый Аугсбургский религиозный мир четко зафиксировал: «Чья власть, того и вера».

Иными словами, на глазах у изумленных европейцев только-только будто бы завоеванная ими «свобода» превращалась в подлинное духовное рабство, а дальнейшее развитие Реформации вело к новому противостоянию, новым зияющим трещинам религиозной вражды и ненависти, пролеглими между людьми, народами, государствами, которые удастся (да и то лишь частично) разрешить только столетие спустя — в ходе жесточайшей Тридцатилетней войны 1618—1648 гг...

Между тем именно в начале XVI века европейским странам как никогда раньше необходимо было совсем другое, необходимо было не противостояние, а единство перед все возраставшей угрозой завоевания со стороны молодой, агрессивной империи Османов. Ведь именно к этому времени турки-османы,

покорив уже всю Малую Азию, Грецию, часть Северной Африки и Аравийского полуострова, вплотную подошли к границам собственно европейских стран. Сильный и жестокий враг был уже «при дверях», но занятые политическими склоками европейские государи словно бы не замечали нависшей смертельной опасности. «Европа семейственно резала друг друга» (И.Л. Солоневич), равным счетом ничего не предприняв для спасения последней твердыни гибнущей Византии — царственного Константинополя, павшего под ударами мусульман в 1453 г. С не меньшей легкостью еще раньше были отданы ими на растерзание агрессорам и земли православных восточных славян¹.

В 1475 г. туркам удалось захватить Кафу (Феодосию) — крупнейший порт на Черном море, крупнейший центр работорговли славянским «живым товаром», но об этом речь ниже. Непосредственно же к началу XVI века, после недолгого затишья, турецкие войска под предводительством султана Сулеймана Великолепного возобновили свое наступление на Европу. В феврале 1521 г. они двинулись на Белград — крепость, охранявшую проход к Дунаю. Большого, казалось, допускать было уже неразумно. Но... лихорадочные призывы папы римского к созданию широкой антиосманской лиги европейских государств и совместному вооруженному отпору агрессору так и остались гласом вопиющего в пустыне. Ибо как раз в этом же 1521 г. Европа, затаив дыхание, слушала выступление Лютера на Вормсском рейхстаге, обсуждавшем вопросы Реформации. «Свободной совести» европейцев, очевидно, было совсем не до православных христиан, погибавших под удара-

¹ Уже с 1369 г. под гнетом османов находилась Болгария, с 1459 г. — почти вся Сербия (вот когда зарождалась кровотокающая и сегодня проблема Косова!).

ми кривых сабель янычар... И 28 августа 1521 г. Белград пал. «Путь на Австрию, Германию, Италию был открыт. До Вены оставалось меньше 150 км, до Венеции — меньше 400»¹...

Такова была та «цивилизация», которая, по словам Эдварда Радзинского, «обрывалась на Востоке Европы». Воистину (писатель совершенно прав!), она обрывалась там, где в совершенно других условиях формировался иной мир, с иными идеалами и ценностями, иными разительно отличающимися проблемами и устремлениями. Как писал в самом начале XX века один известный исследователь взаимоотношений этих двух миров (кстати, сам католик, член ордена иезуитов), на исходе XV века «Русь еще не была захвачена воинствующей европейской политикой...»². Что же, взгляды теперь пристальнее и в ее «загадочную тьму». К сожалению, имеющихся в тексте книги расхожих, легких рассуждений автора по сему поводу все-таки явно недостаточно. Рассуждений, например, о России как о стране поголовного рабства, где холопами московского государя-хозяина являлись решительно все — от удельного князя и до простого крестьянина. О том, что именно в силу этой «грозной», всеустрашающей и всеобъемлющей власти, а также в силу честолюбивого замысла стать наследником павшего великого православного царства — Византии — московский князь Иван III в конце XV столетия провозгласил себя «государем всея Руси». Наконец, о том, что именно этот жестко-авторитарный дух Москвы, московской власти, атмосфера рабьего подчинения и преклонения перед ней всех и вся породила Ивана Грозного, проникшегося этим духом с детства, с самых первых прочитанных

¹ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений. — М., 1982. С. 200.

² *Пирлинг П.* Россия и папский престол. — М., 1912. Т. 1. С. 290.

книг и летописей¹... Всего этого, повторим, слишком мало для того, чтобы действительно представить себе давно ушедшую эпоху, жизнь, которая всегда и намного сложнее, и намного проще...

Неумолимая историческая реальность свидетельствует: перед московскими государями конца XV — начала XVI века вовсе не стояли такие глобальные проблемы, как освоение заморских колоний и реформирование церкви на основах рационализма. Сохранить хотя бы те земли, которые имелись, равно как и православие — главную духовную опору страны, сохранить в условиях постоянной военной опасности с востока, юга, запада и северо-запада — вот такая гораздо более скромная задача стояла перед ними. Ведь от колоссального древнерусского государства, занимавшего все пространство великой Восточноевропейской равнины, осталось меньше десятой части — всего около 50 тысяч кв. км «тощего суглинка», по выражению И.Л. Солоневича. Все остальные территории, некогда входившие в единую Киевскую Русь, а именно земли Белоруссии и Украины, собственно русского Смоленского княжества к тому времени уже более столетия как были захвачены западными соседями Руси — Польшей и Литвой. Русское государство все еще испытывало на себе тяжелейшие последствия удельной разобщенности и татаро-монгольского ига, свержение которого произошло (как говорилось выше) только в 1480 г., — всего лишь за 50 лет до рождения Ивана Грозного.

¹ В этом, кстати, Э. Радзинский едва ли не дословно повторяет мнение П.И. Ковалевского. Ср., например: «Прочитанное в книгах он (Иван) захотел применить к себе...» «Начитавшись историй Священного писания, греческих и римских историй, Иоанн захотел быть на московском престоле тем же, чем Давид и Соломон на иерусалимском, Август, Константин и Феодосий на римском...». — *Ковалевский П.И.* Указ. соч. С. 63, 66.

Надо хорошо вдуматься в тот факт, что даже наиболее близкие к Москве города и княжества были так или иначе окончательно присоединены к ней именно на исходе XV столетия, так что, например, отец будущего Грозного царя — великий князь Московский Василий Иванович, принимая в 1505 г. бразды правления, пишет историк, получил в наследство от отца вместе с Вязьмой и Дорогобужем дорогу на Смоленск. «Тем самым Иван III как бы завещал сыну завершить воссоединение русских земель»¹. И сын, несмотря ни на что, пройдет эту дорогу до конца.

Одновременно московский государь, утверждая политическую независимость своей страны от Золотой Орды, в соответствии с практикой международных отношений той эпохи должен был, как официальный глава государства, получить признание со стороны других европейских монархов. Основным моментом этой дипломатической процедуры являлось признание титула государя — в данном случае «государя всея Руси». Первым из русских великих князей, почувствовавших, что у них достаточно накоплено сил, чтобы принять на себя сие высокое и ответственное звание, а еще важнее — отстоять его, был действительно Иван III, родной дед Ивана Грозного. Но шаг этот являлся отнюдь не личной прихотью «властолюбивого правителя», а насущной необходимостью для мудрого политика, которую почему-то посчитал возможным опустить, «не заметить» наш «знарок исторических тайн»... Принятие Иваном III титула «государя всея Руси» «рассматривалось как признание международного престижа всего государства, его права на суверенное существование», подобно тому, как «уже в начале XIV века во Франции было провозглашено: «Король — император в своем

¹ *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. — М., 1972. С. 64.

королевстве», а в начале XVI века Генрих VIII Английский объявил: «Королевство Англия — это империя»¹. Собственно, эти же идеи суверенной, независимой ни от кого внешнего верховной власти государя в своей стране отражал и русский термин *самодержавие*, также вошедший с конца XV века в полный титул русского государя. (Того самого самодержавия, которое позднее либеральная российская историография стала называть не иначе, как «проклятым», очевидно, даже не вдумываясь в первоначальный смысл термина, сведя его к лживому понятию о какой-то сверхгипертрофированной, подавляющей все и вся личной власти монарха.)

Неукоснительно следует этой старой традиции и Эдвард Радзинский, опять-таки даже не вспомнив о том, что, как только Иван III, а вслед за ним и Василий III начали использовать в дипломатической переписке и официальных переговорах не только привычный титул Великого князя Московского, но и Государя всея Руси, это сразу же вызвало целую бурю негодования, резкого противодействия со стороны Польши и Литвы. Ведь там как нигде лучше понимали, что это не простое изменение дипломатических формулировок. Признание за московским правителем титула государя всея Руси немедленно ставило под вопрос все их незаконные земельные приобретения за счет территорий погибшей Киевской Руси. Уже упоминавшийся выше исследователь из ордена иезуитов проговаривается об этих страхах польско-литовской стороны подкупающе просто и откровенно. «Никто не оспаривал, — пишет П. Пирлинг, — Великой Руси у потомков Рюрика и Владимира. Им предоставили спокойно владеть столицей.

¹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 77.

затерянной в глуши лесов. Но прекрасные и плодородные области Малой, Белой и Червонной Руси (Карпаты. — Авт.), бассейн Днепра с древним городом Киевом, по праву(?!!) должны были принадлежать полякам»¹. «Принадлежать полякам по праву», несмотря на тот немаловажный факт, что населявшие эти «прекрасные и плодородные области» «русские, или рутены, принадлежат к той же расе, что и московиты». Несмотря на то, что «оба племени... связывают живейшие симпатии, источник (которой) надо видеть в общности обрядов и веры»².

Отец Пирлинг дипломатично даже не обмолвился в своем многотомном исследовании лишь о том, какому жестокому экономическому, а главное, духовному гнету подвергались в Польском королевстве эти самые «русские, или рутены». Что именно ясно-вельможным польским панам первым принадлежат такие истинно по-европейски «цивилизованные» и «гуманные» определения для украинских крестьян, как «быдло» и «пся кровь» (собачья кровь). О том, наконец, какими зверскими методами насаждался поляками на исконно православных землях Украины и Белоруссии западный католицизм. Между тем как раз потому-то уже малейший рост престижа и авторитета Московского государства и вызывал «ужас» (по словам Пирлинга) у польских королей, что принятие московским правителем титула «государя всея Руси» означало то, что отныне он берет на себя обязанность покровительства и защиты не только собственно московских земель, но и всех тех православных земель материнской Киевской Руси, растащенных, разрозненных, подпавших под иноверное владычество. Программу воссоединения действи-

¹ Пирлинг П. Россия и папский престол. С. 368.

² Там же. С. 389.

тельно *всей* Руси — вот что нес в себе новый титул русского государя, с одним лишь официальным провозглашением которого «могло начаться (и началось! — *Авт.*) массовое отпадение славянских земель от Польши», надежда вернуть каковые, с сожалением констатирует о. Пирлинг, становилась для нее все «менее осуществимой»¹.

Так переплетались внешнеполитические интересы молодого Русского государства с интересами и устремлениями тех православных земель, которые были захвачены его воинственными соседями. Борьба за воссоединение единокровного и единоверного населения этих земель в едином государственном организме Московской державы, борьба за подлинную, а не мнимую, как на обьятом жесткими тисками Реформации Западе, *свободу* вероисповедания для традиционно православного населения Украины и Белоруссии станет одним из основных факторов внешней политики России XVI века, одним из основных, но не единственным.

Дело в том, что едва окрепшая после тяжелейшего татарского ига Московская Русь мгновенно стала центром притяжения и, если можно так сказать, центром духовной надежды не только для тех народов, которые выпестованы были в колыбели древнего Киева. Нет, здесь, на Востоке Европы, в отличие от расколотого Реформацией Запада, именно религия — древнее ортодоксальное христианство (православие) стало главной объединяющей силой для народов этого региона, главным знаменем их борьбы против наступающей Османской империи. Но, как уже отмечалось выше, к концу XV века почти все народы юго-востока Европы были покорены турецкими войсками, включая крупнейший исторический

¹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 389.

центр православия — Константинополь, где с древнего прекрасного храма Святой Софии завоевателями был свергнут крест и водружен полумесяц (остающийся там и поныне), а сам храм обращен в мечеть. С того момента все утратившие собственную государственность греки, болгары, сербы с надеждой смотрели только на Московскую Русь — единственную православную страну, отвоевавшую собственную независимость. Оплотом и защитником мирового православия для них справедливо становилась теперь именно Москва, от которой они, подобно единоверным братьям в Белоруссии и Украине, тоже ждали помощи.

Эту общую боль и общую надежду всего православного славянства и выразил старец Филофей из псковского Елизарова монастыря, создавая свою знаменитую теорию о «Москве — третьем Риме». Обращаясь с посланием к Василию III, он писал о богоустановленном единстве всего христианского мира, о том, что первым мировым центром был Рим старый, «Великий», который, по многим грехам, не сберег чистоты веры и впал в ересь католицизма; за ним возвысился Рим новый — Константинополь, также по многим грехам нарушивший истинное православие, за что попущением Божиим и оказался под властью «неверных». Ныне же на их место встает третий Рим — Москва, а четвертому не бывать¹.

О том, что подобные заявления вытекали из реальных исторических событий и являлись плодом их глубокого осмысления, а не каких-то фантастических экспансионистских замыслов Кремля, как это выходит по г-ну Радзинскому, о том, что Москва действительно была последней надеждой на избавление

¹ См.: *Замалеев А.Ф.* Философская мысль средневековой Руси. — М., 1987. С. 180—181.

и действительно оказывала помощь порабощенным славянам, свидетельствуют все те же исторические факты. Так, в 1509 г. к великому князю Василию III прибыла из Сербии целая делегация. Посланцы белградского митрополита Феофила и деспотицы Ангелины, жены ослепленного и убитого турками последнего сербского деспота (царя) Стефана, просили московского государя оказать Белградской митрополии материальное вспомоществование, стать ее официальным покровителем ввиду того, что сербские правители утратили независимость и не могут более материально поддерживать церковь¹. В ответ на эту отчаянную просьбу в Сербию незамедлительно были отправлены богатые пожертвования, точно так же, как отправляли их еще задолго до Василия III его предшественники — в Белград, в Тырново и даже на далекий Афон в Греции. Не случайно один итальянский автор писал в 1575 г.: «Все народы Болгарии, Сербии, Боснии, Морей и Греции поклоняются имени великого князя Московского, так как он принадлежит к тому же самому вероисповеданию, и не надеются, что их освободит от турецкого рабства чья-либо другая рука, кроме его»².

Ведь помимо чисто материальной поддержки, оказывавшейся Московской Русью православным народам Балкан, пожалуй, не менее важными и обнадеживающими были собственные военные победы Руси в борьбе с общим их врагом — Османской империей. Выше нам уже пришлось упомянуть о том.

¹ О Стефане и Ангелине см.: *Стојановић Л.* Стари српски хрисовули, акти, биографије, летописи. Книга III. — Београд, 1899. С. 42-43. О том, как обращались с подобной же просьбой уже к Ивану IV монахи сербского Хиландрского монастыря на Афоне (Греция), — см. там же. С. 46—48.

² *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М., 1969. С. 83.

что, захватив в 1475 г. Кафу, туркам удалось подчинить своему влиянию Крымское ханство — осколок распавшейся Золотой Орды. Для Руси на протяжении всего XV века не существовало более страшного бедствия, чем нашествия крымчаков. Теперь же, когда за спиной Крыма встали Османы, сила и опустошительность этих набегов возросла многократно, ибо происходили при прямой военной поддержке Стамбула... Это весьма тяжелое положение на южных границах Руси многократно усугубилось в начале XVI века тем, что в это время в сферу влияния турецкого султана был вовлечен еще один далеко не мирный сосед Московского государства на востоке — Казанское ханство. Так же, как и Крымский улус, Казань являлась осколком могучей некогда империи Чингисидов. Так же, как и Крым, Казань еще в середине XV века, выйдя из-под контроля Сарай-Берке — столицы распадающейся Золотой Орды, взяла курс на укрепление собственной государственности. И так же, как и Крым, молодое, агрессивное это Казанское ханство быстро переняло роль Золотой Орды как главного поставщика славянского «живого товара» на невольничьи рынки Османской империи и всего Средиземноморья. Историком подсчитано: 20 000 рабов ежегодно выставляла Турция на эти рынки, а значит, бесперебойно работали перевалочные торжища Казани и Кафы. Продажа «русского полона», захватываемого путем больших и малых, объединенных и порознь, но совершавшихся почти ежегодно нашествий на Русь Крыма и Казани, стала для них основной статьей дохода. Так что, действительно, «надо было жить в то время» (говоря словами Э. Радзинского), чтобы ощутить весь ужас того положения, когда над русскими полями в любой момент могло вдруг раздаться дикое «ржанье татарских коней — голос набега, за которым следовали кровь, пожары и рабство». Вот

только сам господин автор, лишь мимоходом и изредка допуская в тексте такие краткие реалистические зарисовки, словно бы не понимает (или не желает понять) это положение до конца. Словно бы не знает (хотя факты известны и общедоступны), какие титанические усилия требовались от Московского государства, чтобы сдерживать этот постоянный огненный натиск на свои южные и восточные рубежи. В отличие от насмешливого знатока «исторических тайн», эту героическую, тяжелую и во многом неравную борьбу Руси с татарско-турецкой агрессией хорошо знали и понимали, например, те же безымянные сербские хронисты, на данные которых мы уже ссылались выше. Надо лишь раскрыть их предельно краткие, лаконичные записи, и сразу будет видно, что они пестрят сообщениями о Руси. Что, несмотря на гигантские, по тем временам, расстояния, лежащие между Балканами и Москвой, сербские летописцы были прекрасно осведомлены обо всем, происходившем на Руси и вокруг нее. А сам живой, искренне сопереживающий тон этих записей ясно говорит о том, что их авторы воспринимали борьбу и победы Руси как свои собственные, как общую борьбу славян против общего врага.

Даже официально-бесстрастная «История Европы» вынуждена констатировать: «В первые десятилетия XVI века политика Крыма окончательно определилась как откровенно враждебная России, симптомом чему стал произошедший в 1505 г. под влиянием Крыма разрыв мирных отношений с Москвой казанского хана Мухаммед-Эмина»¹, сопровождавшийся жестоким погромом и резней, учиненными в Казани над многочисленными русскими торговыми и дипло-

¹ История Европы. Т 3. С. 418.

матическими представителями¹. Наконец, в 1521 г. на казанский престол с крымской помощью возведен был Сагиб-Гирей, брат крымского хана Мухамед-Гирея, **и в тот же год оба брата вместе** со своими объединенными войсками, одновременно с юга и востока совершили нападение на русские земли. По Руси пронесся печально знаменитый «крымский смерч», когда, казалось, вновь вернулись самые худшие времена татарского ига. Братья-ханы подступили непосредственно к самой Москве, избрав своей резиденцией Воробьевы горы, где пили мед из великокняжеских погребов, в то время как буквально все близлежащие окрестности объаты были пламенем пожарищ, а в самом городе уже начиналась паника от огромного скопления беженцев. Василий III вынужден был начать с захватчиками переговоры и подписать унижайшую грамоту, согласно которой он признавал свою зависимость от Крымского ханства и обязывался выплачивать ему ежегодную дань «по уставу прежних времен», как платила Русь ханам Золотой Орды. Правда, благодаря мужеству и самоотверженности русского воеводы И.В. Хабарова горькую эту грамоту очень быстро удалось вернуть². Но полон все же в результате нашествия был захвачен казанцами и крымцами очень большой, и они начали отступать, ибо, как пишет историк, «их отряды способны были только к грабежу беззащитного населения во время кратковременных рейдов, после которых они возвращались с полоним в Крым»³.

Бог знает как бы продолжалось и какой еще крови стоило Руси сие успешное военное взаимодействие двух братьев, не случись в 1523 г. неожиданной гибели

¹ Худяков М. Очерки истории Казанского ханства. С. 61.

² Зимин А.А. Указ. соч. С. 245.

³ Там же. С. 247.

ли Мухаммед-Гирея в стычке с Ногайской ордой. Лишившись поддержки Бахчисарая, казанские верхи (состоявшие на тот момент в большинстве своем именно из знатных крымских выходцев), видимо быстро осознав всю неуверенность и шаткость своего положения, начали срочно искать себе новых покровителей — уже в самом Стамбуле. Без всякого промедления в том же 1523 г. хан Сагиб-Гирей «заложился» за турецкого султана Сулеймана, т.е. передал ему свои полномочия суверенного правителя и сделал Казань вассалом Османской империи. В обмен на государственную независимость своего ханства Сагиб-Гирей просил прислать ему войска янычар и артиллерию...

Разумеется, Кремль был прекрасно осведомлен обо всех этих переговорах, явно не обещавших ничего хорошего для Руси. Турецкому послу в Москве был даже заявлен официальный протест... Кроме того, как бы упреждая агрессивные замыслы Казани, Василий III (едва оправившись после «крымского смерча») совершил в 1523—1524 гг. два больших похода на Волгу, в результате которых по его приказу на самом русско-казанском пограничье был срублен мощный город-крепость Васильсурск — для наблюдения и защиты государственных рубежей. Тогда же, в целях безопасности своего купечества, русские власти потребовали у казанцев согласия на перенесение главного торгового и ежегодной общеволжской ярмарки из Казани в Нижний Новгород. Этими жесткими мерами Василий III веско давал понять, что отныне решительно намерен не только обороняться, но и наступать. И Казань дрогнула, согласившись на его требования. Увы, ей не помог даже турецкий протекторат... Весной 1524 г., вызвав из Крыма своего 13-летнего племянника Сафа-Гирея и оставив его вместо себя в Казани, хан Сагиб-Гирей просто сбе-

жал в Стамбул (якобы договариваться о помощи), однако в своих владениях так больше никогда и не появился¹ ..

Но объяснялась эта вроде бы неожиданная податливость (а равно и самая обыкновенная трусость) верхов ханства не столько даже военным нажимом Москвы, сколько внутренней политической нестабильностью, царившей в самой Казани, разобщенностью интересов ее феодальной знати. Полностью оправдывая свое название — «кипящий котел», «казанец», — столица ханства постоянно бурлила, сотрясаемая борьбой самых разных феодальных кланов и группировок. Две наиболее могущественные из этих соперничавших «партий» исследователи условно называют «военной» (Восточной) и «мирной» (Русской). Первая, состоявшая, преимущественно из крымских выходцев, стремилась исключительно к продолжению войн с Русью и работоторговле с Востоком.

Социальная база и общая направленность второй «партии» была значительно шире, ибо она объединяла уже многие местные татарские знатные роды, которые являлись довольно крупными землевладельцами и в силу этого тяготели к спокойным, мирным отношениям с крепнущей Русью. Естественно для такой ситуации, что приход к власти представителей то одной, то другой из двух этих противоборствующих политических сил (а при малолетнем хане-марионетке Сафа-Гирее заговоры и перевороты были делом обычным) влек за собой немедленную смену политического курса, в силу чего казанцы то слали в Москву велеречивые заверения в «вечной дружбе»,

¹ Уже в 1532 г. Сагиб-Гирей станет по назначению турецкого султана крымским ханом. См.: Худяков М. Указ. соч. С. 93.

«то принимали на трон крымских Гиреев и выступали вместе с ними против Российского государства»¹. Вопрос о мире на юго-восточных границах Руси, таким образом, опять и опять оставался открытым...

Что могло противопоставить этой неослабевающей ни на миг внешней угрозе Русское государство? Вернее, русский народ, от которого тяжелейшие условия его исторического бытия требовали постоянного напряжения всех физических, материальных и духовных сил? Только максимально сплоченную государственную власть, способную организовать и обеспечить защиту страны. Иными словами, власть, действительно «подчиняющую отдельные интересы интересам целого»². И такая власть была создана, оформленная в систему самодержавия, своеобразную «диктатуру совести», как много позднее определял ее великий русский философ Владимир Соловьев.

И.Л. Солоневичу в книге «Народная монархия» удалось блестяще показать, что система эта в основных своих чертах сформировалась еще в древнем Киеве, которому также приходилось вести почти непрерывные оборонительные войны. Там власть концентрировалась в руках одного правителя — великого князя, «единодержца», по выражению киевских книжников. И пока держалась эта сильная великокняжеская власть, держалась и Киевская Русь, поочередно разгромив наседавший на нее Хазарский каганат, Византийскую империю, поляков, печенегов, половцев.

Однако, уже в XII веке эта система власти была расшатана и уничтожена феодализировавшейся на западноевропейский манер княжеско-боярской аристократией. Развязав удельные распри, беспредел ко-

¹ История Европы. Т. 3. С. 419.

² Солоневич И.Л. Указ. соч. С. 85

торых в первую очередь и больней всего ударил, конечно же, по народным массам, она очень быстро привела страну к раздроблению, потере обороноспособности и гибели.

Рождение новой, Владимиро-Суздальской, а затем Московской Руси и началось-то, собственно, с возрождения прежней, испытанной формы правления. Началось благодаря исключительно народной поддержке. Как подчеркивает И.Л. Солоневич, первый русский «самовластец» Андрей Боголюбский, уйдя из ослабевшего, ставшего постоянным «яблоком раздора» Киева во Владимир, в своей нелегкой борьбе за новое объединение и упорядочение власти в стране опирался отнюдь не на боярство, а на простого мужика, на посадское население Владимира, «мизинных людей» земли Русской. «Государственные способности Андрея Боголюбского выразились прежде всего в том, что он перенес свою ставку туда, куда это было нужно...», «перенес резиденцию во Владимир, где не было (еще) никакой аристократии, где жили «смерды и холопы, каменосечцы и древоделы, и орачи». Не забудем, что незадолго до этого, в 1073 г., все эти смерды, древоделы и орачи поднимали восстание против боярской аристократии и что, следовательно, Андрей Боголюбский действовал далеко не случайно...»¹.

Всецело на стороне народных интересов стояла и православная церковь, всегда поддерживавшая сильную государственную власть в России. Да будет известно г-ну Радзинскому (ежели он этого не знает или опять-таки случайно запамятовал), что уже с первых десятилетий после принятия Русью христианства именно православное духовенство начало глубинную разработку теории божественного про-

¹ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 285.

исхождения власти — идеологической основы великокняжеского единоподержавия. Опираясь на Библию, именно православные книжники древнего Киева, а отнюдь не Иван Грозный (как это пытается показать маститый литератор), впервые на Руси заговорили о том, что власть дается богом. Что государь на земле — лишь слуга божий, лишь временный распорядитель этой власти, а значит, и ответчик перед ним за порученную страну, людей.

Именно такое понимание власти — власти как **служения**, как морального долга государя перед богом и подданными, пронзительнее всего высказанное в знаменитом «Поучении» своим наследникам великим князем Киевским Владимиром Мономахом, родным дедом Андрея Боголюбского¹, — стало основным для всех последующих законных русских государей. Оно в корне отличало их от европейских королей и императоров, являвшихся прежде всего ставленниками (а зачастую и заложниками) своей собственной аристократии, почти всегда выполнявших только ее волю. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить те гордые слова, с которыми арагонская феодальная знать веками возводила на престол своих королей: «Мы, которые стоим столько же, сколько и вы, и которые можем больше, чем можете вы, мы назначаем вас нашим королем и сеньором при том условии, что вы будете соблюдать наши привилегии. А если нет — нет»². А ведь с подобными же условиями избирались короли и на шляхетских сеймах в Польше, и в некоторых других европейских го-

¹ Здесь уместно напомнить, что Андрей Боголюбский остался в народной памяти и летописях главным образом как князь, славный не ратными делами (чего, впрочем, тоже имелось у него предостаточно), но который «был любим всеми за премногую добродетель, юже имяще прежде к богу и ко всем сущим под ним»...

² *Солоневич И.Л.* Указ. соч. С. 77.

сударствах того времени. Мнением простонародья там, разумеется, никто не интересовался. Всевозможные права и вольности феодальная знать отвоевывала у королевской власти прежде всего для себя. Равно как для себя добивалась (и добилась) она закрепления за своими земельными владениями статуса неприкосновенной частной собственности, одновременно освободившись от всяких обязательств по отношению к государству, в первую очередь — от несения воинской службы, которая и была раньше единственным основанием для владения земельным поместьем¹.

На Руси же было иначе. У нас в силу крайне жестких объективных причин главным хозяином земли остался великий князь. Он служил своему государству сам и обязывал служить ему (а следовательно, и себе как главе этого государства) всю знать, независимо от степени родovitости и богатств той или иной фамилии, независимо и от титула — княжеского ли, боярского, что особенно, чувствуется, раздражает г-на Радзинского. Однако все же как раз поэтому, а не по причине пресловутой рабской холопией психологии (как настойчиво пытается убедить читателя автор), и ответил один из вельмож Василия III германскому послу (в тексте книги названному просто «путешественником») барону Сигизмунду Герберштейну: «Мы служим Государю не по-вашему...»

Естествонно, что служить *так* соглашались далеко не все и не сразу. Борьба московских государей с удельно-княжеской оппозицией шла на протяжении всего XV века и была отнюдь не более кровавой и мучительной, нежели аналогичная по смыслу борьба за создание централизованных национальных госу-

¹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. С. 14.

дарств, развернувшаяся в это же самое время, например, во Франции и Англии, других странах. Леденящие душу ужасы и зверства этой эпохи европейской истории общеизвестны. А потому... а потому в высшей степени надуманно и неубедительно звучат высокопарные рассуждения Эдварда Радзинского о том, что «великая власть убивает», и следующее за этим театральное оплакивание им «бесчисленных потомков Рюрика», ставших «жалкими подданными, боярами на службе московских князей». Вряд ли господин публицист не ведает, что и при гораздо меньшей власти, чем та, какая имелаась у великих князей на Руси, старую феодальную аристократию Европы на исходе Средневековья постигла, в сущности, такая же участь, что и древние княжеско-боярские кланы в России XIV—XVI веков, — их отпрыски либо погибли, пав жертвами прежде всего своего собственного удельного эгоизма, либо все-таки вступили на службу, смешавшись с более низкими слоями господствующего слоя.

Между тем, если раскрыть даже монографии неоднократно цитируемого Радзинским либерально настроенного историка А.А. Зимина, то из приводимого им фактического материала сразу становится ясно, что все действия, предпринимаемые великими князьями московскими против удельной вольницы зачастую своих же кровных родственников Рюриковичей, всегда были предельно обоснованными, имели характер отнюдь не деспотического произвола ничем не ограниченной власти, но строго выверенной политики, направленной на защиту интересов Русского государства. Так, взять хотя бы наиболее близкий к рассматриваемому нами времени пример — ликвидация государем Василием III (отцом Ивана Грозного) последнего полунезависимого удела на южном пограничье молодой Московской дер-

жавы — Новгород-Северского княжества, во главе которого стоял тогда знаменитый князь Василий Шемячич.

Выше мы уже имели случай упомянуть, сколь тревожным было это пограничье для всей Руси в целом ввиду постоянной угрозы нашествий из Крыма. Оно требовало особенно надежной защиты. Но, как пишет А.А. Зимин, «действенная оборона на юге была невозможна без ликвидации княжества Шемячича», ибо в столицу неоднократно приходили известия о том, что удельный князь «собирается изменить Москве, сносится с Сигизмундом (королем Польши) и литовской знатью». Особенную же «опасность представляло то, что новгород-северский князь находился в постоянных самостоятельных сношениях с крымским ханом. Во время набега Мухаммед-Гирея на русские земли («крымский смерч» 1521 г.), **Шемячич ничего не сделал ни для того, чтобы предупредить Василия III о грозящей беде, ни для того, чтобы ее предотвратить.** Это фактически решило его судьбу»¹. В апреле 1523 г. он был приглашен в Москву, арестован и заточен. Кстати, историк не преминул добавить в связи с этим и такое любопытное свидетельство летописи: как раз «во время въезда Шемячича в город какой-то юродивый ходил по улицам с метлой и лопатой, объясняя свое странное поведение тем, что «теперь настает удобное время для метения, когда следует выбрасывать всякую нечисть». Метла позднее сделалась символом опричников, которые считали своей целью выметание измены из Русского государства»². Комментарии тут, наверное, излишни...

¹ Зимин А.А. Указ. соч. — М., 1972. С. 254—256.

² Там же. С. 254—256.

Все эти обширные, но необходимые предварительные замечания, думается, уже дают читателю представление (напрочь отсутствующее в книге г-на Радзинского) о том, какими проблемами жила Русь накануне воцарения Ивана Грозного, в каких непростых условиях приходилось действовать его непосредственным предшественникам. Вглядимся же теперь внимательнее в лица и души хотя бы нескольких из тех реальных людей, кто стоял у его младенческой колыбели. Конкретные, как ведется, очень сложные их судьбы тоже могут многое поведать и объяснить...

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА У ЦАРСКОЙ КОЛЫБЕЛИ

В 1525 г. Василий III развелся со своей первой женой по причине ее «неплодства».

«Отец Ивана заточил жену в монастырь и женился на дочери литовского вельможи, переехавшего, точнее, перебежавшего от польского короля к московскому правителю» — так упрощенно, одним слегка язвительным штрихом передает Эдвард Радзинский этот весьма непростой для любого политического деятеля (как, впрочем, и для любого обыкновенного человека) факт развода и вторичной, довольно поздней женитьбы, соединивший в себе интересы очень многих незаурядных личностей и даже государств. Оставим это на совести автора, как и его ироничные усмешки над словами летописи о том, что Василий III подолгу с тоской смотрел на птичьи гнезда, полные птенцов. Детей у князя и его первой супруги Соломонии Сабуровой действительно не было. И это несчастье было несчастьем не только лично великокняжеской семьи, но и всей едва окрепшей страны в целом, которой отсутствие у государя наследника грозило новым падением в хаос феодального безвластия...

А ведь, опираясь на те же скупые летописные строки, и через века доносящие до нас человеческую

боль, можно было бы сказать совсем иначе. Можно было бы предположить, что великий князь просто очень любил Соломонию. И просто ждал, надеялся, не разводясь с ней ни через год, ни через пять, ни через пятнадцать лет после того, как, собственно, и обнаружилось ее «неплодство». Разумеется, тяжкие мысли о преемнике не покидали его никогда. Как глава государства он обязан был готовить себе надежную смену. И таким преемником, считают многие историки, Василий долгое время видел выросшего в Москве брата казанского хана Мухаммед-Эмина — царевича Худайкула (или Кайдулу), принявшего в св. крещении имя Петра. Еще в 1506 г. с целью налаживания добрых отношений с воинственной Казанью за этого татарского царевича была выдана замуж 14-летней сестра Василия — княжна Евдокия Ивановна. Возможность возведения царевича Петра на московский престол была столь реальной, что, уходя в 1509 г. в поход на мятежный Псков, бездетный Василий написал завещание, согласно которому в случае его гибели престол должен был наследовать именно татарский царевич. И это решало не только проблему преемника. Исследователь отмечает, что подобный шаг русского государя представлял «существенный интерес для борьбы за решение казанской проблемы. Назначение царевича Петра наследником... создавало возможность *мирного* (выделено нами. — Авт.) воссоединения России и Казани в единое государство»¹, а следовательно, и избавление от многолетних кровопролитий на восточных границах... Но в 1523 г. царевич Петр неожиданно скончался. Его похоронили в старинной **великокняжеской** (значит, действительно как наследника престола!) усы-

¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 298. О царевиче Петре см. также: Илювайтский Д.И. Царская Русь. — М., 2002. С. 6.

пальнице — Архангельском соборе Кремля. Вопрос о наследнике вновь оказался открытым, и медлить было уже нельзя: Василию перевалило далеко за сорок — по тем временам старик.

Взгляни автор книги на эту грустную историю именно с такой, чисто человеческой точки зрения, и ему не пришлось бы умалчивать (во многом психологически обедняя свое повествование) об остальных, очень примечательных обстоятельствах развода великого князя, характеризующих, как далеко непросто далось ему окончательное решение. Например, о том, что еще в августе 1525 года они с Соломонией ездили «в объезд» — небольшое путешествие по Подмоскovie, с посещением Волоколамска и Можайска. Следовательно, почти до самого последнего момента супруги были вместе. Вместе после двадцати восьми лет...

...Тогда стояли, видимо, последние погожие дни и солнце, вечерними зорями, словно прощаясь, подолгу ласкало землю длинными косыми лучами. Прозрачная даль полей, слегка тронутая багрянцем опушка ближнего леса, звенящая синева небес... что могли говорить друг другу Василий и Соломония посреди этого печального великолепия наступающей осени? Да и кто из них говорил — говорил тихо, утешающе, как мать, а кто лишь сидел понурясь и сгорбившись, пряча редкие мужские слезы в седеющей бороде, — этого мы не знаем. Тайна сия навеки осталась только *их* тайной. Она не могла попасть и не попала на страницы официальной летописи, совершенно естественно приписавшей всю инициативу великому князю, мужчине... Но хорошо ведь известно, что помимо государственной хроники на Руси составлялось и велось еще большое число других, как бы параллельных летописей, которые порой высвечивают то или иное событие с вовсе не ожидаемой

стороны. Только привлечение и сопоставление их общих данных позволяет наиболее полно восстанавливать картины минувшего. В вопросе о разводе великого князя Василия Ивановича такое дополнительное свидетельство (не учтенное Э. Радзинским) тоже есть. Например, «в кругах митрополита Даниила писали, что сама Соломония, «видя неплодство из чрева своего», просила разрешить ей принять постриг. Василий долго сопротивлялся этому, но после того, как Соломония обратилась к митрополиту, вынужден был согласиться на ее просьбу»¹. Именно соединив эти два разных сообщения — о последней совместной поездке супругов и о собственном желании великой княгини уйти в монастырь, которое она, вероятно, высказала как своему личному духовнику, так и самому митрополиту, со всей очевидностью рисуют перед нами не деспотичного князя-варвара и его безропотную жертву-жену, которую он при первой же необходимости спровадил подальше от себя, чтоб не мешала... Нет, предельно строгие, тысячи раз выверенные монахами-летописцами строчки открывают нам *живых* людей, любящих, преданных, сознающих свой долг перед богом и перед друг другом...

Именно эти святые во все времена человеческие чувства подвигли великую княгиню Соломонию совершить шаг благородный и сильный, в мельчайших своих чертах так совпадающий с извечным образом русской женщины, всегда готовой к боли и самопожертвованию. Она решила уйти сама, чтобы освободить место той, которая могла дать больше. Которая могла дать сына великому князю, а значит — будущее Русской земле. В спасительности такого исхода (пусть очень горького для них обоих) Соломонии удалось окончательно убедить Василия тем самым

¹ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 295.

тихим прощальным августом 1525 года, во время их последнего совместного путешествия. В октябре великий князь отправился «в объезд» уже один...

Ну, а кто же, какого рода была та, которой судилось стать счастливой преемницей Соломонии? История ее, «дочери литовского вельможи, переехавшего, точнее, перебежавшего от польского короля к московскому правителю» (по иронично-пренебрежительному определению Э. Радзинского), как и ее знаменитой на всю тогдашнюю Европу старинной шляхетской фамилии, тоже заслуживает большего внимания, чем это удосужился сделать господин публицист.

Елена Глинская...

Крупнейшие земельные магнаты Польско-Литовского королевства — князья Глинские — перешли на службу к московскому государю как вожди и военные руководители широкого народного движения в защиту православия, развернувшегося в самом начале XVI века на территории Украины и Белоруссии, подвластных Польше и Литве. Самого известного из них, Михаила Львовича Глинского, в советской исторической литературе принято было называть не иначе как «авантюристом». Отчасти это соответствовало действительности, отчасти нет. Нелишне ведь вспомнить, что как раз духом этого самого авантюризма, духом неумных страстей и самых головокружительных замыслов, была пропитана в те времена вся возрожденческая Европа. И Михаил Глинский, блистательный и дерзкий шляхтич, человек, по словам историка, «незаконной воли, огромного честолюбия и энергии», не мог не быть плотью от плоти этого Нового мира, рождавшегося в разнузданности и блеске европейского Ренессанса. Хотя, наверное, не только его...

Еще в юности князь Михаил (барон Герберштейн именует его на западный манер «герцогом») 12 лет

провел в Италии. В 1489-м он уже на службе у правителя одного из немецких княжеств, курфюрста Альбрехта Саксонского, в армии которого прославится своей отчаянной храбростью. Затем наступит черед Франции, Испании¹. Домой после всех этих далеких странствий он вернется лишь в начале 90-х годов XV века, однако и там не успокоится, засев в родовом имении. Очевидно, его беспокойная, ищущая душа — душа человека эпохи Возрождения, — всегда жаждала кипучей деятельности, славы, богатств, наконец, удовлетворения самых невероятных политических притязаний. Впрочем... властные амбиции еще молодого, полного энергии (в отличие от иных заплывших жиром вельможных панов) князя Глинского были не столь уж безосновательны. Блестящий, европейской выучки дипломат и не раз испытанный на полях сражений воин, он всего лишь за несколько лет сумел сделать головокружительную карьеру при дворе короля Александра, став там одной из самых влиятельных фигур. С 1499 г. Михаил Глинский — «маршалок дворецкий», т.е. глава королевской придворной гвардии², в 1501—1505-м — наместник Бельский, в то время как один его родной брат, Иван, являлся воеводой Киевским, а другой, Василий (отец будущей великой княгини Елены), держал в своих руках староство Берестейское. Практически почти половина великого княжества Литовского оказалась под властью Глинских. «Поговаривали даже, что сам король Александр все свои решения принимал только с согласия Глинского. Победа над крымскими татарами под Клетцком, которую одержал князь Михаил за две недели до смерти Александра, укрепила его положение при

¹ *Бестужев-Рюмин К.* Русская история. — СПб., 1885. Т. 2. С. 177.

² Там же. С. 177—178.

дворе. Но она же вызвала и все возраставший прилив страха у противников князя»¹ — католической польско-литовской шляхты, не желавшей усиления политического влияния православной знати. Именно этот страх — страх перед растущим авторитетом Михаила Глинского, который после смерти Александра 19 августа 1506 г. уже даже не скрывал своего намерения попытаться занять опустевший престол, повторим, именно этот страх заставил католическую шляхту сплотиться вокруг единого кандидата и поспешить с выборами...

20 октября 1506 г. великим князем Литовским был избран младший сын польского короля Казимира Ягеллона — Сигизмунд I Ягеллон, ставший в январе 1507 г. также и королем Польши. Ревностный католик, Сигизмунд с первых же дней своего правления попытался возродить прежнюю политику отца — политику резкой конфронтации с Русью. Отправив в Москву специальное посольство, он потребовал возвращения Польско-Литовскому государству земель Новгород-Северского княжества, утраченных им в результате поражений 1503 г., на что русская сторона твердо и неуклонно отвечала: «Вся земля Русская государева вотчина». Новая война, таким образом, оказывалась неизбежной.

Одновременно с этими откровенно враждебными действиями против Руси Сигизмунд начал новые гонения на все православное население Литвы, коим подверглись как низшие, так и высшие его слои. Опала постигла самих Глинских: немедленно по воцарении Сигизмунда I князь Михаил был лишен им звания «маршалка дворецкого», а у Ивана Глинского отобрали Киевское воеводство. И это было ошибкой, которую Сигизмунд поймет лишь

¹ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 85.

много позднее. Могущественный клан не потерпел такого оскорбления...

С первых же дней военных действий, начатых королем против ненавистной ему Московии, внутри Литвы, на территории Восточной Белоруссии, возник так называемый «заговор Глинских», т.е. «сильной группировки противников войны с Россией под руководством князя Михаила Львовича Глинского, объединившего других князей православного вероисповедания, организовавших в районе Минска — Борисова — Орши нечто вроде партизанского повстанческого округа, готового ударить с тыла литовских войск и помочь наступающим с востока московским полкам. Это сильно сдержало развертывание литовских наступательных операций»¹, ставя Сигизмунда перед угрозой войны сразу на два фронта. Как довольно часто случается в истории, ущемленное самолюбие оказавшегося не у дел политика резко толкнуло Михаила в сторону оппозиции, и давно назревавшее недовольство широких масс простонародья духовным гнетом католицизма мгновенно подхватило, вознесло его на самый гребень волны своего протеста, сделав опального князя-герцога главным предводителем движения в защиту православия².

Но, к сожалению, ввиду распутицы русские войска, «двинутые на поддержку Глинских к Минску, сильно запоздали, и выступление в тылу литовских войск было жестоко подавлено. Руководителям повстанцев

¹ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 11, кн. 1. — М., 1995. С. 367.

² Хотя до этого сам Михаил Глинский вовсе не чужд был религиозной терпимости, точнее, религиозной всеядности, столь свойственной европейскому Возрождению, и во время своего продолжительного пребывания в Италии даже принял католичество. Многие годы спустя, находясь уже в России, он сочтет необходимым искупить этот грех юности и вернется к вере отцов...

М.Л. Глинскому, Д.Ф. Бельскому и другим пришлось бежать в Москву, оставив уделы и имущество...»¹. Уже в мае 1508 г. Василий, Иван и Михаил Глинские принесли присягу на верность русскому государю. «Перебежчики»?.. Что же, в наивном просторечии (вслед за г-ном Радзинским) действительно можно назвать так целую группу ушедших из Польско-Литовского королевства знатнейших аристократов. Однако на межгосударственном уровне это всегда рассматривалось как факт политического убежища, и именно таковое предоставило русское правительство опальным православным князьям (диссидентам-правозащитникам, как выразились бы ныне).

И что же король?.. Несмотря на то что после разгрома повстанцев его войскам удалось сильно потеснить русские полки, вынудив отойти от Орши, сдать Дорогобуж, — по причине все той же распутицы, затяжных осенних дождей 1508 г., а также недостатка средств в государственной казне, они не смогли развить этот успех. По заключенному 8 октября 1508 г. вечному миру Польско-Литовское королевство и Россия обязывались не воевать более друг с другом за междуречье Оки и Днепра и не заключать военных союзов с общим врагом — крымским ханом Менгли-Гиреем. Польша-Литва наконец-то признавала все свои земельные потери с 1494 по 1505 г. Русь — освобождала всех польских и литовских военнопленных. Невзирая ни на какие многократные слезные просьбы и яростные угрозы короля Сигизмунда, Москва категорически отказалась выдать лишь «тех литовских подданных, которые могли рассматриваться как политические изгнанники, ищущие убежища, и, следовательно... не

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 367.

подлежали выдаче в качестве пленных»¹. Главными из них были братья Глинские.

С появлением при дворе Василия III Михаила Глинского в московском Кремле потянуло пронизывающим сквозняком эгоистичной и изменчивой европейской политики. По-прежнему снедаемый неутолимимым честолюбием, мятежный князь стремился вовлечь своего нового государя и покровителя в самую ее гущу, разумеется, никогда не забывая о личных интересах. Да и сам Василий по давней привычке не спеша, тщательно взвешивая каждый шаг, умело использовал богатый дипломатический опыт, давние связи герцога Глинского со многими европейскими столицами. Так что до поры до времени оба были довольны друг другом.

Например, именно с подачи Глинского, прекрасно осведомленного о многолетних территориальных спорах, существовавших между Польшей и северо-западным соседом Руси — Тевтонским орденом², Василий III предложил ордену подписать договор о взаимной поддержке в случае агрессии со стороны поляков. Соответствующее соглашение и было заключено, несмотря на то что как раз во время переговоров скончался старинный друг князя Михаила — гроссмейстер Фридрих, глава орденского государства. Однако уже летом 1511 г. место Фридриха занял Альбрехт Гогенцоллерн, племянник маркграфа Бранденбургского, с которым Глинский также был знаком. Переговоры увенчались успехом. Русь и Тевтонский орден обязались неизменно поддерживать друг друга в борьбе против общего врага — Польши-Литвы.

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 369.

² Земли Тевтонского ордена традиционно находились в сфере влияния Германской империи.

Чрезвычайно выгодным для Руси явился и союз с германским императором Максимилианом Габсбургом, у коего Михаил Глинский в свое время прослужил более 10 лет. По личным впечатлениям зная о стремлении Габсбургов заполучить под власть своей гигантской империи еще и Венгрию, на которую одновременно имели виды польские Ягеллоны, Глинский не преминул побудить Василия обратиться к Максимилиану с предложением возобновить уже существовавший ранее (при Иване III) антипольский союз. Расчеты Василия и вдохновлявшего его Глинского¹ оправдались в кратчайшие сроки. Крайне нуждавшийся в сильной поддержке Максимилиан незамедлительно отправил на Русь своего специального посланника — Георга фон Шнитценнаумера с проектом договора.

Фактически, предвосхищая известные разделы Речи Посполитой XVIII века, Максимилиан и Василий уже в начале века XVI решили «разделить территории Польши и Литвы между империей и Россией»². Причем «главным достижением русской дипломатии была не договоренность о конкретных действиях, а признание Максимилианом прав Руси на русские земли, захваченные поляками и литовцами, а также титула царя за Василием III»³. Согласно поразительно быстро для тех времен — в течение лишь одного года — заключенному и утвержденному обоими государями договору, Русь соглашалась поддерживать империю в борьбе за возвращение территорий, отнятых у нее Польшей. Максимилиан же должен был содействовать получению Русью Киева и других зе-

¹ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 184; *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 124.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 372.

³ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 125.

мель, временно подчиненных Великому княжеству Литовскому¹.

Благоприятная для Москвы международная обстановка, сложившаяся в результате создания такой мощной антипольской коалиции, в которую, помимо самой Руси, Германской империи, Тевтонского ордена, вошла еще и Дания, дала возможность Василию III сконцентрировать силы и, предприняв решающий (по счету его третий) поход на Смоленск, наконец-то освободить этот древний русский город от власти католической Польши-Литвы. 31 июля 1514 г., после массированного артобстрела и под давлением местных «мещан и черного люда», оборонявший город польско-литовский гарнизон принужден был капитулировать² и Смоленск открыл ворота авангарду русских войск под командованием Михаила Глинского...

Это была победа, их общая победа, которая могла еще больше сблизить, сплотить Василия и Михаила, открывая для обоих все новые и новые возможности. Но... она же их и разделила, в одночасье раскрыв совершенно разные цели, которые связывали они с ее достижением. Необыкновенно ярко, драматично схлестнулись тогда два их очень сильных характера, а по большому счету, и два смысла жизни, два понимания власти.

¹ *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 126.

² Примечательно, как обошелся «варвар» Василий III с этим побежденным и сдавшимся в плен польско-литовским гарнизоном. Командовавший обороной города королевский наместник Смоленска Юрий Сологуб был просто отпущен им на все четыре стороны, даже без выкупа. Остальных же «латын» (как называли поляков русские летописи) проводили до пограничной Орши и также отпустили, предварительно выплатив каждому по рублю денег — очевидно, на дорогу. (Случай, скажем так, неслыханный в тогдашней международной практике. Напротив, гораздо привычнее и обыденнее поступили сами поляки, немедленно казнив «за измену» вернувшегося живым из русского плена воеводу Ю. Сологуба...)

Ведь если для государя Василия III освобождение Смоленска являлось завершением долгого процесса собирания и объединения русских земель под главенством Москвы, выполнением завещания отца и, наконец, самое главное — выполнением святого долга перед подданными, православным русским населением Смоленского княжества, более полутора столетий находившимся под тяжелым иноверным гнетом, то для блистательного и честолюбивого шляхтича Глинского овладение этим городом было лишь последним (как ему, вероятно, казалось) шагом к тому, чтобы самому стать князем Смоленским. Да, именно так, помимо прочих богатых пожалований, уже полученных родом Глинских¹ от московского государя, оценивал свои личные услуги Руси Михаил Львович: заполучить в вотчину все огромное Смоленское княжество — и немедленно же после победы!..

Но отдавать только что возвращенную Русскому государству мощную и стратегически важнейшую на тревожном западном пограничье крепость в чьи бы то ни было другие руки, пусть даже в руки верного вассала?.. Нет, осторожный, вдумчивый Василий на это не решился. К тому же старинные городские укрепления Смоленска требовали самой основательной реконструкции и обновления, а следовательно, и огромных средств, собрать которые вряд ли мог один лишь князь-вотчинник. Словом, по всем этим вполне понятным причинам вожделенный город Михаил Глинский не получил.

¹ Согласно данным источников, например, сам М. Глинский сразу же после перехода на русскую службу получил в вотчину город Малый Ярославец и «в кормление» город Боровск, а его брат Василий — город Медынь. Кстати, для последнего, ввиду болезни глаз, специально был приглашен «великий лекарь». См.: *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 223.

И тогда... и тогда взбешенный князь тоже совершил по-человечески вполне объяснимый «поступок». Вернее, это был срыв, слом его мятущейся, страстной души, за который он сам же в первую очередь и поплатился. 8 сентября 1514 г., во время решающего сражения русской и польско-литовской армий возле города Орши, Михаил Глинский внезапно оставил находившиеся под его командованием войска и на глазах у всех изумленных русских воинов, прищипав коня, стрелой понесся вперед, желая перейти на сторону противника. Выглядело это так ошеломляюще дерзко, что, как свидетельствуют историки, внесло в русские полки «замешательство и позволило командующему польско-литовским войском князю Константину Острожскому взять реванш и разбить русские войска»¹.

Но достичь польского стана Глинский все-таки не смог: его успел настигнуть и арестовать князь М.И. Булгаков². Возможно, еще в тот же день, как только утихла та тяжелая битва, в которой, во многом по вине Глинского, погибло немало русских воинов и воевод, его привели к Василию, и он сам, уже готовый к смерти, молча опустился на колени перед государем, не в силах глянуть ему в глаза. Однако... Василий его не казнил. Приказал только заковать «в железо» (кандалы) и отправить в тюрьму.

Заточение князя Михаила Глинского продлилось десять лет. Десять лет, несмотря на то что об его освобождении ходатайствовал сам германский император Максимилиан, просили знатнейшие бояре — Бельские, Горбатые, Шуйские... Но, надо полагать, именно эти десять лет тяжелых раздумий, а возможно и покаянных молитв, окончательно соединили Ми-

¹ *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 372.

² *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 164.

хаила и его род с московскими Рюриковичами — уже на века. Свободу, княжеское достоинство и боярский титул Василий III вернул опальному герцогу после своей женитьбы на его родной племяннице — княжне Елене Глинской...

Да, да, читатель. Юной и, как свидетельствуют современники, прекрасной избранницей московского государя стала именно выросшая к тому времени дочь родного брата Михаила Львовича — Василия Львовича Глинского Слепого (увы, даже «великий лекарь», вызванный из Крыма, не смог справиться с болезнью его глаз, отчего и остался князь Василий Глинский в русских летописях еще и как Василий Слепой). И за этим выбором правителя Русского государства опять-таки стояло нечто большее, нежели красота княжны и прихоть старца, возмечтавшего о милом птичьем гнездышке, как тщится представить нам Э. Радзинский...

«Беря в жены представительницу влиятельнейшей семьи из состава (белорусско-украинских) служилых князей, — говорит профессиональный историк, — Василий III как бы торжественно провозглашал династическое соединение Северо-Восточной Руси с западнорусскими землями»¹. Но и это было еще не все. Через Глинских протягивалась нить родства между московскими государями и последними сербскими деспотами, конкретно — с одним из сыновей той самой деспотицы Ангелины, которая еще в 1509 г. обращалась за помощью к главе Русского государства. Вряд ли Василий III не помнил об этом, как вряд ли не знал он и о том, что Василий Львович Глинский Слепой женат был на Анне Якшич, дочери знатнейшего сербского воеводы Стефана Якшича, еще одна дочь которого —

¹ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 298.

Елена Якшич — вышла замуж за сына Ангелины, Ивана Стефановича. Значит, по матери родной теткой Елены Глинской была правительница Сербии, а сама она, княжна Елена, невеста великого князя Московского — являлась наполовину сербкой, наполовину украинкой и белоруской. Нужно ли говорить, сколь бесценным было это духовное и политическое наследие, которое принесла в Кремль юная красавица?!

Однако, в отличие от великого князя, для коего Елена Глинская стала не только женой, но и как бы живым символом единения Руси, во имя которого отдал он столько сил, почти вся его аристократия отнеслась к выбору государя с откровенной враждебностью. В кругах столичной знати Елену сразу прозвали «чужеземкой» на русском престоле, а сам второй брак Василия — «великим блудом». Сохранившееся в летописях упоминание об этом старательно повторяет и Э. Радзинский, по привычке, правда, не объясняя, чем же вызвано было столь резкое неприятие. А причина оказывалась очень простой: все то же неумное властолюбие, все то же упрямое нежелание поступиться личной спесью и амбициями перед нуждами всего государства. Историк пишет: вторичная женитьба Василия III привела к значительной «перегруппировке в составе великокняжеского окружения. Старомосковское боярство вынуждено было потесниться и уступить место северским служилым княжатам»¹ — новой родне государя... Ненависть к пришлым чужакам, «литвинам», была велика, ибо сильно поколебала жесткую, веками отлаженную систему местничества, которой за каждым знатным родом закреплялось его единственное место при государе, а зна-

¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 298.

чит — и власть, и доходы, делиться коими не хотелось никому...

Потесниться все же пришлось, и родовитая знать затаила злобу. Вчерашние удельные князья и их бояре слишком хорошо помнили еще былую вольницу, когда при малейшем несогласии с государем можно было гордо хлопнуть дверью и «отъехать» к другому, более щедрому и более покладистому. Вскоре к этой злобе прибавился и страх. Времена менялись стремительно, под уверенной рукой Василия III рушились последние удельные кордоны, а рождение у государя законного наследника окончательно поставило бы крест на любых попытках возвращения к прошлому.

Может быть, потому-то так явственно запомнилась отмеченная всеми летописями та небывало сильная гроза, прогремевшая над Русью 26 августа 1530 г., в день апостолов Варфоломея и Тита, когда Елена родила первенца, мальчика... Народ ликовал. Ликовал вместе со своим государем. Родился великий царь, говорили люди. Родился «Тит — широкий ум»¹. Но иных тот вещий гром заставил содрогнуться. Содрогнуться и задуматься...

Например, казанская ханша, узнав о рождении в Москве наследника престола, прорекла, обращаясь к русским послам: «Родился у вас царь, а у него двоя зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас»²... Кого имела ввиду правительница Казани, понять нетрудно: даже *родной брат* Василия III — князь Юрий Дмитровский, который по всем законам должен был наследовать московский престол в случае, если брат-государь умрет бездетным и 25 лет этого ждав-

¹ ПСРЛ. Т. 21. С. 629.

² Пискаревский летописец. — В кн. «Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.)». — М., 1955. Т. 2. С. 86.

ший, столь «обрадовался» появлению на свет царственного племянника, что даже не пожелал приехать на крестины младенца 4 сентября в Троицком монастыре... И здесь остается лишь догадываться, почему, столь мастерски живописуя прочие придворные склоки, Эдвард Радзинский оставил «за кадром» эти факты и свидетельства?

Но вернемся к Елене. Всего три года счастья было отпущено ей судьбой. Счастья трепетного, рвущегося, словно огонек свечи на ветру. Косые взгляды бояр, ехидное шушуканье по углам — все это нужно было выдерживать молодой женщине. Однако были малютки-сыновья¹. И был государь, даже во время кратких отлучек из Москвы писавший Елене самые нежные письма, неизменно тревожась о ее здоровье и здоровье детей². И Глинская не собиралась сдаваться, хотя знала, что ее погибели жаждут очень многие и многие готовы уничтожить сию же минуту вместе с сыновьями.

Наверное, княгине потребовались все душевные силы, весь неукротимый нрав, унаследованный ею от славных и гордых пращуров, чтобы устоять, когда все вдруг неожиданно оборвалось и могло вот-вот рухнуть. Но Елена не допустила этого, доказав, что все-таки «не одной красотой привлекала она сердце Василия»³.

Государь неожиданно тяжело заболел и умер, едва успев благословить на царство трехлетнего сына Ивана. Как верно отмечает г-н Радзинский, еще «никогда Русь не знала такого малолетнего царя!». Однако далее идут слова, опять-таки весьма лишь прибли-

¹ Вскоре после Ивана у Елены и Василия родился еще один сын — Юрий (Георгий).

² Письма русских государей. — М., 1848. Т. 1. С. 2—5.

³ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 207.

зительно передающие реальные исторические события: «Правительницей стала его мать...» Да, Елена стала правительницей, но отнюдь не сразу после смерти супруга и вовсе не так просто, как это выходит у автора книги.

По закону она не имела права даже претендовать на звание правительницы — на Руси не существовало традиции и юридических норм передачи власти женщине. Как утверждают историки, руководствуясь именно этим правилом, умирающий Василий образовал при своем малолетнем сыне-наследнике регентский совет в составе семи знатнейших (и как он надеялся, наиболее преданных) бояр. Возглавлять совет назначен был уже достаточно известный нам князь Михаил Глинский, к которому перед смертью государь обратился с последней просьбой: «Пролей кровь свою и тело на раздробление дай за сына моего Ивана и за жену мою...»¹ Именно этот регентский совет и должен был править страной от имени Ивана вплоть до его совершеннолетия. Самой Елене предоставлялся лишь обычный вдовий удел, как это было издавна заведено на Руси.

Но... мать Ивана Грозного, видимо, просто не считала возможным довольствоваться только этим уделом. Действительно, «через полтысячи лет после легендарной княгини Ольги»² власть на Руси снова взяла в свои чуткие, сильные руки женщина. Вероятно, как и княгиня Ольга, она решилась пойти на это ради памяти своего мужа, дабы не погибло дело, коему служил он всю жизнь. А значит, ради будущего

¹ ПСРЛ Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 558

² Заметим, что это лишь для автора книги жена древнекиевского князя Игоря и правительница Руси княгиня Ольга, которую с официальным визитом принимал у себя в Константинополе даже император Византии Константин Багрянородный, стала вдруг «легендарной». В народе ее звали иначе — Ольга Мудрая...

Руси. Ради будущего своего дитяти, которого тоже ждала лютая гибель, случись что худое со страной. И какая мать поступила бы иначе?..

...Назначенный Василием регентский (или опекунский) совет во главе с Михаилом Глинским, который создан был для того, чтобы «не допустить ослабления центральной власти»¹, своей миссии выполнить не смог. «Передача власти в руки опекунов вызвала недовольство боярской думы (сильно на терпевшейся из-за пренебрежительного к ней отношения в годы правления Василия III и теперь пожелавшей взять реванш. — *Авт.*). Между душеприказчиками почившего государя и руководителями думы сразу возникли напряженные отношения. Польские агенты живо изобразили в своих донесениях положение дел в Москве: «Бояре там едва не режут друг друга ножами...»²

Именно этим и воспользовался, как не раз уже делали его предшественники, польский король Сигизмунд I. Прошло лишь чуть более полугода после смерти Василия, как Сигизмунд, прекрасно осведомленный о начавшихся на Руси междоусобицах и резком ослаблении власти, цинично потребовал вернуть Польше всю Северскую землю, Чернигов и Смоленск, с таким трудом отвоеванные у нее Москвой. Свои требования король подкрепил походом польских войск под командованием Андрея Немирова на Черниговщину. Вместе с тем тревожные вести шли и с восточных границ, где участились набеги казанцев. Ситуация сложилась критическая, но ни глава регентского совета князь Михаил Глинский, ни глава боярской думы князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский все не могли поделить полномочия и при-

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. М., 1980. С. 10.

² Там же.

ступить к решительным действиям. Еще бы! Ведь согласно древней системе местничества Овчина-Оболенский был значительно выше по положению, нежели «выдвиженец» Василия III — Михаил Глинский...

И тогда... И тогда молодая княгиня-вдова (не более 25—28 лет было ей в тот момент) решила сделать свой выбор. Не хуже усопшего супруга зная заносчивый нрав дяди Михаила, памятуя его демонстративную измену в решающем бою под Оршей, она решила обезопасить себя и своих детей от его непредсказуемых действий. По ее приказу князь Михаил Глинский был арестован и снова заточен в тюрьму, где скончается в 1535 г. Одновременно тонко, истинно по-женски лавируя между противоборствующими боярскими партиями, она приблизила к себе, казалось бы, злейшего врага — главу оппозиционной боярской думы — Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. Но именно он и стал ее главным советником.

Фактически, как считают многие историки, Елена узурпировала власть. Но был ли у нее какой-либо иной выбор, чтобы спасти положение? Результаты совершенного ею переворота не заставили себя ждать. Например, в той же войне с Польшей «реакция... Елены Глинской была мгновенной: в конце 1534 г. московские войска под командованием боярина, князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского вступили в Литву и опустошили Полоцк, Витебск, Браславль, дошли почти до Вильно (столицы) и, нанеся литовской территории большой ущерб, вернулись, практически *не понеся потерь*»¹. И немудрено! Князь Овчина-Телепнев-Оболенский был лучшим русским воеводой того времени. Уже в войнах начала 30-х годов он успешно командовал передо-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 378.

выми полками русской армии, так что сам государь Василий III высоко оценил заслуги еще совсем молодого воеводы, пожаловав ему титул боярина. Воистину княгиня Елена хорошо знала, кого выбрать себе в советники...

Поговаривали, правда (злых языков хватает всегда и везде), что даровитый воевода — всего лишь любовник молодой вдовы и именно это вознесло его на вершину власти и славы. Заурядную сию версию не преминул повторить и Э. Радзинский, легко обойдя мнение историка о том, что «простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает: карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне»¹.

Елена жестоко расплатилась с Сигизмундом за его подлую попытку воспользоваться русским «нестрое-нием». В следующем, 1535 г. войско Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского повторило рейд в Литву и выжгло города Кричев, Радомль, Мстиславль. Одновременно на север ею послан был боярин А. Н. Бутурлин. Там, на литовско-русском пограничье, по приказу княгини Елены у озера Себеж была построена мощная оборонительная крепость — Ивангород-на-Себеже² (позднее город Себеж). И поляки срочно запросили мира. Такова была она, «чужеземка» на русском престоле...

«В начале правления вдовствующей великой княгини вернулось было забытое своеволие бояр и князей, начались заговоры... Елена действовала так, как учил Василий: в темницу были брошены все претенденты на престол» — в том числе даже родные братья ее покойного мужа Юрий и Андрей — со вздо-

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 11.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 424.

хом констатирует автор. Попробуем расшифровать и эту туманную фразу.

Да, в отношении братьев государя Елене во многом пришлось поступить так же, как неминуемо вынужден был бы сделать и сам Василий III. Отец его, великий правитель Иван III, умирая, наделил, по традиции, всех шестерых сыновей определенными им уделами — различными русскими городами и княжествами. Ведь нет, отнюдь не «убивали, — как изволил написать Э. Радзинский, — младших в роду, чтобы не дробить землю». Как раз наоборот: московские великие князья, оставляя сей мир, стремились раздать земельные уделы всем своим детям, неизменно веря и надеясь на то, что они вместе, единым родом, будут беречь Русь, верно служа старшему брату-государю. Однако **служить**, как уже было сказано выше, желали далеко не все. В сущности, каждый удельный князь делал в этом вопросе свой выбор перед богом и совестью. И выбор этот не всегда оказывался положительным, что влекло за собой смуты, кровь, гибель. Так было уже при наследниках Владимира Святого, так случилось и в момент смерти отца Ивана Грозного... Хотя к исходу 1533 года из шестерых сыновей Ивана III в живых осталось лишь трое братьев — сам государь Василий III, удельный князь Юрий Дмитровский и удельный князь Андрей Старицкий (остальные трое умерли еще в молодости), но, терзаемый предсмертными муками, Василий Иванович, наверное, хорошо понимал, что наибольшую опасность для будущего его слишком маленького сына-наследника представляют именно эти двое родных его братьев...

Как отмечают историки, отношения между ними оставались напряженными почти все время правления Василия. Мы уже упомянули о том, сколь упорно, едва ли не четверть века, ждал *своего* часа князь

Юрий, рассчитывая на то, что Василий умрет бездетным и тогда московский престол вполне законно достанется ему. Такой поворот событий был столь возможным, что Юрий Иванович, очевидно, и не слишком скрывал свои надежды, ибо о них было хорошо известно даже при дворе короля Сигизмунда. Чьи соглядатаи исправно следили за всем, что происходило в Москве. И разумеется, польская сторона давно пыталась воспользоваться этими честолюбивыми замыслами второго сына Ивана III и Софьи Палеолог. За двадцать лет до смерти Василия III, во время русско-польской войны 1507—1508 гг., король Сигизмунд, «не надеясь на успех военных действий, но в то же время хорошо осведомленный о сложных отношениях в семье русского государя, предпринял попытку вызвать рознь между Василием III и Юрием Ивановичем»¹. Именно с этой целью Сигизмундом было направлено тогда к удельному князю Дмитровскому специальное посольство, в составе которого были знатнейшие вельможи польского королевства — Пётр Олелькович и Богдан Сапега. Посольство имело тайное поручение предложить князю Юрию вступить в союз с Сигизмундом против брата Василия и немедленно заключить сепаратный мир с Польшей. Взамен на это король клятвенно обещал Юрию Ивановичу всестороннюю военную поддержку в случае, если удельный князь пожелает, устранив Василия, захватить «осподарство»² — т.е. московский престол. Однако в те времена государь был еще молод, в полной силе, и потому, наверное, «дмитровский князь, понимая возможные последствия измен-

¹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 219.

² Акты Западной России. Т. 2, № 19. С. 21; Хорошкевич. А.Л. Указ. соч. С. 219; Зимин А.А. Указ. соч. С. 82.

нических отношений с Литвой, никакого ответа Сигизмунду не дал»¹.

Полускрытая, полуявная неприязнь между братьями жила; не исчезая, даже несмотря на то что Василий неизменно стремился к тому, чтобы они всегда были вместе с ним — и на охоте, и на поле брани, и при решении государственных дел. Увы, факты говорят, что это стремление вовсе не было обоюдным. К 1532 г., когда у государя все-таки уже имелся наследник, одним лишь своим появлением на свет вразлишивший удельных князей какой бы то ни было перспективы занять престол, отношения между Василием, Юрием и Андреем нарушились окончательно. Дело зашло так далеко, что даже Литовский сейм 1532 г. обсуждал вопрос о «великой замятне» в Московии и о «розтырке» Василия III с его младшими братьями, в результате которого князь Андрей Иванович захватил с помощью своих личных войск город Белоозеро, в котором хранилась государственная казна (!), а князь Юрий Иванович взял Рязань и еще несколько городов, привлекая в поддержку себе татар, с которыми, гласят те же источники, он находился в тайных связях²...

Несомненно, смерть государя Василия III, следовавшая всего лишь год спустя после этого «розтырка», не могла не всколыхнуть былые намерения его мятежных братьев. Трехлетнее дитя на троне? Право, для них сие обстоятельство могло показаться даже смешным. И легко поправимым... Елена Глинская знала об этом, а потому, предупреждая жестокость, и

¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 83.

² Любавский М.К. Литовско-русский сейм С. 261; Зимин А.А. Указ. соч. С. 278. Примечательно, что ровно за год до этих событий, 8 мая 1531 г. «татары, азовцы и крымцы» уже приходили «на Рязанские места», учинив там страшное разорение. См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 81, 83, 84.

сама действовала жестко. Не выждав и недели по кончине брата-государя, князь Юрий Иванович, нарушив присягу маленькому племяннику, начал тайно звать к себе на службу его знатнейших бояр — Шуйских, готовя почву для переворота. Но был разоблачен и немедленно «пойман» (арестован), брошен в тюрьму, что, собственно, явилось, как отмечает историк, всего «только логическим завершением предшествующих отношений (Юрия) с великокняжеской властью»¹.

Такая же участь (и по схожим причинам) постигла и другого брата — Андрея Ивановича. В январе 1534 г., едва минули сороковины по смерти государя, как князь Андрей Старицкий потребовал у вдовы увеличить его удельное княжество, присоединив к нему город Волок. По причинам, вероятно связанным со сложным положением в стране, правительство Елены Глинской не сочло возможным удовлетворить его требование, и до поры до времени князь смирился, уехав в свою удельную столицу. При этом он весьма демонстративно несколько лет подряд напроочь отказывался «принимать участие своими удельными полками в походах и военных действиях в составе великокняжеского войска»². А ведь это были тревожные годы войны с королем Сигизмундом...

К исходу 1536 г. Елена все-таки попыталась хоть как-то наладить отношения с деверем, предложив ему подписать своеобразный договор «о ненападении», о том, что он не будет «подыскивати государств» под Иваном IV, взамен на что удельному князю гарантировалась полная свобода и безопас-

¹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 401.

² Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 199; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. — М. — Л., 1958. С. 53.

ность. Но Андрей Старицкий отказался взять на себя такое обязательство (текст документа, который так и остался неподписанным, сохранился в архивах). Более того, Андрей отказался даже приехать в Москву, когда в начале 1537 г. на Русь напал казанский хан Сафа-Гирей и Елена прислала удельному князю приглашение срочно явиться в столицу для совместного решения «казанских дел»¹. Свой отказ старицкий князь объяснил болезнью. Но... тут же «посланный из Москвы врач — «мастер Феофил» — установил, что болезнь Андрея была «легка», т.е. носила дипломатический характер». Нежелание Андрея приехать в Москву в момент серьезной опасности с Востока правительство Елены Глинской вполне закономерно расценило «как открыто враждебный акт. В Старицу были направлены великокняжеские «посланники» официально «о здоровье спрашивать и о иных делах», но с одновременной инструкцией «про князя Ондreja тайно отведати: есть ли про него какой слух и зачем к Москве не поехал?». Поездка посланников в Старицу не только подтвердила дипломатический характер болезни Андрея Старицкого, но и установила еще более важный факт: скопление в Старице у князя Андрея «прибылых» людей, «которые не всегда у него живут», свидетельствующий о том, что Андрей готовился к вооруженной борьбе против Ивана IV»²...

Именно с этими «прибылыми» людьми он и поднял мятеж как раз в то самое время, когда Елена еще надеялась уладить все миром, без военного столкновения, как считают историки³. Она даже направила к

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 107

² Смирнов. И.И. Указ. соч. С. 56.

³ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 199; Смирнов И.И. Указ. соч. С. 61.

удельному князю делегацию духовенства. Но все оказалось тщетным.

Ссылаясь на то, что царевич Иван еще слишком мал, Андрей откровенно предложил поставить во главе государства самого себя¹. С такой «программой» он и двинул свои войска на Новгород, рассчитывая поднять против Москвы его жителей, всегда склонявшихся к вечевой вольности, и сделать город базой для дальнейшей борьбы за великое княжение. Но дело не заладилось у него с самого начала. Поддержать Андрея согласилась лишь малая часть новгородских дворян. Новгород же «в целом оказался враждебным мятежу и выслал против старицкого князя вооруженный заслон. В самом городе, под руководством архиепископа Макария началось спешное сооружение дополнительных крепостных стен — на случай осады со стороны мятежников. Оказавшись запертым с фронта и тыла (из Москвы против него тоже послали войска), Андрей Старицкий был вынужден сдаться»² и закончил свою жизнь в тюрьме³. В целом, все перипетии этих бурных событий самым подробным образом рассмотрены в исторической литературе, однако и они тоже остались «за кадром» у г-на Радзинского...

Но что же царица (именно так с гордостью величают ее все сербские летописи⁴) Елена? Разгром воинствующей оппозиции, едва не ввергшей страну в кровавую пучину удельных разборок, явился далеко не единственным достижением периода ее правления. Она была молода, умна, энергична. И воистину,

¹ ПСРЛ, т. 8. С. 294.

² *Смирнов И.И.* Иван Грозный. — Л., 1944. С. 21; ПСРЛ, т. 6. С. 302.

³ ПСРЛ, т. 13. С. 121.

⁴ *Стојановић Л.* Стари српски родослови и летописи. — Ср. Карловци, 1927. С. 57.

как и ее далекая предшественница княгиня Ольга, расправившись с врагами мужа, Елена многое еще хотела сделать, о чем говорят уже даже те краткие пометки, что хранят документы того времени: «Великой княгиней чтено...»

И она действительно многое успела. Выше мы показали, сколь молниеносно пресекла Елена агрессию со стороны Польши-Литвы. Не менее успешные шаги предприняты были и на Востоке, где «ей удалось, сочетая методы военной и политической борьбы против Крымского и Казанского ханств, ликвидировать (хотя бы на время) угрозу вторжения крымцев и казанцев в Русское государство»¹.

А еще она строила — и это тоже было характерной чертой ее времени. Видимо, как всякий искушенный политик, не слишком доверяя заключенным мирным соглашениям, Елена предпочитала укреплять обороноспособность своего государства более ощутимыми тогда средствами — строительством новых мощных крепостей и основательной реконструкцией старых — как, например, было сделано во Владимире, Твери, Ярославле, Вологде, Новгороде Великом, Перми и других городах². Венцом этого массового строительства явилось сооружение китайгородской стены в Москве, кстати, возведенной именно «по тому же месту, где же мыслил... князь великий Василий ставить»³. Интересно, что Елена первая стала требовать участия в городском строительстве всех без исключения слоев населения, особенно боярства и высшего духовенства, а это дало немалые дополнительные средства, способствовало дальнейшему развитию городских центров на Руси.

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 21—22.

² См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 85—112.

³ Там же. С. 79.

Ведь рост городов укреплял не только обороноспособность державы, но в еще большей степени — и ее экономику, о которой также не забывало правительство Елены Глинской. Еще во времена Василия III назрела необходимость денежной реформы в Московском государстве. Давно нужно было унифицировать денежное обращение в стране. Но Василий, видимо, просто не успел это сделать. Осуществить такой серьезный, непростой шаг, как введение новой серебряной монеты (по образцу новгородской «копейки» в отличие от старой московской «саблицы»), которая отныне становилась единой для всего государства, и изъятие при этом из обращения немалого количества фальшивых денег — на это решилась его жена. И реформа была проведена...

Вряд ли все это могло осуществиться при женщине, делами которой, по словам Эдварда Радзинского, «заправлял ее любовник». Увы, сей шаблонно-легкий образ Елены Глинской, едва очерченный г-ном писателем, очень мало совпадает с образом реальной правительницы всея Руси, в каждом шаге, каждом поступке которой чувствуется железная воля, отчаянная борьба за интересы своего государства. Будь это иначе, вряд ли тогда потребовалось бы кому-то ее устранять, да еще с помощью яда. Вряд ли она тогда вообще бы мешала кому-то вместе со своим фаворитом, довольствуясь положением марионетки, бездумной куклы в руках бояр. Нет, великая княгиня Елена оказалась другой. Она была жестким и бескомпромиссным продолжателем дел мужа, чем и не устраивала очень многих, за что ее и убили 3 апреля 1538 г. Отныне ее восьмилетний сын Иван, которого впоследствии нарекут Грозным, остался один на один с собственной судьбой...

Говоря об этом, автор книги наверняка лишь для эффектной «связки» текста бросил фразу о том, что

царевич Иван горько плакал в день похорон матери. Летописи на сей счет молчат. Скорее восьмилетний отрок, слушая зауспокойную службу, стоял молча, как требовал того строгий дворцовый обычай. И лишь тоска, тяжкая, недетская тоска и одиночество были в его больших, внимательных, враз повзрослевших глазах. Он крепко сжимал в руке маленькую ладошку своего пятилетнего брата Юрия, глухонемого от рождения, как бы показывая, что никому не даст его в обиду.

Так и произошло. До самой смерти больного царевича в 1563 г. они всегда были вместе. И в детстве, и в зрелые годы Иван IV неизменно опекал ущербного брата, требуя к нему подобающего уважения. Кстати, уже один сей факт совершенно разрушает легенду о всеобъемлющей жестокости, которая якобы была присуща Грозному с самого юного возраста.

Глава 4

МИФ О «ПЕРВЫХ ЗВЕРСТВАХ» ИВАНА

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим после убийства Елены Глинской. Да, многие тогда «хотели перемен», верно подметил г-н Радзинский. Перемены действительно пришли — страшные, гибельные... Но жертвой их стал не только один воевода Овчина-Оболенский, как это говорится в разбираемом тексте. Жертвой стала вся страна. Тотчас, по словам историка, «из открывшихся темниц вышли целые батальоны соискателей власти»¹. Были выпущены арестованные Еленой князь Иван Бельский (родной брат которого, Семен, еще в 1534 г. сбежал в Литву и с тех пор не раз участвовал в походах против Руси то вместе с поляками, а то и с крымской ордой) и князь Андрей Шуйский, один из участников заговора Юрия Дмитровского. Выражаясь современным языком, апрельские события вполне можно было бы назвать боярским путчем, ознаменовавшим захват власти реакционной княжеско-боярской олигархией, которая стремилась к восстановлению порядков удельной вольницы. Дорвавшейся до власти оппозиционной аристократией были немедленно отстра-

¹ *Валишевский К.* Иван Грозный. С. 138.

нены от управления страной ее самые непримиримые противники — митрополит Даниил (тот самый, которого еще умирающий Василий III так просил ни на шаг не покидать Москвы) и дьяк Федор Мищурин. Оба они, по мнению историка, являясь «убежденными сторонниками централизованного государства и активными деятелями правительства Василия III и Елены Глинской¹, совсем не устраивали победившую клику. Повествуя о том, как верному дьяку отсекли голову, летопись так и говорит: «Бояре казнили Федора Мищурина... не любя того, что он стоял за великого князя дела»².

Но победители очень скоро погрязли во взаимных раздорах. Как опять-таки верно подметил Э. Радзинский, бояре «слишком ненавидели друг друга, чтобы объединиться и свергнуть малолетнего Ивана». Хотя замечание это верно лишь отчасти, и здесь следует уточнить, что вопрос тогда даже уже не стоял — свергать или не свергать ребенка-наследника. Устранен был главный противник — его мать. Автор не посчитал нужным объяснить своим читателям, что дело было теперь даже не столько в личной ненависти между боярами, доводившей порой до жестоких споров, взаимных оскорблений и драк в думе... Дело было в острейшей политической борьбе, которая стояла за этими спорами, в непримиримом столкновении интересов различных кланов (главным образом кланов Шуйских и кланов Бельских), боровшихся между собой за влияние при великокняжеском дворе за то, чтобы вся власть перешла именно в руки одного из них. «Существо этой борьбы, — говорит историк, — очень верно и метко характеризует «Летописец начала царства», указывая как на ос-

¹ Смирнов И.И. Очерки политической истории... С. 82.

² Исторический архив, т. 7. С. 218.

новную причину вражды между боярами то, что «многие промеж их (бояр) бяше вражды о корыстех и о племенех, всяк своим печется, а не государьским, не земьским»¹.

Вообще, это один из характерных приемов автора книги — упрощать описываемые события, как бы невольно потешаясь над ними, но одновременно и до неузнаваемости искажая их, словно в кривом зеркале. А еще — незаметно выдергивая и раздувая отдельные факты, вне их исторического контекста, рассчитывая при этом на то, что читатель (а тем паче зритель) не заметит, проглотит, пойдет дальше...

Вот, например, как случилось у г-на Радзинского с уже знакомым нам Андреем Шуйским. Еще на странице 12 своей книги автор будто бы сожалеет о том, что сей «кровный Рюрикович» сидит в тюрьме по приказу Елены Глинской, ни словом не обмолвившись, однако, по какой же конкретно причине попал туда князь; факт призван иллюстрировать лишь то, какой тяжелой, деспотичной была атмосфера в Кремле, где ровным счетом никому не гарантировалась свобода и неприкосновенность личности. Далее, на странице 13 автор уже порадуетя тому, что опальный князь вышел из заточения — по случаю смерти Глинской, но снова не скажет, какие события стояли за этим освобождением и к чему они привели страну. Нет, на странице 14, глубокомысленно рассуждая об «извечном воровстве русской бюрократии», автор лишь вскользь упомянет, что тот же самый Андрей Шуйский, выйдя из тюрьмы, станет наместником во Пскове и, «аки лев», «злодей», по выражению современника², будет грабить город.

¹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 80.

² ПСРЛ. Т. 4. С. 304.; *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 207.

А ведь ежели все-таки вспомнить, что князь этот был изменником, участвовавшим в антигосударственном заговоре Юрия Дмитровского, картина проступит совсем иная. Она ясно покажет, кто именно пришел к власти в результате апрельского переворота 1538 г. и каковы были их истинные цели. Грабил не только один Андрей Шуйский во Пскове. Захватив власть и разгромив государственный аппарат, все многочисленное, говоря словами летописи, «племя» князей Шуйских аки волчья стая накинuloсь тогда на все «доходные места», не стыдясь прибрало к рукам даже царскую казну. Как опять-таки свидетельствует летописец, они «кийждо себе различных и высочайших санов желаху... И нача в них быти самолюбие и неправда и желание хищения чюжого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе и властолюбия ради друг друга коварствоваху... На своих друзей восстающе, и дома их села себе притяжаша и сокровища свои наполниша неправедного богатства»¹. Таковы были «свершения» Шуйских, и уже никто, казалось, не мог противостоять этому разгулу грабежа и насилия...

Потому-то, действительно, первым, что начал осознавать Иван, будучи еще ребенком, это то, что многие «князья и бояре — воры», совершенно справедливо указывает Эдвард Радзинский. Но и здесь явная неприязнь автора к исследуемому материалу не дала ему возможности (ежели таковая вообще имелаась) додумать эту верную мысль до конца, не сводить ее к убогому заключению о том, что лишь сугубо эгоистичные чувства ограбленного собственника породили тогда в Иване нестерпимое желание отомстить, желание вернуть себе у него похищенную власть.

¹ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 634.

Нет, вопрос стоял значительно глубже. Шуйские и иже с ними обокрали не только царскую казну, присвоив себе золотую утварь и дорогие шубы, о чем так сладострастно повествует автор книги. На глазах у подростка ими безудержно разворачивалось то, что долгими веками собирали его предки, нещадно разорялась страна, люди, ответственность за которых, знал он уже тогда, лежит на нем, на государе. Эта неотступная боль его юных лет уже много, много позже горячей волной прорвется на страницы редактируемых царем летописей, захлестнет его письма, в которых, вспоминая свое горькое детство, все бесчинства, преступления, творившиеся тогда боярами, Иван IV напишет: «Потом напали (бояре) на города и села, мучили различными способами жителей, без милости грабили их имения. А как перечесть обиды, которые они причинили своим соседям? *Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами*». Словом, *«делали вид, что правят и распоряжаются, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и за мзду все только и делали»*¹.

Мы специально даем эту цитату в переводе на современный русский язык — чтобы как можно яснее почувствовал нынешний читатель, что же именно возмущало Грозного царя, против чего конкретно восставала и боролась его душа. Хотя в подлиннике окончание этой фразы звучит еще более пронзительно, нежели в академическом переводе: все «по мзде творяще и глаголюще». Все за мзду делали и даже говорили — вот что, оказывается, претило совести первого русского царя! И остается лишь недоумевать, как прошел мимо этих слов Эдвард Радзинский, уже с самых первых страничек своей книги зая-

¹ Послания Ивана Грозного. — М.—Л., 1951. С. 34, 304—305.

вивший, что в повествовании об Иване IV будет опираться именно на его письма. Или, по собственному выражению маститого публициста, он действительно сумел увидеть в них исключительно только «его (Ивана) шутки, его проклятия»?..

Да, несомненно, как писал знаменитый наш историк В.О. Ключевский, в душу Ивана-ребенка, в душу круглого сироты рано и глубоко врезалось чувство собственной брошенности и одиночества. Что же, тем раньше и тем острее посреди отвратительных сцен боярского произвола мог осознать он беззащитность, обездоленность и других людей, страдающих от насилия «беззаконно воцарившихся воров». Тем раньше и тем нестерпимее должна была опалить его юную душу ненависть к этим ворам и жгучая жажда справедливого возмездия. Но чтобы осуществить это возмездие, чтобы восстановить законный порядок в стране, опять-таки уже тогда, наверное, начал понимать он, что ему самому необходимо было стать царем, стать правителем — великим и могущественным. И он стал им. Но как произошло это? Кто поддержал и помог взрослому государю восстать? Восстать и победить...

Ведь задумаемся: что реально мог сам сделать ребенок — пусть даже тринадцатилетний отрок-подросток, пусть официальный наследник престола — против сильнейших княжеско-боярских кланов, вновь учувших пьяно-вольготный дух безвластия и вседозволенности? Да, в сущности, ничего. Годами маленький Иван действительно был лишь молчаливой, «послушной куклой» в их руках, как признает сам автор книги. Такую же жалкую роль безгласной ширмы прочили они для него и в будущем. Будто легкую щепку несло его, круто швыряя из стороны в сторону в клокочущем, мутном потоке боярских заговоров и столкновений. В 1540 г. Шуйских оттеснили от

власти князя Бельские. Глава партии — Иван Шуйский — был сослан во Владимир. Но в январе 1542 г. «кровные Рюриковичи» вновь подняли мятеж и, приведя в Москву несколько владимирских дворянских полков, выгнали из Кремля потомков князя Гедими-на. Ивана Бельского удавили. Более того, глубокой ночью разбойно ворвавшись в государевы покои, Шуйские со своими людьми на глазах у разбуженного мальчика едва не убили главу церкви — митрополита Иосафа, незадолго до этого пришедшего туда искать защиты, понадеявшегося, что хоть здесь, рядом с царем, его не тронут¹... Это ли не ярчайший пример того, как мало значила для них личность юного Ивана? Нет, против такой страшной силы способен был восстать (а тем паче сломить ее) отнюдь не отрок, обладай он каким угодно жестким характером. Это должна была быть **другая сила**, еще более грозная, и она действительно поднялась...

Между тем, с присущей мрачной иронией повествуя об этом переломном моменте, Эдвард Радзинский, вновь утрируя факты, рисует его только как своего рода бунт царя-подростка против надоевших ему опекунов. Бунт, совершенно не связанный с общим положением в стране и ставший, по мнению автора, полной неожиданностью для самих бояр-правителей, которые, мол, за склоками и интригами проглядели, «проморгали»: «кукла-то выросла! Волчонок вырос!..» Вырос и сразу показал свой свирепый нрав, велел псарям затравить князя Андрея Шуйского... *Тогда как, по словам исследователя, тринадцатилет-*

¹ Как сообщает летопись, митрополит Иосаф был избит, лишен сана и немедленно сослан Шуйскими в отдаленный монастырь за то, что он, являясь ставленником Бельских, находился у государя в «приближении» и «в первосоветниках». Но в тексте Радзинского сей важный и весьма характерный эпизод отсутствует совершенно. Почему?..

ний отрок Иван вряд ли давал, да и вряд ли мог дать подобное распоряжение. Арестовать и казнить за-рвавшегося негодяя и вора Андрея Шуйского отдал приказ вставший рядом с Иваном с весны 1542 г. митрополит Макарий¹ — великий радетель русской государственности.

Но не только митрополит, а в его лице и вся церковь поддержала Ивана. Момент взросления царя-отрока совпал с высшей точкой «кипения» среди мелкопоместного служилого дворянства. Его недовольство правлением бояр-олигархов было очевидным и вот-вот могло разразиться мощным взрывом. Об этом говорит, например, то, что организованный Шуйскими в январе 1542 г. переворот с целью свержения Бельских был активно поддержан именно служилыми людьми — к слову сказать, уже тогда наиболее важной составной частью вооруженных сил государства. Точнее, как считает историк, Шуйские лишь сумели удачно использовать в своих интересах, возглавить давно созревшее выступление дворян, направленное не столько против конкретно князей Бельских, сколько «против боярской олигархии в целом»². А вместе с разоренными и обнищавшими дворянами немедленно восстал московский посад. «И бысть мятеж велик в то время на Москве» — гласит Никоновская летопись. Таким образом, движение, толчком к которому стало вначале вроде бы обычное межклановое столкновение соперничающих боярских родов, быстро приобрело совсем иной смысл, грозя перерасти в подлинную гражданскую войну...

Но... но уже запущенный тяжкий ее маховик был вдруг неожиданно быстро остановлен. Остановлен благодаря мудрости святителя Макария, который,

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 98—100.

² Там же. С. 95.

повторим, взойдя на митрополичью кафедру в конце все той же тревожной зимы 1541/42 г., сам возглавил силы, поднявшиеся в защиту законного наследника и законного порядка в стране.

Хрупкое и все же спасительное равновесие сил воцарилось тогда в Москве... Вся государственная власть формально оставалась еще в руках Шуйских. Однако они ничего не могли уже сделать против громадного духовного авторитета нового главы церкви¹, ибо, как отмечал современник, «по всей России слава о нем происходяща»². Ибо, хотя уважаемый знаток истории Эдвард Радзинский и рисует митрополита как человека равнодушного, беспринципного и бездеятельного, факты говорят о другом — пусть читатель лишь вспомнит их. Это митрополит Макарий, будучи еще архиепископом Новгородским, в 1537 г. возглавлял оборону города от мятежных войск Андрея Старицкого. Макарий же неизменно поддерживал мать Грозного — царицу Елену — и в других «земских делах», о чем неоднократно сообщают летописи. Наконец, это святитель Макарий в течение 20 лет создавал первую на Руси духовную, литературную и историческую энциклопедию — великие Четы-Минеи — 19 томов, 19 фолиантов огромного размера, общее число страниц которых — 13 528, большого формата, переписанных от руки. И ведь все это относилось только к первому, начальному периоду его деятельности, главное же было еще впереди... **Вот кто встал рядом с юным Иваном.** Воистину, Русь знала, кого она славит!..

¹ Макарий был избран собором русских архиереев и поставлен на митрополию 16 марта 1542 г.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. — М., 1900. Т. 2, ч. С. 755.

Итак, Макарию силой духовной власти удалось тогда уберечь измученную страну от междоусобного кровопролития, ограничив борьбу за восстановление законного самодержавного правления монарха пределами по большей части одного лишь великокняжеского дворца, хотя это вовсе не означало, что сражения ее были более легкими, нежели битвы на открытом поле. Собственно, уже само избрание митрополитом человека, с такой известной репутацией сторонника сильной государственной власти, какая была у архиепископа Новгородского, можно считать актом этой борьбы. И появление Макария в Кремле отнюдь не снизило ожесточение бояр-временщиков. Напротив, летопись констатирует: «и яко прежде сего, тако и по сих, многа бяше междоусобной крамолы в боярах и ненасытного мздоимства даже до самого возраста (совершеннолетия) великого князя»¹.

О том, сколь опасным для митрополита было это его поначалу подспудное противостояние правящей боярской клике, хорошо показывают события, связанные с Федором Воронцовым и уже окончательным падением Шуйских, хотя в книге Радзинского им уделена буквально страничка и роль в них Макария не отражена абсолютно — автор вновь легко списывает все лишь на «волю» царя-подростка.

Между тем, создавая свой кровожадный, едва ли не садистский «образ» малолетнего тирана, Э. Радзинский вряд ли не ознакомился с **полным** рассказом летописца о том, как 9 сентября 1543 г. на заседании Думы в присутствии государя боярами был избит и изгнан из дворца любимый Иваном Федор Воронцов. Как потом, по горячей просьбе отрока, к Шуйским ходил сам митрополит — просить, чтобы не убивали они царского любимца, но хоть замени-

¹ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 634.

ли казнь ссылкой. Наконец, о том, как в запале страстей «в кою пору от государя митрополит ходил к Шуйским, и в ту пору Фома Петров, сын Головина, на манатью (мантию) наступил и манатью на митрополите подрал»¹... А ведь, в отличие от уважаемого автора, анализируя этот рассказ, *профессиональный* историк отмечает следующее: «Слова летописи о том, что Воронцов пал жертвой Шуйских вследствие особого расположения к нему великого князя, являются *лишь традиционной формулой*, определявшей ту видную роль, которую, очевидно, Воронцов играл в правящих кругах; *ибо в это время сам Иван не мог еще принимать никакого действительного участия в политических делах (ему было всего 13 лет!)*». Равно как «столь же формально следует понимать и то, что митрополита посылал к Шуйским «великий князь». В действительности в деле Федора Воронцова нашла свое выражение борьба двух групп — группировки Шуйских и группировки, возглавлявшейся митрополитом Макарием», роль которого была исключительно активной².

Вот уж действительно — каждый человек видит лишь то, что он может и хочет видеть...

Но вернемся к отроку Ивану. Столкновение в Думе между Шуйскими и митрополитом, произошедшее на его глазах, как оказалось, стало не только последним их столкновением, но и крутым поворотным моментом в собственной судьбе царственного сироты. Период «двоевластия» закончился. Макарий, выдержав дерзкий выпад бояр, не позволил им повторить то, что учинили они в январе 1542 г. над митро-

¹ ПСРЛ. Т. 13, С. 443.

² Смирнов И.И. Очерки политической истории... С. 98.

политом Иосафом. Отныне он решил взять всю ответственность только на себя. И главное — ответственность за государя, которого нужно было готовить к принятию власти над страной, находившейся в очень сложном положении неослабевающей внешней угрозы и внутренней политической нестабильности. Уже 16 сентября 1543 г., т.е. всего неделю спустя после волнения в Думе, митрополит отправил юного царя из Москвы. Отсутствие его затянулось до самой зимы...

Официально это была поездка на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Однако еще один из первых историков государства Российского и блистательный вельможа времен Екатерины Великой — князь М.М. Щербатов, размышляя над событиями сентября 1543 г., называет их последним толчком к падению Шуйских в самом конце декабря того же года. По мнению князя-историка, ежели в сентябре Иван, еще «не утвердя свою власть, не осмелился с опасностью не иметь повиновения, вдруг оную показать» и «сего ради, скрыв свое огорчение, якобы для моления поехал в Троицкий монастырь, а оттуда на Волок и в Можайск. Сие время, имея при себе некоторое число бояр, употребил он для открытия тути сердца своего. Не невероятно, чтобы и сами бояре, терпящие от самовластия Шуйских, не побудили его к оказанию своей власти и к наказанию Шуйских... и тако уже в намерении явить свою власть возвратился (Иван) в Москву»¹.

Очень правдоподобной посчитал такую интерпретацию событий осени 1543 г. уже в XX веке историк И.И. Смирнов, доказывая, что именно во время того отъезда Ивана из столицы было «предрешено

¹ *Щербатов М.М.* История Российская. — СПб., 1786 Т. V, ч. 1. С. 182.

то, что произошло 29 декабря 1543 г.»¹, когда «князь великий Иван Васильевич всея Руси, не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят... многие убийства сотвориша своим хотением (и перед государем многие безчиния и государю безчестия учиниша), и многие неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поминати первосоветника их, князя Андрея Шуйского и велел его предати псарям, — и псари взяша и убише его, влекуще к тюрьмам... — а советников его розослал (т.е. отправил в ссылку) — князя Федора Шуйского, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных; и от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание»². Примечательно, обращает наше внимание тот же исследователь, что «в перечне «советников» Андрея Шуйского, разосланных в ссылку после его падения, назван и Фома Головин — тот самый, который за три месяца до этого наступил на мантию митрополита Макария и разорвал ее... Этот штрих лучше многого другого раскрывает подлинных руководителей молодого Ивана IV, указывая на роль Макария в свержении Шуйских»³.

Итак, с главой партии Шуйских было покончено. «Не увидел гордый князь нового года...» — и смеясь, и едва ли не рыдая одновременно, восклицает по сему поводу Эдвард Радзинский, вероятно, лишь от избытка чувств запамятовав, что хотя указанное событие произошло в самом конце декабря 1543 г., но до русского нового года было тогда все-таки еще далеко. Ибо даже нерадивому школяру хорошо известно: Новый год 1 января начали праздновать у нас лишь после знаменитого указа Петра I от 1699 г., а до этого

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 99.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 444.

³ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 100.

Русь веками встречала новогодие в сентябре... Как свидетельствует вышеизложенное, чересчур «эмоциональный» автор допускает неточности, еще более серьезные, чем эта невольная оговорка. И все же их не хочется объяснять одной лишь поверхностностью уважаемого автора, его беглым знакомством с историческими источниками. Скорее они коренятся в изначально узкой задаче, которую сам себе поставил и сам же себя ограничил автор книги: показать традиционный образ тирана, только тирана, оставив за кадром абсолютно все, что хоть как-то ему не соответствует.

Именно эти жесткие тиски не позволили г-ну литератору, скажем, при упоминании о казнях, неожиданных опалах и столь же неожиданных помилованиях, последовавших за падением власти Шуйских, учесть весь спектр мнений, касающихся данного вопроса. Увы. Пытаясь самолично объяснить действия Ивана в тот период, Э. Радзинский опять и опять представляет их совершенно субъективно, изолированно от каких бы то ни было иных причин, кроме собственной злой прихоти вырвавшегося на волю «тигра», кроме «кошачьей» склонности Ивана «к игре с жертвой», смешанной с исступленным желанием, чтобы его власть стала грозной и всеобъемлющей. И значит, опять и опять лишь беспомощно повторяя (на свой лад) то, что уже было сказано еще в конце XIX века историком-беллетристом Е. А. Соловьевым: Иван «играл милостями и опалами, своевольствовал, чтобы доказать свою независимость»¹.

Между тем подлинная проблема тех лет заключалась в другом. Крах Шуйских, произошедший благодаря действиям митрополита Макария, действительно выдвинул юного Ивана на первый план историче-

¹ Соловьев Е.А. Указ. соч. С. 29.

ской авансцены. Но выдвижение это было, как легко можно понять, еще только формальным. Реально же победой Макария поспешили воспользоваться ближайшие родственники несовершеннолетнего царя по матери — князя Глинские¹, все время боярского правления пребывавшие в тени и безвестности. А ведь выше читатель мог уже хорошо убедиться, сколь гордым и властолюбивым был сей род. Именем царя-племянника родные братья Елены Глинской немедля рванулись наверстывать упущенное, буквально уничтожая всех своих соперников.

Так, по приказу Глинских подвергся опале и был арестован воспитатель великого князя И.И. Челяднин. По свидетельству современника, «дядьку» царя «ободрали» донага и предали в руки палача. В ссылку отправился конюший боярин И.П. Федоров. Казнен был князь Ф.И. Овчина-Оболенский — сын того самого И.Ф. Овчины-Оболенского, который являлся первым советником при царице Елене и благодаря поддержке коего смогла она расправиться со своим непредсказуемым дядей-соперником М. Л. Глинским. Лишился головы князь Иван Кубенский. И даже Федор Воронцов — тот самый Воронцов, жизнь которого еще не так давно отстоял в жарком споре с Андреем Шуйским митрополит Макарий. Сей «любимец царя», возвращенный из ссылки после падения Шуйских, вновь служил при государе, а в 1546 г. вместе с Кубенским, Федоровым, прочими воеводами участвовал в первом для Ивана военном походе под Коломну с целью «береженья от татар». Здесь-то, вдали от Москвы, и улучили момент расправиться с ними князя Глинские, «ложно оклеветав»², как четко констатирует летопись. К сожалению, на сей раз, пишет

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 101.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 149, 448—449.

историк, «нахождение молодого великого князя вне Москвы лишило возможности Макария вмешаться в развитие событий и не допустить расправы...»¹. Высокий придворный пост конюшего, до этого принадлежавший боярину И. Федорову, немедленно достался старшему из братьев Глинских — Михаилу Васильевичу...

Таковы реальные, общеизвестные и, в сущности, довольно простые причины тех «первых», «самостоятельных» и «необъяснимых» казней, которые тем не менее уже какое столетие приписываются юному царю лишь потому, что вершились его именем, и которые теперь дали повод так разыгаться богатому, жутко романтическому воображению Эдварда Радзинского. Как ни прискорбно, но внимание его, по-видимому, совсем не привлекло более прозаическое (нежели рассказ о кровавых расправах) сообщение летописца, повествующее о подлинных (и, кстати, вполне присущих возрасту пятнадцатилетнего юноши) занятиях Ивана в том первом его походе 1546 г. А ведь цвела весна, май месяц, и ввиду отсутствия неприятеля (крымцы, прознав о выступлении русских войск к южным границам, отложили тогда свой поход на Русь), Иван... просто взялся вместе с окрестными жителями пахать вешнюю пашню и сеять гречиху². А еще... еще он смеясь вышагивал с гурьбой деревенских парней на высоких ходулях, шутил, «обряжаясь в саван»³, дабы в какой-нибудь потехе изобразить привидение. И как не понять из этих кратких штрихов, переданных летописцем, сколь далек был юный Иван от кровавых разборок своей аристократии. Что, вероятно, вырвавшейся из холодных крем-

¹ Смирнов И.И. Очерки политической истории. С. 112.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 448—449.

³ Там же.

левских покоев душе его, душе сироты, было теплее среди людей простых, в глазах которых пусть угадывалось и почтение, и даже страх, но они были искренними, как и улыбки их, и крепкое крестьянское словцо, напрочь лишенное показного боярского подбострастия. И он оценил и запомнил это. Запомнил на всю жизнь.

Мы между тем подошли к рубежу, знаменующему совершеннолетие Ивана, когда он уже официально стал государем всея Руси. 16 января 1547 г., неполных семнадцати лет от роду, он был торжественно венчан на царство, а еще полмесяца спустя женился на Анастасии Захарьиной. Это событие Э. Радзинский напыщенно определил как неожиданное чудесное «преображение» Грозного, причем накрепко увязывая коронацию и женитьбу царя со страшными московскими пожарами, случившимися в том же 1547 г. По мнению автора, как, впрочем, и Карамзина, именно из огня этих пожаров и возник тот, благодаря которому свершилось «преображение» юного царя. Тот, кому вместе с молодой женой Ивана (будто бы) удалось обуздать его неумные страсти и отвлечь от жестокостей — «поп Сильвестр», настоятель Благовещенского собора в Кремле (собора, который г-н Радзинский по ошибке называет Богоявленским). Что же, связь здесь, несомненно, была. Но какая?..

Разговор об этом следует начать с указания на то, что при всем громадном значении, которое возымело для нравственного и политического становления собственно личности молодого Ивана IV его венчание на царство, чин (церемония) которого был составлен митрополитом Макарием¹ по образцу коронаций древних римских и греческих императоров, нельзя забывать о том, что, по сути, вместе с Иваном

¹ Русское Православие. Вехи истории. С. 113.

венчалась тогда и сама Русь, во всеуслышание принимая на себя высокое духовное наследие Византии, равно как с «бармами Мономаха» приняла она и наследие древнего Киева, а ведь читатель помнит, сколь ревниво относилась к этому наследию та же Польша. Иными словами, венчание уже одним своим актом неизмеримо поднимало и укрепляло международное положение и молодого царя, и молодого государства среди других европейских стран. И отнюдь не зазорно то, что короной при этом русскому повелителю послужила «византийская шапка Мономаха татарской работы», как насмешливо несколько раз подчеркивает Эдвард Радзинский. Ибо и она тоже была своего рода воплощением исторической памяти, памяти тяжелой и горькой, а потому — священной.

Однако главные последствия свершившегося в январе 1547 г. в Москве должны были сказаться не только во внешней политике. По воле святителя Макария, подготовившего и осуществившего венчание на царство молодого царя, событие это призвано было стать своеобразным бескровным переворотом, или, по словам историка, легальной формой «ликвидации боярского правления»¹. Так он рассчитывал укрепить авторитет государя прежде всего в самой его стране, вернуть власти законного монарха ее независимый, самодержавный характер. Как писал некогда известный русский публицист В.Ф. Иванов, «святой митрополит Макарий защитил самодержавие Грозного против преступной попытки бояр (его) расшатать... Великий святой предвидел, что в лице Грозного он обретает великого Царя»². Как конкретно это произошло? Вчитаемся снова в скупые летописные строки. Несмотря на их строгую официальную лаконич-

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 119.

² Иванов В.Ф. Указ. соч. С. 493.

ность, они зримо живописуют весь накал и стремительность тех морозных зимних дней...

Первоначальную инициативу коронации летописец естественно вложил в уста самого Ивана, ведь «в соответствии с политическими принципами того времени и женитьба, и венчание на царство могли явиться лишь выражением «государевой воли», о чем он (государь) и ставил в известность»¹ свое окружение. Тем не менее, читая древний текст о том, как Иван в понедельник 13 декабря 1546 г. впервые высказал митрополиту намерение венчаться на царство «по примеру прародителей»², вряд ли можно не понять то, что появиться подобная мысль у юноши могла лишь в результате долгого вдумчивого чтения и долгих неспешных бесед с тем же митрополитом, не сразу, тонко и мудро подготовившим его к этому ответственному шагу. Скорее всего даже, что это было их общее решение, лишь торжественно провозглашенное самим Иваном. А дальше началось наиболее сложное и опасное — переговоры с боярской Думой, которая могла одобрить намерение своего государя, а могла и воспротивиться ему.

Боярская Дума собралась у митрополита уже «назавтрее, во вторник» 14 декабря. Причем, по его приказу на заседание приглашены (и привезены) были даже те бояре, которые находились в тот момент в опале. Однако там не присутствовал еще сам государь. И, как подчеркивает исследователь, «тот факт, что Макарию пришлось сначала созвать заседание боярской Думы в своей резиденции без участия Ивана, свидетельствует об острой борьбе, в какой пришлось (ему) добиваться согласия «всех бояр» на задум-

¹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С 117.

² ПСРД. Т. 13. С. 450.

манное им и его сторонниками мероприятие»¹. Но согласие все-таки было достигнуто, и тогда на свое второе заседание Дума в тот же день собралась уже у Ивана...

Лишь после завершения всех этих напряженных совещаний, 17 декабря, состоялась торжественная церемония официального объявления о венчании и женитьбе государя, когда он произнес две свои блестящие, знаменитые речи, по словам летописца, повергшие всех присутствовавших в слезы радости и умиления мудростью молодого царя. Что же, вероятно Иван, несмотря на все приписываемые ему уже с юности буйства и зверства, был достойным учеником своего великого учителя. Воспринятая им от Макария глубочайшая эрудированность и огненная сила слова отныне на долгие годы станут главным его оружием в нелегкой борьбе с многочисленными недругами...

Такова была предыстория коронации Ивана IV, которую Э. Радзинский, вслед за Е.А. Соловьевым объяснил исключительно тем, что «Иоанн... любил парады, пышность, торжественность, любил показывать себя многочисленной толпе, всякий блеск привлекал его. В прочитанных книгах он, наверное, не раз встречал описания царских венчаний. Они льстили его тщеславию. Он задумал устроить то же самое и у себя в Москве... проникнутый мыслью о собственном величии»². Столь же малопроницательным выглядит автор и когда говорит о женитьбе молодого царя. Жалко цепляясь за мелкие детали вроде того, сколько кроватей было поставлено в кремлевских покоях в момент выборов царской невесты, он по привычке ни словом не обмолвился о том, какая опять-таки сложная политическая игра развернулась за этими

¹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 116.

² *Соловьев Е.А.* Указ. соч. С. 28.

самыми «кроватями». Что «мудрый выбор Ивана» (который в действительности — почему бы и нет? — мог быть именно мудрым и мог счастливо совпасть с его личными вкусами, о чем неоспоримо свидетельствуют все последующие 13 лет совместной жизни молодой четы), его женитьба, в отличие от отца и деда, не на иностранке и даже не на представительнице какого-либо русского княжеского рода, а на дочери захудалого боярина Анастасии Романовне Захарьиной, «демонстрировала намерения Ивана (или, точнее говоря, советников молодого царя) к борьбе против наиболее реакционных княжеских кругов и вместе с тем свидетельствовала о его намерениях опираться в своей политике на иные слои»¹.

Итак, Иван стал царем, уже первым своим шагом — актом женитьбы — вступив в негласный (до поры) конфликт с высшей аристократией, которая была крайне оскорблена его выбором и по привычке затаила злобу. Возможность каких-то ответных выпадов с ее стороны была очевидна. И все же главная опасность для молодого венценосца состояла тогда не только в этом. Главная опасность для Ивана заключалась в том, что с ним вместе у власти все еще оставались и Глинские. Умело воспользовавшись коронацией племянника для укрепления собственного положения, они не хуже прежних временщиков Шуйских продолжали разорять страну, облагая население непомерными податями, чиня «черным людям насильство и грабеж»², из-за чего во многих городах уже в 1546 г. произошли волнения и бунты. Таким образом, Глинские своими действиями бросали тень прежде всего на самого царя, сковывали его волю, и

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 119.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 456

даже митрополит оказывался бессильным в сложившейся ситуации...

Ивана спас народ. Как пишет историк, «то, что Макарий и его группировка пытались провести легальным путем, сверху — ликвидация боярского правления — было достигнуто снизу в результате восстания 1547 г.».

Весна и лето в тот год выдались на редкость знойными, стояла засуха, отчего в Москве начались страшные, по словам летописца, небывалые дотоле пожары. Именно им и суждено было ускорить развязку событий. В июне выгорел весь посад. Едва не погиб сам митрополит — его на веревках спустили из горящего Успенского собора. Тысячи людей лишились крова и имущества. И в неслыханном этом бедствии народная молва сразу же обвинила тех, кто был наиболее ненавистен для нее, обвинила Глинских. Молниеносно распространился слух о том, что город «зажгла» бабка царя — Анна Глинская, колдунья, которая будто бы вынимала сердца из людей, мочила их в воде, а потом, обернувшись сорокой, летала над Москвой, кропила город этим жутким настоем, чем и вызывала пожар...

Восстание началось в воскресенье 26 июня (хотя Эдвард Радзинский относит эти события почему-то уже на июль). Восставшие горожане пришли в Кремль и потребовали выдать им Глинских на расправу. Попытка властей успокоить народ оказалась безуспешной. Напротив, сотни разгневанных людей, ворвавшись в Успенский собор, в присутствии митрополита и самого Ивана схватили там дядю царя Юрия Глинского, выволокли его на площадь и тут же забили камнями¹. После этого были совершенно разграблены все дворы Глинских и перебиты все

¹ ПСРЛ Т. 13. С 154.

их слуги. Ради безопасности Ивану посоветовали уехать из мятежной столицы в подмосковное село Воробьево.

Однако спустя три дня восставшие пришли и туда. 29 июня там появилось целое воинство хорошо организованных и вооруженных посадских людей, которые снова потребовали выдать им Глинских. Сопоставляя данные самых разных летописей, исследователь утверждает, что пришли эти люди по решению веча, «скликанного» (созванного) в мятежной столице московским палачом (!) — личностью для средневекового города весьма значительной, и факт этот уже сам по себе красноречиво говорит о размахе восстания. Равно как и факт прихода москвичей «в Воробьево в полном боевом снаряжении свидетельствует, что черные люди считались с возможностью» применения против них оружия и были готовы отстаивать свои требования¹...

Но вопреки расхожему мнению о последовавшем жестоком разгоне и массовых казнях мятежных москвичей, сила тогда, как доказывает тот же исследователь, применена не была. Во-первых, будь у властей возможность бросить на восставший город достаточное количество войск, бунт был бы подавлен уже в первые дни (если не часы) после своего начала. Во-вторых, при соответствующем указании за три дня стянутые к Воробьево правительственные войска могли запросто не допустить восставших черных людей московского посада и туда. Однако по каким-то неизвестным причинам ничего подобного властями предпринято не было. Напротив, наиболее ранний исторический источник о тех событиях — Летописец Никольского, — на который опирается

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 133.

И.И. Смирнов, свидетельствует, что в момент, когда войско восставших москвичей явилось в загородную царскую резиденцию, «князь же великий того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и обыскав, (по чьему) повелению приидоша (они), и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати»¹, остальные же могли беспрепятственно вернуться в Москву.

Иными словами, можно предположить, что действительно потрясенный постигшим его столицу страшным бедствием, а затем зрелищем огромной массы людей, пришедших к нему, и только к нему одному, искать правды и защиты, семнадцатилетний Иван дрогнул и ужаснулся. Ужаснулся, ибо, как писал известный церковный публицист митрополит Иоанн (Снычев), «в бедствиях, обрушившихся на Россию, он увидел мановение десницы божией, карающей страну и народ за его, царя, грехи и неисправности», за то, что вольно или невольно, но именно он, царь, попускал своим вельможам творить зло и насилие, а значит, виновен вместе с ними. Ибо получивший власть над людьми от бога, он и ответствен перед ним за этих людей всегда и во всем, независимо от обстоятельств. Именно огненная реальность этой ответственности с особой силой пронзила тогда все существо юного Ивана, обожгла его совесть и разум, заставила до конца осознать свой долг. Потому отнюдь не случайно он сам уже много позже напишет о тех днях: «И вниде страх в душу моя, и трепет в кости, и смирился дух мой»² — ведь смирение для христианина как раз и означает прежде всего глубокое осоз-

¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. 2-е изд. Л., 1929, С. 621; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 134.

² Послания Ивана Грозного. С. 523.

нение им своих грехов и своего долга перед богом и людьми...

Но те же грозные московские события, под влиянием которых свершился столь важный нравственный перелом в Иване, стали одновременно и его окончательным освобождением от сковывающей опеки именитого боярства. Ведь народ, пришедший в Воробьево, желал тогда не просто одной расправы с Глинскими, люди хотели видеть законного государя, требовали его справедливого суда. И, в конечном счете, именно их глаза — гневные, ждущие, но и верящие в него глаза простых москвичей, — подвигли его оставить все сомнения и действительно взять власть в свои руки, действительно стать царем. Зарвавшихся родичей он хотя и не выдал, но от управления государством отстранил навсегда.

А что же Сильвестр? — спросит читатель, где же его «устрашающие речи», которые, по версии г-на Радзинского, оказали на «молодого тирана» действие, подобное чуть ли не грому небесному?.. В том-то и дело, что ни один из современных тем событиям исторических источников не упоминает даже имени благовещенского «попа». Легенда о могучем и бесстрашном «духовном наставнике», пришедшем к Ивану в «дни огня», всецело принадлежит князю Курбскому, который писал об этом (кстати, крайне предвзято, но о чем речь ниже), почти 20 лет спустя и сильно исказил многие факты. В действительности Сильвестра еще не было тогда в числе приближенных к царю лиц¹. Придворная карьера его, выходящая из Новгорода Великого², несомненно талантливой

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 2, ч. 1. С. 770

² В Москву Сильвестр попал в 1542 г. благодаря митрополиту Макарию, который взял его вместе с собой в столицу, покидая новгородскую кафедру

церковного писателя, автора не одного лишь «Домостроя», но и «Жития княгини Ольги», — в те времена только начиналась. А посему говорить о каком-то «благодетельном» влиянии его на Ивана именно в момент пожара по меньшей мере безосновательно...

Вряд ли г-н писатель-историк, собирая материалы о знаменитом благовещенском иерее, хотя бы мельком ничего не читал об этом. И все же предпочел и здесь пройти старой дорожкой, проложенной еще Курбским. Между тем давно известно, что «образ» «всемогущего и бесстрашного» духовного поводыря царя, впервые начертанный князем-изменником, «опровергается прямыми показаниями источников, позволяющими определить степень влияния Сильвестра и составить реальное представление о его деятельности». Так же, как давно известна и «общая незначительность количества сведений о Сильвестре. Слишком уж мало для «всемогущего» правителя государства отложилось в источниках следов его»¹ труда.

Увы и увы. При всех своих литературных способностях, при знании греческого, а возможно, и латинского языка, за тринадцать лет службы при дворе Сильвестр не смог стать даже официальным духовником царя, а не то что главным его «советником», «царской Мыслью», как это пытается показать Э. Радзинский, развивая наброски Курбского. В действительности достоверные исторические документы рисуют Сильвестра (на начальном этапе деятельности) в качестве довольно сведущего, расторопного, но, говоря современным языком, лишь — *секретаря-исполнителя при Иване*, его доверенного лица, проводника его, государя, воли, к тому же определен-

¹ Смирнов И.И. Указ соч. С. 250.

ного на сию должность не кем иным, как митрополитом Макарием уже *после* памятного московского пожара 1547 г.¹. Ведь именно тогда, в 1548—1549 гг., впервые непосредственно появился Сильвестр на исторической сцене — как назначенный царем и митрополитом руководитель работ по восстановлению росписей внутренних помещений кремлевского дворца, сильно пострадавшего от пожара. (Кстати, что-то напугал, в чем-то ошибся иерей, руководя этими самыми работами... так ошибся, что думный дьяк И. Висковатый без всякого страха и почтения обвинил благовещенского попа не больше и не меньше как в ереси. Дошло до того, что пришлось Сильвестру даже объяснительную записку составлять по сему поводу церковному собору, в коей он, старательно оправдываясь, писал, что, мол, делал все так, как указали то государь с владыкой Макарием... Да ведь обвинение в ереси, известно, — самое ужасное для времен Средневековья. Только явное покровительство Макария спасло тогда бывшего новгородца в худшем случае от смертной казни, в лучшем — от тюрьмы в дальнем монастыре. Сильвестра оставили при дворе...)

Но пойдём дальше. А дальше, после «неожиданного чуда преображения» молодого царя, которое мы уже рассмотрели, в тексте Эдварда Радзинского следует новое «чудо» — столь же дивное и внезапное, словно по мановению волшебной палочки: «Вокруг Ивана собрался кружок совсем молодых людей... «Избранная Рада». В Раде и были задуманы великие реформы...» Что же, и впрямь чудесно. Чудесно, как сам себя выдает достопочтенный «историограф».

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 245—259.

МИФ ОБ «ИЗБРАННОЙ РАДЕ». НАЧАЛО РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Дело в том, что звучный термин «Избранная Рада», вкупе с мифом о «царском наставнике Сильвестре», пришел в нашу литературу прямиком из сочинений князя Курбского. Это именно он первый «несколько на литовский манер», как сообщает г-н Радзинский, назвал так правительство молодого Ивана IV. Только... только если уж быть до конца точным, то скорее не «на литовский», а на польский, западнорусский, украинский, в конце концов, «манер» — князь ведь писал свои «мемуары» на Волыни... Слово в слово за Курбским называет автор и основных участников сей «рады» («думы», «совета» по-русски) — Сильвестр, Алексей Адашев, наконец, сам славный потомок древнего рода князей ростовских — Андрей Михайлович Курбский. Вот кто, выходит, по их общему мнению — то бишь по мнению Радзинского и Курбского, — встал тогда во главе России, вот кто думал о реформах, о будущем! Вовсе ни к чему здесь ни какие-то еще другие людишки, ни сам царь — мальчишка, осинovým листом дрожащий перед попом!..

А может быть, красочная, будоражащая воображение легенда о громогласном попе как раз и была

выдумана в свое время Курбским для того, чтобы ярко, убедительно обосновать необходимость и «выдающееся значение» той «Избранной Рады», которая будто бы возникла при «усмиренном» Сильвестром государе? Для того, чтобы затемнить, а еще лучше, на веки вечные исказить для потомков память о подлинной роли Ивана и вместе с тем сделать героями совсем не тех, кто являлся таковыми на самом деле? Наконец, для оправдания своей собственной политической деятельности и, прежде всего, своей измены, бегства из действующей армии?.. Была ли «Избранная Рада» действительно стихийно сформировавшимся кружком великих реформаторов, как вслед за Курбским старательно убеждает нас Эдвард Радзинский? Какие цели ставила она? Кого объединяла? Кому служила? Да и существовала ли вообще?..

Надо признать: талантливая мистификация князя Курбского полностью выполнила свое назначение — спор об «Избранной Раде», причине ее появления, составе, характере деятельности не утихает по сей день. Именно участников Рады считают непосредственными авторами реформ, осуществленных в России в первое десятилетие царствования Грозного. Правда, если раньше наиболее распространенным было мнение о том, что Рада — исключительно детище княжеско-боярских кругов, сумевших с помощью Сильвестра вновь получить власть над царем (Соловьев, Ключевский, Платонов. Кстати, эти историки, аргументируя указанную позицию, ссылались не только на Курбского, но и на слова самого Ивана IV, который в своих посланиях резко характеризовал Сильвестра как верного пособника именно князей и бояр), то нынче наши исследователи в основном склоняются к тому, чтобы считать «Избранную Раду» неким «правительством компромисса», преобразова-

ния которого отвечали «пожеланиям дворянства и дальновидных кругов боярства»¹. Более того, в последних работах Р.Г. Скрынников даже уточняет, что реформы начали родственники жены царя Ивана — не слишком родовитые бояре Захарьины, «а закончила враждебная им Рада во главе с князем Д. И. Курлятевым-Оболенским»²...

Таким образом, налицо потрясающе живучее стремление поставить во главе реформ (да и во главе всего государства в целом) кого угодно, но только не самого Ивана Грозного — точь-в-точь по «идее», запущенной в оборот еще Курбским. Лишь бы не отступить от сего основополагающего догмата, допускается вполне явный абсурд в смысле того, что преобразования, направленные прежде всего на дальнейшее развитие единого централизованного Русского государства, могли «начать» и «закончить» представители таких различных по положению и идеологии социальных групп, представителями каковых были нетитулованные бояре Захарьины и знатнейшие князья Курлятевы.

Тогда как... тогда как еще в 1885 г. по сему поводу было высказано и совсем другое мнение. Полемизируя с той чрезмерно высокой оценкой, даваемой в исторической литературе «кружку мудрецов» при молодом Иване, русский историк К. Бестужев-Рюмин указывал на весьма ничтожную вероятность в те времена того, «чтобы много могли сделать какие-либо советники без полного убеждения *со стороны царя* в необходимости» преобразований³, без его личной на то воли.

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. — М., 1980. С. 477—478.

² Скрынников Р.Г. Русь IX—XVII века. — СПб., 1999. С. 198.

³ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч., 1885.

Тогда как потом, более полувека спустя, уже советский историк И.И. Смирнов, говоря об этом же известном, в сущности, факте быстрого роста и укрепления в XVI столетии самодержавной царской власти в России — власти московского правителя — вполне резонно отмечал, что «усиление роли царской власти в делах руководства государством выражается как непосредственно в усилении личной власти государя, так и в такой форме, как появление особого типа политиков-временщиков, размеры влияния и власти которых определялись личным доверием к ним государя, чьим именем они и действовали». Взгляд на проблему именно с такой стороны позволил исследователю совершенно иначе подойти и к вопросу о так называемой «Избранной Раде». Проследив по документам постепенное изменение в 50-х годах состава боярской Думы, историк доказал: «Избранной Рады» во главе с Сильвестром, Адашевым и Курбским при Иване IV никогда не было¹.

Реальное русское правительство вовсе не представляло собой «узкий кружок» каким-то случайным образом сошедшихся «мудрых советников». Его состав был строго продуманным, менялся по мере необходимости на всем протяжении 50-х годов, пополняясь как членами боярской Думы (родовитой аристократии), так и путем все более активного привлечения к управлению государственными делами представителей служилого дворянства. Как говорили современники, «великие роды» все явственнее оттеснялись от власти людьми «молодыми», незнатными, и, разумеется, этот сложный, во многом болезненный процесс не мог осуществиться без твердой политической воли самого государя, без его ощутимой поддержки именно тех людей, которых он сам

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 139—263.

выбирал себе в помощники независимо от происхождения, но в первую очередь оценивая их личные деловые качества. Именно они и составили «ядро» правительства 50-х гг., «ближнюю думу» при государе. Почти с самого начала наиболее значительными участниками этой «ближней думы» были митрополит Макарий, двое братьев царицы Анастасии — нетитулованные бояре Захарьины, благовещенский протопоп Сильвестр, А.Ф. Адашев и думный дьяк И.М. Висковатый; что же касается князя А.М. Курбского (почти ровесника 18-летнего царя!), то он вошел в нее уже значительно позднее — таковы исторические факты.

Эти упрямые факты снова и снова обнажают не одну лишь неосведомленность автора, но выдают его логическую непоследовательность, внутреннюю противоречивость рисуемого им «образа» молодого царя, который, с одной стороны, вроде бы находится в полной духовной зависимости от своих «советников» и фактически полновластных правителей государства, а с другой — сам же набирает сих «советников», руководствуясь лишь исключительно своей прихотью, своим стремлением приблизить «новых людей, обязанных не знатности и славе рода, но безвестных, вознесенных его милостью людишек».

А ведь столь легко и беззастенчиво извращая историческую действительность касательно «Избранной Рады», пытаясь представить молодого Ивана таким малодушным и мстительным сатрапом, только для внешнего эффекта лично призвавшим народ на Земском соборе 1550 г. «простить друг другу все», что совершилось плохого и несправедливого за годы боярского правления, но сам, однако, ничего не забывший и не простивший, потому что «не умел забывать», с «документальной точностью» передавая даже, как в момент произнесения той соборной речи «го-

рели бешено глаза царя... и голос срывался от волнения», сам Э. Радзинский «позабыл» сказать вот о чем...

Первый Земский собор, или, как его еще называют некоторые исследователи, собор Примирения, открылся не в 1550 г., а 27 февраля 1549 г. и представлял собой даже не Земский собор в полном составе — т.е. с участием представителей высшей аристократии, дворянства и посадского населения страны, как это будет принято немного позже, а только крупное расширенное совещание митрополита, бояр и дворян под председательством самого царя¹. Царя, который, по словам летописца, «видя государство свое в великия тузе и печали от насилья сильных и от неправды... умысли смирити всех в любовь; и советовав со отцом своим Макарием митрополитом, како бы оуставити (остановить) крамолы и вражду оутолити, повеле собрати... всякого чину» людей², с тем чтобы совместно обсудить и наметить пути разрешения сих давно наболевших вопросов. Вероятно, во время одного из заседаний этого совещания восемнадцатилетний Иван действительно счел нужным выйти на площадь, дабы именно там произнести главную речь, в которой он открыто, как перед богом, испросил у своего народа прощения за все насилия и преступления, совершенные боярами за время его малолетства. «Люди божие и нам богом дарованные! — глубоко поклонившись во все четыре стороны, говорил царь. — Молю вашу веру к нему и любовь ко мне, будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду, соединимся

¹ Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 31

² Цитата по кн.: Бестужев-Рюмин К. Русская история. — Т. 1. СПб, 1885. С. 216.

все любовью христианскою. Отныне я судья вам и защитник!..»¹

И это были не просто слова, не просто проявление склонности к показной «игре на публику», как пытается убедить читателя Эдвард Радзинский. Напротив, в том, что Иван, столь страстно и недвусмысленно осудив боярский произвол, все-таки призвал народ не к мести, но к прощению и примирению, непредвзятому взгляду, скорее видны глубокий разум, сила духа молодого государя, понимавшего (пусть не без совета митрополита Макария) необходимость такого шага ради успокоения в стране, без чего невозможным стало бы и сколько-нибудь успешное проведение уже готовившихся преобразований...

Ведь ярко повествуя о том знаменитом обращении Ивана, наш уважаемый автор поведал лишь об одной части этого обращения, где говорилось о прошлом, но из поля зрения рассказчика совершенно выпала другая, не менее важная часть выступления государя перед народом. Между тем профессиональный исследователь доказывает: речь, произнесенная Иваном 27 февраля 1549 г., содержала в себе краткую программу реформ, которые намеревался он осуществить и которые острием своим направлены были как раз на преодоление негативных последствий периода боярского правления², а значит, именно на **защиту** самых насущных интересов всего народа, на решение общих его проблем.

Ввиду того, что больше всего беззаконий творилось во времена боярщины в судах, где пышным цветом расцвело мздоимство, хронологически первым преобразованием, осуществленным правительством Ивана IV, стала судебная реформа. В строгом соот-

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. IX. С. 171.

² Смирнов И.И. Очерки политической истории. С. 294.

ветствии с заявлением царя от 27 февраля 1549 г., провозгласившим, что отныне он сам будет главным «судьей и защитником» своим подданным, уже 28 февраля вышел его указ о новых формах суда, резко ограничивших влияние старой аристократии. Очень примечательно: этим указом под особое покровительство государь брал *мелких помещиков — «детей боярских», дворян, — костяк вооруженных сил страны, основу ее безопасности от нашествий, следовательно, безопасности всего населения...* С момента издания указа только царь мог судить дворян, по всем делам, кроме уголовных, боярский суд для них отменялся¹.

Понятно, такой шаг потребовал грандиозной работы по пересмотру всего действовавшего до этого времени Судебника 1497 г., «который более не соответствовал требованиям централизованной монархии»². И новый свод законов Русского государства, известный в истории как Судебник Ивана Грозного, подготовленный в кратчайшие сроки, был представлен на утверждение Земского собора уже в июне 1550 г.

Да, читатель, именно новый свод законов, а не *первый*, как изволил выразиться г-н Радзинский, что является уже не простой оговоркой или опечаткой, но откровенной ложью, недопустимой для любого уважающего себя историка. Ибо, определяя Судебник, принятый Земским собором 1550 г. как первый на Руси, вряд ли не помнил автор ни знаменитую Русскую правду Ярослава Мудрого, ни вышеупомянутый Судебник Ивана Третьего, изданный в 1497 г., ни в

¹ См. Судебник Ивана Грозного. Ст. 64. — В кн: Российское законодательство X—XX веков. — Т. 2. М., 1985.

² *Кемпфер* Ф. Иван Грозный. — В кн: Русские цари. М., 1997 С. 38.

целом о том, какое мнение существовало в те времена у европейцев о русской юриспруденции. А ведь «московские судебники производили на иностранцев, склонных вообще видеть во всем обиходе московитов только варварство, неожиданное впечатление большой культурной работы, отчетливой, ясной и продуманной. Герберштейн... приводя выдержки из Судебника Ивана III, забывает прибавить, что в это время ни на его родине, в Германии, ни вообще где-либо *на Западе, не было ничего подобного. Судьи изнывали под тяжестью запутанных, не приведенных в систему правовых положений разных времен*, которые они стремились напрасно связать и осмыслить своими университетскими воспоминаниями из области изучения римского права. Особенно поразительным казалось московское судопроизводство англичанам, у которых суд, построенный на прецедентах из старых решений, хранящихся в архивах, требовал огромной памяти от судей и адвокатов»¹. Насколько «честны и справедливы» были выносимые таким образом приговоры — догадаться не трудно. Даже Вольтер писал в свое время, подчеркивая раздробленность и бессистемность законов средневековой Франции: «законы меняют, меняя почтовых лошадей, проигрывая по ту сторону Роны процесс, который выигрывается на этом берегу; если же и существует некоторое единообразие.. то это — единообразие варварства»². Но все это лишь к слову. Вернемся на Русь...

Итак, «шли реформы», пишет наш маститый популяризатор истории, отстраненно, невнятно, словно торопясь поскорее миновать сей (будто бы) скучный, малоинтересный вопрос и, в сущности, так и не

¹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. С. 21—22.

² Цитата по кн: Державин К.Н. Вольтер. — М. — Л., 1946. С. 424.

объяснив, в чем же конкретно они заключались. Между тем даже известный западный исследователь Франк Кемпфер, которого весьма трудно заподозрить в симпатии к Грозному, вынужден признать, что первое десятилетие царствования Ивана IV было годами действительно «напряженной реформаторской деятельности»¹, когда «смелые внешние предприятия шли рядом с широкими и хорошо обдуман-ными планами внутренних преобразований»².

Молодой государь и правда хорошо запомнил все, что пришлось ему увидеть, испытать, будучи еще подростком, юношей, когда он многое уже понимал, но сделать не мог практически ничего. Он, наверное, помнил и гневные лица псковичей, и представителей других городов и волостей, некогда пробивавшихся к нему с челобитьями на своих наместников-воров... Теперь, взяв власть, Иван, наконец, смог ответить им всем. Одновременно с судебной реформой его правительство начало осуществлять коренную реформу управления, в том числе и местного, основу которого составляла власть присылаемых из центра представителей-наместников. С населения эти наместники собирали пошрины в свой карман и, таким образом, буквально кормились за его счет, нередко действуя в управляемых областях едва ли не как удельные князья, безнаказанно грабя народ (вспомним еще раз псковского наместника Андрея Шуйского).

Для того чтобы пресечь подобное в будущем, Иван, во-первых, со своей стороны стал более жестко контролировать деятельность наместников, создав для этого специальные приказы. Во-вторых, Судебник 1550 г., еще сохраняя сам институт «кормлений», впервые четко поставил власть столь ненави-

¹ Кемпфер Ф. Указ. соч. С. 38.

² Ключевский В.О. О русской истории. М., 1993. С. 202.

стных кормленщиков-наместников и под контроль «снизу», со стороны народа, со стороны выборных земских старост и целовальников¹. ***Их участие в местных судебных разбирательствах отныне было обязательным***, а это открывало «возможность борьбы против произвола наместничьего суда прежде всего черному, посадскому и деревенскому населению»². В перспективе же правительство Грозного явно стремилось к тому, чтобы постепенно полностью ликвидировать власть наместников, заменив, как писал Ключевский, «коронных областных управителей» «земским самоуправлением»³. Факт сей подтверждается, например, тем, что уже в 1555—1556 гг. в Устюге Великом и прилегающих к нему волостях специальной царской грамотой должность кормленщика была упразднена. Из-за поборов наместника, говорилось в грамоте, царю «от крестьян челобитья великие», а потому «мы (царь), жалуючи крестьянство... наместников и волостелей... от городов и волостей отставили»⁴. Такова была воля «тирана».

Разумеется, это нововведение царя явилось жестоким ударом для родовитых княжат и бояр, в руках которых от века находились должности наместников. Теперь их своевольству был положен предел, а за взяточничество и волокиту любого из них просто могли привлечь к суду⁵ — дело для средневековой Европы вовсе не слыханное. Противодействие высшей элиты было неминуемо. Но в те же 1549—1550-е годы Иван

¹ См: Судебник Ивана Грозного Ст 62, 68 и др. — В кн: Российское законодательство X—XX веков. — Т. 2. М., 1985. С. 108—109, 112.

² *Смирнов И.И.* Очерки политической истории. С. 312.

³ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 202.

⁴ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 423.

⁵ Судебник Ивана Грозного. Ст. 75.

нанес своей аристократии и еще один страшный удар. Государем был издан указ об отмене местничества¹ — системы, чрезвычайно тормозившей развитие государства, но которую, ввиду ожесточенного сопротивления знати, удалось окончательно сломить *только двести лет спустя* Петру I. И цифра эта сама говорит, сколь тяжелой была начатая Грозным борьба...

Решительно отвергнув прежний порядок распределения государственных должностей между претендентами в строгом соответствии со знатностью их фамилий, царь Иван запретил местничество прежде всего в армии, потребовав от своей аристократии служить «без мест». Таким образом, «монополия княжеско-боярской знати на занятие высоких постов в армии, исходя из местнических родословных счетов, ломалась, и правительство получало возможность назначать воеводами того, кого оно считало нужным»², что несомненно повлияло на качество командного состава русской армии.

На укрепление армии, на поддержание ее основной боевой силы — дворянства были направлены и меры, предпринимаемые правительством по обеспечению дворян достаточным количеством земельных наделов, благодаря которым они могли нести свою службу. «Аргументируя необходимость земельного «передела» (в пользу дворян), Иван указывал на то, что в годы боярского правления многие... обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели, «у которых отцов были поместья на сто четвертей, ино за детьми ныне втрое, а иной голоден». В вопросах митрополиту царь просил рассмотреть, ка-

¹ *Зимин А.А.* К истории военных реформ 50-х годов XVI века. — Исторические записки. Т. 55. С. 347.

² *Смирнов И.И.* Иван Грозный. С. 35.

ковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они «с них служат», и приговорить, как «недостаальных пожаловати»¹. Вот почему конкретно понадобились правительству земли и ради чего решился Иван на созванном 23 февраля 1551 г. церковно-земском соборе (получившем впоследствии название Стоглавого) прямо поставить вопрос об обширных земельных владениях церкви.

Необходимо подчеркнуть: ему пришлось пойти на обсуждение этого вопроса в сложной обстановке, когда в самой русской церкви уже более полувека не затихал жаркий спор как раз о возможности или невозможности того, чтобы она владела землей. «Иосифлянам» (т.е. официальным церковным властям и прежде всего митрополиту Макарию), доказывавшим необходимость и законность существования церковного землевладения, противостояли так называемые «нестяжатели», «заволжские старцы», причем под личиной аскетической критики каковых со временем все больше стали вести проповедь люди, представлявшие интересы оппозиционной княжеско-боярской знати. Так что пожелай Иван действительно конфискации всех церковных владений, он неминуемо ослабил бы положение своего основного политического союзника.

Но в том-то и дело, что, как верный сын матери-церкви, двадцатилетний царь вовсе не намеревался отнимать у нее кусок хлеба, коим она кормилась сама и кормила, по возможности, всех, кто в этом нуждался². Нет, еще до собора обсуждая **вместе с митрополитом** земельную проблему (да и не только ее одну, о чем свидетельствует целый перечень «Царских вопросов», подготовленных им на

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 38.

² В ведении церкви сосредоточивалась благотворительность.

рассмотрение Макария), Иван шел не на конфликт, а испрашивал совета — как быть¹, ждал от церкви прежде всего понимания и поддержки. Так же, как верил он в то, что с пониманием воспримет собор и его глубоко справедливую критику внутреннего состояния церкви, невежества, пьянства, воровства и разврата, в коем погрязли тогда многие ее служители и на что указывали в своих обличениях нестяжатели. Резкие реплики Ивана об этом, сохраненные в списках постановлений Стоглава, ярко передают, как искренне горела его душа над каждым вопросом, сколь еще юношески страстно стремилась ко «всеобщему исправлению»².

И Ивана действительно поняли. Согласно общему приговору царя, митрополита и других архиереев от 1 мая 1551 г., включенному в перечень постановлений Стоглавого собора, архиепископы, епископы и монастыри обязывались передать государственной казне все земли, пожалованные им после смерти Василия III, т.е. во время хаоса и беззаконий боярского правления. Кроме того, они должны были вернуть старым владельцам — дворянам и крестьянам — поместья и черные земли, отнятые за долги или «насильством». Наконец, впредь закон запрещал церкви приобретать новые земли «без доклада», т.е. без согласования с властями³. Всем же остальным церковным владениям гарантировалась неприкосновенность. Так была решена острейшая проблема, решена

¹ См., например, царский вопрос № 15 Стоглавому собору. — В кн: Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. Стоглав Текст. С. 271

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 376—378; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. — Л., 1986. С. 31—33.

совершенно без крови и без потрясений, совершенно парламентским, как сказали бы теперь; методом, с помощью объективного анализа и взаимных мудрых уступок...

Но, стремясь выискивать лишь негативные моменты, Эдвард Радзинский, упоминая мельком о Стоглавом соборе, изобразил дело так, словно был это не большой, сложный и откровенный разговор-обсуждение царя со своим высшим духовенством наиболее животрепещущих вопросов светских и церковных, но всего только очередная стычка властолюбивого Ивана с иерархами, которые «изводили его уловками и, главное, не боялись его гнева». Сей эпизод книги «блещет» просто полным невежеством автора, особенно сцена, описывающая, как «царь потребовал у церкви отдать землю», а потом «в нетерпеливом бешенстве хотел обличить иерархов — Сильвестр не дал», стал отговаривать Ивана, призывать к терпимости... Да будет известно уважаемому писателю, что по своим взглядам, как явствует из документов, поп Сильвестр был близок как раз к нестяжателям, т.е. к противникам официальной церкви, резко критиковавшим ее и выступавшим за полный отказ ее от земельных владений. В силу именно таких убеждений Сильвестр вряд ли мог выступить в роли защитника церкви перед Иваном, как это нарисовано в тексте книги богатой фантазией автора. К сожалению, его яркие картинки, подающие Сильвестра чуть ли не главным деятелем собора, который будто бы вновь «смирил» (пока!) Грозного царя, совершенно не подтверждаются тем реальным (и общеизвестным!) соотношением политических сил существовавшим на Стоглавом соборе 1551 г. А оно было таково, что действительно, принимая участие в работе собора и даже подготовив (как полагают историки) целый ряд вопросов для соборного обсу-

ждения, «нестяжатели» находились там все же в явном меньшинстве и ощутимого успеха достичь не смогли.

Не смогли, несмотря на то что с самого начала царю вроде бы должна была импонировать и резкая их критика по поводу церковных нравов, и главное требование — полный отказ церкви от земельных владений. Дело здесь, наверное, заключается в том, что Иван все-таки хорошо знал, *кто* стоит за их «смиренно» согбенными фигурами. Знал, в кого направлены, к примеру, потаенные стрелы моралистических проповедей Максима Грека, столь превозносимого Э. Радзинским. Сей монах (действительно грек по происхождению), приглашенный в Москву исключительно в качестве переводчика церковно-служебной литературы, однако, явно этой скромной ролью не удовольствовался (что вполне объяснимо опытом, приобретенным за годы жизни в возрожденческой Италии), вскоре близко сошелся с «нестяжателями» и не посчитал зазорным вмешаться в самую гущу мирских проблем, выступая едва ли не трибуном «ортодоксальности»...

Скажем, Иван, должно быть, помнил, знал по рассказам очевидцев, что еще свыше двадцати лет назад именно Грек яростно осуждал развод его отца, назвав второй брак Василия III с Еленой Глинской «великим блудом». Он же, Грек, упрекал тогда великого князя и в не слишком почтительном отношении к боярской Думе, в том, что все дела Василий предпочитал решать без нее, собирая лишь ближайших советников. Теперь же, годы спустя, пришла, по всей видимости, очередь уже для сына Василия стать объектом порицания строгого мниха. И снова и снова, как подчеркивает исследователь, «в нравоучительных размышлениях (Максима Грека) о судьбах византийских царей, погибших потому, что они «пре-

зирали своих бояр», и в притче о нечестивом юном царе, подпавшем под власть своих порочных страстей, — находило в завуалированной форме свое выражение недовольство княжеско-боярских кругов политикой Ивана Грозного»¹...

Однако... однако известно: неистово обличать, требовать кристальной чистоты и праведности всегда легче, чем делать реальное дело. А посему, когда в 1554 г. (более трех лет спустя после Стоглава) царь Иван, невзирая на все то, что было ему известно о взглядах и политических пристрастиях монаха-писателя, **обратился к Максиму Греку с личным посланием**, в котором просил оказать ему действительную помощь — помощь в борьбе с ересями, т. е. написать полемическое сочинение с опровержением еретических взглядов, и, таким образом, применив свой проникновенный дар церковного публициста как раз там, где это было необходимо прежде всего, исполнить прямую обязанность поборника истинного христианства, то «мудрый старец» даже **не ответил на эту просьбу молодого царя** и писать на сей раз ничего не стал. Историки объясняют это довольно просто: Максим Грек счел за лучшее промолчать, остерегаясь быть втянутым в процесс над близким ему еретиком Матвеем Башкиным². Но и этот весьма характерный нюанс остался вне поля зрения нашего рассказчика...

Вернемся к реформам Грозного. Складывается впечатление, что Э. Радзинский вовсе не из-за кажущейся скучности, ненужности таких «деталей» для его повествования столь бегло миновал вопрос о ре-

¹ Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 57.

² Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в системе развитого феодализма (XIV—XVI вв.)— В кн: Русское Православие: веки истории. — М., 1989. С. 130.

форматорской деятельности Ивана IV, по сути сведя весь разговор лишь к констатации того, что государь заставил всех служить себе и только себе... Нет, вероятно соображения автора на сей счет были значительно глубже. Заключались они в понимании того, что если кратко и хоть сколько-нибудь честно, отсекая позднейшие домыслы и искажения, рассказать читателю об этих преобразованиях, ему неминуемо пришлось бы подойти к выводу о том, что реформы были тщательно продуманы и целенаправлены. Все они последовательно вели к решению главной для Ивана задачи — к восстановлению законопорядка и укреплению государства, к тому, чтобы оно действительно могло выполнять свое назначение — защищать подданных, обеспечивать для них приемлемые условия жизни и труда. Да, несомненно, что при этом многократно возрастала и крепла его личная власть — власть государя. Задолго до Людовика XIV молодой русский самодержец Иван Грозный с полным правом мог бы сказать: «Государство — это я», правда, вкладывая в сию крылатую фразу совершенно иной, более глубинный смысл, нежели его блестящий европейский собрат. Ибо если правление Людовика считается вершиной французского абсолютизма, когда из народа беспощадно выжимались последние гроши, а оторванный, отгороженный от этого самого народа версальский двор блистал почти безумной роскошью и гигантский штат титулованной и нетитулованной королевской обслуги, стремясь удовлетворить любое пожелание своего короля-солнца, как кровожадный монстр, поглощал едва ли не весь национальный доход страны, то Иван IV был всему этому прямой противоположностью. Сказав, что «государство — это я», он не согрешил бы перед истиной, ибо действительно, его Русь всегда была частью его души, его крестом, его достоянием и

его «отчиной», которой он служил, как мог сам и по-нуждал служить свою аристократию.

Мы ведь далеко не случайно привели немного выше слова знаменитого историка В.О. Ключевского, указывавшего, что уже в первые годы царствования Ивана Грозного «смелые внешние предприятия шли рядом с широкими и хорошо обдуманскими планами внутренних преобразований»¹. Укрепление законности и власти в стране как воздух необходимо было ему не только для того, чтобы обезопасить свой народ от внутренних притеснений, но и от ВНЕШНЕЙ АГРЕССИИ. Слабое, разобщенное государство не в состоянии себя защитить — он видел и знал это с детства. Так же, как с самого начала своего царствования он ясно сознавал, что ему придется много и упорно воевать. Доказательства всегда были у него перед глазами: скажем, с 1534 по 1544 гг., т.е. с момента смерти его отца и все годы боярской анархии — лишь вдумаясь в этот реальный исторический факт! — казанские татары **ежегодно** совершали грабительские набеги на Русь². Ежегодно с методичной жестокостью они сжигали русские города, насиловали женщин, убивали детей, захватывая и угоняя в рабство, на муки и лютую смерть многотысячный полон. Где впоследствии продавали сей высокоценный живой товар, мы уже говорили выше. Равно как говорили мы и о том, что набеги эти очень часто осуществлялись не одними лишь казанцами, но и крымцами, объединенные силы которых неизменно поддерживал их верховный сюзерен и покровитель — Османская империя. Причем по-разбойничьи под-

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 202.

² Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549) — Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. Изд. МГУ. 1954. С. 229—231.

вижные отряды степняков разоряли не только окраины, но продвигались далеко в глубь страны — к Владимиру, Костроме и даже к Вологде¹. А потому, нисколько не преувеличивая, сам Иван писал, что после таких нашествий «От Крыма и от Казани до полуземли пусто было»², свидетельствуя тем самым, о чем действительно болела душа царя, что именно подвигло его, всего лишь девятнадцати лет от роду, впервые повести войска на Казань...

¹ См., например: ПСРЛ. Т. 13. С. 100; *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 187–257.

² Послания Ивана Грозного. С. 47.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ — АГРЕССИЯ ИЛИ ЗАЩИТА?

Между тем в тексте Радзинского все опять предстает совершенно в ином свете. Неожиданно, без какой бы то ни было логической последовательности переходя от одного вопроса к другому (но ни один из них не раскрывая до конца, как это было уже неоднократно показано всем предыдущим изложением), автор продолжает в том же духе. От досужих размышлений о «мире рабства и власти», олицетворением и главным кодексом которого стал, по его мнению, силвестровский Домострой, г-н литератор, повторим, сразу вдруг перескакивает к походу 1552 г. на Казань, ни словом не упомянув о том, как готовился этот поход, как накрепко был связан со всем комплексом проводимых Иваном реформ. Да и само падение Казани происходит у автора как-то уж неправдоподобно быстро, одномоментно, в силу чего от читателя (а тем паче от телезрителя) остается почти сокрытым, ускользает смысл и значение этого поистине грандиозного события, а также то, как тяжело, ценой каких усилий была завоевана сия победа.

С неким тайным умыслом или же без оного, но Эдвард Радзинский не сказал доверчивому читате-

лю о том, что поход 1552 г., завершившийся взятием Казани, был отнюдь не первым, а уже третьим по счету походом Ивана на Волгу. Собственно, вся вторая половина 40-х годов прошла для московского правительства в дипломатических и военных попытках «замирить» (как писали русские хронографы) воинственного соседа, добиться стабилизации положения на казанском пограничье путем утверждения в Казани хана — сторонника мира с Русью. При этом использовалась неухажавшая внутривнутриполитическая борьба в самом ханстве между местной знатью и сторонниками крымских Гиреев. Так, как это было, например, в январе 1546 г., когда в Казани вспыхнул мятеж против крымского ставленника Сафа-Гирея, нещадно грабившего казанцев в пользу Крыма¹. Изгнав его, они взяли тогда на свой трон московского ставленника Шах-Али (Шигалея). Но попытка оказалась неудачной. Прошло немногим более полугода, и Шигалея выбил из города вновь захвативший Казань Сафа-Гирей, хан, для которого главным делом жизни была именно борьба против Руси. А потому, «начиная с этого момента, — указывает историк, — Москва выдвинула план окончательного сокрушения Казанского ханства»². В 1548—1550 гг., уже пережив огненное крещение московскими пожарами и начав яростную борьбу с губительным боярским своеволием, молодой царь со всей присущей ему страстью взялся за решение и этого, воистину **жизненно** не менее важного для страны вопроса, лично возглавляя два подряд зимних похода на Казань. Возможно, по собственным словам Ивана, он искренне не мог, не желал «тер-

¹ На что сетовали сами казанцы в своих грамотах в Москву. — См: ПСРЛ. Т. 8. С. 295.

² *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 44.

петь более гибели христиан, кои поручены мне от Христа моего!..»¹.

На неудачное окончание этих походов повлияли два фактора. Во-первых, неурядицы и беспрестанные споры о местничестве, все еще царившие в русском войске и дезорганизовавшие его. (Вспомним, читатель, еще раз знаменитый приговор Ивана Грозного **об отмене местничества прежде всего в армии! Решение о нем царь вынес именно из тех походов**, во время которых ему пришлось, видимо, воочию узреть и на деле столкнуться с мертвяще-каменной спесью своих бояр-воевод.) Во-вторых, сильно подвели погодные условия. Оба раза при подходе к Казани неожиданно начиналась оттепель, таяли снега и лед на Волге, что чрезвычайно затруднило действия русских войск, оба раза вынуждая их к отступлению². И здесь летописец зафиксировал уже совершенно четко: из-за гибели большого числа людей, пушек, боеприпасов — «многа бо вода речная на лед насткупи, и многие люди в продушинах потопоша...» — двадцатилетний царь возвращался тогда в столицу действительно «со многими слезами»³...

Но Иван был настойчив. Поставив перед собой определенную задачу, он упорно, шаг за шагом шел к ее разрешению. Так, с этой целью в последующие 1550—1551 гг. его правительством была предпринята почти полная блокада Казани методом перекрытия воинскими соединениями всех водных путей ханства⁴. Вторым действием было основание новой, близкой к Казани опорной базы для русских войск — города-крепости Свияжска, при устье реки Свияги.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 177.

² Там же, С. 156.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 166.

Кстати, наиболее удобное и стратегически выгодное место для крепости, так называемую Круглую гору, указал русским участвовавший во всех походах молодого царя бывший хан Шигалей и его приближенные «казанские люди»¹. Закладка крепости произошла 24 мая 1551 г., «и свершили город в четыре недели», ибо еще зимой 1550/51 г. в угличских лесах были срублены все необходимые составные части будущей крепости, а уже весной их в разобранном виде (причем тщательно пронумеровав, как с особым интересом отмечал в своих записках немец Генрих Штаден²) сплавили по Волге, прямо к месту постройки.

...Впрочем, основание этого города-крепости имело не только сугубо военное, но и большое политическое значение. Гористая местность вокруг него издавна заселялась народом черемисов (мари) — «горными людьми», в то время как на другом, пологом берегу Волги существовала еще и «луговая черемиса». Для них, как свидетельствует летопись, постройка целого города в невиданно краткие сроки стала подобна чуду. Стала своего рода наглядным доказательством могущества и силы русского царя. Царя, который, имея такие возможности, наверняка будет в состоянии и их обезопасить от татарских грабежей. Словом, именно с того момента «горные люди, видя, что город православного царя встал в их земле», все чаще и чаще отказываясь от подчинения Казанскому ханству, стали официально обращаться к Москве с просьбами о принятии в русское подданство³. Так начинался процесс складывания великой многонациональной России. Однако и это чудо осталось «за кадром» у Э. Радзинского...

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 160.

² *Штаден Г.* Записки о Московии. — М., — Л., 1927. С. 113.

³ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 165, 467.

Наконец, ко всем указанным обстоятельствам прибавилось то, что саму Казань вновь захлестнули междоусобные распри, и именно это в конечном счете предопределило ее грядущее падение. Еще весной 1549 г. там, 42-х лет от роду, неожиданно умер воинственный хан Сафа-Гирей¹. Престол наследовал его двухлетний сын Утемиш-Гирей, за которого начала править его мать-регентша царица Сююнбике вместе с поддерживавшей ее крымской знатью. Однако крымская династия оказалась уже столь непопулярной в Казанском ханстве, что просто не смогла удержаться у власти. Против крымцев вспыхнул мятеж, и под напором народного недовольства местная казанская знать **сама выдала** русским воеводам брошенную бежавшими сторонниками на произвол судьбы царицу Сююнбике вместе с сыном стоявшим под Казанью русским войскам (после чего она, кстати, с большим почетом была препровождена в Москву). Одновременно, летом 1551 г. казанцы вновь пригласили на свой престол неоднократно ими изгонявшегося экс-хана Шигалея.

Хотя дальнейшее ясно показало, что эта уступка была лишь «тактическим маневром со стороны татарской знати, продолжавшей готовиться к борьбе с Русским государством»², Иван все же не стал отвергать эту возможность уладить дела с Казанью таким относительно мирным путем, не доводя до большого военного столкновения и большой крови. Москва одобрила новое воцарение Шигалея. Главное требование, предъявленное при этом казанцам царским правительством, заключалось лишь в том, чтобы

¹ По одной из версий, он, будучи пьян, споткнулся и, сильно ударившись головой, «убился в своих хоробах». — ПСРЛ. Т. 13. С. 157.

² *Смирнов И.И.* Иван Грозный. С. 69.

впредь «полону русского ни в которой им неволе не держать и всем дати волю; и князем всем привести полон на Казанское устье да отдать боярам; а достальной полон, как царь Шигалей на царстве будет, весь освободить, казанцам всех отпустить и в неволе не держати»¹.

Для того чтобы понять это главное требование Ивана Грозного, понять, *что* значило оно для русского народа и *что* для казанских феодалов, довольно вспомнить следующее: только в день «посажения» Шигалея «на царство», 16 августа 1551 г., и только на одном ханском дворе было собрано и освобождено 2700 человек русского полона. Всего же в те дни, во исполнение сурового приказа Ивана «если у кого найдут христианского пленника — того карати смертию» было выпущено на волю 60 000 человек² — потеря для работоторговцев и впрямь немалая. Однако и указанные цифры были еще далеко не пределом! Скорее они являлись лишь начальным этапом грандиозной акции освобождения, ибо известно, что к 1551 г. в казанском плену томилось уже **100 000** русских людей. В силу этого вопиющего факта, кстати, становится легко объяснимым и то, что, сажая на царство Шигалея, московское правительство отдало ему в управление только земли, расположенные на луговой стороне Волги, горная же сторона (вместе со Свияжском) была оставлена за Россией. По всей видимости, она удерживалась русскими не только как важная стратегическая позиция, но и как своеобразная гарантия выполнения казанцами всех соглашений, касающихся русских пленников. Неслучайно, отвечая в октябре 1551 г. очередной делегации из Казани на ее прошение о возвращении горной сторо-

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 167.

² Там же. С. 169—170.

ны, царь Иван резко заявил: «А вы еще полон русский держите!..»¹

Да, увы, невзирая на все усилия Москвы поддерживать заключенный мир, несмотря на богатое жалованье, неоднократно посылавшееся в Казань, и личные обращения Ивана к Шигалею, просившего его честно выполнять договоренности и укрепить власть, порядок в ханстве, дабы «**кровь перестала на обе стороны на века**»², в Казани мира не хотели. При явном попустительстве Шигалея, не желавшего ссориться с казанской знатью, по дальним местам ханства продолжали «скрывать по ямам»³ закованный в цепи русский полон. Против хана то и дело возникали заговоры, и положение его было крайне шатким. Он, человек мудрый, с большим политическим опытом, сам чувствовал это, признавшись московскому посланнику Алексею Адашеву, приехавшему в конце 1551 г., что обстоятельства сильнее его и он не может более держать ханство в повиновении, ибо обещал казанцам вернуть горную сторону, увеличить размеры ясака, собираемого с податного населения, но ничего этого не выполнил. Трезво оценивая всю безнадежность сложившейся ситуации, Шигалей практически по собственной воле отказался тогда от власти, сказав: «Мусульманин сам, не хочу на свою веру восставать и государю изменять не хочу же. Ехать мне некуда, поеду назад к царю...»⁴

Подтолкнув Шигалея отказаться от престола, казанская знать предприняла еще одну дипломатическую хитрость, начав с русским правительством затяжные переговоры о назначении из Москвы в Ка-

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 172.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 172, 173.

⁴ Там же.

зань уже даже не хана, а правителя-наместника¹. Но за спиной у этих переговоров она не мешкая заключила военный союз с Ногайской ордой. И когда 6 марта 1552 г. вместо покинувшего Казань Шигалея в город торжественно (по заключенной договоренности) должен был вступить новый государев наместник князь С.И. Микулинский, Царские ворота столицы ханства неожиданно закрылись, в городе была учинена жестокая резня оставшихся там русских людей, а на престол возведен ногайский ставленник Едигер-Магмет... Надо ли говорить, что именно это открытое оскорбление и открытый разрыв отношений и вынудили правительство Ивана Грозного на ответные, вполне адекватные меры. Той же весной 1552 г. оно начало новый и, как оказалось, последний поход на Казань....

Войска двадцатидвухлетнего царя, насчитывавшие 150 000 человек, большое число артиллерии, специальной осадной техники, были подготовлены самым тщательным образом. Едва ли не вся страна снаряжала их. Как свидетельствуют документы, по всем уездам было заготовлено огромное количество «запасу к казанскому походу: ржи, и овса, и муки пшеничные и ржаные, и толокна, и круп, и солоду ячного и ржаного, и хмелю, и меду, и яловицы, и мяса полотного, и гусей, и всякого запасу и судов под тот запас».

Но главное внимание было, конечно, сосредоточено на командном и боевом составе русской армии. Как пишет профессиональный историк, «с тонким тактом, без ухаживания за аристократией (отбирало) правительство состав государева полка, окружая особу царя группой наиболее преданных ему лиц. В 1550 г. (да-да, читатель, опять-таки именно в 1550-м.

¹ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. 2. С. 221.

подведя итоги двух подряд неудачных походов!), после большого смотра, была отделена тысяча «помещиков детей боярских лучших слуг» из провинциальных военных как княжеского, боярского, так и простого дворянского происхождения. В составлении списка обнаружили все достоинства московской правительственной историографии и статистики. Были приняты во внимание старые заслуги, дела отцов. Среди «тысячи» (были) дети испытанных воевод, сыновья пленников несчастливой оршинской битвы 1514 г. (встречались также имена из) синодика Успенского собора, куда, по повелению государя, записывались на вечное поминовение воины «храбрствовавшие и убиенные по благочестию за святые церкви и за православное христианство». (Тогда же, для того,) чтобы иметь непосредственно под рукой и наилучше вознаградить этот отборный состав... царь испоместил всех тех «тысячников», кто не имел подмосковных, владениями в ближайших окрестностях столицы»¹. Однако Э. Радзинский, хотя и упоминая мельком сам факт создания «тысячи», тем не менее не говорит, что в походе 1552 г. на Казань как раз эти «тысячники» составили главный штаб и основу царской гвардии²...

Торжественное выступление русских войск состоялось 16 июня 1552 г.

Покидая столицу, фактическим наместником и правителем государства молодой царь, как всегда, оставял в Москве митрополита Макария, приказав боярам со всеми текущими делами обращаться именно к нему³, что еще раз неоспоримо указывает

¹ *Виннер Р.Ю.* Иван Грозный. С. 49.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 186; *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 22.

на высокую политическую роль святителя. Но поход уже в первые дни едва не был сорван. Прямо с марша Ивану пришлось бросить свой правый фланг и значительную часть царской гвардии к Туле, которую именно в этот момент, стремительно выйдя из Крыма, осадила орда хана Девлет-Гирея.

Это был план, разработанный турецким султаном Сулейманом II. Еще год назад, в мае 1551 г. Османская империя, серьезно обеспокоенная решительными действиями Москвы по отношению к Казани и стремясь предотвратить разгром своего верного вассала на Волге, выдвинула идею общего выступления под турецким главенством всех трех татарских ханств — Казанского, Крымского и Ногайского — против Руси¹. В соответствии с этим планом неожиданное нашествие Девлет-Гирея призвано было сковать русские силы и не допустить их поход на Казань. Но благодаря мужеству самих тульчан, а также удачным маневрам русской армии этому коварному замыслу не суждено было осуществиться. Врага разбили наголову. Сам хан Девлет-Гирей лишь чудом спасся от плена. А Иван, не пожелав даже на несколько дней вернуться в Москву, вновь устремился на восток. 13 августа вместе с основной частью войск он был уже в Свияжске.

Именно оттуда, из своей чудом вставшей на высоком волжском берегу крепости, Иван обратился к жителям Казани со словами мира, обещая, что ежели сдадут они столицу без боя, то он их простит и пожалует². То же самое приказано было отписать и от имени хана Шигалея. Однако даже эта последняя попытка избежать кровопролития, а вместе с тем спасти от штурма и разрушения большой красивый

¹ Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 70.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 201.

город, оказалась тщетной. Ответ, пришедший из Казани через несколько дней, был столь дерзостен и презрителен, что не осталось уже никакой надежды на то, что разум все-таки восторжествует и казанская знать поступится собственными политическими амбициями ради сохранения тысяч и тысяч жизней своих подданных. 23 августа русские войска окружили город, и началась осада, которая завершилась 2 октября взятием Казани...

Он был действительно жестоким — тот полный разгром Казани в октябре 1552 г., с грабежом, с резней, свойственными всем войнам Средневековья. Но был ли он более жесток и страшен, чем разгром Москвы в 1237? Сколько раз горела и бывала нещадно разграбляема сама русская столица и сотни других русских городов, сел, деревушек как до 1552 г., так и после него, например, в 1571, когда на Русь вновь пришла орда Девлет-Гирея?¹ Если учитывать все это, то можно, пожалуй, понять: русским ратникам в самом деле хотелось и, главное, было **за что** немилосердно громить богатые казанские подворья, лавки, дворцы. И царь действительно предостерегал войска от этого, как свидетельствует в своих сочинениях участник взятия ханской столицы князь Курбский. Предостерегал, вполне резонно опасаясь за общий ход сражения. Однако, повествуя о штурме Казани, Эдвард Радзинский по привычке использовал лишь этот единственный факт, чтобы как можно более выпукло оттенить «постыдные» действия русских и... геройскую жертвенность казанцев, мужественно, до последнего оборонявших свой город.

¹ Историки считают, что, например, лишь с XV по XVIII век Россия потеряла в результате нашествий степняков от ТРЕХ до ПЯТИ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК.

Господин литератор не пожелал уточнить при этом, что мужество сие защитников Казани было, в сущности, напрасным. Никто не желал их поголовной гибели. Летопись гласит: даже в ходе штурма Иван Грозный *дважды* предлагал им прекратить сопротивление и остановить уже бессмысленное взаимоистребление войск. Но казанская знать, обрекая на гибель тысячи людей, предпочла вести кровавую бойню именно до конца... Князь Курбский (на свидетельства которого и опирается наш уважаемый рассказчик) передает: лишь собственному хану она «благородно» не дала умереть — умереть с честью, на поле брани, как это и подобает главе разгромленного государства. Хан Едигер-Магмет был позорно **выдан** русским воеводам¹. Когда бой закончился и плененного хана привели к Грозному, Иван сказал ему только одно: «Несчастный! Разве ты не знал могущества России и лукавства казанцев?» Но, неведомо почему, Радзинский опустил эту фразу. Так же, как опустил он и ту «деталь», *что русский царь Иван не пожелал взять ничего из доставшихся ему трофеев. Все несметные казанские сокровища, накопленные в результате многовекового грабежа и позорной работорговли, он приказал отдать своим войскам. Летописец зафиксировал: «На себя же государь не велел имати ни единыя медницы (т.е. ни единого гроша), ни плену, токмо единого царя Едигер-Магмета и знамена царские да пушки градские»².*

Итак, смертельный враг Руси был разбит в своем же логове, и, как продолжает наш романтический повествователь, «со слезами умиления» славил царя-победителя «его любимец и бесстрашный воевода

¹ Курбский А.М. История Иоанна Грозного. — В кн: Сказания князя Курбского. Ч. 1. — СПб., 1833. С. 41—42.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 220.

князь Курбский, заслуживший в кровавой сече прозвище «бич Казани»...». Что же, молодой, дерзкий и самолюбивый князь мог бы действительно на века остаться в памяти потомков именно как жестокий бич, каратель, насильник-колонизатор. Мог бы, не остави его государь...

Нетерпеливо стремясь все дальше по непростым дорогам русской истории и, словно в плохоньком школьном учебнике, от падения Казани сразу переходя к завоеванию Астрахани, автор опять позабыл сказать о многом, весьма существенном для характеристики Ивана IV и его царствования. Например, о том, что взятие главной волжской твердыни стало не только «величественным послесловием к татарскому игу». Включение Казанского ханства в состав Российской державы было началом освоения огромного края. Прямая ответственность за сотни тысяч живущих там людей легла теперь на плечи русского царя, и он понимал эту ответственность. В отличие от многих своих вельмож, в отличие от того же князя Курбского, которые рассматривали вновь присоединенные земли прежде всего как будущие пожалования за службу, перспективу личного обогащения и именно потому стремившиеся к максимально скорому приведению этих земель в полную покорность **неважно какими средствами**, Иван с самого начала думал явно о другом. Он думал о престиже, о привлекательности власти московского государя. И именно как раз поэтому произошло его первое столкновение с Андреем Курбским.

Спор вспыхнул на общем военном совете, созванном царем непосредственно после окончания боев за Казань и посвященном вопросам «об устройении града нововзятого». На этом совете Иван, помимо прочего, высказал свое намерение немедленно покинуть город и вывести все основные русские войска из

ханства¹, оставив в нем лишь минимальное их количество — для поддержания порядка. Как свидетельствует участник того совета, князь Курбский, это предложение государя встретило резкое осуждение неких «мудрых и разумных» вельмож (в числе коих находился и он, «любимец» царя). Эти «мудрые и разумные» требовали от Ивана как раз противоположного — того, чтобы государь, оставшись в Казани на зиму «со всем воинством», продолжил военные действия **«и до конца выгубил воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на века»**². Вот на что толкал Ивана Грозного (и впрямь, видимо, «со слезами умиления») великий человеколюбец и невинный страдалец за правду (по мнению г-на Радзинского), князь Андрей Михайлович Курбский!

Однако у молодого царя хватило выдержки настоять на своем и не поддаться на провокационные требования знати. Правда, Курбский много лет спустя утверждал, что Иван поступил так лишь «по совету шурьев» Захарьиных — братьев царицы Анастасии, торопивших Ивана в Москву ввиду того, что царица была на сносях и со дня на день ожидалось рождение у государя первенца... Но даже если так, даже если допустить, что только мотивы сугубо личные заставили его столь быстро покинуть Казань и стремглав помчаться в Москву, к жене, то без огромной армии и обоза он добрался бы до столицы значительно скорее. Между тем царь вернулся из победного похода именно со всеми своими войсками, как триумфатор. А значит, прав здесь более не озлобленный князь-изменник, в тоске и одиночестве

¹ ПСРЛ, т. 13, с. 222.

² Курбский А.М. Указ. соч. С. 47.

эмигрантского бытия писавший свои воспоминания. Прав профессиональный историк, объясняющий быстрый отвод царем своих ратников из Казани тем, что «в противовес политике истребления и усмирения», за которую ратовала часть его знати, «Иван IV сформулировал политику Русского государства в отношении населения бывшего Казанского ханства как политику, основанную на (мирном) привлечении на сторону Русского государства основной (его) массы, послав «по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, **чтобы шли к государю не бояся ничего**; а кто лихо чинил, тому бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним казанским царем»¹. Такой характер политики не только не требовал сохранения в Казани основных военных сил Русского государства (вещь опасная, кстати сказать, и в стратегическом отношении, так как лишала Русское государство возможности отпора на южной границе в случае нового нашествия крымцев), но, напротив, делал естественным и целесообразным возвращение Ивана в столицу»².

И это было воистину великое возвращение! В отличие от последующих историков и писателей, русский народ по достоинству оценил то, что свершил

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 221.

² *Смирнов И.И.* Очерки... С. 204. Кстати, столь же тактичен и предельно осторожен был Иван Грозный и в вопросах вероисповедания для народов Поволжья. За исключением татар-мусульман, все они в большинстве своем были еще язычниками. Назначенный в 1555 г. казанский архиепископ Гурий получил от царя строжайший наказ крестить, обращать их в православие исключительно добровольно, по собственному желанию каждого человека. (См: Акты археографической экспедиции. Т. I. № 241.) И вина ли государя в том, что наказ его выполнялся далеко не всеми, от кого это зависело? В том, что, как пишет историк, «к сожалению, не везде держались таких благоразумных мер: нетерпимость века брала свое...» (*Бестужев-Рюмин К.Н.* Указ. соч. С. 223).

во имя его двадцатитрехлетний¹ царь Иван Васильевич, сквозь тяжкую толщу веков и проклятий пронеся в своем сердце благодарную память о *той* победе. Ни об одном из русских государей, исключая лишь былины о Владимире Красное Солнышко, в которых слились к тому же образы сразу двух исторических деятелей — Владимира Крестителя и Владимира Мономаха, — более не сложил и не сберег он столько героических песен и легенд, сколько о Грозном царе-избавителе. Это ли не самый лучший, самый дорогой памятник на все времена?.. Знаменитый историк С.М. Соловьев, пытаясь объяснить, почему завоевание Казани неизмеримо памятнее народу, чем, скажем, более близкая по времени Полтавская битва, говорит, что то историческое одоление «было не следствием личного славолюбия, молодого царя и не было следствием стремлений великих, но не для всех понятных, каково, например, было стремление к завоеванию Прибалтийских областей; завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека... (ибо) подвиг этот совершался для... охранения русских областей, для освобождения пленников христианских»². А потому и через века живо, будто строчки прямого репортажа с места события, читаются восторженные слова монаха-летописца, не смогшего остаться в стороне от общего ликования, рассказывая о том, какое огромное количество людей встречало Ивана уже на подступах к Москве. далеко за городскими стенами, в полях, где «и старые и юные вопили великими гласами, так что от приветственных возгласов ничего

¹ Решающую осаду Казани Иван Грозный начинал именно в дни своего двадцатитрехлетия.

² Соловьев С.М. История России. Т. VI. С. 115.

нельзя было расслышать»¹. Летописцу вторит Карамзин: «Приближаясь к любезной ему столице, царь увидел на берегу Яузы огромное множество народа, так что на пространстве шести верст от реки до посада оставался только самый тесный путь для государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами московских граждан, ехал Иоанн, кланяясь на обе стороны, а народ, целуя ноги, руки его, восклицал непрестанно: «Многая лета царю благочестивому, победителю варваров, избавителю христиан!»² И, медленно проезжая по этой живой улице, Иван, с непокрытой головой, в сверкающем на солнце полном боевом доспехе, тоже был, наверное, счастлив. Счастлив, как никогда более в жизни...

Уже совсем скоро произойдет, по выражению Эдварда Радзинского, «тревожное событие, впрочем, скоро забытое», но тем не менее оказавшееся «впоследствии роковым для многих...». Действительно роковым...

Блестящая казанская победа Ивана Грозного явилась огромным достижением не только в военном и внешнеполитическом отношении. Она, как не бывало со времен Дмитрия Донского, подняла авторитет молодого царя внутри страны. Это непреложный факт — тысячи и тысячи людей совершенно справедливо считали его теперь именно своим избавителем и защитником. «Ты, государь, вывел нас из ада»³, — говорили русские полоняники-рабы, освобожденные им после взятия Казани. И Иван, сознавая этот успех, эту поистине (как сказали бы теперь) всенародную поддержку, стремился максимально использовать ее для продолжения реформ. Офици-

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 223.

² Карамзин. Н.М. История Государства Российского. С. 134.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 515.

альная летопись гласит: немедленно по возвращении из победоносного похода царь объявил о своем намерении «пожаловать всю землю» и полностью ликвидировать кормления¹, иначе говоря, завершить то, что уже было начато Судебником 1550 г...

Но... указанная «декларация Ивана означала новый серьезный удар по политическим и экономическим интересам боярства», неся в себе угрозу резкого ограничения его участия в управлении страной, равно как и утраты значительной части доходов². А потому стоит ли удивляться, что боярская Дума полностью провалила этот законопроект, переданный государем на ее рассмотрение в декабре 1552 г.? Впрочем, взбешенная таким «бесчестьем» знать отказалась тогда же обсуждать («поотложиша»³) и многие вопросы «казанского строения», нерешенность коих, в свою очередь, спровоцировала восстание черемисов в Поволжье. Так «радели» бояре своему государю. Так рвалась последняя пелена их показного подбострастия.

Всю жестокость создавшегося положения вскрыла тяжелая болезнь Ивана, постигшая его в марте 1553 г. По всей вероятности, организм молодого человека просто не выдержал высочайшего напряжения душевных и физических сил в течение целого ряда лет, венцом которых явилось взятие Казани. Никакой передышки, мы видели, не позволил себе государь и после победы. Напротив, как раз с того времени уже явное, уже с открытыми спорами в Думе противостояние Грозного и оппозиционных бояр стало нарастать, найдя свое логическое завершение в циничном «мятеже у царевой постели», как назвал его

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 268.

² *Смирнов И.И. Очерки...* С. 266.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

позднее сам Иван. Именно возле нее, именно после того, как царь, сраженный «огненным недугом», в течение десяти дней пролежал при смерти, мучимый жаром и бредом, они решили, что часы его сочтены и снова пришел *их* момент... 11 марта дьяк И.М. Висковатый (которого иностранцы называли русским канцлером), видя, что надежды на улучшение состояния государя уже нет и справедливо опасаясь за дальнейшую судьбу династии, предложил ему подписать завещание, а потом немедленно провести традиционную церемонию «целования креста» — т.е. принесения присяги на верность наследнику государя, четырехмесячному сыну Ивана Дмитрию. В тот же день сие и было осуществлено: первыми присягнули «ближние бояре» — члены правительства (среди которых, кстати, был А.Ф. Адашев, но отсутствовал князь Д.И. Курлятев, дипломатично вдруг занемогший). Однако когда назавтра, 12 марта, пришла очередь «целовать крест» Дмитрию уже членам боярской Думы, то большинство их сделать это открыто отказались. Сии благородные мужи, очевидно, в явственном предвкушении грядущей свободы отбросив даже внешнюю скорбь и почтительность к государю, лежащему на смертном одре, прямо заявили, что не хотят служить наследнику-«пеленочнику» (младенцу), так как «владеть» и править будет не он, а его дядя-регенты — худородные Захарьины. И в таком случае пусть лучше правит двоюродный брат, ровесник Грозного — князь Владимир Старицкий (кстати, и характером более покладистый)... Гражданская война, таким образом, могла вспыхнуть сию минуту и здесь же, в царских покоях, где лицом к лицу стояли те, кто уже присягнул государеву сыну, и те, кто присягу давать не желал. Очень красноречива в этом отношении фраза, брошенная боярином В.И. Воротынским тому самому двоюродному брату умирающего

Ивана — князю Владимиру Андреевичу Старицкому, который, мстя в цари, упорно отказывался целовать крест в пользу племянника. «Тебе служить не хочу, — заявил Воротынский, — *а за них, за государей своих, с тобой говорю, а будет где доведетца по их... повелению и драгися с тобою готов*»¹.

Но в тот страшный миг и тех и других спасли пронзительный ум и железная воля самого Ивана. Могучим усилием заставив себя превозмочь смертную тяжесть болезни, он обратился к мятежникам отнюдь не с проклятиями и угрозами, но решительно, страстно воззвал прежде всего к их совести, к неминуемой ответственности каждого перед всевышним. «Измена будет на ваших душах!» — сказал государь. И Дума сдалась. «Бояре все от того государского жестокого слова поустрашились и пошли... целовать (крест)»². Впрочем, здесь нельзя не учитывать и тот существенный фактор, что бояре-изменники предпочли отступить, ибо понимали: «на стороне царя — вся мощь государственной машины», дворянство, успевшее «почувствовать эффект как от внутренних реформ, укрепивших его социально-экономические и политические позиции, так и от казанской победы». Практически этой силе оппозиционным княжеско-боярским кругам противопоставить было нечего³...

Примечательно: непосредственным автором (или, по крайней мере, основным редактором) летописного рассказа о «мятеже у царевой постели» все историки считают самого Ивана Грозного. Но если одни исследователи вполне доверяют этому свидетельству, то другие больше склонны рассматривать

¹ ПСРЛ. Т. 13 С. 526.

² Там же. С. 525.

³ Смирнов И.И. Очерки... С 269, 274.

его как крайне тенденциозное преувеличение того, что происходило в действительности (например, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников). В недавно выпущенной книге Р.Г. Скрынников даже доказывает: Грозный преднамеренно сгустил все краски, стремясь показать тот эпизод именно как «мятеж», хотя на самом деле ничего подобного тогда не было. Бояре вели себя вполне лояльно, возмущенные только тем, что к присяге их приводил лично не сам царь (обессиленный недугом). Членов боярской Думы раздражало то, что церемонию поручено было вести людям, уступавшим им в знатности происхождения — боярину В.И. Воротынскому и дьяку-канцлеру И.М. Висковатому, — и именно по этой причине случилась вначале небольшая заминка, а вовсе не «мятеж»¹. Факт столкновения «у царевой постели», иными словами, отрицается Скрынниковым почти полностью, невзирая на то, что, как подчеркивает другой историк, он был обусловлен всем предшествующим ходом событий².

Однако, несколько не смущенный столь критическим отношением некоторых (либерально, кстати, настроенных) специалистов к летописному свидетельству Грозного, Эдвард Радзинский в своем повествовании вдруг неожиданно и всецело словно бы принял сторону царя, принял его взгляд на происшедшее все-таки как на мятеж, явное предательство... Более того, автор даже позволил себе «дорисовать», договорить то, о чем умолчал сам царь — о мнимости его болезни, которая началась «внезапно» и «столь же внезапно» завершилась «благополучным выздоровлением». Что, наконец, «болезнь», по сути, специально была придумана, разыграна Иваном («великим актером, как и многие деспоты»), дав «ему возмож-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 142—145.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 264—285.

ность многое проверить»... И вот здесь-то опять сразу становится ясным, почему уважаемый наш литератор снова столь избирательно пренебрег мнением историка. Еще бы! Ведь прислушайся он к этому мнению, его повествование пришлось бы оставить без такого занимательного, щекочущего нервы и воображение штриха: тиран-актер, русский Нерон...

Ибо, оставив в тексте и по-своему использовав упоминание о боярском мятеже в марте 1553 г.. Э. Радзинский представил те события исключительно как изощренно-коварный царский розыгрыш, почти начисто лишив их всех сопутствующих обстоятельств, а иногда и просто искажая прямые свидетельства летописи, без которых происходившее тогда действительно кажется игрой, чем-то, с одной стороны, мистически-пугающим, с другой же — легким и несерьезным, как сама (к месту и не к месту) улыбка автора-телерассказчика. Ибо, повествуя, как во время болезни Ивана «князь Владимир Старицкий, двоюродный брат царя, и мать его пиры устраивали! Будто не государь и родич на смертном одре лежит, а радостное происходит...», вряд ли не помнил автор о том, что устраивались тогда не только «пиры». Исторические документы неопровержимо гласят: заговор с целью государственного переворота и воцарения Владимира Андреевича Старицкого действительно имел место во время болезни Грозного. «Подготовка (к нему) шла сразу по двум направлениям. Во-первых, по линии мобилизации военных сил, необходимых для совершения переворота. Основу этих сил должны были составить непосредственные вассалы Владимира Старицкого — его дети боярские. Именно поэтому, стремясь обеспечить себе (их) поддержку, Владимир Старицкий и его мать (княгиня Ефросиния) в то самое время, когда в царских палатах происходили церемонии, связан-

ные с составлением завещания и приведением ко кресту ближних бояр, демонстративно «сбрали своих детей боярских да учили им давати жалованные деньги»¹, что было, согласимся, гораздо существеннее, нежели упомянутые Радзинским «пиры».

«Другим направлением, по которому шла подготовка переворота в пользу Владимира Старицкого, являлась вербовка на свою сторону лиц из среды боярства. Эту сторону деятельности заговорщиков исчерпывающим образом раскрывают показания кн. Семена Лобанова-Ростовского — одного из активных участников заговора Старицких, данные им во время сыска после раскрытия заговора Лобановых-Ростовских в 1554 г. (когда уже сам князь Семен был уличен в изменнических действиях и арестован. — *Авт.*). По (его) словам, «как государь недомогал, и мы все думали о том, что только государя не станет, как нам быти. **А ко мне на подворье приезживал ото княгини Офросиньи и от князя Володимера Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служити, да и людей перезывал;** да и со многими есмя думами бояре: только нам служити царевичу Дмитрию, ино нами владети Захарьиным, а чем нам владети Захарьиным, ино лутчи служити князю Володимеру Ондреевичу» (ПСРЛ. Т. 13. С. 238)»².

Так, отринув какие бы то ни было понятия долга, чести, верности **законному** государю, но руководствуясь лишь собственной корыстью, на сторону Старицких перешли представители знатнейших фамилий, особо приближенных к царю, — князь Петр Щенятев, князь Иван Турунтай-Пронский, князь

¹ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 268.

² Там же.

Дмитрий Немой, князь Петр Серебряный, князь Семен Микулицкий. А князь Д.Ф. Палецкой уже после (!) целования креста на имя царевича Дмитрия сразу поспешил уведомить Старицких, что он «княгине Офросинье и князю Володимеру... служити готов»¹. Но самым страшным для молодого царя было даже не это: в конце концов, лживость, подлость, элементарную беспринципность высшей аристократии он видел с детства. Пожалуй, самым трагическим для Ивана итогом тех дней явился факт измены людей, коим он доверял всецело, именно их считая близкими, наиболее достойными своими помощниками и соратниками — Алексея Адашева и Сильвестра...

В присущей слезно-смешливой манере Эдвард Радзинский так описывает действия благовещенского иерея в момент смертельной болезни его «духовного чада»: Сильвестр (эта, напомним, «царская мысль» и непререкаемый авторитет для всего царского двора, ежели верить характеристикам того же Радзинского вкупе с Курбским), так вот, «Сильвестр метался между ним, умирающим, молившим присягнуть сыну, и мятежными боярами. Поп всем пытался угодить, всех примирить, вместо того чтобы стыдить тех, кто законному царю крест целовать не хотел... Так он о пользе государства заботился, забыв о верности ему, царю». Что же, с точки зрения исторических источников здесь г-ном литератором на сей раз все передано точно. Летопись действительно констатирует: метался Сильвестр, суетился вельми... Задумаемся, однако, читатель: к чему бы так вдруг стал юлить и откровенно холуйствовать перед высокородными мятежниками «громогласный муж», которому довольно было, как утверждал выше сам же

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 532.

наш уважаемый автор, едва ли не бровью повести сурово, и смирялись не то что бояре — сам царь перед ним трепетал?! Зачем потребовалось ему, «всесильному государеву духовнику», в один миг пасть так низко, лебезить, уговаривать, тогда как любого вроде бы мог стереть в порошок... Или все же **не мог?** Или (в отличие от интерпретации Радзинского) все-таки не столь уж велико было его, Сильвестра, влияние и авторитет его зижделся в первую очередь на том, что ценил, поддерживал своего попа-секретаря сам царь Иван? Так же, как ценил царь организаторские способности Алексея Адашева... Иными словами, только от прямой воли Ивана зависело дальнейшее пребывание Сильвестра и Адашева у власти, но вместе с тем никто не мог гарантировать сохранения им такого высокого положения в случае смерти царя. Так что скорее всего именно трезвый и жесткий конъюнктурный расчет, именно страх за свою политическую карьеру (а отнюдь не стремление «всех помирить») толкнули Сильвестра (как и Алексея Адашева¹) тотчас, когда стало ясно, что Иван при смерти, фактически изменить своему покровителю, отказаться настойчиво, со всей силой пастырского красноречия, поддерживать кандидатуру сына царя — законного наследника. Напротив, мигом оценив ситуацию, истинный придворный, иерей Сильвестр своей навязчивой «миротворческой» суетой сразу попытался заслужить благосклонность к собственной персоне в стане врагов Грозного — в стане Вла-

¹ Историки свидетельствуют, что близкий друг и любимец царя Алексей Адашев, в отличие от своего отца — члена боярской Думы Ф. Адашева, открыто отказавшегося присягнуть царевичу Дмитрию из-за неприязни к его дядьям Захарьиным, хотя формально и целовал крест «пеленочнику», все же «тайно держал сторону князя Владимира Старицкого». См.: *Карамзин Н.М. История Государства Российского* Т IX. М., 1990. С. 227.

димира Старицкого. «Польза государства» здесь была явно ни при чем...

Вот что судилось, вместе с тяжелейшим нервно-физическим кризисом, перенести Ивану на двадцать четвертом году жизни и менее чем полгода спустя после одержанной им величайшей победы. Перенести, превозмочь и идти дальше. Как? Какими силами?..

Действительно, на первый взгляд (вернее, взгляд со стороны, свысока) загадочным и непостижимым может показаться выздоровление царя. «Однажды застали его бояре сидящим на ложе, и царь объявил им со смешком, что бог исцелил его» — «раскрывает тайну» наш исторический «психоаналитик». Оставим эти слова на совести автора, вряд ли он не ознакомился хотя бы с мнением Карамзина по сему поводу¹... Со смертного одра Ивана мог поднять именно только бог, только его долг перед ним, его священный и тяжкий, как крест, долг государя. Изможденный и обессиленный, наблюдая то, что было хуже любого кошмара — предательские метания, мгновенную измену даже самых (казалось бы) верных, — он понял, что оставлять страну, как и сына-младенца, ему не на кого, что снова с точностью повторится все то, что творилось во времена его малолетства и что уходить поэтому ему нельзя. И Иван встал. Но встал

¹ А Карамзин объясняет выздоровление царя так: «в кипении (молодых) сил и чувствительности касаться гроба, падать с престола в могилу, видеть страшное изменение в лицах: в безмолвных дотле подданных, в усердных любимцах — непослушание, строптивость; зависеть от них... умолять, да спасут, хотя в изгнании, жизнь и честь его семейства! Иоанн перенес ужас таких минут; огонь души усилил деятельность природы, и болящий выздоровел... но мог ли самодержец забыть мятеж их и муку души своей, ими растерзанной в минуты его борения с ужасами смерти?». См.: *Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. IX. М., 1990, С. 227.*

уже совершенно иным человеком. Человеком, заглянувшим не только в глаза смерти — их не раз он уже видел под стенами Казани. Нет, куда страшнее был взгляд полного одиночества, впервые обдавший его своей ледяной стылостью в момент смерти матери. Отныне этот холод станет мучительным спутником государя до конца жизни, и лишь Анастасия — прекрасная и кроткая его жена, единственная в мире живая душа, которая ничего не искала, не ждала, не требовала от него, но просто любила таким, каким он был, — еще могла временами отогреть Ивана своей простой человеческой искренностью. Но придет час, и ее тоже не станет...

...После всего случившегося государю долго не хотелось никого видеть, да и говорить с кем-либо из приближенных, вероятно, тоже — уж слишком нагляден и тягостен был урок, полученный им. Но вряд ли еще думал он тогда и о каких-то жестких мерах. Исторические факты свидетельствуют: ни один из участников «мятежа у царевой постели» не понес тогда никакого наказания. При дворе остались и Сильвестр, и Адашевы, и даже князь Владимир Старицкий. Нет, скорее Иван стремился просто уйти, уехать подальше и на вольных просторах дорог осмыслить все сам, обратиться с силами и решить... решить, как жить дальше, когда уже не ведаешь, кому верить. Когда увидел: стоит лишь на мгновение ослабнуть твоей воле, как над тобой сразу, хищно каркая, норовя заглянуть прямо в глаза — жив ли? — черной стаей начинает кружить измена и даже самый преданный в одночасье может оказаться лютым врагом? Как теперь преодолеть эту трещину отчуждения к тем, которых еще вчера любил, доверял безгранично? Как простить то, что прощать не должно, невозможно, но и не простить нельзя? Наконец, как править страной, как беречь вверенных богом лю-

дей, коль даже собственное дитя не волен защитить? Душа его вопрошала, но ответа не находила...

Если хоть на мгновение представить все это, не будет трудно понять то, что иные историки рисуют не иначе как неразумный и необъяснимый его шаг: едва встав на ноги после тяжелой болезни, Иван сразу (в мае месяце) покинул Москву, отправившись на богомолье в один из самых отдаленных русских монастырей — Кирилло-Белозерский, на север, почти на край земли. Отправился с минимальной свитой, но настояв при этом, чтобы с ним вместе обязательно выехали Анастасия с маленьким царевичем Дмитрием и глухонемой брат Юрий Васильевич. Брат полугодовалого ребенка в такую дальнюю дорогу и правда не стоило. Но... кто теперь с точностью может доказать или опровергнуть предположение о том, что помимо чисто человеческого желанья видеть рядом лишь близкие и дорогие лица жены, сына, родного брата, Иван, кроме того, просто **поостерегся** (после пережитого) оставлять царевича **одного**, на попечение дворцовых няnek и мамок — слишком много (и у многих) откровенную ненависть вызывало уже одно существование грудного наследника престола...

Далеко не случайно был выбран Иваном для поездки и Кирилло-Белозерский монастырь. Именно в тех далеких краях уже много-много лет подвизался в монашестве один из ближайших советников и свидетель последних дней его отца — Вассиан Топорков. И коль доверял старцу сам Василий III, то вполне логично, что в тяжелейший момент жизни именно к другу отца хотелось обратиться молодому царю за духовной поддержкой, ему задать главный, гнетущий душу вопрос: «Како бы могл добре царствовати и великих и сильных своих в послушестве имети?» «Доб-

ре царствовать» для него действительно было самым важным.

И, уединившись для такого сложного, а значит, несомненно долгого разговора один на один с Иваном в келье, среди лампад и строгих ликов, Вассиан ответил сыну покойного друга-государя совершенно четко, так, как ответил бы, наверное, сам отец. Сей непреклонный защитник самодержавного образа правления, свято хранивший верность ему несмотря на все опалы и лишения, перенесенные во времена боярщины, должно быть, отнюдь не «на ухо»¹, но твердо и веско, с несокрушимой убежденностью и силой глядя в усталые, полные смятения и боли глаза царя, сказал, что истинному государю не должно подчиняться «синглитскому совету» (т.е. боярской Думе). Что своеволие высшей знати нужно сломить, побороть любыми средствами, а иначе добра не будет... И только тревожный, ломкий огонек свечи, догоравшей между ними на столе, вздрагивал от тяжелой правды этих выстраданных всей жизнью слов старца...

Характерно, что по привычке лишь бегло упомянув об этой вовсе не беглой встрече царя с Вассианом Топорковым, Эдвард Радзинский ни единым словом не обмолвился о том, что позднее как раз в этих советах старца «Курбский усматривал главную причину последующих «великих гонений» против боярства. Имея в виду (слова) Вассиана Топоркова, Курбский писал, что топорок, сиречь малая секира, обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи»².

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. IX. М., 1990. С. 229.

² Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. С. 149.

А ведь это замечание князя Андрея невольно раскрывает многое... Раскрывает, например, то, что Курбский и иже с ним, как никто лучше были осведомлены, **кто** такой инок Вассиан Топорков и на **какие** мысли мог он натолкнуть Ивана. Потому-то так настойчиво стремились они отговорить царя от поездки, якобы беспокоясь о его неокрепшем еще здоровье, но на деле стремясь сорвать, не допустить столь важную для него (и опасную для них) встречу — даже тогда, когда государь с семьей уже выехал из Москвы. С этой целью, например, во время остановки в Троице-Сергиевом монастыре Алексеем Адашевым и Андреем Курбским было устроено свидание Ивана с переведенным туда на покой Максимом Греком. Ему, давнему стороннику оппозиционеров-нестяжателей и, по словам историка, «идейному предшественнику Курбского»¹, поручили вновь, как когда-то, пустить в ход свои способности критика-обличителя, что он с готовностью и выполнил. Во время краткой встречи с едва оправившимся после смертельной болезни царем, Грек... не нашел ничего лучшего, нежели надменно упрекнуть его в том, что «чем по богомольям ездить, лучше бы государь позаботился о вдовах и сиротах, оставшихся после Казанского похода»², хотя из всего вышеизложенного читатель знает: в невнимании к главным интересам «вдов и сирот», как и к делам «казанского строения», можно заподозрить кого угодно, только не Ивана Грозного... Однако, уважая преклонные лета знаменитого монаха, царь со смирением принял эти слова, никак не ответив на их явную несправедливость. Но и от своих планов добратья до Кириллова монасты-

¹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 147.

² *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 228.

ря не отказался. И тогда Максим уже вдогонку царю, уже через тех же Адашева и Курбского передал свое мрачное пророчество: умрет царский сын в дороге, не вернется в Москву...

Было ли сие страшное прорицание последней желчной мстью гордого мятежного обличителя русскому самодержцу? Или наоборот, уже стоя у порога смерти, в чем-то раскаялся Грек и, замаливая грехи, рванулся предостеречь Ивана от того ужасного, что стало вдруг известно ему? Или, наконец, пугающее предсказание было специально выдуманно (и приписано монаху) самими Адашевым с Курбским как последняя попытка удержать государя от поездки? Этого мы уже никогда не узнаем. На сей счет у нас имеется лишь один бесспорный факт: царевич Дмитрий действительно погиб в дороге. И погиб при столь невозможных, нелепых обстоятельствах, что все предшествовавшие этому трагическому событию будто бы лишь полунамеки, полуслухи приобретают вполне реальный подтекст.

...Уже возвращаясь из Кириллова монастыря обратно в Москву, царская семья плыла на стругах по Шексне¹, иногда причаливая к берегу, делая остановки для отдыха. Во время одной из таких остановок и произошло то, о чем почти с мифической усмешкой сообщает наш уважаемый историк-романтик: **«Кормилица глупая в реку уронила его первенца — застудила сына.** Скончался младенец...» Ну, положим, не первенца — здесь автор снова, к сожалению, ошибся, дав волю фантазии, — ибо до этого Ивану уже пришлось пережить смерть именно первых своих детей — двух малюток-дочерей, умерших во младенчестве. Что же до того, что

¹ ПСРЛ, т. 13, с. 232.

«кормилица глупая уронила...», то и здесь не уйти нам от явно-го глумления г-на Радзинского над историческими фактами. Няня, спускавшаяся по сходням с корабля на берег и несшая на руках ребенка, не могла просто «уронить» его в воду — слишком большая ответственность лежала на ней, и она вряд ли не сознавала ее, скорее согласившись бы утонуть самой, нежели по оплошности уронить-утопить царское дитя. Кроме того, во время схода няню обязательно (таков был официальный церемониал!) страховали-поддерживали под руки не кто-нибудь, а два брата царицы Анастасии — бояре Захарьины. Но в том-то и дело, что в момент, когда случилось несчастье, в холодной воде северной реки оказался не только полугодовалый малыш, но и сама няня, и обязанные поддерживать ее бояре. А это говорит уже не о простой «бабьей глупости», но о преднамеренно спланированном, организованном и осуществленном «несчастном случае». По чьему-то тайному умыслу неоднократно до этого использовавшиеся и проверенные сходни в тот злополучный раз, видимо, оказались или плохо закрепленными, или же вовсе подпиленными, в результате чего и произошло непоправимое. Иван все-таки не смог убедить своего сына...

Ему надо было превозмочь и это. Задумаемся еще раз: превозмочь, неполных двадцати четырех лет от роду. Находясь в зените воинской славы и государственного могущества, но при всем том трагически одинокий человек, он похоронил собственного ребенка. Похоронил сына. Наследника. Воистину, не слишком ли тяжкая доля?! Но у него была Русь. И подобно тому, как не щадя себя служил ей Иван, так же свято была предана и она своему великому государю. И это взаимное служение спасало обоих.

В 1556 г. войска Ивана Грозного практически без боя и штурма овладели Астраханью. Могучая волжская твердыня сама распахнула перед ними свои крепостные ворота. Астраханский хан Дербыш-Али торжественно присягнул на верность русскому царю, ибо понимал, что сопротивление бессмысленно, что таков приговор самой Истории, который она впервые провозгласила 2 октября 1552 г. падением Казани. Именно это падение, пишет исследователь, «вызвало крушение всего конгломерата государств, образовавшихся на развалинах Золотой Орды. Вассалами и данниками царя признали себя правители Большой Ногайской орды и Сибирского ханства¹, Кабарда и пятигорские князья на Северном Кавказе. Башкиры объявили о присоединении к России»². Но ввиду того, что нашего писателя все вышеуказанное не интересует и об *этих* последствиях волжских побед Ивана он в своей книжечке просто не говорит, исключая, пожалуй, только (явно навеянную бессмертными строками Карамзина на с. 233 IX тома его «Истории», строками, которые, кстати, звучат гораздо более человечно, нежели в пересказе Радзинского) фразу о том, что когда русские ратники плыли по Волге, направляясь к Астрахани, «они видели развалины Старого Сарая — заброшенной столицы Золотой Орды... «горький памятник русского стыда». Но это был прошлый стыд, впереди была слава — плен Астрахани...», то, по примеру уважаемого литератора, мы тоже приведем здесь слова выдающегося истори-

¹ Исторической точности ради здесь следует указать, что позднее, с воцарением хана Кучума, Сибирь отложилась от Русского государства и окончательно была присоединена к России уже в самом конце царствования Ивана Грозного, в результате похода Ермака 1581 г.

² *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 132.

ка России, буквально через страницу с сожалением признававшего: «Не только иноземцы, но и мы сами не оценим справедливо государственные успехи древней России, если не вникнем в обстоятельства тех времен, не поставим себя на место предков и не будем смотреть их глазами на вещи и деяния без обманчивого соображения с новейшими временами...», если не сравним «Россию Василия Темного с Россией Ивана IV: первый имел 1500 воинов для ее защиты, а второй взял чуждое царство отрядом легкого войска, не трогая своих главных полков. Между сими происшествиями минуло едва столетие, и народ мог естественно возгордиться столь быстрыми шагами... Великие усилия рождают великое»¹. Но мы, потомки, действительно так и не оценили в должной мере тот стремительный, невиданной духовной мощи порыв...

¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 235.

МИФ О «БЕССМЫСЛЕННОСТИ» ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Однако пойдем дальше. Бескровным взятием Астрахани обеспечив, наконец, довольно прочный мир на восточных границах страны, Иван Грозный тотчас же, с неослабевающей энергией и страстью рванулся решать другую, пожалуй, не менее тяжелую, чем угроза нашествий с Востока, проблему военной и, главное, духовной агрессии с Запада, которая не сла не одно лишь физическое истребление, но покоряла, губила души людей, лишая их исторической памяти, превращая именно в безгласных рабов, бессловесное быдло. Об этой жесткой экспансии католицизма против Руси и соседних с ней народов мы уже имели случай говорить выше. И, собственно, начиная великое двадцатипятилетнее противоборство с Западом, Иван IV справедливо считал своей главной стратегической целью вовсе не «выход к морю», как станут говорить позднее. Такой выход у него уже был — например, правый берег реки Наровы, в устье которой заходило много иностранных кораблей. Более того, в июле 1557 г. по приказу Ивана Грозного выдающийся русский инженер Иван Выродков (да, читатель, тот самый, который лишь пять лет назад воздвиг знаменитую крепость Свияжск на Волге) по-

строил на Нарове «город для бусного (корабельного) приходу заморским людям» — первый русский порт на Балтийском море¹, почти на полтора столетия опередивший исторические победы Петра Великого.

Не составляло основную задачу Ливонской войны и возвращение Русскому государству древних славянских владений («отчины и дедины», по тогдашней терминологии) в Прибалтике, захваченных немецким (Тевтонским) орденом меченосцев в XII—XIII вв. (Сии псы-рыцари, несомненно, пошли бы и дальше, не останови их бессмертным бранным подвигом Александр Невский.) Нет, хотя и первое, и второе было важно для развития Российского государства, его внешней торговли и экономики в целом, но все-таки не в нем заключалась цель той войны. Разгром Тевтонского ордена и присоединение Ливонии требовалось Ивану Грозному для того, чтобы таким образом остановить многовековой *Drang nach Osten* Ватикана, натиск, подчеркивают исследователи, являвшийся «спланированным, координированным из единого центра мероприятием по военно-политическому и военно-идеологическому порабощению Руси»², чтобы лишить католический Рим его столь выгодного форпоста, какой представляла собой, наряду с Польшей, Прибалтика и откуда Святейший престол протягивал свои жадные щупальца не только к Киеву и Минску, но и к самой Москве. Их действия нужно было пресечь, обрубить как наиболее коварные, опасные для Руси. И великая русская Смута начала XVII века, во время которой именно Ватикан руками своих польско-литовских приспешников

¹ Тогда же, кстати, по царскому указу новгородским и псковским купцам было строго запрещено торговать в ливонских городах Нарве и Ревеле. Отныне они должны были ждать «немцев» в своей земле. — См.: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 66.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 97.

развязал полномасштабную агрессию против Московского государства, покажет, сколь прав был царь Иван...

Ливонская война, ставшая, по словам историка, «делом всей жизни» Грозного, была начата Россией через два года после взятия Астрахани. Поводом к непосредственному разворачиванию военных действий послужило то, что, опасаясь усиления Русского государства, Ливонский орден в отношениях с Россией проводил политику ее фактической блокады. Реальность этой блокады с наибольшей яркостью проявилась в 1548 г., когда ливонцы сорвали план Ивана Грозного привлечь на русскую службу свыше ста человек западноевропейских специалистов, — медиков, юристов, техников, завербованных агентом царя ганноверцем Гансом Шлитте, не пропустив их (через свою территорию) в Русское государство¹. Кроме того, в феврале 1557 г. Москва обратилась к Ливонии с законным требованием о выплате ей Дерптским епископством денежной дани (в размере 1-й марки с человека в год), которую оно согласилось платить после заключения русско-ливонского перемирия еще в 1502 г.², но своих обязательств так и не выполнило. Категорический отказ в марте 1557 г. главы Ливонского ордена Вильгельма фон Фюрстенберга все-таки выполнить эти давние обязательства по отношению к Руси и сделал столкновение неизбежным...

Как всегда, у Ивана все было продумано и подготовлено самым тщательным образом. Еще в 1554 г. (только пала Казань, но не была взята Астрахань!) посольство одного из европейских государств, направ-

¹ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 230.

² Перемирия в войне, развязанной, кстати, самой же Ливонией против Руси.

ляясь к Москве, с тревогой, но и не без восхищения наблюдало на ее дорогах активнейшую подготовку к войне, когда «на расстоянии каждых 4 или 5 миль они видели недавно отстроенные ямские дворы с громадными помещениями для лошадей; еще больше их поразили целые обозы саней, нагруженных порохом и свинцом, которые тянулись к западной границе»¹.

А потому неудивительно, что первая же кампания, начатая в январе 1558 г., принесла Москве самые блестящие победы. Сорокатысячной русской армией под командованием дяди царя — князя М.В. Глинского, бывшего хана Шиг-Али и одного из братьев царицы Анастасии — Даниила Романовича Захарьина-Юрьева была пройдена почти вся Ливония — до Риги и Ревеля (Таллина), взяты многие крупные города, в том числе важнейший порт Нарва и основанный в 1030 г. великим князем Киевским Ярославом Мудрым г. Дерпт (Юрьев, по-эстонски — Тарту). Так что уже летом того же года русские ратники вышли на балтийский берег, подступили к границам Восточной Пруссии и Литвы. Но именно в это, казалось бы, такое удачное, счастливое для него время, когда в испуганной Европе о нем писали не иначе как о великом государе, который «опустошил почти всю Ливонию» и так жестоко разбил шведского короля, что тот «только ценой денег смог купить себе мир», что, наконец, «если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно (России)»², как раз в такой, повторим, момент, на вершине славы и могущества Ивану вновь пришлось выдержать острейшее столкновение со своим окружением, воочию доказавшее, что тот страшный, уже пятилетней давности «мятеж у ца-

¹ *Вунтер Р.Ю.* Указ. соч. С. 44.

² Там же. С. 50—51.

ревой постели» все-таки не был ни исчерпан, ни «забыт», как сие наивно представилось Э. Радзинскому. «Не был досадной случайностью, грехопадением, искупленным раскаянием и переменной в жизни»¹, но явился тогда лишь первой роковой трещиной, с годами все более превращавшейся в непреодолимую пропасть вражды между отчаянно горевшим интересами государства Иваном и его былыми помощниками — хладнокровными политическими прагматиками Сильвестром и Алексеем Адашевым, по каким-то сугубо личным причинам фактически переметнувшимися (о чем говорят их действия) на сторону княжеско-боярской оппозиции государю.

Любопытно, как передает этот момент в своем историческом повествовании г-н Радзинский. Для него начало Ливонской кампании — всего только продолжение «великих завоеваний» Грозного, удовлетворение его личного честолюбия. Ни единого слова об извечной военной и духовной угрозе со стороны католического Запада, ни тем более о блокаде Руси Ливонским орденом накануне войны даже намек нет в его книге. Все опять предельно просто: «Сильвестр предложил (!) ему завоевать Крым — и вся «Избранная Рада» решила так. Они говорили: страна желает покончить с татарским унижением. Но Иван выбрал Ливонию — выход к морю, путь в Европу...»

Но... но, во-первых, «Избранная Рада» ничего такого не решала и решать не могла. Решал сам Иван со своим правительством, своей ближней Думой, одним из главных членов которой в тот момент был как раз «русский канцлер» и руководитель Посольского приказа (то бишь, по-нынешнему, министр иностранных дел) дьяк И.М. Висковатый — активнейший сторонник войны с Ливонией. Во-вторых же, как указы-

¹ *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие Духа. С. 179.

вают профессиональные историки, за войну с Крымом ратовали отнюдь не поп Сильвестр, а Алексей Адашев вкупе с князем Курбским.

Именно они рьянее всего выступили тогда от имени части знати, которая резко осуждала войну на западном направлении¹. И вовсе не в желании «покончить с татарским унижением» крылась причина ее недовольства. Вряд ли господин автор запомнил, что с главной опасностью, не одно столетие терзавшей Русь с востока и бывшей для народа действительно тягчайшим бедствием и унижением, на тот момент уже покончили — уже пала Казань. Хотя, да, несомненно, как справедливо подчеркивается в тексте, что оставалась еще угроза нашествий крымских татар, крымчаков. Угроза обширным плодородным землям на южных рубежах страны. Именно там располагались особенно богатые вотчины. И именно обеспечение безопасности этих южных владений волновало многих бояр и княжат значительно больше, нежели стратегические интересы войны в Прибалтике. Они полагали, что война на западе лишь отвлекает силы от решения главного (для них) — удара по Крымскому ханству. Явно не желая принимать во внимание всю сложность такой задачи, партия оппозиционной знати, к которой примкнул и которую очень быстро сам же возглавил Адашев, требовала от Ивана активных действий исключительно на юге. Такова была реальная (а не мифическая: «Сильвестр предложил»!..) подоплека конфликта, расколовшего (уже во время военных действий!) даже самых близких к царю людей на два открыто противоборствовавших лагеря.

Впрочем, чтобы быть точным, надо сказать: существовала еще одна, немаловажная причина этого ост-

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 66.

рого конфликта. Война на южном направлении была выгодна многим аристократам-вотчинникам тем, что могла решить труднейший вопрос того времени — вопрос об испомещении (наделении землей) дворян. Читатель помнит, что молодой царь Иван пытался решить его еще на Стоглавом соборе путем постановления о частичном возвращении церковью государству некоторых ее незаконных земельных приобретений, которые и отдавались служилому дворянству. Но дворянское войско росло, требуя все больше и больше земельных наделов, в то время как государственный их фонд был весьма невелик. Проблему можно было решить, либо отобрав необходимые земли у крупных вотчинников, либо завоевав плодородные равнины на юге. Война же на западе, как пишет историк, напротив, «не обещала значительных земельных приобретений, а в случае затяжки грозила серьезными тяготами для государства вообще и для служилых людей в частности. Бояре могли предвидеть, что выход из этих тягот государство найдет в конфискации боярских земель, что и произошло во время опричнины... Грозный не хуже Курбского и его единомышленников знал достоинства южнорусских земель и уж во всяком случае больше Курбского заботился об интересах служилого сословия. Но все-таки не пошел по пути, предложенному «Избранной Радой»¹...

Ибо, повторим еще раз, как глубочайший стратег Иван IV остро сознавал, что военная и духовная угроза с запада представляет собой опасность жизненным интересам Руси отнюдь не меньшую, но намного большую, чем угроза нашествий с востока и юга (о чем свидетельствует вся ее тысячелетняя ис-

¹ *Лурье Я.С.* Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн: *Послания Ивана Грозного.* С. 488.

тория, включая самые новейшие времена). Азиатские орды всегда приносили России страшные материальные разрушения, физическое истребление народа, но никогда не могли сломить его дух, его свято хранимую православную веру, напротив, в огне борьбы лишь сильнее, словно булатный меч, закаляя этот дух. Католический же Запад, из века в века кощунственно прикрываясь знаком креста, рядясь в одежды проповедников «истины» для восточных варваров — схизматиков, стремился прежде всего к тому, чтобы расколоть, сломить православие, уничтожить духовный иммунитет России и тем самым лишить ее способности к сопротивлению военной агрессии. К XVI веку процесс этот зашел слишком далеко. Помимо основных западных соседей Русского государства — Ливонии, Польши и Литвы, во власти католического влияния находилась уже почти вся Белоруссия, правобережная Украина. Коварный враг подступил непосредственно к русским землям, и необходимо было действовать как никогда решительно. Именно поэтому, едва ликвидировав главный очаг агрессии с Востока, Иван Грозный не совершил «бросок на Крым», куда упорно толкала его знать и что было бы на первый взгляд гораздо логичнее и целесообразнее, но действительно «выбрал Ливонию».

Наконец, дабы полностью прояснить вопрос об этом крайне нелегком выборе Грозного царя, вспомним, читатель, и такие факты, легкомысленно — или намеренно? — обойденные «телеисториком» Радзинским или прямо представленные им как незначительные, но о которых наверняка действительно говорил своим оппонентам великий государь, в жарких спорах доказывая невозможность и опасность борьбы с Крымом. Например, о том, что уже в силу своего географического положения Крым представ-

лял собой в те времена неприступную крепость¹. О том, что, решишь он, Иван, после взятия Казани и Астрахани на прямое вооруженное столкновение с **Крымским улусом** Османской империи, и это неминуемо поставило бы его один на один с самой мощной в мире на тот момент армией османов. Один на один с империей, перед которой в ужасе трепетала вся тогдашняя Европа, лихорадочно сколачивая против нее всевозможные лиги и союзы, но войска которой тем не менее с успехом осаждали саму Вену. Наконец, о том, что война с крымским вассалом Стамбула поставила бы Русь один на один со всем мусульманским миром, главой которого считался турецкий султан: «В качестве верховного халифа, т.е. первосвященника и покровителя верующих, его чтили на далеких окраинах Сибири, Туркестана, Аравии, африканского Туниса и Марокко». «В письме к французскому королю (сам) султан Сулейман II (1520—1566) называет себя царем царей, князем князей, раздавателем корон мира, тенью бога в обеих сторонах света, властителем Черного и Белого морей, Азии и Европы. В это время у турок считалось в подчинении 30 королевств и 8 тысяч миль берега»²...

Вот **с кем** так настойчиво требовала от Ивана вступить в борьбу часть его аристократии. Так же, как уже и до этого не раз и не два, но многие, многие годы подряд, буквально исходя елеем, общая взамен чуть ли не корону императора, приглашали русских государей папы римские принять участие в общеевропейской «священной» войне против турок-османов³. Приглашали, втайне надеясь по привычке загрести жар чужими руками. Надеясь, что, клянуv на

¹ Соловьев С.М. История России. Книга III. Т. VI. С. 496.

² Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 6.

³ Пирлинг П. Указ. соч. С. 383—392, 403—416, 428—431.

лживые обещания, русские варвары пойдут-таки воевать «за крест Христов», и если уж не победят, то хоть сами себе шею сломают в борьбе с полумесяцем... Однако «русские варвары», как назло, с достоинством отвергая любые посулы Святейшего престола, раз за разом отказывались от подобных приглашений, прекрасно понимая их подлинные цели. Понимая, что в борьбе с могущественной Османской империей заинтересована в первую очередь сама Европа, а потому ей же и предоставляли разбираться с собственными врагами. Напротив, долгие десятилетия обороняясь от нашествий со стороны вассалов империи — Казани и Крыма, — с самим Стамбулом в те тяжелые времена Москва стремилась поддерживать исключительно мирные, даже дружеские отношения, неоднократно обмениваясь посольствами, *членом одного из которых ездил, кстати, в столицу Османов вместе со своим отцом Федором Адашевым — совсем молодой Алексей Адашев.*

Подобно мудрым своим предшественникам, не позволил втянуть себя в «священную» войну за чужие, по сути, интересы и Иван Грозный. Разгромив Казань, подчинив своей власти Поволжье, как далеко неординарный полководец и политик, он понимал, что сделать то же самое в Крыму, за который поднимется вся Османская империя, ему просто не хватит сил. Что против его ратников немедленно брошены будут направленные в Крым отборные войска янычар, что подойдет к берегам легендарной Тавриды могучий турецкий флот... История показала: еще два века, целых два века тяжелого кровавого противоборства потребуются русскому народу, чтобы сломить *эту* силу и обезопасить, наконец, и южные рубежи своего Отечества. Потребуется гений Суворова, Кутузова, Румянцева-Задунайского, потребуются мощная армия уже не Московского государства,

но громадной Российской империи, чтобы Екатерина Великая легким росчерком пера смогла узаконить присоединение Крыма к России, ее выход к южным морям... Иван Грозный был прав. И его ли в том вина?..

Совсем иным было положение и перспективы войны в Ливонии. Разгром дряхлого орденового государства обещал, во-первых, безопасность западным рубежам, во вторых, отрыл бы даже не «окно», но столбовую дорогу в Европу... После недолгого затишья в январе 1559 г. русская армия под командованием С.И. Микулинского-Пункова вновь подошла к Риге и сожгла на рейде Дюнамюнде (Даугавгрива) весь рижский флот. Затем русские войска прошли Курляндию, громя отряды ливонских рыцарей. Этот стремительный рейд показал как высокие боевые качества русских, так и «полную военную беспомощность Ливонской конфедерации, где единственной реальной, но малочисленной военной силой были лишь орденовые войска, в то время как ополчение городов практически не могло оказывать никакого сопротивления»¹.

Не могло, да и не желало. Созданная в XIII веке немецкими рыцарями на землях завоеванных ими балтийских племен эстов и латышей, Ливония в XVI веке действительно представляла собой картину растущего политического распада и морального разложения. Совершенно верно пишет наш всезнающий автор, «рыцари превратились в сытых феодалов. Потомки воинов жили в неге и роскоши, (а) долгий мир, превративший Ливонию в земной рай, отучил их от сражений». Следует лишь уточнить, что «рай» в Ливонии был именно только для немецких феодалов, но никак не для местных «аборигенов», не для крепостных эстонских и латышских крестьян, из которых и ры-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 129.

цари, и бюргеры, и купцы беспощадно выжимали все, что можно было выжать. А потому хоть и не модно нынче вспоминать о таких фактах, но именно эти коренные жители Ливонии в первую очередь отказывались сопротивляться наступающим русским войскам, сами поднимали восстания против немцев, памятуя, видимо, о том, что еще в 907 году чудь (эсты) вместе с русами участвовали в знаменитом походе вешего князя Олега на византийский Царьград¹...

Необходимо, однако, указать и еще один фактор, обусловивший столь молниеносные и сокрушительные победы московских войск. Фактор, в котором снова ярко сказалась поразительная политическая и военно-стратегическая дальновидность Ивана Грозного. Казалось бы, удивительно: он, с юности воевавший против татарско-мусульманской агрессии, он, покоритель главных волжских твердынь царь Иван IV, вместе с тем, как ни парадоксально это звучит, никогда не был ни врагом собственно татар, ни ислама. Он действительно желал лишь остановить агрессию с их стороны, но никак не воевать «до полного истребления» с главным историческим соседом Руси на всем протяжении ее восточных и юго-восточных границ. Как сказали бы теперь, Грозный хотел «мира и сотрудничества» с исламскими народами, закладывая тем самым крепчайшие основы для будущей могучей евро-азиатской империи. Причем хотел этого не только тогда, когда Адашев с Курбским стали открыто требовать от него безумного «броска на Крым», но уже гораздо ранее, когда с первых шагов по покорению и освоению Поволжья УДЕРЖИВАЛ того же Курбского от жестоких карательных действий против «бусурман», одновре-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 129.

менно приглашая к себе на службу всю казанскую знать¹, согласившуюся присягнуть русскому государю. Именно благодаря этой мудрой политике Ивана Грозного по привлечению «бусурменских сил» на русскую службу, теперь, уже во время войны в Ливонии, мусульманские области Поволжья начали поставлять русскому войску, по словам самого царя, «множае (больше) треюдесять тысящъ бранных»² — легкую татарскую кавалерию, всеокрушающая мощь и быстрота удара которой при наступлении, как отмечали европейские наблюдатели, была поистине «непреодолимой»³.

Наконец, армия Ивана Грозного была великолепно оснащена артиллерией и всеми необходимыми боеприпасами. Историк свидетельствует: «Укрепленные города и замки, обилием которых славилась Ливония, не могли устоять против московских пушек. В 1558 г. Нарва вынуждена была просить перемирия из-за канонады, а через посольство к орденсмейстеру горожане извещали, что не в силах более выносить стрельбу. Курбский рассказывает о жестоком обстреле Дерпта «огненными кулами и каменными», который и заставил город сдаться... (Имели место и такие случаи, когда), не ожидая нападения, рыцари

¹ Небезынтересно будет здесь напомнить дорогому читателю (ибо Э. Радзинский этого снова, к сожалению, не делает), что, например, у древних германцев, во время завоевания ими земель западных славян, методы на сей счет были совсем иного рода. Так, у германцев после военной победы было принято вызывать в свой стан всех знатных людей побежденного народа. Эта аристократия **ВЫРЕЗАЛАСЬ НА МЕСТЕ**. Затем обезглавленный народ подвергнулся **ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ КРЕЩЕНИЮ В КАТОЛИЦИЗМ**. Несогласные при этом **УБИВАЛИСЬ ТЫСЯЧАМИ**. Оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавливание» побежденного народа есть старый общегерманский прием...» (И.А. Ильин. Путь к совершенству).

² Послания Ивана Грозного. С. 602.

³ Горсей Дж. Записки о Московии. С. 22.

поголовно бежали из занимаемых ими замков»¹. Все это вместе взятое просто в шок повергало европейские королевские дворы...

Однако, как подчеркивает тот же исследователь, «еще больше, может быть, чем победы русского оружия, европейцев должна была поразить уверенность и настойчивость дипломатии и торговой политики московитов. Иван IV искусно воспользовался соперничеством ганзейского города Ревеля (Таллина) с Нарвой, которой прежде никогда не позволяли вступить в торговый союз Ганзы и быть посредницей в вывозе на Запад русских товаров... Пока Ревель не давался царю, он старался всячески привлечь на свою сторону торговое население Нарвы. (По указу Грозного) город освободили от военного постоя; его жителям предоставили полную свободу вероисповедания, нарвские купцы получили право беспошлинной торговли по всему Московскому государству, а также право беспрепятственно сноситься с Германией. Ближним к Нарве *деревням московский воевода доставил зерно для посева, дал быков и лошадей*. Нарва явно выиграла от присоединения к Москве: город стал быстро обстраиваться»². Таковы были русские «варвары-завоеватели»...

И все же не эти действия царя Ивана вызвали у европейцев уже настоящую тревогу и страх. Подлинную панику вызвало то, о чем доложил «на съезде имперских депутатов Германии в 1560 г. Альберт Мекленбургский, владения которого были объявлены в непосредственной опасности от московского нашествия». А доклад сей заключал следующие факты: ***«Московский тиран» принимаетя строить флот на Балтийском море: в Нарве он превра-***

¹ Витнер Р.Ю. Указ. соч. С. 52.

² Там же.

*щает торговые суда, принадлежащие городу Любеку, в военные корабли и передает управление ими испанским, английским и немецким командирам»*¹. А это означает, что у московита уже в самом скором времени будет не одна лишь сильная сухопутная армия, но и достаточно сильный флот, что, в свою очередь, позволит ему не только прочно закрепиться на балтийском побережье со всеми вытекающими из этого последствиями, но и угрожать всей Европе... В связи с этим докладчик прямо призвал высокое собрание «настоять перед нидерландским и английским правительствами, чтобы они перестали доставлять оружие и другие товары «врагам всего христианского мира». Германская империя должна оказать помощь своим единоплеменникам и не дать утвердиться в Ливонии восточному государю». Выслушав сию тревожную речь, «съезд постановил обратиться к Москве с торжественным посольством, к которому привлечь Испанию, Данию, Англию, предложить восточной державе вечный мир и остановить ее завоевания»²...

Да, победа над Ливонией была близка. Умри или погибни царь Иван именно в этот момент, момент своего приближающегося тридцатилетия, и он, как писал непредвзятый историк, на веки остался бы в памяти потомков русским Александром Македонским, создателем крупнейшей в мире державы. «Вина (грядущей) утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Алек-

¹ Этого же, кстати, опасался и злейший враг Москвы Август Саксонский, в 1565 г сказавший, что «РУССКИЕ БЫСТРО ЗАВОДЯТ ФЛОТ, НАБИРАЮТ ОТОВСЮДУ ШКИПЕРОВ; КОГДА МОСКОВИТЫ УСОВЕРШЕНСТВУЮТСЯ В МОРСКОМ ДЕЛЕ, С НИМИ УЖЕ НЕ БУДЕТ ВОЗМОЖНОСТИ СПРАВИТЬСЯ...» — См.: *Витнер Р.Ю.* Указ. соч. С. 53.

² Там же. С. 52—53.

сандра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с распадением созданной им империи... Ивану Грозному, однако, выпала на долю иная судьба, глубоко трагическая»¹. Он должен был испить и действительно испил свою горькую чашу до дна, до последней капли.

Да, столь желанная, столь необходимая победа была близка. Фактически весной 1559 г. русской армии оставалось лишь добить главные части войск ордена, которые сосредоточились в его столице Вендене (Песис) и немедля юридически закрепить успех всей военной кампании подписанием мирного договора с разгромленным противником. Но... ничего этого сделано не было. По указанию Алексея Адашева русские воеводы прекратили боевые действия, не настояв на заключении с ливонцами мирного договора, но предоставив им «временное (полевое, а не политическое) перемирие с марта по ноябрь 1559 г.». Т.е., по сути, дали ливонской стороне передышку². И это было грубейшей военно-политической ошибкой, если не сказать диверсией, совершенной высшим государственным чиновником и имевшей самые губительные для всего хода войны последствия. Так же, как было одновременно и откровенным ударом ножом в спину, нанесенным Адашевым своему бывшему другу-царю.

Ибо почти в это же время помимо воли Ивана Адашевым и его сторонниками были начаты «сепаратные переговоры с ливонскими бюргерскими (городскими) кругами о замирении Ливонии в обмен на некоторые уступки в торговле со стороны немецких городов»³... Комментарии к данному историческому

¹ *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 146.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 129.

³ Там же. С. 130.

факту, как говорится, излишни. Нельзя не видеть того, что, прикрываясь речами о настоятельной необходимости покончить «с татарским унижением» и столь же настоятельной необходимости изменения направления главного удара не на запад, а на юг, Алексей Адашев, выражаясь современным языком, своими реальными действиями отстаивал интересы чужого, враждебного Руси государства, к тому же находящегося с ней в состоянии войны

Иначе как объяснить и тот вопиющий факт, что, опять-таки явно с подачи Адашева, а также находясь, очевидно, под давлением той общей напряженности в Москве, нагнетаемой оппозиционной аристократией, Иван в разгар побед в Прибалтике вдруг согласился на невыгодное, ненужное перемирие и все-таки временно уступил требованиям «группы Адашева и Курбского» о походе на Крым. Да, читатель, именно в те самые решающие дни, когда необходимо было сосредоточиться на завершении военных действий в Прибалтике, именно сии, как гордо свидетельствует сам же Курбский, «мужи храбрые и мужественные советовали и стужали, да подвижется сам (Иван) с своєю главою, со великими войсками на Перекопского (Крымского хана)»¹.

Но поход на Крым, организованный благодаря вышеупомянутому «стужанию» и возглавлявшийся Дмитрием Вишневецким вместе с братом Алексея Адашева — Даниилом в течение лета 1559 г.², как и следовало того ожидать, оказался совершенно неудачным. Позднее, в Первом послании к Курбскому, Иван Грозный справедливо называл эту акцию «злосоветием» своих вельмож, уже никогда более не позволив ни единой попытки наступления на Крым.

¹ Курбский А.М. Сказания. С. 239.

² ПСРЛ т. 13. С. 315, 318.

Хотя и главных зачинщиков той преступно-авантюрной «прогулки вниз по Днепру» он... не казнит, нет. Опять-таки в прямом противоречии с расхожим представлением Эдварда Радзинского насчет того, что «падение временщиков обычно означало их казнь», история не сохранила даже свидетельств о том, произошло или нет какое-либо резкое объяснение между государем и его окольным Алексеем Адашевым. Лишь факт того, что именно на исходе 1559 г. оба брата Адашевы (Алексей и Даниил) были отправлены им из Москвы в действующую армию, на Ливонский фронт, свидетельствует о том, что такой тяжелый разговор все же состоялся. Так же, как пусть косвенно, но указывает он и на тон, на содержание того разговора. Возможно, имея на руках какие-то неоспоримые доказательства измены, «двойной игры» человека, которого некогда сам же «поднял из гноища» и берег, ум которого ценил, Иван не стал слушать оправданий Алексея, но лишь выдохнул с презрением и гневом: «Вон! Вон с глаз моих!..» Падение? Опала? Да, это была опала. Но опала, заметим, все же дающая шанс к искуплению вины на поле брани...

«Первым пал Сильвестр: надоел он царю...» — лукаво пишет между тем г-н Радзинский. Пишет, невзирая на прямые указания историков о том, что знаменитый иерей покинул Кремль значительно **позже** Алексея Адашева и абсолютно по **собственной** инициативе. Реальность была такова: «протопоп Сильвестр пустил в ход все свое влияние, стремясь предотвратить отставку Адашева. Но его хлопоты кончились неудачей. Сознывая безвыходность положения, Сильвестр объявил царю о том, что намерен уйти на покой в монастырь»¹ — Кирилло-Белозерский. И ушел, свободно отпущенный царем. Причем в Москве ос-

¹ *Скрынников Р.Г. Великий государь... С. 187.*

тался служить родной сын Сильвестра, совершенно ни кем не тронутый. Ибо, как говорит в одном из своих Посланий сам Иван, он желал, чтобы его с бывшим помощником и, к тому же, лицом духовного сана, рассудили не в этом, но «в будущем веке»¹.

Вот так в действительности была «зверски разгромлена» столь любезная сердцу нашего повествователя «Избранная Рада мудрецов». И эта мнимая расправа напрочь заслонила для него (а вернее, для читателя) суть реально произошедшей трагедии...

Ведь основная цель тонко задуманной Адашевым (или, по крайней мере, лишь осуществленной им) диверсии в пользу Ливонии оказалась все-таки достигнутой: драгоценное время, а значит, и возможность быстрой и окончательной победы в Прибалтике было потеряно. За лето 1559 г. обстановка там резко осложнилась. Предоставленную русскими передышку Ливония самым активным образом использовала для приобретения «союзников в борьбе с Россией, решив опереться на главных исторических противников Русского государства — Польшу и Литву. Уже **31 августа 1559 г.** магистр Ливонского ордена Готхард Кеттелер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август **«заключили в Вильне соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши. Соглашение было дополнено 15 сентября 1559 г. договором о ВОЕННОЙ ПОМОЩИ (защите) Ливонии Польшей и Литвой.** Эта дипломатическая акция послужила важным рубежом в ходе и развитии Ливонской войны: война России с Ливонией превратилась в борьбу государств Восточной Европы за ливонское наследство»².

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. 1979. С. 33.

² Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 130—131.

Иными словами, Москва поставлена была перед необходимостью воевать уже не с одним Ливонским орденом, практически ее армиями к тому моменту разгромленным¹. Во многом благодаря времени, выигранному от «перемирия Адашева», на театре военных действий вместо исчезнувшего орденского государства против Руси выступили теперь сразу три старых сильных противника, в свою очередь поддерживаемые Германской империей и Ватиканом... Во-первых, это была католическая Польша, взявшая под свой контроль важнейшие земли Ливонской конфедерации — Лифляндию и герцогство Курляндское. Во-вторых, Дания, оккупировавшая остров Эзель. И в-третьих, Швеция, захватившая вместе с Ревелем (Таллином) всю Северную Эстонию. России же в результате этого раздела орденских земель, зафиксированного Виленским договором от 28 ноября 1561 г., отходили лишь Дерпт, Нарва и Везенберг с уездом в центральной Эстонии — доля ничтожно малая после всех ее блестящих побед...

Эта катастрофа могла бы надломить, заставить отступить любого... То, что было достигнуто ценой многолетних напряженных усилий и огромных материальных средств, оказалось почти утраченным. Но, всей своей жизнью приученный к жестоким испытаниям и потерям, Иван устоял, хотя только господу богу ведомо, что творилось тогда в его душе... Царь прекрасно представлял, с каким мощным противником отныне придется ему воевать, так же как отлично сознавал неминуемость столкновения с ним, знал еще тогда, когда только начинал Ливонскую кампанию. Но знал он и то, что иначе нельзя. Что иначе — уничтожат Русь. А потому уже в январе

¹ В 1561—1562 гг. Ливонский орден официально перестал существовать как государство.

1560 г. Грозный отдал своим войскам приказ снова перейти в наступление. Армия под командованием князей Шуйского, Серебряного и Мстиславского взяла крепость Мариенбург (Алуксне). Весной другая русская армия под началом князя Курбского была брошена на неприступный замок Феллин (Вильянди), служивший ранее главной резиденцией магистров ордена. Замок пал 30 августа. При этом победителям досталась почти вся орденская артиллерия вместе с плененным магистром В. Фюрстенбергом... Эти внушительные победы русских войск вновь активно поддержало местное население. Очевидец тех событий писал: «Угнетенный эст скорее согласен подчиниться русскому, чем немцу»¹. «По всей Эстонии крестьяне восстали против немецких баронов. (Вновь) возникла возможность быстрого завершения войны. Но Адашев и его товарищи не использовали благоприятной обстановки...»²

Да, читатель, как раз в то время, когда наступающие русские армии поддерживало большинство местных жителей (что во время военных действий весьма немаловажно!) и победа была снова близка, когда, по мнению самого Ивана Грозного, «вся Германия» могла быть покорена в течение лета... движение русских армий вновь было остановлено, и вновь по вине Адашева, по сути, сорвавшего удачное завершение операции. Исследователь Р.Г. Скрынников пытается объяснить это тем, что Алексей Федорович будто бы «опасался удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск»³. Однако факт остается фактом: именно воеводы братья Адашевы отказались исполнить приказ царя идти на захват Ревеля (Талли-

¹ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 240.

² *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 68.

³ Там же.

на) и потерпели неудачу в осаде Вейсенштейша (Пайде)¹...

Как сказали бы нынче, дело походило на прямой саботаж. Саботаж во время войны. В действующей армии... Этого Иван своему бывшему близкому другу простить уже не мог, не имел права как Верховный главнокомандующий. Осенью 1560 г. Алексей Адашев был полностью отстранен от руководства войсками и назначен всего лишь управляющим в замок Феллин. Однако и оттуда по указанию царя его вскоре перевели в Юрьев (Дерпт) — под начало к местному воеводе Хилкову, где Адашев спустя два месяца умер «естественною смертью, от горячки, лишив будущих историков возможности лишней раз позлословить о «терроре» и «жестокости» царя»². Правда, господин «знаток» исторических загадок и здесь не удержался от зловещей усмешки: «подозрительно скончался в одночасье бывший царский любимец...». Что же, и впрямь нечто страшное таит в себе сия смерть. Далеко ведь не случайно (и факт этот общеизвестен): как только пришла о ней весть, «царь Иван срочно послал в Юрьев одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева, поскольку явились подозрения, что он покончил жизнь самоубийством»³. Для изменника — очень логично. И остается только сожалеть, что Эдвард Радзинский обошел это обстоятельство молчанием. Захватывающе-романтический получился бы эпизод для его повествования! Но и вся история сложилась бы совсем иная...

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 131.

² Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 179.

³ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 69.

ИЗМЕНЫ И ПОТЕРИ. МИФ О «РОКОВОМ ПЕРЕЛОМЕ» В ПРАВЛЕНИИ ИВАНА ГРОЗНОГО

А Ивана между тем ждал еще один тяжкий удар. Всего за две недели до тридцатилетия своего супруга, 8 августа 1560 г., на четырнадцатом году их совместной жизни скончалась жена государя — Анастасия Романовна. Внимательный читатель помнит, юный Иван IV выбрал ее — дочь «худородного» Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина — сам, вопреки недовольству высшей аристократии. Время показало: сиротским детством наученный остро и глубоко чувствовать людей, государь не ошибся в своем выборе... Пусть тогда они были еще очень молоды и почти ровесники. Обоим сие обстоятельство лишь помогло, вероятно, с первого взгляда узнать, полюбить друг друга так, как любят только в шестнадцать-семнадцать лет — светло и свято, навеки. Эта любовь (память о редчайшей силе которой действительно пережила столетия) словно божие благословение и повела их вместе, воистину соединив в неразрывное целое, дав мудрость понимать и дополнять друг друга — каждый своим. Он воевал, она смиренно раздавала милостыню нищим. Он яростно спорил в Думе, она молилась за него. Он очень часто возвращался вымотанным и злым, но лишь она одна и тогда нахо-

дила в себе душевные силы прямо, без страха, с неизменным участием смотреть ему в глаза, понимая, принимая его и такого, стремясь унять, утишить его боль. Наконец, после смерти двух маленьких дочерей и трагически-нелепой гибели первого сына — царевича Дмитрия, Она все-таки подарила ему сына-наследника, потом еще одного сына... Сильная женщина? Сильный характер? Да, во многом отступая от привычного образа русских государынь — безвольных, совершенно лишенных собственной индивидуальности «теремных затворниц», нам с вами, читатель, придется признать, что, как некогда и Соломония Сабурова, и Елена Глинская, царица Анастасия Романовна Захарьина была очень сильным человеком, под стать своему великому мужу. Она сознательно была опорой ему с самых первых лет правления — для молодого государя наиболее сложных и ответственных. Смерть такого человека страшна всегда. А ведь для Ивана она совпала с осложнениями в Ливонии, с предательством Адашева... Потому вряд ли преувеличил летописец, зафиксировав: «от великого стенания» за гробом любимой царь почти не мог идти, его вели под руки родной брат Юрий и двоюродный — Владимир Андреевич, в то время как на протяжении всего пути следом за погребальным шествием и впереди, и вокруг в глубокой скорби толпился весь московский люд, пришедший «не для милостыни», но чтобы действительно быть рядом с государем в горький час и разделить с ним боль утраты, так что «от множества народу в улицах едва могли тело ея отнести в монастырь»¹. Народ всегда был милосерднее к своему царю, нежели высокородная знать...

С легкой руки Карамзина и в немалой степени снова под влиянием сочинений князя Курбского, в

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 328.

исторической литературе именно смерть Анастасии стали считать концом первого, «благополучного» периода правления Ивана IV, считать тем гибельным рубиконом, с которого начался уже совершенно иной, *Грозный Иван*. После так называемого падения «Избранной Рады», будто бы только она, «кроткая и тихая» жена царя, еще могла сдерживать(?) жестокий(?) нрав Ивана, благотворно влиять на государя. С момента же ее ухода «держат тигра» больше стало некому, и началась вакханалия зверств... Такой же шаблонной схемы крепко держится в своем повествовании и наш уважаемый литератор. Причем, попирая всякую логику, делает сие после самых что ни на есть «глубоких» рассуждений о женщине древней Руси как о рабыне, всецело подчиненной воле мужа-господина и всегда занятой исключительно хозяйственными заботами — независимо, родовитая ли она боярыня, крестьянка или царица. Называя знаменитый Домострой «зеркальным отражением» как раз этого (по его мнению) тяжелого, затхлого «мира Рабства и Власти»... Что же, и правда, согласно составленному иереем Сильвестром кодексу семейного быта (который он упорно предлагал в качестве инструкции самому государю), жена не то что словом — жестом единым не имела права перечить супругу-хозяину, не говоря уже о том, чтобы «влиять», диктовать, нашептывая-наталкивая его на какие-либо важные решения и действия... Тем несуразнее и внутренне противоречивее выглядит на *таком* фоне «образ» Анастасии Романовны, представившийся г-ну Радзинскому — «образ» женщины слабой, покорной, но, однако, ставшей «уздой» для «страстей» Грозного царя и смерть которой «перевернула историю Руси»....

Все оказалось бы гораздо ближе к исторической действительности, допусти проницательный наш историк-психолог мысль о том, что взаимоотношения

между Иваном и Анастасией даже в принципе невозможно рассматривать на таком примитивном уровне, как отношения господства одного над другим. Этот взгляд устарел и изжил сам себя. Реальные факты свидетельствуют — не таким был Грозный, чтобы подпадать, хоть изредка, под власть жены, равно как вряд ли требовал он от нее слепого повиновения, скорее — жаждал понимания. Не такой была и царица Анастасия, чтобы желать «контроля» над мужем, также как никогда не приходилось ей «удерживать» Ивана от чего-то дурного. Рожденные любовью и высочайшим религиозным чувством долга друг перед другом, взаимоотношения между супругами были совершенно иного рода. И значит, само понятие «узды» здесь абсолютно неуместно — стоит лишь взглядеться...

Но, повторим, неукоснительно следуя указанной выше, изначально противоречивой точке зрения, неутомимый наш рассказчик показывает первую жену Грозного царя именно как «сдерживавшую» его тиранские порывы. Чтобы ярче оттенить эти явно надуманные построения, г-н Радзинский не постеснялся пойти даже на откровенную, рассчитанную на обывательское неведение подтасовку исторических фактов, поместив в своем тексте рассказ о смерти Анастасии раньше рассказа об отставке Сильвестра и Адашева, более того, представив эту отставку именно как **начало гонений и расправ...**

Однако читатель видел: царица Анастасия умерла тогда, когда последствия измены Алексея Адашева **уже** вскрылись и он **уже** был отстранен государем от командования войсками. Так же, как, не одобрив эту отставку и протестуя против нее, **уже** покинул Москву, по собственной воле ушел в Кирилло-Белозерский монастырь поп Сильвестр (кстати, забрав туда личную библиотеку, что само по себе говорит о полной добровольности его ухода из столицы). Следовательно, «первыми жертвами» эти двое явно не

были, и говорить о *начале расправ*, как поспешил сделать наш телеисторик, оснований нет. А вот о том, почему скончалась молодая царица и кто особенно мог быть заинтересован в ее смерти, хоть несколько слов сказать действительно надо...

Формально Анастасия Романовна умерла от болезни. Но вряд ли можно допустить, что только пошатнувшееся здоровье стало основным фактором, повлекшим за собой столь раннюю кончину ее — не достигшей и тридцати лет. Не требует доказательств: летальный исход во многом зависит не столько от причин внутренних, чисто физических, сколько от обстоятельств внешних, от той психологической атмосферы, в которой находится больной человек. Иногда она способна поднять уже умирающего, иногда — обострить, привести к смертельному концу совсем незначительную хворь. Вот и в случае с Анастасией мы, очевидно, имеем дело как раз с тем, когда сознательно или нет, но занемогшую молодую женщину просто «добили» — доби́ли самым отношением, взглядами, разговорами — словом, всем тем набором убийственных средств, и теперь известных не менее, чем в XVI веке. Причины такой жестокости по отношению к царице? Причин было много...

Преданно и бескорыстно любя мужа, разделяя его тревоги, поддерживая его своим человеческим теплом, Анастасия уже одним этим вызывала ненависть тех, кто на преданность и бескорыстие был не способен, кто не желал служить царю без выгоды лично для себя, кто сам хотел властвовать его именем... Не менее, а возможно, даже еще более трудным было положение при дворе братьев Анастасии — Даниила и Никиты Захарьиных, на которых кичившаяся своей родовитостью аристократия смотрела как на узурпаторов¹, не желая мириться с тем, что

¹ *Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 73.*

высокий их авторитет и влияние вполне заслуженны. Ведь храбрые воеводы, разумные государственные мужи (вспомним их предложение вывести лишние войска из Казанского ханства), оба стояли они с Иваном под стенами волжской твердыни, сражались в Прибалтике, реальными действиями добиваясь осуществления его стратегических замыслов. Словом, это тоже рождало ненависть. Ненависть тех, кто являлся их противниками, кто не желал войны в Ливонии, и читатель знает их имена. Ненависть и зависть. Нестерпимое желание свалить этих опасных конкурентов, отгеснить от государя, от власти, навсегда покончить с ними¹. Постоянные склоки, вражда и взаимные обвинения между членами ближней Думы Захарьиными с одной стороны и оппозиционной группой Адашева—Сильвестра с другой были общеизвестны, об этом говорят многие летописи. И все же до тех пор, пока Захарьины являлись «шурьями» царя, бороться с ними было делом нелегким. Анастасия мешала, мешала самим своим существованием так, что в пылу столкновений, например, Сильвестр не раз позволял себе «непотребные»² слова в адрес царицы.. Не они ли и стали для молодой женщины теми последними смертельными каплями, оборвавшими ее жизнь? Ведь если учесть это обстоятельство, то становится совершенно понятным и то заключение, к которому пришло расследование, проведенное по указу Грозного после смерти царицы. А оно гласило: Анастасия была «очарована»³ (околдована) Сильвестром и

¹ Позднее, уже в Польше кропая свои желчные мемуары, князь Курбский назовет своих бывших соперников «лукавыми ласкателями», будто только одной лестью завоевавшими доверие царя и высокое при нем положение. Однако, истории-то все равно известно, кто действительно был тогда лукав..

² Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского. С. 33.

³ Курбский А.М. Сочинения. С. 32—45.

его сотоварищами¹. Сиречь, скончалась, убитая не ядом, но словом...

И что же царь? Повелел ли он в лютом горе покарать изменников? Приказал ли отсечь им головы, четвертовать или сжечь прилюдно на костре, как частенько практиковалось тогда в Европе? Или хоть повесить, наконец?.. Ведь на Алексее Адашеве, помимо участия в заговоре против Анастасии, лежала ответственность за фактически дважды сорванное наступление русских войск в Ливонии, за что виселицы он заслуживал уж точно. Но... Нет, читатель, опять и опять нет. Ни Адашева, ни Сильвестра Иван не велел даже везти на суд в Москву. Суд был совершен заочно. И некоторые историки (а вместе с ними, конечно, и г-н Радзинский) считают такой шаг проявлением слабости Грозного, его страха перед открытым разбирательством, тогда как даже сам митрополит Макарий настаивал на соблюдении всех формальностей, требовал личного присутствия обвиняемых на судебных заседаниях с тем, чтобы они тоже могли высказаться, объяснить свои действия². Но задумаемся: так ли уж трудно понять Ивана, на сей раз действительно не согласившегося с мнением своего старого учителя?.. Не забудем, он вел войну. Тысячи вопросов ежедневно ждали его решения, его, царя, воли и разума, рвали на части его душу. Рвали с раннего утра и до поздней ночи. В такой обстановке не совершенно ли естественно посчитал Иван излишним устраивать некий «показательный процесс», еще один дотошный разбор того, что и так уже было ясно ему и что, главное, невозможно было ни оправдать, ни изменить. Он понял, что его в очередной раз предали, и с

¹ В деле фигурировала, например, приживалка Алексея Адашева — некая полька Магдалина, также обвиненная в «порче» царицы.

² *Скрынников Р.Г. Великий государь. С. 189.*

омерзением не пожелал видеть лица предателей. Что же до приговора... Пусть читатель судит сам о его жестокости: адашева Иван приказал взять под стражу и посадить в тюрьму в Дерпте, где тот вскоре и умер, как говорилось выше. Сильвестра же только теперь уже действительно сослали на Соловки — «в белые ледяные ночи», как красиво, с чувством сказано у нашего повествователя, вот только, жаль, с весьма ощутимыми пропусками реальных событий. Разобрать бумаги и книги, оставленные в Кирилло-Белозерском монастыре бывшим государевым секретарем, отправлен был сам канцлер Висковатый...

Таким образом, при внимательном и беспристрастном взгляде на эту «несправедливую расправу с Адашевым и Сильвестром» — расправу, ставшую будто бы началом принципиально новой эпохи в царствовании Грозного, — сразу проступает вся невероятная ее раздутость, так же как и абсолютная безосновательность вытекающего из нее представления о двух периодах правления первого русского царя. Хотя несомненно, что под давлением обстоятельств Иван с течением времени становился в своих действиях все более суровым, но мы видели, что к этому его вынуждала сама жизнь. Мы видели, что все, осуществленное в России с момента его фактического прихода к власти, было осуществлено по его инициативе и во многом под его личным руководством. И в каждом результате он был заинтересован прежде всего сам, воистину кровно, как «прирожденный государь»¹, не щадя ради его достижения ни себя, ни кого бы то ни было другого. Эта присущая ему могучая воля к деятельности, это глубинное чувство ответственности за все, столь ярко проявившаяся уже тогда, когда он юношей, стоя на Лобном месте, про-

¹ Т. е. потомственный, законный правитель страны, как писал сам Грозный в Посланиях к Курбскому.

сил у народа прощения за преступления своих бояр, с годами могла лишь усилиться, стать еще более обостренной из-за тяжелейших разочарований, душевных ран и потерь, в которых — мы видели тоже, — недостатка не было. Именно поэтому, перешагнув тридцатилетний рубеж собственной жизни, Иван действительно станет жестче к своему окружению. Станет чрезвычайно требовательным и бескомпромиссным, а по отношению к врагам — и безжалостным. Но означало это не пресловутый «гибельный перелом» в нем самом и в характере его правления, а скорее первый итог, окончательное завершение формирования его как глубоко неординарного человека и великого государя...

Между тем еще профессор Р.Ю. Виппер отмечал, что в этом по сути своей ошибочном разделении царствования Ивана Грозного на две «разные» эпохи «заключена была вместе с тем оценка личности и деятельности Ивана Грозного: оно служило главной основой для умаления его исторической роли, для занесения его в число величайших тиранов. К сожалению, при анализе этого вопроса большинство историков сосредотачивало свое внимание на переменах во внутренней жизни Московского государства и мало считалось с международной обстановкой, в которой (оно) находилось в течение... царствования Ивана IV. ***Суровые критики как бы забыли*** (выделено нами. — Авт.), ***вся вторая половина царствования Ивана Грозного проходила под знаком непрерывной войны, и притом войны наиболее тяжелой, какую когда-либо вело Великоорусское государство***»¹.

Забыли, например, о том, как трудно стало уже в первый год после раздела Ливонии (1561). Как стало не хватать пехоты. вследствие чего литовцы смогли

¹ Виппер Р.Ю. Указ. соч. С. 55.

нанести в это время русским армиям несколько весьма серьезных поражений — в 1562 г. сам князь Курбский был разгромлен ими под Невелем¹. Но и тогда царю снова удалось спасти положение.

Во-первых, он умело нейтрализовал по крайней мере двоих из трех основных своих соперников в Прибалтике — Данию и Швецию. Ради этого Грозный, заключая 20 августа 1561 г. перемирие со шведами сроком на 20 лет, согласился на занятие ими земель нынешней Эстонии. Также посчитал он разумным в сложившейся ситуации согласиться и с аннексией датчанами острова Эзель — соответствующий мирный договор между Россией и Данией был подписан 7 августа 1562 г.² Это давало возможность вновь сосредоточить все силы на борьбе против одного, главного врага Руси — против Польши-Литвы.

Иван сам разработал план новой военной кампании и сам руководил его осуществлением. Уже в январе 1563 г. сосредоточенная близ Можайска 80-тысячная русская армия под личным командованием царя двинулась на Полоцк — древний русский город, некогда захваченный, отторгнутый от России и превращенный в мощную пограничную крепость, закрывавшую дорогу на литовскую столицу Вильну. Вероятно, государь прежде всего хотел нанести решительный удар врагу на его собственной территории и тем самым заставить отступить из Ливонии — ведь Полоцк стоял на самом перекрестье путей, связывающих Литву и Ливонию³. По зимним дорогам, в снегах, войска шли тяжело, шли почти месяц, и это было немудрено: **одно лишь ядро** для осадной пушки **весило 20 пудов**, а таких везли сот-

¹ Kronika Marcina Bielskitgo. Ks. VII. Warszawa 1832. С. 155—156

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 162—163, 275.

³ *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 54.

ни и сотни... Город окружили только в первых числах февраля.

Но, создавая свой портрет Грозного, наш маститый писатель-историк почему-то лишь походя обмолвился об этом походе, о знаменитом «Полоцком взятии» — еще одном грандиозном военном триумфе Ивана IV, сравнимом по значению лишь с падением Казани. Блестяще организованная осада, обилие пушек и боеприпасов позволили овладеть практически неприступной крепостью всего за две недели. В помощь Полоцкому гарнизону литовское правительство спешно направило гетмана Н. Радзивилла с 3400 солдатами. Но гетман, остановившись в семи милях от города, оказать помощь осажденным так и не решился¹.

Беспощадный огонь тяжелой артиллерии разрушил стены городского острога, и литовцы вынуждены были укрыться в Верхнем замке. В одном из боев сильно контузило боярина И.В. Большого-Шереметева, командовавшего передовым полком. Как свидетельствует летописец, пушечное ядро, пролетая, «погладило» боярина «по уху»². 11 февраля осадные пушки начали перетаскивать уже внутрь сожженного острога, устанавливая против главной крепостной башни Полоцка — так называемых «Темных ворот». В ночь на 13 февраля «главному нарядному воеводе» (начальнику артиллерии) князю М.П. Репнину царь велел начать сплошной безостановочный обстрел: «бити по городу по всему не с одного места — изо всего наряду и из верхних пушек из вогненных»³. После двух суток такой массивной, не прекращавшейся даже ночью канонады загорелся Верхний замок. На рассвете 15 февраля польско-литовский

¹ *Скрынников Р.Г.* Великий государь. С. 177

² ПСРЛ. Т. 13. С. 357.

³ Там же.

гарнизон выбросил белые флаги и сдался. Причем, как почти полвека назад, после победного штурма Смоленска отпустил всех пленных поляков Василий III, так и теперь его сыном Иваном были щедро одарены (шубами¹) и отпущены восвояси все сдавшиеся польские офицеры и солдаты...

Капитуляцию Полоцка принял лично сам царь. Рядом стояли двоюродный брат государя — князь Владимир Андреевич Старицкий и бывший казанский хан Александр Сафа-Киреевич, также принимавшие участие в походе. Мы не беремся представить, какие чувства переполняли душу Ивана в тот миг, когда перед ним торжественно склонили знамена разгромленного противника, когда поднесли ключи от древнейшего русского города, вновь возвращаемого Отечеству. Вспоминал ли он прошлое? Думал ли о будущем? Лучше всего говорят об этом его собственные строки, в те же дни адресованные им владыке Макарию:² «Исполнилось, — писал царь, — пророчество русского угодника, чудотворца Петра митрополита, о городе Москве, что взыдут руки его на плечи врагов его: бог несказанную милость излил на нас недостойных, вотчину нашу, город Полоцк, в наши руки нам дал»³. Он был счастлив. Он был горд. И, как подчеркивает историк, действительно имел право гордиться этой победой. Ибо отлаженный им механизм власти, «все его колеса, рычаги и приводы действовали точно и отчетливо, оправдывали намерения организаторов»⁴.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 363.

² Менее года прожил после этой победы уже престарелый святой, бывший рядом с Иваном в самую тяжелую пору становления его как личности и как государя. 31 декабря 1563 года он мирно почил, словно убедившись, что выполнил свой долг до конца.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 362.

⁴ *Вунтер Р.Ю.* Указ. соч. С. 54.

Кстати, такой же четкий порядок стремился установить Грозный и во вновь покоренном крае. Приказав приступить к немедленному восстановлению Полоцка, царь, уезжая в Москву, оставил своим воеводам лично написанную инструкцию, содержащую целый перечень глубоко, до мелочей продуманных мер по управлению Полоцком. Так, он считал, что по ночам воеводы обязаны сами по очереди объезжать город. У местных жителей должно быть изъято все оружие. Городские ворота каждый вечер запираются. Но при этом же Грозный строжайше требовал от своих наместников, чтобы они относились к горожанам предельно честно, чтобы творили «суд скорый и правый», **«по местному обычаю»**.¹ **Такова была воля «тирана»**²...

Падение Полоцка — момент высшего успеха России в Ливонской войне. Русская армия заняла ключевую крепость на Западной Двине, в устье которой находился крупнейший ливонский порт Рига и совсем близко была Вильна. Сокрушительный натиск Ивана Грозного вызвал страх не только у поляков и литовцев, незамедлительно снарядивших большое посольство в Москву с предложениями о мире. Личное по-

¹ Акты исторические. Т. I. № 169. См. также: ПСРЛ. Т. 13. С. 363—364.

² Правда, объективности ради следует сказать: были в Полоцке и те, кого Грозный не то, что не пощадил, но обошелся с прямой жестокостью. Это были евреи-ростовщики и евреи-владельцы питейных заведений. Имея в Полоцке (как и по всему Польско-Литовскому государству) фактическую монополию на соответствующие виды предпринимательства, именно евреи столетиями занимались тем, что в просторечии называется разорением и спаиванием людей. Завоевав город, русский царь хотел немедленно положить этому предел. Более того, Грозный приказал всем евреям принять крещение. По свидетельству современника, от предложенного иудейской общиной города огромного выкупа государь отказался, а всех евреев, не согласившихся креститься, велел утопить в Двине. — См.: *Штаден Г.* Записки о Москве Ивана Грозного. — М., 1925. С. 117.

слание, содержавшее просьбу прекратить войну против его вассалов, направил русскому царю сам германский император Фердинанд I Габсбург. Вместо «ненужного кровопролития между христианами» Фердинанд предлагал Ивану заключить союз и объединить усилия в борьбе с общим врагом — турками. Этим предложением император, вероятно, надеялся достичь сразу двух целей: отвлечь русских от наступления в Прибалтике и столкнуть их с Османами... И Грозный, конечно, понял его. Он ответил Фердинанду — с иронией, почти потешаясь над ним, но в то же время проявляя великолепную осведомленность и находчивость опытного дипломата. Его ответное личное послание Габсбургу произвело на Западе эффект разорвавшейся бомбы, сразу же было переведено и издано на немецком языке в виде брошюры, своеобразного «летучего листка». Также были сделаны переводы на латынь. И, собственно, лишь благодаря этим переводам сохранился для нас текст послания...¹

Не говоря императору ни «да», ни «нет» относительно предложенного антиосманского союза, совершенно не думая отказываться от достигнутых военных успехов, но, как отмечает исследователь, не желая и «излишне раздражать своего влиятельного адресата, прибавляя к списку своих врагов еще одного»², Грозный сделал блестящий «ход конем», заявив Фердинанду, что воюет в Ливонии практически за его же интересы — против еретиков-лютеран, главной головной боли Габсбургов...

Совершенно справедливо указывая на широко охватившее тогда Прибалтику (как и всю Европу)

¹ Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России XVI—XVII вв. СПб., 1843.

² Лурье Я.С. Указ. соч. С. 490.

движение протестантской Реформации, на то, что очень многие там «преступили божию заповедь» и «впали в Лютерово учение», Грозный заявил главе Священной Римской империи, что начал Ливонскую войну исключительно потому, что потерял надежду на возвращение ливонцев к «справедливости и старому закону»¹ (а ведь он отлично знал, что «старым законом» был там католицизм!). Иными словами, православный царь, всю жизнь презиравший «латынскую ересь», вдруг сам себя объявил католическим крестоносцем... Конечно, это была шутка. Но шутка злая, отменно просчитанная и попавшая своим острием в самую цель. Ибо не было тогда для «германского цесаря» ни одной более тяжелой проблемы, нежели борьба с протестантизмом. «Грозный очень хорошо знал, какое место занимала в политике Габсбургов идея католической контрреформации. Фердинанд I много лет воевал против «Лютерова учения» в Германии, его племянник Филипп II Испанский уже готовился стяжать лавры первого врага Реформации. Выступая против «Лютерова учения», Грозный задевал весьма чувствительную струну габсбургской политики...»²

Таким образом, 1563 год стал для Ивана годом его наивысшего могущества и популярности. Он владел выходом к морю и восточной половиной Ливонии, обеспечив себе торговую и военную дорогу по Западной Двине. И хотя литовская сторона, затягивая переговоры, все еще отказывалась признать потерю Полоцка, отдельные разведывательные отряды Грозного доходили уже до Вильны. Захват литовской столицы был вполне реален. Но вновь обострившаяся внутривосточная обстановка и ошиб-

¹ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 490.

² Там же. С. 491.

ки воевод не дали возможности царю осуществить этот решающий рывок.

Дело было в том, что «знать легко бы простила Грозному отставку его худородных советников Адашева и Сильвестра, но она не желала мириться с покушением на прерогативы боярской Думы»¹. А ведь именно боярскую Думу стал в это время все больше игнорировать царь. В условиях затягивающейся войны ему, как никогда прежде, необходимы были новые, оперативно действующие органы управления — приказы, где дела вели уже отнюдь не бояре. И оттесняемая от кормила власти старая удельная аристократия вознегодовала. На этот раз оппозицию возглавил не кто иной, как бывший друг Ивана и, по словам Эдварда Радзинского, единственный из членов «разгромленной «Избранной Рады», еще остававшийся на свободе князь Андрей Михайлович Курбский. Как подчеркивает историк, сей «идеолог боярства... самым решительным образом протестовал против ущемления привилегий знати и передачи функций управления в руки приказных (дьяков). Писарям русским, утверждал он, **«князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих»**². Высказывание весьма красноречивое для будущего первого в истории Руси «диссидента» и яркого критика царского самодержавия. Ибо уже очень скоро, уже из-за границы, князь Курбский лицемерно бросит Ивану Грозному совсем иной упрек — обвинит в гонениях на это же «простое всенародство» или, как выразились бы теперь, «в ущемлении прав и свобод граждан»... Но не

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 73.

² Там же. С. 74.

станем забегать вперед, прерывая естественную ткань истории.

Поддерживая приказы, ведя все более жесткую борьбу за централизацию государственной власти, Грозный одновременно попытался лишить феодальную аристократию того, на чем, собственно, держалось ее политическое могущество, — земельных владений. Он знал, что, не отняв у знати этой опоры, ему не удастся сломить ее сопротивление и до конца осуществить столь необходимые преобразования в управлении страной. Поэтому, готовя наступление на западном фронте, царь в то же время велел руководителям приказов разработать новое уложение о княжеских вотчинах. Это новое уложение, утвержденное 15 января 1562 г., резко ограничивало права княжат по распоряжению своими старинными родовыми землями (в частности им категорически запрещалось продавать и менять вотчины). Выморочные же владения были объявлены исключительно собственностью государственной казны. Братья и племянники умершего князя-вотчинника могли наследовать его земли лишь с разрешения самого государя¹.

Так, по словам Курбского, были «разграблены» многие «сильные и славные» роды², ввиду чего оппозиция все чаще стала обращать «свои взоры в сторону Литвы. Там искали спасения те, кто не хотел мириться с самодержавными устремлениями Грозного. Откуда ждали помощи те, кто подумывал об устранении царя Ивана. Тревога властей по поводу (этих) связей возрастала по мере того, как сражение на русско-литовской границе приобретало все более ожесточенный характер»...³ Например, чуть не сбежал в

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 75.

² Сб. РИБ. Т. XXXI. С. 114—115.

³ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 78.

вует летописец, Грозный, не пожелав сам судить двоюродного брата, вынес дело на рассмотрение высшего духовенства: «и перед отцом своим богомольцем Макарием митрополитом и перед владыками и перед освященным собором царь... княгине Ефросинье и ко князю Владимиру неиспроавление и неправды им известил и для отца своего Макария митрополита и архиепископов гнев свой им отдал...»¹ — то есть простил. Выслана и 5 августа 1563 г. пострижена в монахини была только мать Владимира Андреевича, гордая, неукротимо властная княгиня Ефросинья Старицкая (не случайно и в летописи она названа первой). Ибо именно ее, а не брата (человека бесхарактерного, недалекого, поступки которого он откровенно называл «дуростью») считал Иван подлинной вдохновительницей заговора...

Однако передавая эпизод о «расправе со Старицкими», Эдвард Радзинский по привычке объяснил читателю это «дело» наиболее упрощенно — как жестокую «плату по давним долгам, за далекий «мятеж у царевой постели», как месть Ивана своему брату и «его старухе-матери» (на самом деле вовсе еще не старой женщине), коих он и в живых-то оставил лишь для того, по словам автора, чтобы они «пожили в страхе — это куда хуже смерти»... Что ж, действительно, опальная княгиня, принявшая при постриге имя Евдокии, еще довольно долго прожила в Воскресенской женской обители, расположенной неподалеку от знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря. Из общеизвестных исторических исследований явствует: даже там высокородной монахине специальным царским распоряжением позволено было «сохранить при себе не только прислугу, но и ближних боярынь-советниц. Последовавшие за ней слуги получи-

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 368.

ли несколько тысяч четвертей земли в окрестностях монастыря. Воскресенская обитель не была для Ефросиньи тюрьмой. Изредка ей позволяли ездить на богомолье в соседние обители. Под монастырской крышей старица собрала искусных вышивальщиц. Изготовленные в ее мастерской вышивки отличались высокими художественными достоинствами»¹.. Было ли это следствием «жизни в страхе»? Или же... Или же наоборот — проявлением душевного покоя, обретенного княгиней в тиши и сосредоточенности отдаленного монастыря? Проявлением того истинного смирения, которое достигается не сразу и не просто, путем глубокого осмысления человеком своих грехов и которого так не хватало ей, Ефросинье, чья душа столь долгие годы была обуреваема честолюбивыми замыслами возвести на престол собственного сына?.. Пусть читатель думает и решает сам...

А конфискованный удел Иван вскоре тоже вернул Владимиру. Уже в октябре оба брата вместе ездили на охоту в Старицу...

«Опала Старицких» произошла на исходе лета 1563 г. Краткое упоминание о ней находится в труде Э. Радзинского на странице 59-й. Буквально же страницей раньше уважаемый наш автор поместил (не менее краткий!) рассказ еще об одном «зверстве» Грозного — расправе с боярином Михаилом Репниным и князем Юрием Кашиным, «участниками ливонских баталий»... Между тем, согласно реальной хронологии, государь действительно казнил сих именитых мужей, но не ранее лета 1563 г., а гораздо позже — уже зимой 1563/64 г. И в этой новой, на первый взгляд, совсем незаметной, незначительной неточности тоже имеется своя потаенная недосказанность...

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 79.

Начнем с того, что описание «мученической» кончины боярина Репнина, равно как и убийства его родственника — князя Кашина, полностью взято нашим литератором из послания Курбского, в котором князь в самых резких выражениях ругал Ивана за пролитие «святой крови» своих воевод. Именно Курбский, сидя уже за польско-литовским кордоном, первым сочинил легенду о том, как будто бы однажды царь позвал к себе на пир боярина Репнина. За столом было шумным. Наконец, изрядно выпив, все присутствовавшие пустились плясать вместе со скорморохами, и лишь один именитый вельможа Репнин счел подобное унижительным для себя, стал открыто корить Ивана в «недостойных христианского царя действиях». Причем Иван пробовал образумить строптивца, просил, протягивая ему маску: «Веселися и играй с нами»¹, но тот упрямо и гордо растоптал поданную царем маску, за что был взащей выгнан, а затем и убит — в церкви. Ибо, как через века дополняет Курбского г-н Радзинский, Грозный хотел, чтобы бояре знали: даже «бог не спасет от гнева государева. Все должны по-холопыи чтить отныне одну волю — его, царскую. Она теперь — воля божья»...

Невзирая на весь мрачный колорит этой «истории», даже такие современные либеральные исследователи, как Р.Г. Скрынников, считают ее «притчей»², намеренным вымыслом князя Курбского, не имеющим реальных исторических оснований, но который, однако же, «хорошо характеризует взаимоотношения царя с «великими» боярами накануне опричнины.. Князя не только перечили, но и грубили самодержавному владыке»³. Сочиняя свои гнусные

¹ Курбский А.М. Сказания. С. 279

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 86—87.

³ Там же. С. 86—87.

писания о «кроважном деспоте», Курбский и стремился прежде всего оправдать их. Оправдать и их высокомерное хамство, и подлую измену. Словом, все то, о чем он имел информацию намного большую, чем мы сейчас...

Действительные причины и обстоятельства казни Репнина и Кашина были следующие. В конце 1563 г. Москву посетило новое большое польско-литовское посольство, возглавлявшееся Юрием Хоткевичем. Но переговоры закончились ничем. Литовская сторона снова отказалась признать потерю Полоцка и уступить русским ливонские земли до Двины. А потому продолжение военных действий оказывалось неминуемым. Вероятно, предвидя именно такой исход событий, Иван Грозный уже к этому времени подготовил новый план наступления на западном фронте. И как только литовские дипломаты покинули Русь, военные действия возобновились¹.

Замысел нового наступления был широк и смел, предполагал быстрое проникновение в глубь территории противника. Согласно ему завоеватель Дертта П.И. Шуйский должен был выступить с войсками из Полоцка, Серебряные-Оболенские — из Вязьмы и, соединившись вместе, идти на Минск и Новогрудок. Но... секретные сведения о перемещениях русских армий оказались выданными врагу. Благодаря этому литовцы успели сосредоточить свои главные силы на нужном направлении и не допустили соединения русских. Неподалеку от города Чашникова на реке Уле вечером 28 января 1564 г. полоцкая армия П.И. Шуйского (который двигался, кстати, «оплошася небрежно», и даже собственные боевые доспехи воеводы везли позади него, в санях), неожиданно попала в засаду и была наголову разбита

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 385.

войсками Н. Радзивилла¹. Спаслись лишь немногие, бежав назад в Полоцк..

Кто конкретно повинен в этом военном преступлении и в этой трагедии — мы, пожалуй, не узнаем уже никогда. Но четко известно: о деталях секретного плана наступления в Литву знал только царь и члены боярской Думы, утверждавшие этот план. Следовательно, очень логично, что именно члены Думы, среди которых был и боярин М. Репнин, оказались первыми, на кого пало подозрение в измене. Только кто-то из них, по мнению Ивана, мог выдать и выдал секретные сведения находившимся в Москве литовским послам. И если приказ казнить Репнина он отдал на рассвете 31 января 1564 г. — именно тогда, когда в столице получили весть о страшном разгроме, то вряд ли можно думать, что у царя не было для такого шага никаких серьезных оснований..

И еще один факт, опущенный нашим рассказчиком. Боярина Репнина убили не «в церкви, во время всеношной», но уже на улице, выведя его из храма². Такая же кара постигла через несколько часов и его родича — Юрия Кашина. В синодиках опальных (поминальных списках казненных за счет государственной казны, списках, рассылавшихся Иваном по всем русским монастырям) Репнин и Кашин записаны вместе в том порядке, в каком они подверглись казни³. Как писал знаменитый церковный историк и публицист митрополит Иоанн, «царь не желал казненным зла, прося у церкви святых молитв об упокоении мятежных душ изменников и предателей»⁴...

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 375, 377.

² См. об этом подробно: *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. — Изд. ЛГУ. 1966. С. 170—179, 199, 200.

³ *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 216—217.

⁴ *Иоанн (Снычев).* Самодержавие Духа. С. 184.

Но почему же все-таки не было суда, спросит внимательный читатель. Ведь, в конце концов, именно казнь без суда больше всего дает повод заподозрить Грозного в несправедливом и жестоком убийстве... Да, суда не было. Согласно законам Русского государства (см. Судебник 1550 г.) ***судить боярина имела право только боярская Дума***, а она вряд ли пожелала бы выдать на расправу знатнейших своих членов, сколь бы ни велика была их вина. Не рассчитывая преодолеть ее сопротивление, царь и отдал столь резкий, суровый приказ — покончить с предателями действительно без суда и следствия. Всего несколько месяцев спустя, отвечая на обвинения Курбского в свирепой кровожадности и «кривине суда»¹, Грозный прямо писал о совершенном боярами преступлении. О том, что «сия их измена всей вселенной ведома», а «таких собак везде казнят!»². И так ли уж не прав был царь?..

¹ Курбский А.М. Сказания. С 395.

² Послания Ивана Грозного. С. 301—302.

МИФ О ПЕРВОМ РУССКОМ «ПРАВОЗАЩИТНИКЕ» — КНЯЗЕ КУРБСКОМ

Здесь мы вплотную подошли к событию не только наиболее известному в длинной череде боярских заговоров и измен эпохи Ивана IV, но едва ли не самому мерзкому в отечественной истории, сравнимому, пожалуй, лишь с действиями генерала Власова. Весной 1564 г. на сторону противника перешел главный государев наместник в Ливонии — князь Андрей Курбский. О том, как низко пал герой взятия Казани, свидетельствует уже то, что бегство его произошло совсем не так ярко, дерзко, гневно, на глазах у всего войска, как попытался сделать некогда под Оршей гордый шляхтич Михаил Глинский. Курбский бежал именно как предатель, как клятвопреступник — в страхе, тайно, под стыдливым покровом темной ночи.

Стараясь возможно более романтично и трогательно передать этот момент — когда, поцеловав в последний раз жену и маленького сына, князь перемахнул (при помощи слуг) через высокую городскую стену Юрьева (Тарту), туда, «где его уже ждали оседланные лошади»... Эдвард Радзинский говорит, что решился на это бегство Андрей Михайлович исклю-

чительно ради спасения собственной жизни, утрашившись вестей из Москвы, где, по словам автора, «споро работали топор и плаха»... Между тем историей зафиксировано: «на родине Курбский до последнего дня не подвергался прямым преследованиям»¹. Напротив, именно царь сам назначил его весной прошлого, 1563 г., своим главным наместником в Ливонии — сразу по окончании Полоцкого похода. И, кстати, вельможный князь был очень недоволен этим назначением: после тяжелого похода ему хотелось отдохнуть, а Иван определил на сборы только месяц...

Страх, принудивший «дородного князя», как зурядного авантюриста, цепляясь за веревку, карабкаться через высокую крепостную стену средневекового города, страх, заставивший его бросить семью, огромные родовые имения и, главное, огромную власть, был совсем иного рода — это был **«страх разоблачения»**². Но и о нем тоже умолчал наш неутомный исследователь исторических загадок всех времен и народов. И это понятно. Ведь расскажи он, хотя бы вкратце, о реальных предпосылках и обстоятельствах бегства Андрея Курбского, равно как и о его дальнейшей жизни в Польско-Литовском государстве, — и сильно, очень сильно поблек бы столь любовно выписанный автором портрет «первого правозащитника». Портрет князя Курбского, в громком споре которого с Иваном Грозным г-н Радзинский увидел «первую русскую полемику о свободе, о власти, о всеобщем холопстве на Руси». (Мысль, кстати, далеко не новая. Еще Н.А. Добролюбов считал Курбского первым русским либералом, чьи сочинения написаны были «отчасти уже под влиянием за-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 93.

² Там же.

падных идей» и которыми Россия «отпраздновала начало своего избавления от восточного застоя»¹.)

Что же, общеизвестно: Курбский «принадлежал к числу образованнейших людей своего времени», не уступая в начитанности самому Грозному царю. «Именно эта одинаковая начитанность, одинаковая страсть к книгам служила прежде самую сильную связью между ними». Она же дала возможность и их заочному диалогу-спору. «Курбский не хотел отъехать молча, молча расстаться с Иоанном: он вызвал его на словесный поединок. Началась драгоценная для историков переписка, ибо в ней высказались не только личные... отношения противников, в ней... вскрылась историческая связь явлений»². Впервые детально (и наиболее объективно) проанализировал эту переписку замечательный русский историк С.М. Соловьев. Скрупулезно, шаг за шагом, аргумент за аргументом, рассматривая страстные, во многом предвзятые обвинения, выдвигаемые царю Курбским, и глубоко обоснованные (хотя и не менее страстные) ответы на них самого Ивана, историк прежде всего пришел к выводу о том, что критик царя выступал отнюдь не «сторонником прогресса», а, напротив, старых «родовых отношений» времен удельной раздробленности. Подлинным «православным царством» являлось для Курбского лишь то, где царь правит вместе со своей знатью. Грозный ушел от этого «идеала», став править самодержавно, и именно это главное, что не мог простить своему бывшему другу «потомок князей ярославских и смоленских... пад-

¹ Добралюбов Н.А. Собрание сочинений. М., 1961. Т. 2. С. 247. Подобное же мнение высказывал позднее К. Валишевский, хотя и не без оговорок называя Курбского «первым русским публицистом», которого «привлекала идея прогресса» и который «смело возвышал свой голос против грубого деспотизма» — См: *Валишевский К.* Иван Грозный. С. 258.

² Соловьев С.М. История России. Кн. III. С. 544.

ших жертвами Иоанна IV, отца его и деда», писал С.М. Соловьев. За подробностями этого интереснейшего анализа пусть внимательный читатель сам обратится к его фундаментальной «Истории России» (книга III, М., 1960. С. 536—550). Здесь же нам хочется подчеркнуть основное.

С лютой ненавистью обличая самодержавные устремления царя, его упорные попытки, отстранив от управления боярство, создать такой сильный, централизованный механизм власти, который защищал бы главные интересы всего населения страны, а не только отдельных сословий, Курбский и впрямь на западный (конкретно — на польский) манер отстаивал права — исключительные права на власть только для аристократии, только для избранного круга лиц, именуемых «мудрыми советниками», и которым обязан подчиняться сам государь. Никакого долга, никакого служения общегосударственным задачам, полное и неоспоримое право «отъезда» (т.е. ухода) к другому правителю — лишь такая свобода, и опять-таки только для знати (но никак — упаси бог! — не для холопов), устраивала вельможного князя. Действительно, либерал!...

Однако еще лучше, чем послания, наполненные критикой злоупотреблений Грозного царя, говорят о политических убеждениях и нравственных ценностях Курбского его собственные «деяния», многие из которых в популярной литературе вспоминаются не так часто, как «зверства» Ивана IV. Так что пусть читатель простит нам это пространное отступление...

Гордому отпрыску древнего рода князей Ярославских — представителей старшей ветви Рюриковичей, Андрею Михайловичу Курбскому было 36 лет, когда он будто бы совершенно неожиданно решил покинуть Отечество. Но подлинные исторические документы неопровержимо свидетельствуют: бежать из Русского государства князь Курбский задумал еще минимум за полтора года до означенного времени —

очевидно, как раз тогда, когда Грозный все сильнее стал ограничивать привилегии княжеско-боярских верхов. Курбский, как мы говорили выше, был однозначно против таких действий царя. Это, в конечном итоге, и привело к их разрыву, сделав двух давних друзей самыми непримиримыми врагами. Осознав, что, невзирая на высокое положение, он уже не может ни переубедить Ивана, ни противостоять ему, князь решил зло отомстить Грозному за поруганную боярскую честь. Он все хорошо продумал...

Хотя до сих пор окончательно не выяснено, кто сделал непосредственно самый первый шаг, кто отправил первое письмо, факт остается фактом: командующий русскими войсками в Ливонии князь Курбский долгое время лично вел тайную переписку с противником Руси — королем Сигизмундом-Августом, тщательно оговаривая условия своего перехода на его сторону. Сначала Андреем Михайловичем были получены так называемые «закрытые листы», т.е. секретные письма (правда, без соответствующих печатей) от самого короля, гетмана Н. Радзивилла и подканцлера литовского Е. Воловича. Все трое приглашали Курбского оставить Московию и переехать в Литву. Когда же князь дал свое согласие, королем и гетманом были отправлены ему в Юрьев (Дерпт, Тарту) уже «открытые листы» — официально заверенные грамоты с печатями, содержавшие приглашение приехать и обещание «королевскую ласку» (милость) вместе с солидным вознаграждением¹. Только после этого двукратного приглашения князь и совершил свой знаменитый побег, явившись в Литву отнюдь не как преследуемая жертва «царского произвола», но именно как изменник и клятвопреступник...

¹ Жизнь князя А.М.Курбского в Литве и на Волыни. Собрание документов в 2 томах. Т. II. — Киев, 1849. С. 195, *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 90.

Впрочем, рассчитывая на королевскую «ласку», Курбский предпочитал иметь и кое-что «за душой». Историк отмечает: еще за год до побега, будучи наместником в Юрьеве, князь обратился в Печорский монастырь с просьбой о крупном займе, и монахи, конечно, не отказали могущественному воеводе, благодаря чему он «явился за границу с мешком золота. В его кошельке нашли огромную по тем временам сумму денег в иностранной монете — 30 дукатов, 300 золотых, 500 серебряных талеров и всего 44 московских рубля»¹. В своей книге Р.Г. Скрынников приводит по сему поводу и мнение американского исследователя Э. Кинана, который тоже «восстал против мифа о преследуемом и гонимом страдальце Курбском. Боярин оставил в России жену, но это, по мнению Э.Кинана, не было делом вынужденным. Он бежал, имея по крайней мере трех лошадей, и успел захватить двенадцать сумок, набитых добром. Ясно... Курбский взял то и тех, что и кого он считал для себя нужным для дальнейшей жизни за границей»².

Желанная заграница, однако, встретила его совсем не гостеприимно. Оставив Юрьев ночью, Курбский с небольшим отрядом последовавших за ним верных людей (всего 12 человек) к утру добрался до ливонского замка Гельмета — чтобы взять там проводника до Вольмара, где ждали беглецов королевские чиновники. Но... гельметские немцы поступили совсем «нецивилизованно»: они схватили и ограбили знатного перебежчика, отобрав у него все золото. Лишь после этого, говорит историк, арестованных беглецов повезли разбираться к начальству — в замок Армус. Архив города Риги и теперь хранит акку-

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 92.

² Скрынников Р.Г. Великий государь.. С. 228.

ратную запись показаний, данных тогда князем Курбским¹...

Свою злость и разочарование таким «приемом» ограбленный до нитки Курбский выместит уже на следующий же день, оказавшись, наконец, в Вольмаре и сразу засев за послание бывшему другу-царю: «...всего лишен был и от земли божия тобою туне отогнан!.. (Но) не мни, царь, не помышляй нас погибшими. Прогнанные (тобою) без правды.. к богу вопием день и ночь на тя!»²

«В Литве беглый боярин первым делом заявил, что считает своим долгом довести до сведения короля о «происках Москвы», которые следует «незамедлительно пресечь». Курбский выдал литовцам всех ливонских сторонников Москвы, с которыми он сам вел переговоры, и назвал имена московских разведчиков при королевском дворе». Более того. «По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в этом вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Как свидетельствуют о том вновь найденные архивные документы, князь благодаря хорошему знанию местности сумел окружить русский корпус, загнал его в болото и разгромил. Легкая победа вскружила боярскую голову. **Он настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он намеревался захватить Москву.** Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы те тотчас же за-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 91.

² Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. С. 6—8.

стрелили его, если заметят в нем намеренность к бегству; на этой телеге... он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним»¹. Эти приводимые Р.Г. Скрынниковым личные признания князя Курбского — из Государственного архива Латвии...

Почему же так униженно, так подобострастно-настойчиво стремился доказать свою лояльность новому государю доселе столь гордый и независимый князь, не пожелавший смириться под властью русского самодержца? Загадка сия раскрывается просто. Еще царь Иван, отвечая на послание Курбского, весьма справедливо заметил, что крамольникам и изменникам нигде в мире, ни в одном государстве не доверяют и в большинстве случаев позорно «вешают как собак». Ведь предавший однажды, может предать и второй раз... Это подтвердилось всей дальнейшей судьбой Курбского. Почти двадцать лет проведя в Польше, князь, несмотря на все старания, так и не смог добиться ни твердого доверия со стороны короля, ни того высокого положения, какое занимал он в Москве, до конца жизни сам себя сделав изгоем...

Недоверие к перебежчику начало сказываться сразу же по прибытии его на территорию Польши-Литвы. За все услуги, оказанные Курбским королю польской, а также в возмещение ущерба за брошенные на Руси вотчины, король Сигизмунд-Август выдал Курбскому 4 июля 1564 г. жалованную грамоту на имение Ковельское² (расположенное на Воля-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 93—94: *Его же*: Великий государь... С. 240—241.

² Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Собрание документов в 2 томах. — Киев, 1848. Т. II. С. 194.

ни), ввиду чего он незамедлительно стал громко называть себя во всех письмах «князем Ярославским и Ковельским». При этом новоиспеченный «князь Ковельский» не заметил (или не пожелал заметить) того, что грамота, по сути, назначала его только королевским управляющим Ковельским имением, а не полноправным собственником. В грамоте, например, отсутствовало упоминание о том, что Курбский может свободно распоряжаться имением (дарить, продавать, закладывать), что оно дается ему и его потомкам «на вечные времена» с правом наследования¹. Наконец, чтобы грамота вступила в действие, одной воли короля по литовским законам было недостаточно — ее должен был утвердить еще генеральный сейм. Акт же назначения Курбского королем на староство Кревское был вовсе противозаконным. Согласно литовскому статуту король не имел права раздавать иностранцам никаких должностей. (Вот когда пришлось ощутить Курбскому, что есть на деле столь воспеваемый им «синклитский совет» при государе.) Все это, повторим, князь предпочел тогда не заметить — очевидно, как нечто совершенно незначительное, не стоящее его внимания. Однако сама жизнь очень скоро напомнила Андрею Михайловичу, кто теперь есть кто...

Самовольно присвоив себе титул «князя Ковельского» и, по всей вероятности, тут же позабыв весь свой либерализм, Курбский начал распоряжаться там как истый удельный вотчинник — цинично и жестко, требуя от всех и вся беспрекословного рабского подчинения. Но доставшуюся ему в управление богатую Ковельскую волость (вместе с примыкавшей Вишовской волостью и местечком Миляновичи) населяли вовсе не рабы. Помимо крестьян там жили

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 195.

мелкие шляхтичи, мещане, евреи — люди издавна лично свободные и пользовавшиеся разнообразными привилегиями, вольностями, как на основе Магдебургского права, так и на основе жалованных грамот прежних королей. Никакие указы Сигизмунда-Августа не могли подчинить этих людей Курбскому. А посему между князем и населением данных ему в управление волостей сразу началась настоящая война. Протестуя против поборов и притеснений со стороны Курбского, ковальцы буквально завалили городской магистрат жалобами на него. (Некоторые из этих жалоб, кстати, опубликованы в упоминавшемся выше Собрании документов. Работая над образом своего свободолюбивого «героя», и с ними тоже нелишне было бы ознакомиться г-ну Радзинскому.) Особо острый конфликт случился у Курбского с ковельскими евреями, из которых он незаконно вымогал крупные суммы денег. Когда они отказались ему платить, рассвирепевший князь велел своему уряднику (управляющему) Ивану Келемету (дворянину, бежавшему вместе с ним из России) **вырыть во дворе Ковельского замка большую яму, наполнить ее водой и тиявками, а затем сажать в эту яму евреев, держа их там до тех пор, пока они не дадут согласие выплатить требуемые деньги.** Как свидетельствуют документы, «вопли истязаемых были слышны даже за стенами замка»¹. Ввиду такого вопиющего произвола за своих единоплеменников вступилась еврейская община соседнего г. Владимира, приславшая в Ковель своих представителей с требованиями прекратить пытки и восстановить законный порядок в соответствии с королевскими привилегиями. Но вышедший к ним

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 1—15, 196.

И. Келемет спокойно заявил, что никаких их «привилегий» он знать не хочет, что делает все исключительно по приказанию своего князя, а князь может наказывать своих подданных, как ему вздумается, даже смертью, и ни королю, ни вообще никому другому нет до этого никакого дела...¹

Развязка сего конфликта произошла уже на Люблинском сейме, куда община Ковеля послала своих депутатов и где в это же время присутствовал и Андрей Курбский. На князя официально была подана жалоба самому королю. Но... даже во время начавшейся тяжбы князь, нисколько не смущаясь и не считая себя виновным, продолжал утверждать, что действовал совершенно законно, ибо имеет полное право собственности «на волость Ковельскую и ее обывателей» (так, очевидно, понимал настоящую свободу князь-либерал...). В такой ситуации королю ничего другого не оставалось, как просто приказать Курбскому оставить евреев в покое и, главное, специальным своим декретом разъяснить строптивцу, сколь в действительности ограничены его «права» на Ковельское имение, данное ему лишь для содержания, для того, чтобы он служил королю. По смерти Курбского при отсутствии у него наследника мужского пола оно должно снова отойти казне². Так, наконец, поставили на место гордого сторонника боярской вольницы.

Однако вышеприведенные факты — это еще далеко не все «подвиги» Андрея Михайловича. Так как ему, привыкшему жить с размахом и блеском, одного Ковеля было явно маловато, то, стремясь упрочить свое материальное положение, князь Курбский в

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 1—15, 196. См. также: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 259; *Скрынников Р.Г.* Великий государь. С. 229.

² Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 8. Т. 2. С. 195.

1571 г. женился. Женился поначалу удачно, хотя и в обход канонических законов (ведь в России у него оставались жена с ребенком, и развода ему никто не давал, кроме, наверное, собственной совести). Женился на богатейшей вдове — Марии Юрьевне Монтолт-Козинской, урожденной княжне Голшанской (фамилии в Польше весьма известной). До этого Мария Юрьевна похоронила уже двух супругов, владела поистине несметными сокровищами, которые все и записала в брачном договоре на нового муженька, выражая свою «искреннюю любовь и усердие к его милости князю»¹. Правда, разбогатев и породнившись с коренной польской шляхтой, Курбский вскоре хлебнул и шляхетских невзгод. Дело в том, что в семействе Голшанских шли вечные раздоры из-за самого большого фамильного имения — Дубровицкого. Родные сестры, княжны Мария и Анна Голшанские, владели им нераздельно, а потому постоянно между собой ссорились из-за него. В эти ссоры часто вмешивался муж Анны Юрьевны, Олизар Мыльский, совершая разбойные набеги и грабя крестьян Марии Юрьевны. Да и сами сестры отнюдь не брезговали «развлечениями» подобного рода. Анна Юрьевна не раз *лично* командовала отрядом своих вооруженных слуг в лихих налетах на земли сестры². Не осталась в долгу и Мария Юрьевна. Как-то, устроив засаду на дороге, она до нитки ограбила родственницу³. Теперь, когда Курбский стал официальным владельцем родовых имений своей жены, вся вражда родственников и детей Марии Голшанской от первых браков перешла на самого Курбского. К открытым налетам и

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 29. 107.

² Там же. Т. I. С. 12, 254.

³ Там же.

разбоям добавились постоянные доносы властям, грязные сплетни¹, которые не гнушались распускать родичи вокруг четы «молодоженов». А сыновья Марии — Ян и Андрей Монтолты — не только делали попытки, подкупив слугу, выкрасть у Курбских чистые бланки с их личными печатями и подписями², но и прямо покушались убить «москвитина», подстерегая его на дорогах³...

Все это до крайности разочаровало и ожесточило беглого князя. Он начал сознавать, что навсегда останется чужим между этими, по его собственным словам, «людьми тяжкими и zelo негостелюбивыми»⁴. Но пути назад не было, как не было больше ни уверенности, ни покоя в душе. Наверное, тщетно стремясь избавиться, уйти от этой неотвратимо наваливающейся глыбы одиночества и запоздалого раскаяния, раскаяния, которого требовала совесть, но которое не желал допускать в сердце гордый разум, князь Курбский и обратился тогда к книгам. Он учил латынь, занялся философией Аристотеля, понемногу переводил «Беседы» Иоанна Златоуста. Однако не это было главным. Самой тягостной, но и самой болезненно-желанной, как своего рода духовный наркотик, стала для него работа над знаменитой «Историей о великом князе Иване Васильевиче» — первой попытке представить Грозного царя в образе *мучителя* и таким способом отомстить за свое крушение. Хотя, видимо, не только отомстить. Но и оправдаться. Очистить свою стонающую душу не столько даже перед Иваном, перед современниками и потомками, сколько перед самим богом, на его по-

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 46.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 70—77, 79.

⁴ Там же. Т. 2. С. 505.

следнем суде. Неслучайно свои писания Курбский обещал взять с собой в гроб. Он знал, что совесть его нечиста, и, страшась ответа, заранее готовил свою оправдательную речь...

Но вернемся к фактам. Не выдержав и трех лет, брак Курбского с Голшанской распался. Причем, как свидетельствуют документы, Андрей Михайлович сам собирал показания против жены, согласно которым Мария Юрьевна изменила ему со слугой Жданом Мироновичем¹... Развод был получен, но и после него бывшие супруги еще долго досаждали друг другу взаимными упреками и тяжбами. К чести женщины надо сказать, что Мария Голшанская сумела отстоять главные фамильные имения от попыток князя удержать их за собой². Курбский снова остался почти ни с чем, если не считать весьма условное «владение» Ковелем, на жителях которого он и вымещал переполнявший его гнев, досаду, бессилие.

Окончательно исчезла по отношению к непокорному московскому перебежчику и королевская «ласка». Например, в ответ на жалобу ковельского панцырного боярина Кузьмы Порыдубского о том, что князь Курбский в 1574 г. незаконно отнял у него имение Трублю, «заграбил движимое имущество» **и шесть лет держал его с женой и детьми** в «жестокое заключение»³, король, не желая покрывать его самоуправные выходы, приказал Курбскому не только вернуть Трублю, но и сполна вознаградить истца за убытки и тюремное заключение. Кроме того, предвидя попытки мести, король выдал Порыдубскому свою специальную охранную грамоту —

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 204—215.

² Там же. Т. I. С. 165.

³ Там же. Т. II. С. 30—35.

для защиты от преследований Курбского в будущем¹. Но князь не унимался. Историк-поляк писал совершенно справедливо: «как господин, он был ненавидим своими слугами. Как сосед, он был самым неспасительным. Как подданный — самым непокорным... он выступал против деспотизма, но себе позволял злоупотребления властью не менее чудовищные...»².

В 1581 г. его очередной жертвой стал еще один ковельский боярин — Янко Кузмич Жаба Осовецкий. По приказу Курбского его вооруженные слуги **напали на дом Янко, избивали плетью жену хозяина, выгнали все семейство из собственного имени**, велел убраться вон. Только жалоба королю спасла Осовецких. Курбского вновь уличили в незаконных деяниях. Королевской грамотой ему было приказано немедленно вернуть Осовецким отобранное имение и возместить все убытки. Примечательно, что когда специальный королевский чиновник явился к Курбскому, дабы уведомить его об этом, князь пришел в ярость, обругал посланника **«неблагодарными московскими словами» и выгнал прочь**. Правда, скоро одумавшись, Андрей Михайлович послал слуг догнать его и сказать, что он вовсе не противится «королевской воле»...³

Наконец, тогда же к королевскому двору отправили целую делегацию с жалобами на Курбского и ковельские крестьяне, обвинившие князя в самых зверских поборках и притеснениях, а также в том, что он отнимает у них земли и раздает своим людям⁴. Так

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 37.

² *Валишевский К.* Иван Грозный. С. 258.

³ Жизнь А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 90—120.

⁴ К. Валишевский отмечал в связи с данным фактом. «это было в Польше. Можно представить себе, как пользовался (Курбский) своей властью и распоряжался судьбой крестьян в своих родовых вотчинах у себя на родине!» — *Валишевский К.* Указ. соч. С. 260.

что, выслушав их, король без всякого следствия сразу велел написать Курбскому приказ крестьян впредь не обижать и незаконных новых податей с них не требовать¹... Последний факт особенно интересен и показателен тем, что еще задолго до этих событий, еще только готовясь предательски покинуть Отечество, князь Курбский в послании к монахам Печорского монастыря нещадно ругал Грозного за «оскудение дворян» и... «*страдания земледельцев*»², то бишь крестьян. Когда же искренен был князь? Когда громогласно стенал о «невинных жертвах» царя или когда сам круто разбирался со своими (а равно и не своими) «людишками»? В отличие от Эдварда Радзинского, не вспомнившего ни об одном из вышеприведенных документальных свидетельств, мы опять-таки предоставляем читателю возможность сопоставлять и решать самому...

Ярким апрелем 1579 г. пятидесятилетний Андрей Михайлович Курбский снова женился — по счету уже в третий раз. Вероятно, стареющему князю снова захотелось тепла и уюта «семейного гнездышка», как мог бы выразиться неутомимый наш рассказчик, — но!.. Жаль. И этот романтический этюд, столь характерный для личности Курбского, тоже отсутствует в его повествовании.

Да, князь женился. Женился, несколько не смутившись тем, что по законам православия (свою истую преданность которому неизменно подчеркивал, в том числе и в праведно-гневных посланиях царю) он не имел абсолютно никакого права вступать в новый брак, пока была жива его прежняя жена — Мария Голшанская. На сей раз избранницей Курбского стала юная сирота Александра Петровна Семашко, мно-

¹ Жизнь князя А.М.Курбского в Литве и на Волыни. Т. II. С. 141.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 88.

го уступавшая Голшанской и в знатности, и в богатстве. Главное достоинство невесты заключалось в её молодости, а также в том, что братья Александры, мелкие шляхтичи, еще до сватовства задолжали князю крупную сумму денег¹. Это, по-видимому, и решило все дело. Свадьбу праздновали во Владимире (на Волыни) — громко, с размахом, как любил Андрей Михайлович...

Что и говорить, Курбский хорошо учел прежнюю неудачу. Новая супруга была молода, не слишком состоятельна, а потому безропотна. Князь был, наконец, доволен. Как явствует из его завещания, он называл Александру своей «милой малжонкой», хвалил за то, что она ему усердно служила, была верна и вообще вела себя благородно². Уже через год, в 1580 г., Александра Петровна родила князю дочь Марину, а в 1582-м — сына Дмитрия.

Правда, самому князю совсем недолго пришлось наслаждаться этой семейной идиллией. Свадьбу отгуляли в апреле, а уже в июне 1579 г. новоизбранный польский король Стефан Баторий, продолжая дело почившего предшественника — Сигизмунда-Августа, — начал собирать войска для нового наступления на Россию. Пришел тогда королевский «лист» (приказ) и Андрею Курбскому отправляться со своим отрядом против московского царя, идти на древний русский город Полоцк, за овладение которым, как помнит, наверное, внимательный читатель, 17 лет назад столь геройски сражались под личным командованием Грозного русские войска против поляков и литовцев. Теперь Курбский шел туда на стороне врагов. 17 лет...

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I С. 175.

² Там же. С. 245.

Во время этой, тяжелейшей для русских, осады Полоцка польскими войсками, Курбский, ярясь и злорадствуя, не преминул отправить Грозному еще одно послание. Наполненное «укоризнами и воплями о мщении»¹, оно мало чем отличалось от предыдущих, написанных сразу после бегства. Гордый князь, очевидно, не чувствовал, что окончательная расплата уже ждала его самого.

Война с Русью несла полякам большие людские потери, а потому Варшавский сейм принял решение провести дополнительный набор войск во всех королевских владениях. Во исполнение этого постановления Стефан Баторий послал своего ротмистра Щасного-Ляшевского и на Волынь, в Ковельскую волость. Там ротмистр должен был, без всякого согласия на то со стороны Курбского, набрать воинов «рослых и крепких» на службу королевскую. Этот жест молодого короля ясно давал понять, *кем* на деле является в его глазах «князь Ковельский»... Унижение было жестоким. Фактически князя уравнили с мелкой безземельной шляхтой. И Курбский, конечно, не стерпел позора. Ротмистра «неуважительно» выгнали из «имения», не позволив завербовать ни единого гайдука...

И что же король? Разгневанный, он немедленно потребовал Курбского на суд. Текст «королевского листа» непокорному вельможе от 20 июля 1580 г., в коем красноречиво отсутствовала традиционная форма обращения: «Ласка наша королевская, искренно верно нам милый!», пожалуй, стоит привести дословно. Он скажет читателю многое, и не только об одном князе Курбском...

*«Стефан, Божию милостью король Польский, великий князь Литовский, **Русский**, Прусский. Тебе,*

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. III. С. 550.

благородному Андрею... повелеваю: непременно и без отлагательства... явиться лично и защищаться против инстингатора. ...Зовем тебя на суд по доносу благородного Щасного-Ляшевского, ротмистра нашего, потому что ты, **упорно и неуважительно воспротивившись нашей верховной власти**, не боясь наказаний, определенных законом против **неисправных в исполнении обязанностей старост и урядников**, воспротивившись постановлению генерального Варшавского сейма 1579 г. о военном ополчении **против неприятеля нашего, великого князя Московского**, не обращая внимания на **штраф**, которому ты должен подвергнуться в пользу двора нашего за свою неисправность, **не снарядил на войну и не послал из находящихся в твоей администрации имений и сел наших Ковельских... подданных, называемых гайдуками**, но еще запретил им отправляться на войну, **несмотря на наше требование и напоминание**, посланное через вышеупомянутого ротмистра нашего, и таким образом не сделал и не исполнил принадлежащей к твоему уряду обязанности. А поэтому ты подлежишь взысканию, назначенному против **непослушных старост и урядников**... и ты должен быть **наказан лишением уряда и всего имущества** за свое непослушание и сопротивление, **оказанное тобою к великому вреду и опасности для государства**»...¹

К сожалению, у нас нет сведений о том, состоялся ли и как проходил тот процесс над «оказавшим великий вред» для Польского государства князем Курбским. Сумел ли Андрей Михайлович действительно «защищаться от инстингатора» и каков был оконча-

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 189—191.

тельный приговор? Долодлинно известно только одно. Ровно через год, в июле 1581 г., сиятельный князь, вновь собираясь на войну против царя Московского, вооружил значительный отряд уже за свой собственный счет, а не за счет податей с Ковельского имения¹. Но и это, впрочем, не помогло ему загладить вину перед королем. Вернее, он не успел, ибо как раз в том, последнем походе на Россию, Курбского и настиг божий гнев...

Направляясь вместе с польскими войсками под Псков, князь неожиданно занемог. Болезнь быстро обессилила его, сделав настолько беспомощным, что он не в состоянии оказался ехать верхом, и это было для него, гордого воина, всю жизнь проведенного в седле, наверное, едва ли не хуже смерти. С великими трудностями, на носилках, привязанных между двух лошадей², Курбского повезли назад, в Польшу — словно ему было отказано в праве даже умереть вблизи родной земли, когда-то столь цинично им преданной.

Однако и дома, в живописном местечке Миляновичи (под Ковелем), куда приказал везти себя больной князь, он не мог обрести покоя. Судьба изменника продолжала подводить итоги...

Прослышав о том, что Курбский впал в немилость и серьезно болен, на него подала в суд его бывшая жена — Мария Голшанская. Она обвиняла Андрея Михайловича в незаконном расторжении брака и требовала удовлетворения за нанесенные обиды. Король отослал жалобу Голшанской на рассмотрение митрополиту... Для Курбского новый иск Марии Юрьевны был не просто очередной неприятностью. Признай митрополичий суд развод князя с Голшан-

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 201.

² Там же. Т. XXIV. С. 221—225.

ской действительно незаконным, тогда незаконным оказывался и его брак с Александрой Семашко, а дети от этого брака — **незаконнорожденными и не имеющими права на наследство**. Так жестоко решила напоследок отомстить своему бывшему муженьку польская княжна Курбский, задействовав все свои давние связи, едва смог замять это опасное дело. (Причем уже сам митрополит Киевский и Галицкий Онисифор жаловался тогда королю Стефану на то, что князь Курбский чинит непослушание его духовной власти, не является к нему на суд и не допускает к себе митрополичьих посланников, приказывая своим слугам их бить и гнать.) Как гласит Завещание Андрея Михайловича, он все-таки заключил с Голшанской «вечный уговор», согласно которому «бывшей жене моей, Марии Юрьевне, нет уже более никакого дела ни до меня самого, ни до моего имущества»¹.

Наконец, потерявшего силы и власть князя Курбского один за другим стали бросать даже самые близкие его слуги — те, кто почти двадцать лет назад бежал вместе с ним из России. Ушел, например, морозной ночью 7 января 1580 г. Меркурий Невлюдов — урядник Миляновский, хранивший ключи от княжеской казны, ушел, забрав все деньги, золото и серебро. Другой — Иосиф Тараканов — донес королю, что Курбский приказал убить своего слугу Петра Вороновецкого. Печальный сей список предательств можно продолжать и продолжать, но он бы ничего уже не добавил к тому жестокому факту, что на пороге смерти Андрей Михайлович Курбский оказался совсем один. Один, ежели не считать молоденькой несчастной его жены с двумя детьми на руках — мал мала меньше. С каким укором, с каким отчаянием и с

¹ Жизнь князя А.М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. I. С. 259.

какой ненавистью смотрела она в его уже стекленеющие глаза — можно только догадываться...

Князь Курбский скончался в мае 1583 г. Ни сын его Дмитрий, ни дочь Марина, ни жена Александра Петровна, несмотря на многократные судебные разбирательства, так и не смогли никогда получить завещанную отцом Ковельскую волость. Им ее просто не дали. Став предателем и изгоем сам, Андрей Курбский обрек на столь же жалкое и постыдное существование своих детей. Уже в 1777 г. род Курбского пресекся окончательно. Таков был его финал — финал человека, который, как сказано в одном из Посланий Ивана Грозного, «продал душу свою за тело»¹. Воистину, сюжет трагедии, сильный разве лишь великому автору «Фауста», он ждет еще настоящего рассказчика. А мы вернемся в Москву...

¹ Послания Ивана Грозного. С. 285.

ОПРИЧНИНА: «РАЗГУЛ ТЕРРОРА» ИЛИ БОРЬБА С ПОДЛИННОЙ ИЗМЕНОЙ?

Не раз уже отмечалось выше: Эдвард Радзинский слишком утрирует описываемые события. Вот и то, что произошло в России более полугода спустя после бегства Курбского, он накрепко связал лишь с одним фактом этого бегства, которое, по его мысли, «завершило переворот в душе Ивана». Именно тогда, убеждает читателя автор, царь окончательно понял, что никому из бояр верить нельзя. «Топор и меч — только эти лекарства излечат их бесовские души». Царь учредил опричнину и начал «избиение собственной страны». Так ли все было на самом деле?

Спору нет, предательство друга стало страшным уроком для Ивана. Но нельзя забывать, что это был не просто разрыв личных отношений. Андрей Курбский являлся ярчайшим представителем старой удельной аристократии и одним из высших военачальников. Его измена в тяжелый момент Ливонской кампании была прежде всего *государственной изменой*, была дерзким *вызовом*, означала, как пишет профессиональный историк, «открытое объявление войны царю со стороны княжат, и сам Курбский начал ее немедленно: и оружием публициста — своими

посланиями, и непосредственным участием в войне — на этот раз уже на стороне врагов Русского государства»¹. Иван Грозный лучше кого бы то ни было знал, сколь многочисленны и беспощадны те, от имени которых выступил его бывший друг, кого он громко именовал в своих посланиях «сильными во Израиле». Царю просто не оставалось иного выбора, как ответить на этот вызов не менее жестко...

Поскольку главной опорой княжат и бояр все еще оставались огромные земельные владения, где «у них были собственные военные силы, (где они) обладали беспелляционной судебной властью и были почти совершенно свободны от налогов... (разыгрывая) роль настоящих государей»², то эту-то опору и решил Иван уничтожить. В отличие от указа 1562 г., которым, как, должно быть, помнит внимательный читатель, царь только ограничивал главные права вотчинников, теперь их старинные родовые владения намечено было полностью конфисковать в пользу государственной казны.

Естественно, боярская Дума никогда не дала бы своего согласия на сей губительный для аристократии законопроект. Размышляя над ее возможными ответными действиями, государь не исключал даже такого поворота событий, что и сам он, и дети его вынуждены будут спасаться бегством за рубеж. И тогда, дабы не доводить до раскола, Иван пошел на то, на что мог пойти только очень умный, сильный правитель — правитель, пользующийся неоспоримой поддержкой народа и сам глубоко доверяющий ему. Именно народу, а не узкой кучке бояр предоставил царь решить дальнейшую судьбу страны (а вместе с ней и судьбу собственную). 3 декабря 1564 г. Иван Грозный

¹ *Смирнов И.И.* Иван Грозный. С. 88.

² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 263.

с семьей, огромным обозом и ближайшими слугами покинул Москву, тем самым молча, без всяких показных деклараций свидетельствуя, что отказывается от престола. Официальную грамоту о своем отречении, равно как и Обращение к посадскому населению Москвы, царь отправил уже с дороги...

Эти грамоты действительно огласили на дворцовой площади, «перед всем честным народом», как пишет Эдвард Радзинский. Обосновывая в них свой уход, царь действительно «старательно перечислил» основные причины, вынудившие его оставить престол. И, право, стоило бы внимательнее вслушаться уважаемому нашему рассказчику в смысл того, что 3 января 1565 г. поочередно читали думные дьяки П. Михайлов и А. Васильев тревожно застывшим на пронзительно-колючем ветру черным людям «царствующего града Москвы». Ведь передавая вкратце содержание царских грамот, г-н Радзинский из «бесконечных обвинений» Грозного в адрес знати четко выделил (как главное) только одно — то будто бы, что **«бояре отравили Анастасию и замыслили убийство детей его...»**. Но ежели раскрыть единственный первоисточник, повествующий об этих событиях (страницу 392 тринадцатого тома Полного собрания русских летописей), то сразу станет ясно: господин автор или что-то напутал, дав волю своей фантазии, или вовсе не работал с данным первоисточником: **упомянутое «обвинение» там отсутствует.**

Думается, однако, что указанная оплошность объясняется не столько безудержным полетом фантазии нашего уважаемого автора, сколько его вполне осознанным стремлением таким «штрихом» подчеркнуть (и навязать читателю) мысль о том, что отречение Грозного было вызвано причинами прежде всего глубоко личного характера, гневным ответом царя

на измены и преступления, совершенные прежде всего по отношению к нему самому, а не к государству в целом... Что же, пусть и это остается исключительно на совести г-на Радзинского. А мы действительно вслушаемся в Обращение Грозного. В грамоте к духовенству и боярской Думе, доставленной в Москву 3 января 1565 г. государевым гонцом Константином Поливановым, Иван IV, отрекаясь от престола, заявлял: *«Царь и великий князь гнев свой положил... на бояр... и на казначеев и на дьяков и на детей боярских... за измены и убытки государству...»* (нанесенные как) до его (царя) государьского возрасту (совершеннолетия)» так и после оного. И **опалу** свою на них положил за то, что они **«людям многие убытки делали и казну государеву растащили»**. За то также, что **«бояре и воеводы земли себе его государьские разоимали, и друзьям своим и родне земли (те) раздавали; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалованья государьские кормленные емлючи, и собрав себе великие богатства... о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети, и от недругов от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянство обороняти, наипаче же крестьянам насиллие чинити, и сами от службы учали удалятися, а за православных крестьян кровь проливать против бесермен и против Латын и Немец... не похотели; и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати... и архиепископы... сложася с боярами и дворянами... почали их покрывати; и царь от великия жалости сердца, не хотя их многих изменных дел тер-**

пети, оставил свое государство и поехал куда бог наставит»¹.

Столь же ясным и откровенным было обращение государя к простым жителям Москвы. Иван писал, чтобы «они себе никоторого сомнения не держали, гневу и опалы на них никоторыя нет»². Обе эти грамоты совершенно разрушают подспудно навязываемое г-ном Радзинским представление о том, что отречение царя являлось коварной «игрой» властолюбивого тирана, который таким образом намеревался освободиться от опеки ненавистной ему знати, от «скучных запрещений карать изменников»... Лишь в одном оказался несомненно прав наш автор: «Иван все рассчитал точно». Иначе и быть не могло. Готовясь нанести решающий удар княжеско-боярской олигархии, он действительно точно знал, что в этой поистине титанической — не на жизнь, а на смерть — схватке его до конца поддержит только народ, только на его преданность может он рассчитывать. Как пишет историк, «объявляя об опале на власть имущих, царь апеллировал к всенародному множеству. Он не стесняясь говорил о притеснениях и обидах, причиненных народу изменниками-боярами»³. У него испрашивал помощи в борьбе с их систематическим противодействием. Можно сказать, это был своего рода первый в России референдум, или, по выражению Ф. Кемпфера, «плебисцитарная акция»⁴. В строгом соответствии с принципами народной монархии, русский государь в один из наиболее сложных для страны моментов обратился непосредственно ко всем подданным за поддержкой

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

² Там же.

³ *Скрынников Р.Г.* Великий государь. С. 255.

⁴ *Кемпфер Ф.* Указ. соч. С. 49.

проводимой им политики. Он «не мог и не хотел править силой. Он желал послушания не «за страх», а «за совесть»¹. И народ дал свой ответ.

Весть о том, что, не желая терпеть «многих изменных дел» бояр, государь отрекся от престола, мгновенно облетела всю Москву. «Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу... ее поведение становилось все более угрожающим», вот-вот мог вспыхнуть бунт². Горожане со всех сторон окружили митрополичий двор в Кремле, где в это же время, объятая смятением и ужасом, собралась боярская Дума. Большинство ее членов могло, не мешкая и с великой радостью, утвердить отречение царя Ивана. Но... вслушиваясь, должно быть, в многотысячный гул за стенами дома, они не посмели это сделать. Более того, словно запертые в осаду, бояре вынуждены были допустить в митрополичьи покои представителей купечества и ремесленников. Допустить и выслушать их заявление, больше похожее на ультиматум. Посадские люди сказали, что остаются верными присяге государю и будут просить его, чтобы он «государство не оставлял и *их на расхищение волкам не давал, наипаче же от рук сильных избавлял; а кто будет государьским лиходеем и изменником, они за тех не стоят и сами тех потребят*»³.

Эта прямая угроза расправиться с «волками» и «лиходеями», столь явственно прозвучавшая в челобитье посадских людей, немедленно возымела свое действие. В тот же день, 3 января 1565 г., митрополитом Афанасием и боярской Думой была отправлена к Ивану в Александровскую слободу целая делегация

¹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 182.

² Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 255.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.

духовенства. Затем туда же поехали представители бояр. Наконец, пошли к царю и сами «купцы и многие черные люди... града Москвы»¹. Так, констатирует историк, «под давлением обстоятельств», а точнее, под давлением народа, «боярская Дума не только не приняла отречение Грозного, но вынуждена была обратиться к нему с просьбой вернуться на трон и править царством, «как ему, государю, годно»².

Да, «Иван все рассчитал точно». Только вот действительно ли легко далось царю осуществление этого «жестокого спектакля», этой, по словам нашего уважаемого повествователя, коварной «игры царя-актера», любившего «представиться униженным, чтобы потом восстать страшным и грозным»?.. Эдвард Радзинский на сей раз не нашел возможности обойти свидетельства современников: за месяц после оставления Москвы Иван Васильевич из высокого, здорового 35-летнего мужчины превратился в старика, у него поседели и выпали почти все волосы. Пришедшие к нему с верноподданническими заявлениями бояре едва могли узнать государя... Лишь ядовито усмехнувшись, наш рассказчик признает: царь «будто нервное потрясение пережил — от тяжелого решения...». **И г р а?..**

От выдумок беллетриста вернемся к реальным фактам. 2 февраля 1565 г. Иван Грозный торжественно возвратился в столицу. Сей же час был обнародован знаменитый царский указ, полностью соответствующий мнению московских посадских людей об истреблении «волков» и «лиходеев». Указ о том, «что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны,

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 393.

² *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 104; *Его же:* Великий государь... С. 256.

на тех опала своя класти, а иных казнити и животы (имущество) их и статки имати; а учинити ему на своем государстве себе опричнину»¹. Таким образом, Иван объявлял, что отныне берет на себя неограниченное право казнить любого государственно-го изменника и отбирать у него вотчины без всякого совета с боярской Думой. Из указа также явствовало, что если одной частью страны — земщиной царь будет продолжать управлять вместе с Думой, то другая часть земель (выбранная им по собственному усмотрению) провозглашается уже как особый «государев двор», опричина, над которой старая боярская Дума власти никакой не имеет. Одновременно с учреждением опричины царь объявлял о создании для нее особой опричной Думы или Совета (Counsel of the Opressini, как сообщает английский источник), а также особого войска, набиравшегося, по преимуществу, из мелких, незнатных дворян (хотя и знать в опричной дружине присутствовала тоже). Князья же и бояре, почему-либо не включенные в число опричников, но фамильные вотчины которых располагались именно на территориях, отошедших под «государев двор», подлежали высылке оттуда, их владения — конфискации в пользу государства, а им самим предоставлялись поместья (правда, не столь уже обширные, как прежние «родовые гнезда», но все-таки!..) в других областях страны, например, в Поволжье².

Говоря современным языком, данным указом Иван Грозный впервые вводил чрезвычайное положение в некоторых, с его точки зрения, особо стратегически важных областях России. Вводил, как сказали бы теперь, «прямое правление» государя на этих

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.

² Там же. С. 394—395.

землях, где «опричь» — то есть никто, кроме него самого при посредстве жестко централизованного аппарата власти, править уже не мог. Боярская вольница исключалась там полностью. Так старинное слово «опричина», которым воспользовался царь и коим ранее часто обозначали лишь небольшой «вдовый удел»¹, приобретало теперь у Ивана существенно новый, более широкий смысл. Сказалась в нем и едкая политическая ирония, столь свойственная Грозному самодержцу. Как отмечает историк, «поскольку сами феодалы отстаивали именно удельный, вотчинный порядок, то «опричный удел» Ивана Грозного оказывался вне досягаемости их претензий».

Что же последовало за сим? Что дала опричина России? Или что отняла? Какие имела последствия? Об этом, без преувеличения, самом загадочном и драматическом явлении нашего прошлого среди исследователей по сей день нет единого мнения. Одни историки видели в опричнине мудрую реформу, направленную на подрыв крупного княжеско-боярского землевладения, а следовательно, уничтожение и политического влияния наследников удельных владык. Другие же — совершенно бессмысленную, кровавую затею. Согласно их исследованиям, хотя опричина действительно нанесла серьезный удар старинной аристократии, подорвала ее вотчинное землевладение, но полностью не уничтожила. Многие знатные роды благополучно пережили время репрессий... Возможно, именно эта вопиющая разногласица среди профессионалов дала основания Эдварду Радзинскому выдвинуть свою версию. Страшную версию о том, что опричина, это, как выража-

¹ Хотя и не только «вдовый удел». К примеру, во время царских пиров термином «опричина» назывались лучшие блюда, которые хозяин оставлял при себе, чтобы угощать ими избранных гостей.

ется автор, «избиение Иваном собственной страны», было задумано и осуществлено царем отнюдь не под давлением вполне известных обстоятельств и вовсе не ради их преодоления. По мысли автора, опричнину Иван ввел с единственной жуткой целью окончательного — при помощи небывалого террора и насилия — подавления своего народа. Чтобы, захлебываясь в крови, уже ни один подданный никогда не смел противиться его воле. Чтобы истерзанная страна навеки погрузилась в абсолютное Молчание и абсолютную покорность — ему, богочеловеку... Так думает Эдвард Радзинский. Как свидетельствует история?

Сначала о землях, вошедших в состав «опричного удела». В полном соответствии с тяжелыми условиями военного времени, царь взял под личный контроль именно важнейшие в военно-стратегическом смысле области своего государства. Вероятно, Иван Васильевич не одну ночь просидел над его картой, обдумывая и просчитывая все до последней мелочи. Ошибка могла обернуться гибелью... Прежде всего, опричнине отошла большая часть Новгородско-Псковского края, непосредственно **связанного с театром военных действий в Ливонии**. На Севере это была полоса земли, расширявшаяся к Белому морю. Начиная же к востоку от Александровской слободы, под «государев двор» отходил Суздальский уезд, Плесская волость, Буйгород, Городец и Юрьевец на Волге, Галич, Вологда, Великий Устюг, Каргополь и Холмогоры, т.е. бассейн Северной Двины, Онеги, небольшая часть бассейна Волги. Тем самым опричные земли «делили бывшие новгородские владения на две части, отрезая новгородцам путь на север. Они перерезали и путь по Волге». Таким образом, «в опричнину переходили **важнейшие торговые дороги на север и восток**, значительная часть побережья Белого моря, где располагались центры

русско-английской торговли». Беря эти земли в опричину, «Грозный подрывал основы самостоятельной новгородской торговли. В его же руках оказывались и **главные центры соледобычи** в районе Галича и Соли Галицкой. Суздаль и Шуя принадлежали к районам поместного и вотчинного землевладения, как и большинство западных опричных земель (Вяземский уезд, окрестности Рузы и Можайска, Медынский уезд, Белев, Козельск, Перемышль). Это были **важные форпосты — заслоны на западных и юго-западных границах** государства от нападений крымского хана. Здесь предполагалось создать новую «засечную черту» — полосу укреплений против нашествий крымчаков, и здесь же наделить земель основную массу опричников, выселив отсюда прежних владельцев»¹.

Опричными стали также Балахна, Старая Руса, Тотьма, поставлявшие соль, Вселуки (что близ озера Селигер), поставлявшие рыбу, наконец, погост Ошта на одноименной реке, притоке Онежского озера, откуда везли в Москву столь необходимое **железо**. Уже из одного этого краткого, далеко не полного перечня видно: обо всем думал государь — и о том, как защищать и кормить людей, и чем вооружать войска. Кстати, Домодедовскую волость (Московского уезда) Иван тоже забрал в свой особый «двор». Там, на берегах Пахры, раскинулись отличные пастбища для его многочисленных табунов². Мы, привыкшие к скорым поездкам и сверхзвуковым лайнерам, не забудем: в XVI веке лошадь была главным средством и передвижения, и перевозки. А посему конский табун тоже имел свое стратегическое значение...

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — М., 1982. С. 108, 111.

² Там же.

В самой Москве под опричное управление государь взял Чертольскую улицу с Семчинским селом, Арбат с Сивцевым Вражком до Дорогомиловского вполюя, левую от Кремля сторону Никитской улицы¹. Все названные улицы вели *на запад*, вели в направлении Можайска и Вязьмы, к дорогам, связывавшим приграничные области с Центром и по которым обычно двигались русские войска, доставлялись боеприпасы на Ливонский фронт. Следовательно, и в этом кажущемся (но только на первый взгляд!) «разделении» города на опричную и земскую часть, за что впоследствии так много пеняли Грозному, не было ничего нелогичного. Государь не «делил» столицу, а лишь брал под личный контроль наиболее важные районы. Что было в этом удивительного, особенно в условиях войны, в условиях неослабевающей угрозы наступления неприятеля именно *с запада?*..

Таковыми, в общих чертах, были земли, взятые в опричнину. Беспощадно конфискуя в этих пределах вотчины, разоряя не только старые родовые гнезда аристократов, как правило, не несших никакой государственной службы, но и «дворы» их многочисленных слуг, дворян, Иван наносил «удар по самой основе мощи боярства»². Одновременно им уничтожались и «частные военные силы, опираясь на которые (вспомним хотя бы Андрея Старицкого!) непокорные вотчинники были часто для царя опаснее внешних врагов»³.

Передавая многие из конфискованных земель в качестве поместий своим опричным дружинникам, царь, во-первых, развивал поместную систему, систему «службы с земли», свободную от старых местниче-

¹ ПСРЛ. Т. 13 С. 393

² *Смирнов И.И.* Иван Грозный. С. 92.

³ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 267.

ских привилегий и ставшую со временем основной базой материального обеспечения дворянского войска. Во-вторых же, что, пожалуй, не менее существенно, высылая прежних правителей-собственников, Иван стремился к тому, чтобы установить на этих землях законный правопорядок, единый для всего государства. Совершенно бесстрастно свидетельствует немец-опричник Генрих Штаден, государь **«хотел искоренить неправду правителей и приказных... Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по Судебникам, без подарков, дач и подношений»**¹ (выделено нами. — Авт.). Причем в этом своем намерении царь обращался за поддержкой опять-таки не к знати. Как писал сам Иван в одном из писем к своему другу воину-опричнику Василию Грязному: «Ино по грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»².

Немудрено поэтому, что простое население — посадские люди, купцы в крупных торговых городах — *«не заявляли недовольства такой перемене. Представители английской торговой кампании даже добивались, как милости, чтобы их подчинили опричнине. О том же просили и Строгановы»*³. (Кстати, просьба Строгановых, этих знаменитых сольвычегодских солепромышленников, владевших бескрайними землями по Каме и Чусовой, действительно была удовлетворена Иваном уже через год, в 1566-м. И ободренные поддержкой царя, Строгановы, кроме добычи соли, смогли организовать производство

¹ Штаден Г. Записки о Московии. С. 110.

² Послания Ивана Грозного.

³ Валишевский К. Указ соч. С. 267.

железа, рубили лес, строили приграничные «крепостцы». Наконец, лично от государя Строгановы получили право набирать и вооружать «охочих людей» — казаков, удалые, бесстрашные отряды которых внесли свой решающий вклад в покорение и присоединение к России великой Сибири.)

В те же времена расцвела Нарва, с 1559 г. открытая как русский порт. Благодаря усилиям Грозного нарвские жители и русские купцы получили право свободно торговать с Германией, Швецией, Англией, «Ишпанской и Французской землей»¹. В Нарву приходили суда даже из Португалии и Голландии. И это невзирая на то, что развитие русской морской торговли яростно стремились подорвать шведские и польские каперы, грабившие корабли, покидавшие Нарву. Особо тревожился от успехов России Сигизмунд II Август. Обращаясь к папе римскому, английской королеве, другим европейским правителям, польский король требовал прекратить торговлю, из-за которой «Московский государь... ежедневно усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов, так как... ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники: благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей»².

Согласимся, в свете *таких* фактов и *таких* результатов причина видится совершенно иначе, чем это принято считать. Как иначе звучат и известные, тех же времен слова Грозного о необходимости «перебрать людишек». Невозможно не предположить, что, говоря «*перебрать*», царь все-таки пре-

¹ Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1910. Т. 129.

² Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. — СПб., 1904.

жде всего имел в виду не «перебить» их или «перевешать», но — именно *пересмотреть*, проверить, кто, где и как несет свою службу, *выявить* и возвысить людей деятельных, добросовестных, полезных для государства, покарать же — нерадивых, мздоимцев и воров. Шаг за шагом осуществляя этот гигантский, невиданный по масштабам «перебор», царь нередко даже возвращал прежним владельцам конфискованные ранее земли. Как это было, например, весной 1566 г., когда Иван издал указ о прощении многих князей, бояр и дворян, сосланных в Казанский край¹. Так же, постепенно (по мере необходимости?), менял он и состав опричных земель, отменяя режим личного контроля, возвращая в земщину одни территории, первоначально взятые в «особый двор», и взамен беря другие. А это свидетельствует о том, что жесткую (подобно любой чрезвычайной мере), опричнину Ивана Грозного ошибочно рассматривать как исключительно карательное учреждение. Историк констатирует: хотя ее введение действительно сопровождалось «массовыми опалами, казнями... (когда новым доверенным лицам царя, опричникам) было предоставлено, быть может, слишком много произвола. Но не в террористических мерах Грозного заключалась сущность перемен»². Скорее, по мысли современного церковного писателя, опричнина «стала в руках (государя) орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделяя добрые семена от плевел»³. Семена державного единства и порядка от плевел удельной разобщенности и сепаратизма...

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 116.

² *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 65.

³ *Иоанн (Снычев).* Указ. соч. С. 182.

Да, по отношению к оппозиционной аристократии царь начал действовать методом подлинного террора, как любят говорить либеральные историки. Среди казненных в годы опричнины можно насчитать представителей более сорока княжеских родов. Но «вопреки целому направлению в историографии об Иване Грозном, (эти) казни — не патология, а политика, вызванная к жизни борьбой князей и бояр за власть... Неизбежность такой политики, ее объективная необходимость диктовались тем, что в борьбе против царя князья и бояре не останавливались ни перед какими средствами, **вплоть до выдачи Ивана Грозного польскому королю**, как это выяснило следствие по делу о боярском заговоре 1567 г.»¹. На сей раз во главе заговора встал старейший из членов земской Думы — боярин И.П. Федоров-Челяднин, казнь которого весьма театрально живописует в своей книге Эдвард Радзинский. Однако не станем забежать вперед. Подробности, вновь опущенные нашим уважаемым повествователем, все же стоят того, чтобы их вспомнить.

Ясно, что тот новый порядок, который стремился укрепить царь при помощи опричнины, поверг в негодование очень многих. Как сказано в «Записках» Г. Штадена, уже вскоре **«земские господа (die Semsken Herren) вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор (государя) сгорел, чтобы опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и по желанию»**². Другими словами, ответные действия оппозиции ждать себя не заставили, что последний раз подтверждает замечание исследователя:

¹ Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 93—94.

² Штаден Г. Указ. соч. С. 110.

Иван в своей деятельности «никогда не имел покоя и простора»¹.

...А между тем пошел десятый год с начала Ливонской войны. К этому времени силы обоих главных противников — Москвы и Литвы — были истощены, государственные финансы исчерпаны (о чем свидетельствовало, например, введение в Литве «поголовщины» — специального налога для уплаты жалования наемным войскам). Дело еще более усугубил свирепствовавший по Европе мор, «венгерская лихорадка» — эпидемия сыпного тифа. Весной 1566 г. «огненная болезнь» пришла и в Россию, охватив Полоцк, Великие Луки, а осенью — Новгород и Псков. В такой тяжелой обстановке Иван не раз предлагал Сигизмунду-Августу заключить мир, необходимый обоим. Но ввиду того что король по-прежнему не желал признавать ни потерю Полоцка, ни русские завоевания в Ливонии, наконец, отказывался выдать изменника-перебежчика князя Курбского, на чем настаивали московские дипломаты, дело ограничилось заключением лишь перемирия². Используя эту передышку, царь отдал приказ строить новые укрепления на двинском направлении — в городах Усвяты, Ула, Сокол и Межев.

Одновременно правительство Грозного, чтобы обезопасить свои северо-западные рубежи, начало осенью 1566 г. переговоры со шведским королем Эриком XIV, которые проходили в Стокгольме, а завершились уже в Москве 16 февраля 1567 г. подписанием между ними союзного договора. По этому договору Швеция, оставляя себе ливонские города Ревель (Таллин), Вейсенштейн и Каркус, соглашалась снять блокаду русской Нарвы. Кроме того, обе сторо-

¹ *Виттер Р.Г.* Указ. соч. С. 65.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 387.

ны обязывались в дальнейшем не заключать в ущерб друг другу селаратного мира с Польшей-Литвой и предоставляли купцам и дипломатам свободу проезда и торговли на своих территориях¹.

Были предприняты Иваном шаги к заключению и еще одного важного внешнеполитического соглашения — с английской королевой Елизаветой. Взамен на предоставленные англичанам самые широкие льготы и привилегии в торговле с Россией царь предложил подписать королеве договор о политическом союзе. О том, «чтобы ее величество было другом его друзей и врагом его врагов и также наоборот». Примечательно, что заключения подобного же союза с Англией уже с 1561 г. добивался и вышеупомянутый шведский король Эрик XIV². Таким образом, намечалось создание широкой шведско-русско-английской коалиции, которая могла серьезно усилить позиции России в случае продолжения Ливонской войны.

И все же не это было главным. Главным событием 1566 г. стал новый Земский собор, созванный царем именно для обсуждения вопроса о мире или продолжении войны с Литвой за Ливонию. Как и перед введением опричнины, Иван Грозный при решении этого жизненно важного внешнеполитического вопроса снова обратился ко всем подданным, держал совет о дальнейших действиях со «всею землею» (земский — земщина — земля). Именно собранные в Кремле представители «всея земли» — духовенство, бояре, дворяне, приказные дьяки и купеческая верхушка посадского торгово-ремесленного населе-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 388; Валишевский К. Указ. соч. С. 219—220.

² Толстой Ю. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. — СПб., 1875. С. 179—182.

ния — должны были дать главный ответ царю: следует ли России ради заключения мира пойти на уступки Сигизмунду-Августу и отказаться от всех завоеваний в Ливонии или же все-таки продолжать войну? И снова, как полтора года назад, царь получил поддержку большинства. С поляками постановили «не мириться», уступок им никаких не делать «Мы, — записали в своем окончательном приговоре участники собора, — за одну десятину Полотцкого и Озе-рицкого повету головы положим... за его государское дело с коня помрем», независимо от сословия и состояния. (К примеру, купцы особо подчеркивали готовность положить «за государя» не только «животы» (имущество), но и головы, чтобы «государева рука везде была высока»¹). Так состоявшийся летом 1566 г. «Земский собор на полтора десятилетия определил политику русского правительства»².

Но на этом же соборе произошло и еще одно событие, которое, как и сам собор, довольно подробно рассматривается почти во всех монографиях о царствовании Ивана IV. Событие, неразрывно связанное с казнью боярина И.П. Федорова-Челяднина, так занимательно (об этом чуть ниже) переданной Эдвардом Радзинским, но о предтече которой сей проницательный автор даже не упомянул. А жаль...

Дело в том, дорогой наш внимательный и терпеливый читатель, что во время заседаний Земского собора 1566 г. в гулких палатах кремлевского дворца звучали не только одобрительные речи по поводу продолжения войны в Ливонии. Как сказали бы теперь, «трибуна» этого общегосударственного форума, созданного Иваном Грозным, была использова-

¹ Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. Т. 1, № 92.

² *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 113.

на оппозицией *против него самого — против государя*... Большая группа земских бояр и дворян во главе с костромичом князем В.Ф. Рыбиным-Пронским открыто обратилась к царю с челобитной, потребовав у Ивана взамен на поддержку военных действий в Ливонии *ликвидировать «государеву опричнину»*, коей «не достоин быти»¹, т.е. отменить режим чрезвычайного положения и вернуться к прежней форме правления. По словам современника Альберта Шлихтинга, челобитчики объясняли свое требование нестерпимым произволом, который чинили по отношению к земцам царевы опричники.

Фактически это был мятеж. Мятеж в царском дворце, дерзкий и довольно внушительный по своим размерам: в выступлении участвовало около 300 знатных лиц, в том числе и бояре-придворные, как опять же сообщает Шлихтинг². А потому, используя свои чрезвычайные полномочия, изложенные в указе об опричнине, государь немедленно подавил этот мятеж. Все 300 были тут же арестованы. Правда, уже через неделю почти все они снова получили свободу. Только **50 человек**, которых следствие признало зачинщиками выступления, были подвергнуты наказанию — прилюдно биты палками на торговой площади. Обезглавили же лишь **троих** — Н. Карамышева, К. Бундова, наконец, самого князя В.Ф. Рыбина-Пронского. Одновременно были взяты в опричнину Кострома с прилегающими землями — территория, где находилась вотчина казненного князя-мятежника.

¹ Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.). — М., 1955. Т. 2. С. 76.

² См.: Новое известие о России времен Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. — Л., 1934.

Однако и после этого противодействие земской знати государю не прекратилось. Был ли непосредственно в числе выступивших против опричнины в 1566 г. боярин И.П. Федоров-Челяднин или, что вероятнее, являлся одним из его тайных и осторожных руководителей, благополучно скрывавшимся за чужими спинами, — об этом у историков прямых свидетельств нет. Но дальнейшее не оставляет сомнений в причастности боярина к действиям оппозиции. Один из самых богатых людей своего времени и старейший член земской боярской Думы, он долго занимал высокий придворный чин конюшего и, значит, **фактического главы Думы, имеющего право выбирать царя в случае отсутствия наследника престола**. Конюший же по традиции становился и царским местоблюстителем до вступления на трон нового государя. Именно после собора 1566 г. Иван Грозный **сместил** Федорова-Челяднина с этого поста, отправив на воеводство в Полоцк. И именно **к нему**, а также еще к трем знатнейшим боярам — М.И. Воротынскому, И.Д. Бельскому и И.Ф. Мстиславскому уже летом следующего, 1567 г., обратился в секретных посланиях польский король Сигизмунд-Август — обратился с предложением перейти под его «королевскую руку»¹. Король, по-видимому, хорошо знал, к кому посылает гонца... Реально «переход» должен был проявиться в том, что указанные лица арестуют русского царя, выдадут его польскому королю, а на престол посадят удобного всем своей слабохарактерностью Владимира Андреевича, двоюродного брата Грозного. Сам же Сигизмунд-Август обещал поддержать эти действия одновременным наступлением своих войск. Словом, как пишет исто-

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 114.

рик, «планы... были разработаны в мельчайших деталях. Но исход интриги полностью зависел от успеха тайных переговоров с конюшим. Согласится ли опальный воевода использовать весь свой громадный авторитет для того, чтобы привлечь к заговору других руководителей земщины, или откажется принять (в нем) участие — этим определялись дальнейшие события»¹.

О том, какой ответ получил Сигизмунд-Август от земских бояр, говорит следующее. Уже в конце 1567 — начале 1568 г. король сосредоточил в районе Минска **«до 100 000 человек войска для прямого похода на Москву в ожидании там боярского мятежа»**. Но как только стало известно о расправе Ивана Грозного с заговорщиками, польско-литовское наступление было отложено². Да, читатель, да, русский государь сорвал планы своих противников... Хотя неясно, кто непосредственно сообщил Ивану о заговоре. Сделал ли это, малодушно спасая свою шкуру, Владимир Андреевич, о чем прямо рассказывает Генрих Штаден?³ Или информация поступила от кого-то другого? Факт остается фактом: царь Иван узнал о боярском заговоре. Узнал, находясь с войсками на литовской границе. И известие это явилось столь грозным, что вынудило государя, немедленно оставив армию, помчаться в Москву «на ямских», т.е. на перекладных...

В ходе начатого следствия в руках царя оказались списки заговорщиков, имена людей, изъявивших желание поддержать, в случае переворота, Владимира Старицкого, списки, составленные не кем иным, как... самим боярином И.П. Федоровым-Челяд-

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 124.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 388.

³ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 87—89.

ниным¹. Все же, казнив тогда многих, Иван не тронул его — главное действующее лицо заговора. Но и в этом на первый взгляд несколько странном поступке тоже крылась своя логика. Боярин Федоров-Челяднин был уже стар и вскоре сам мог предстать перед судом — перед судом божьим... А посему царь только выслал его в Коломну, приказав заплатить большой штраф в пользу государственной казны. Лишь через год, когда расследование обстоятельств «боярской крамолы» завершилось окончательно и стали, возможно, известны какие-то еще более вопиющие свидетельства преступления, государь все-таки вызвал боярина к себе во дворец. Тогда-то и произошла сцена, ярко описанная современником-очевидцем и коей не менее красочно воспользовался Эдвард Радзинский, опустив, правда (как отмечалось выше), все, что этой сцене предшествовало. Бывшему конюшему—боярину Иван предложил сесть на трон — символ власти, власти, которой, удайся переворот, Федоров-Челяднин мог бы обладать безгранично и — совершенно законно, как царский местоблюститель. Вероятно, не без гнева, но и не без горечи царь сказал ему: **«Теперь ты имеешь то, чего искал, к чему стремился»**, чтобы быть великим князем Московским...» После этого, передает Альберт Шлихтинг, государь заколол изменника кинжалом². Вот почему «лежал великий боярин в луже крови у подножия трона», как мрачно живописует г-н Радзинский. **«По грехом словесы своими погибоша»**³, — добавляет безымянный летописец. Правда, об этом наш уважаемый автор уже не вспомнил...

¹ *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 346—347.

² *Шлихтинг А.* Новое известие... С. 56.

³ Пискаревский летописец. С. 76.

Между тем огромные вотчины убитого боярина, располагавшиеся на границе с Новгородской землей в Бежецком Верху, были немедленно конфискованы, взяты в опричнину. Считалось, что многие приближенные и дворяне Федорова-Челяднина были посвящены в его планы, при перевороте их намечали использовать в качестве вооруженной силы. А потому царь Иван сам возглавил летом 1568 г. опричный рейд по этим землям, во время которого большая часть боярских людей была посечена саблями, а их усадьбы разграблены и сожжены. Но... удивительное дело. Во время этого, в полном смысле слова жестокого карательного похода по бывшим владениям вельможи-изменника **«террор не затронул крестьянского населения боярских вотчин»**. А ведь, напомним, Федоров-Челяднин являлся богатейшим человеком своего времени. На его землях жили многие тысячи крестьян, и пожить там уж нашлось бы чем, будь на то государева воля. Но государев приказ имел, видимо, совершенно другой характер, другой смысл. И историк констатирует: «Террор обрушился главным образом на головы слуг, вассалов и дворян». Таким образом, читающий да разумеет, кого и за что действительно немилосердно громил царь... Как гласит поминальный синодик времен опричнины, всего в июне—июле 1568 г. погибло в вотчинах Федорова-Челяднина 369 человек, из которых 293 были боярскими слугами и 50—60 — дворянами¹.

В этой тяжелой обстановке непрекращающихся заговоров и измен Иван был совершенно один. Хотя после смерти Анастасии он довольно быстро женился вторично, новый брак стал для него скорее горькой необходимостью, чем утешением: более никто и никогда так и не смог заменить ему первую и единст-

¹ Скрынников Р.Г. Великий государь... С. 354.

венную в жизни любовь. Но «негоже государю быть одному» — заявила тогда церковь. По совету митрополита Макария, зорко следившего за внешней политикой своего духовного сына, новую невесту для государя-вдовца решено было искать за границей, на Западе — либо в Швеции, либо в Польше. Однако ни шведский дом Вазы, ни польские Ягеллоны не согласились соединиться с московскими Рюриковичами. Предложение пришло совсем с другой стороны — с Востока, с предгорий Северного Кавказа. Именно один из знатнейших кабардинских князей — Темрюк, надеясь получить поддержку России в борьбе против Турции и Персии, выдал свою дочь, княжну Кученей, замуж за русского царя. Союз сей был не менее выгоден для Москвы, чем брак государя с какой-нибудь из европейских принцесс, ибо, во-первых, содействовал налаживанию ее мирных контактов с горскими народами, во-вторых же — открывал дорогу для связей с христианским государством грузин и армян. Такое вот «приданое» принесла Ивану тонкая и смуглая черкешенка Кученей, в святом крещении принявшая имя Марии. Но для г-на Радзинского Кученей-Мария — лишь «черная женщина», «с глазами, словно горящие уголья», «дикая нравом, жестокая душой», вместе с которой «во дворец пришла Азия. Восточная деспотия, насилие — азиатское проклятие России». Согласимся, характеристика не слишком справедливая для гордых, благородных и вольнолюбивых горцев...

Итак, повторим, брак оказался удачным, но в сугубо политическом смысле. Что же касается личных взаимоотношений между супругами, то вряд ли осеняла их хотя бы тень любви, понимания, взаимной поддержки. Не было и детей. Единственный ребенок — царевич Василий — рожденный Марией в 1563 г. (как раз в момент завоевания Полоцка), через

несколько месяцев скончался. У Ивана по-прежнему подрастало только два сына — от Анастасии, и только на них сосредотачивались все его надежды. Но сыновья были еще слишком малы для тех тягчайших дум, забот и тревог, коими наполнилась душа отца. И он мучительно искал того, кто мог бы действительно искренне понять его. Понять и поддержать не ради собственной корысти, а ради общего служения... Таким человеком мог бы стать для Грозного Федор Колычев — близкий друг его детства. Но, увы, жестокая боярская крамола вмешалась и здесь... Да, о подлинном благородстве и кристальной честности Федора Колычева Иван хорошо знал еще с самых юных своих лет. Упомяни г-н Радзинский об этом простом и общеизвестном в исторической литературе факте, и, возможно, тогда не столь уж «странным» показалось бы ему то, что на пустующую митрополичью кафедру царь пригласил в 1566 г. именно этого человека — «известного праведной жизнью»... Все дело в том, что, по логике г-на Радзинского, государь желал иметь подле себя не близкого друга-единомышленника, а просто легко управляемого главу церкви — «тем более что на Руси, — как написано в книге, — хватало иерархов, готовых быть сговорчивыми и послушными». Но тем не менее Иван сам настоял на избрании праведника и «должен был теперь приготовиться к долгим «докукам» от нового митрополита». Сия психологически убогая, противоречивая конструкция, созданная автором, так и не дала ему самому возможность постигнуть ни того, почему все же с таким «непонятым упорством» просил царь Колычева принять предложенный митрополичий жезл, ни того, что случилось после.

Федор Степанович Колычев, в монашестве — инок Филипп, игумен Соловецкий, митрополит Московский, русский святой... Как гласит его «Житие», вклю-

ченное в Четьи-Минеи за январь месяц, древний род бояр Колычевых пострадал во времена малолетства Грозного за преданность Андрею Старицкому. Одно-го из них обезглавили, другой долго сидел в тюрьме. Должно быть, горькая судьба родственников и подвигла тихого, задумчивого юношу оставить Москву, великокняжеский двор, полоненный ненавистью противостоящих боярских клик, и пешком, в одежде простолюдина уйти на Север, в далекий Соловецкий монастырь. Там, никому не раскрывая своей известной фамилии, приняв постриг, он за десять лет пройдет весь нелегкий путь от простого послушника до игумена-настоятеля знаменитой обители.

Получив почетное приглашение своего давнего друга-царя, игумен Филипп сразу оценил всю его неимоверную сложность, громадную ответственность, равно как и *то*, с чем снова придется ему столкнуться в Москве. *То*, от чего бежал он когда-то к Белому морю, в ледяную пустыню северных просторов... А потому долго отказывался от сана митрополита, смиренно и мудро объясняя свой отказ немощью и недостойностью. «Не могу принять на себя дело, превышающее силы мои, — говорил он. — Зачем малой ладье поручать тяжесть великую?»¹ И все же окончательно отказать Ивану так и не смог, ибо понимал: просил царь не только возглавить церковь. Жаждал прежде всего духовной помощи, просил разделить вместе с ним его крест, окормить его душу. Пастырь же обязан помочь страждущему — чего бы то ни стоило. Будущий святой митрополит понял, что *должен вернуться туда, откуда ушел, и испить чашу до дна*, ибо такова воля господня...

¹ Жития святых, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. — М., 1904. Кн. 5. С. 283.

Увы, ни один исторический документ не сохранил, да и не мог сохранить свидетельств о том, как встретились они после двадцати с лишним лет разлуки, что вспоминали, пытливо взглядываясь друг другу в глаза, о чем говорили долго, а что понимали и без слов? Ясно одно: и Грозный царь, и смиренный инок с самого начала знали — предстоит им горчайшая дорога, но отречься от нее нельзя...

Предвидя, что в Москве нового главу церкви немедленно попытаются вовлечь в политическую борьбу, вызвать разрыв между царем и митрополитом, Иван и Филипп, стремясь заранее предотвратить такое развитие событий, предприняли очень умный шаг. 25 июля 1566 г., во время торжественной церемонии поставления (посвящения в сан), Филипп публично объявил о том, что не будет вмешиваться в мирские дела. Специально подготовленная к этому моменту и подписанная иерархом грамота гласила, что ему «в опричнину и царский обиход не вступаться и, по поставлении, из-за опричнины... митрополии не оставлять»¹. Как отмечает церковный писатель, **«такой грамотой сама фигура митрополита как бы выносилась за скобки всех дворцовых интриг»**, лишая боярскую оппозицию возможности (в своих интересах) разрушить «священную сугубину» царя и митрополита, противопоставить два центра власти — светский и духовный².

Вскоре это полное единодушие и понимание между Иваном и Филиппом подтвердилось еще более веско. Открылся заговор Федорова-Челяднина. Началось следствие и казни. Святитель, следуя христианской традиции милосердия к падшим, ходатайст-

¹ Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. Ч. 1, № 193. С. 557.

² Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 186.

вовал перед царем о смягчении участи преступников, однако в целом действия Ивана поддержал. Поддержал, невзирая даже на то, что среди казненных участников заговора были его близкие и дальние родственники (напомним: митрополит принадлежал к знатнейшей боярской фамилии). Более того. Он сам обличал тех иерархов, которые молчаливо сочувствовали заговорщикам. Обращаясь к ним, Филипп сурово вопрошал: «На то ли собрались вы, отцы и братья, чтобы молчать, страшась вымолвить истину? Никакой сан мира сего не избавит нас от мук вечных, если преступим заповедь Христову и забудем долг наш пещись о благочестии благоверного царя, о мире и благоденствии православного христианства».

Такая безукоризненно честная позиция митрополита грозила разоблачением многим тайным противникам царя среди высшего церковного клира, крепко связанного узами родства со светской аристократией. Все люди — человеки. Далек не каждому иерарху хватало той, свойственной Филиппу высокой силы духа для того, чтобы, поднявшись над личными переживаниями и амбициями, объективно судить о происходящем, всегда оставаться преданным истине и долгу. А потому боярская крамола, как ржавчина, проникала и в церковь, уродуя ее светлый соборный лик. Одним из тех, кого охватила эта страшная духовная коррозия, был архиепископ Новгородский Пимен. Второй человек в церкви после Филиппа, новгородский владыка сам долгое время хотел занять митрополичью кафедру. Но Иван выбрал Колычева. И Пимен не простит этого — ни Филиппу, ни самому царю. Уже вскоре он предаст их обоих, и предательство сие послужит роковым толчком к самому трагическому событию в многовековой истории Господина Великого Новгорода...

К Пимену примкнули также Пафнутий, епископ Суздальский Филофей Рязанский и... сам духовник царя, благовещенский протопоп Евстафий, с некоторого времени серьезно опасавшийся за свое место при дворе. Именно эти четверо и стали главными участниками заговора, направленного против духовного единства государя и митрополита. «Тактика интриги была проста: лгать царю на митрополита, а святителю клеветать на царя. При этом главным было не допустить, чтобы недоразумение разрешилось при личной встрече. Кроме того, надо было (поскорее) найти предлог для удаления святителя Филиппа. Время шло, и злые семена лжи давали первые всходы». Царя удалось было убедить в нелояльности Филиппа, в том, что митрополит осуждает опричнину¹.

Но ежели каким-то образом злопыхатели ввели в заблуждение постоянно поглощенного сотнями сложнейших вопросов Ивана, то для самого митрополита их коварные действия никогда не были тайной. «Вижу, — сказал как-то святой, — готовящуюся мне кончину, но знаете ли, почему меня хотят изгнать отсюда и возбуждают против меня царя? Потому что не льстил я перед ним... Впрочем, что бы то ни было, не перестану говорить истину, да не тщетно ношу сан святительский». Вот тогда-то, как пишет церковный историк, уже не надеясь окончательно скомпрометировать Филиппа в глазах государя, заговорщики возбудили дело о якобы несправедливом житии митрополита в бытность его настоятелем Соловецкого монастыря. Для сбора «доказательств» на Соловки была даже отправлена специальная комиссия в составе Пафнутия Суздальского, андрониковского архимандрита Феодосия и князя Василия Темкина.

¹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 186.

Прибыв туда, они «угрозами, ласками и деньгами принудили к лжесвидетельству против святителя Филиппа некоторых монахов и, взяв их с собой, поспешили назад. В числе лжесвидетелей, к стыду обители, оказался игумен Паисий, ученик святого митрополита, прельстившийся обещанием ему епископской кафедры... Состоялся «суд». Царь пытался защитить святителя, но вынужден был согласиться с «соборным» мнением о виновности митрополита. Причем, зная по опыту, что убедить царя в политической неблагонадежности Филиппа нельзя, заговорщики подготовили обвинения, касавшиеся жизни святителя на Соловках. И это, похоже, сбило с толку Ивана IV. В день праздника архистратига Михаила в 1568 г. святитель Филипп был сведен с кафедры митрополита и отправлен «на покой» в московский монастырь Николы Старого, где на его содержание царь приказал выделять из казны по четыре алтына в день. Но враги святого на этом не остановились, добившись удаления ненавистного старца в тверской Отроч монастырь, подальше от столицы». Однако, отмечает тот же автор, торжество злоумышленников длилось недолго. Чуть больше года спустя, в декабре 1569, царь с опричной дружиной двинулся в Новгород для того, чтобы лично возглавить следствие по делу о «новгородской измене», а также о покровительстве местных властей широко распространившейся в те времена на новгородских землях ереси антиринитари-ев, прозванной в народе «ересью жидовствующих»¹... В ходе этого расследования неминуемо могли вскрыться связи новгородских изменников, и особенно новгородского архиепископа Пимена, «с московской боярской группой, замешанной в деле устранения святителя Филиппа с митрополии. В этих

¹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 187.

условиях опальный мигрополит становился опаснейшим свидетелем. Его решили убрать и едва успели это сделать, так как царь уже подходил к Твери. Он послал к Филиппу своего доверенного опричника Малюту Скуратова за святительским благословением на поход и, надо думать, за пояснениями, которые могли пролить свет на «новгородское дело». Но Малюта **уже не застал святителя в живых**. Он смог лишь отдать ему последний долг, присутствуя при погребении, и тут же уехал с докладом к царю»¹.

Так свершилось предсказание святого о собственной смерти. **Еще за три дня** до мученической гибели, когда, видимо, пришла в Отроч монастырь весть о движении царя к Новгороду через Тверь, где и находилась сия обитель, Филипп почувствовал, что Иван, наконец, раскусил тонко сплетенный заговор и идет искать истину, идет, возможно, даже к нему самому, как главному свидетелю и жертве. Что, верный своему обычаю разбираться во всем лично, Иван вот-вот появится в монастыре сам либо пришлет своего человека... Но тут же осознал Филипп и то, что вряд ли состоится эта встреча. Что вряд ли ее **допустят** те, кто был как раз меньше всего заинтересован в раскрытии истины. Те, кто, оклеветав, разлучил его с царем... А потому и сказал он окружавшей его монастырской братии пророческие слова, на все времена зафиксированные его «Житием»: «Близится завершение моего подвига». Засим, смиренно исповедавшись и приняв причастие, он, как и подобает святому, спокойно стал ждать своего убийцу. Ждать пришлось недолго. Малюта Скуратов, повторим, уже не застал его в живых...

Мы, однако, согрешили бы против исторической объективности и, больше того, были бы несправедливы по отношению к нашему дорогому читателю,

¹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 187.

если бы, передавая обстоятельства мученической кончины святого митрополита, не упомянули о том, что в литературе широко распространена и совершенно другая версия его гибели. Версия, всецело приписывающая убийство высшего иерарха церкви самому Ивану Грозному и провозглашающая это убийство одним из наиболее страшных преступлений царя. Версия о том, что не кто иной, как сам Малюта Скуратов по приказу Грозного собственноручно «задушил подушкой» бывшего митрополита, когда тот отказался дать свое благословение царю. Об этом, например, писали в своих весьма скандальных мемуарах двое ливонцев, служивших при русском дворе — Иоганн Таубе и Элерт Крузе (кстати, они же сообщают и о неоднократных жестких пререканиях, якобы происходивших между Иваном и Филиппом, по поводу опричнины, что в конце концов и привело к низложению митрополита¹). Именно **только одну эту версию** и использовал в своем изложении Эдвард Радзинский. Конечно, это неотъемлемое право автора — выбирать исторические источники, наиболее совпадающие с его концепцией, подтверждающие его взгляды. И все же, думается, читатель имеет право знать, что, по мнению такого крупного церковного писателя, каким был в свое время владыка Иоанн (Снычев), митрополит Ладожский и Ленинградский, **как раз та версия гибели святого Филиппа**, которую использовал г-н Радзинский, **не выдерживает критики**. Не выдерживает уже по одной простой причине. Царь Иван, как было свойственно людям Средневековья, человек глубоко верующий и «чрезвычайно щепетильный во всех делах, касавшихся душеспасения, заносил имена всех

¹ Послание Таубе и Крузе. — Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 8—59.

казненных по его приказу в специальные синодики, которые рассылались затем по монастырям для вечного поминовения «за упокой души»¹. На эти списки мы уже не раз ссылались выше, ибо, как доказали многолетние исследования не одного поколения историков, **списки опальных составлялись государевыми дьяками на основе подлинных судебных дел, в строжайшем порядке хранившихся в опричном архиве**². Несложно, кстати, понять, как много мог бы рассказать этот архив! Сколь многое поставить на место! Но архив Ивана Грозного, способный объяснить все трагичные тайны его царствования, был кем-то коварно изъят из царских хранилищ, бесследно исчез(!) по его кончине. А потому, восстановленный буквально по крупицам, по ветхим фрагментам поминальных списков XVI века, чудом сохранившихся в различных русских монастырях, синодик опальных царя Ивана является почти **единственным достоверным историческим документом, позволяющим судить о размерах репрессий**. Но имени святителя Филиппа, подчеркивает митрополит Иоанн (Снычев), в этом списке нет. Вывод? Вывод пусть наш внимательный читатель сделает сам. В отличие от «блистательного» мэтра, мы вовсе не навязываем ему готовые схемы. Мы лишь предлагаем — факты...

А Иван... К сожалению, уже поздно, уже будучи в Новгороде, но он все тоже поймет сам. Поймет и покарает оклеветавших святого. Вот что пишут об этом Четьи-Минеи за январь, в день памяти митрополита Филиппа: **«Царь... положил свою гроз-**

¹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 187.

² Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. (Проблемы источниковедения. Сборник статей). М. — Л., 1940; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 132—133.

ную опалу на всех пособников и виновников его (святителя) казни. Несчастный архиепископ новгородский Пимен по низложению с престола был отправлен в заключение в веневский Никольский монастырь и жил там под страхом смерти. Филофей Рязанский был лишен архиерейства. Но главным образом гнев царский постиг Соловецкий монастырь. Честолюбивый игумен Паисий, вместо обещанного ему епископства был сослан на Валаам. Монах Зосима и еще десять иноков, клеветавших на митрополита, были также разосланы по разным монастырям, и многие из них на пути к местам ссылки умирали от болезней. Наконец, как бы в наказание всей братии, разгневанный царь прислал в Соловки чужого постриженника — Варлаама, монаха Белозерского Кириллова монастыря, для управления обителью»¹.

¹ Жития святых, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. Кн. 5. С. 286.

МИФ О «БЕСПРИЧИННОМ РАЗГРОМЕ» НОВГОРОДА

И все же кара, постигшая Соловецкий монастырь, была не только расплатой за гибель Филиппа. Как мы уже сказали, в декабре 1569 г. царя вынудило отправиться на северо-запад, в новгородский край вскрывшееся там большое «изменное дело», главные участники которого одновременно были напрямую замешаны в выступлении против митрополита. Хотя г-н Радзинский совершенно разделяет между собой смерть святителя Филиппа и разгром Новгорода (разгром, который Иван учинил единственно ради того, чтобы утвердить там — в «вольной республике» — свою тиранию), связь между этими событиями была. Связь давняя и крепкая. Учитывая ее, вряд ли ложным покажется читателю то известие о новгородской измене, которое Радзинский объявляет лишь вымыслом. Вымыслом, коим Грозный воспользовался в качестве повода для своего похода...

Напомним: не получив в 1566 г. от царя желанную митрополичью кафедру, честолюбивый новгородский владыка Пимен начал жестоко мстить за свое поражение. Примкнув к боярской оппозиции, он лично спровоцировал дело против святителя Филиппа. Дело, которое, в конце концов, привело

к физическому устранению бывшего конкурента. Но, видимо, параллельно с этим Пимен осуществлял (или, по крайней мере, принимал участие) еще в одном преступлении — против самого царя Ивана. Ибо едва только был в 1567 г. раскрыт план выдачи русского государя королю Польши, как в Москве стало известно о новой измене — о тайном предложении новгородского архиепископа перейти под власть польского короля, предложении, с которым Пимен обратился к самому Сигизмунду-Августу. (Кстати, не случайно некоторые историки считают боярский заговор 1567 г. и новгородскую измену 1569—1570 гг. звеньями единой цепи.) Из чудом сохранившейся Переписной книги Посольского приказа явствует: «столп, а в нем статейный **список из сыскного из изменного дела 1570 году на Новгородского Епископа Пимена** и на новгородских дьяков и на подьячих, как они с (московскими) бояры... **хотели Новгород и Псков отдать Литовскому королю... а царя Ивана Васильевича... хотели злым умышлением извести и на государство посадити князя Володимера Ондреевича**»¹. Расследование показало: «Готовилась измена грандиозная, государственная. Замысел... был теснейше связан с отдачей врагу не только вновь завоеванной территории (в Ливонии), но и старых русских земель, больших пространств и ценнейших богатств Московской державы; дело шло о внутреннем подрыве, об интервенции, о разделе великого государства. И в какой момент? Среди трудностей войны, для которой правительство напрягло все государственные средства, собирало все военные и финансовые силы. Можно ли после этого говорить о капризах Ивана Грозного,

¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Часть 2. — М., 1977. С. 6, 257.

подсмеиваться над тем, что он, движимый якобы трусливым страхом, нагрянул на «мирное население» Новгорода с целым корпусом опричников?»¹

Можно ли говорить, можно ли подсмеиваться? — повторим мы вопрос, заданный историком почти семьдесят лет назад... Увы, читая текст г-на Радзинского, видно, что можно... А потому обратимся снова к фактической стороне дела.

От расследования об измене Новгорода до нас действительно не дошло ни одного подлинного документа. Материалы сыска по этому делу (как, напомним, весь архив Грозного) были кем-то предусмотрительно уничтожены. Лишь случайно уцелевшая инвентарная перепись бумаг Посольского приказа свидетельствует о том, что дело сие все-таки существовало и многое могло бы разъяснить. Собственно, именно это катастрофическое отсутствие документов вынуждало раньше и продолжает вынуждать большинство современных исследователей говорить о том, что обвинение Новгорода не опиралось ни на одну конкретную улику. Что поводом к нему послужила только весьма сомнительная «подметная» челобитная (донос) государю некоего Петра Волынца, сообщавшая о намерении новгородцев отдаться под власть Сигизмунда-Августа, уже подписанный договор о чем хранится ими в городском кафедральном соборе Святой Софии «за образами». И значит, разгром Новгорода, учиненный Иваном Грозным по этому обвинению, был совершенно безосновательным, несправедливым и просто зверским. Подметную грамоту могли написать по приказу самого царя, а текст «договора с королем» — подбросить.

Эту нехитрую «версию» о преднамеренно сфабрикованном обвинении слово в слово повторяет в сво-

¹ *Вунтер Р.Ю.* Указ. соч. С. 95.

ем изложении и Эдвард Радзинский. Здесь, увы, его «дара» «психологически чуткого» проникновения в толщу веков опять не хватило для того, чтобы хоть попытаться взглянуть на новгородскую трагедию по-иному, не общепринято. Между тем еще в начале XX столетия историк-поляк Казимир Валишевский отмечал: «Петр Волынец хотя и не заслуживал доверия, но случаи прежних времен придавали его доносу некоторое значение»¹. Случаи прежних времен... они и впрямь способны раскрыть нам многое, в том числе и тайны уничтоженных архивов...

Начнем с того, что, «историк-популяризатор» Эдвард Радзинский откровенно лукавит, с наигранной печалью говоря о Новгороде — «невиданной на Руси республике, вольной и славной, существовавшей триста пятьдесят лет и пресеченной» дедом Ивана Грозного — государем Иваном III. Неукротимая вольность подлинно народного вече умерла в Новгороде задолго до того, как навсегда смолк там древний вечевой колокол, снятый и увезенный в Москву по приказанию Ивана III в 1478 г. **Республика давно стала боярской**. Согласно еще в 1410 г. принятому закону, вся власть в Новгороде сосредотачивалась в руках небольшой группы бояр, для коих ни народное вече, ни жизненные интересы народа не имели уже никакого значения. Делиться этой властью над богатейшим торговым городом бояре-олигархи не желали ни с кем, а потому довольно долго и тщательно оберегали его государственный суверенитет, одновременно упорно противодействуя объединению новгородских земель с Московским княжеством. Напротив, простые новгородцы, как и «мизинные люди» по всей остальной Руси, с течением времени все больше начинали тянуться к

¹ Валишевский К. Указ. соч. С. 274.

Москве, видя в московском государе защитника от растущего произвола бояр. Опасаясь роста таких настроений и стремясь сохранить свое политическое господство, новгородская аристократия во главе с боярами Борецкими решила опереться на Польшу-Литву — исторического противника Руси. В начале 40-х годов XV века **королю Польскому и Великому князю Литовскому Казимиру Ягеллону было предложено заключить договор о принятии Новгорода под его верховную власть** — на условиях сохранения за новгородским боярством всех политических и экономических привилегий. И Казимир, понятно, с радостью дал свое согласие. В 1441 г. договор о подчинении «вольного Новгорода» был подписан. Отныне король обещал оказывать «республике» военную помощь в борьбе с Москвой. Фактически это было предательство. Вопиющее предательство общерусских национальных интересов, национальной истории (Новгород — неотъемлемая часть древней Руси, колыбель московского правящего рода Рюриковичей, о чем походя упомянул и г-н Радзинский!..). И ежели на такой гнусный шаг отважилась кучка олигархов, то его не стерпел народ. Уже в 1446 г. новгородцы подняли грандиозное восстание, показавшее, что кроме антимосковской партии в Новгороде существует и другая, еще более грозная сила...

В 1456 г. московский государь Василий II наголову разгромил новгородское войско и заставил новгородских бояр принять свои условия мира. По Яжелбицкому договору Новгород уплачивал Москве большую контрибуцию (8500 руб.) и обязывался не вступать более в союзы с противниками Руси¹.

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 353.

Однако это соглашение было нарушено, когда в 1470 г. партия Борецких вновь вступила в тайные переговоры с Казимиром Ягеллоном. Тогда бояре-олигархи пригласили править Новгородом литовского князя Михаила Олельковича (потомка знаменитого литовского князя Ольгерда), а также намеревались отправить своего новоизбранного архиепископа Новгородского Феофила на поставление (посвящение в сан) к литовскому митрополиту-униату Григорию¹. Современники прямо называли нового правителя «князем из королевы руки», т.е. ставленником короля. И это было верно. Литва находилась в зависимости от Польши, в силу чего Михаил Олелькович «не мог, конечно, сесть на новгородский стол без согласия своего сюзерена — короля Казимира. Приглашение его в Новгород — серьезный принципиальный шаг (новгородской аристократии) к соглашению с Казимиром против Москвы»². Снова подготовили соответствующее «докончание» — договор о переходе Господина Великого Новгорода под власть князя Литовского³. Зная об этом, московский государь несколько раз призывал новгородских бояр не изменять «старине» — т.е. историческому единству Русской земли, но тщетно. В ответ новгородцы лишь дерзко потребовали от жителей соседнего Пскова, чтобы те «против великого князя потягли»... Именно все эти события и вынудили деда Ивана Грозного — государя Ивана III совершить свой знаменитый поход на Новгород в 1471 году.

¹ *Борисов Н.С.* Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. — М., 1986. С. 164.

² *Алексеев Ю.Г.* Государь всяя Руси. — М., 1991. С. 72

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М. — Л., 1949. С. 129—132.

В момент выступления из столицы — 6 июня 1471 г. — под началом великого князя Московского собрались войска со всех подвластных ему земель. Поход принял характер подлинно общерусского ополчения против «изменников православному христианству» и отступников к «латинству», как писали летописцы. 14 июля в решающей битве на реке Шелони большинство новгородских ратников неохотно сражались против своих же братьев русичей, и это решило участь боярской республики — она была разгромлена и прекратила существование.

Новгородская аристократия тяжело заплатила за предательство. 24 июля, находясь в Русе, Иван III приказал казнить (обезглавить) четырех из наиболее влиятельных новгородских бояр, в том числе — Дмитрия Исааковича Борецкого, подписавшего договор с королем Казимиром. У других бояр были конфискованы все земли, а сами они, вместе с семьями, переселены в центральные районы страны. Что касается незнатных «мелких людей», то, как говорит летопись, их государь «велел отпущати к Новгороду»¹, свидетельствуя, что он не против основной массы новгородцев, коих насильно заставили взять в руки оружие, а только против тех бояр-правителей, кто принудил город к измене. Так своими жесткими по отношению к знати мерами великий князь Московский доказывал, что действительно является защитником простонародья...

Но сепаратистские устремления новгородского боярства на этом не пресеклись, так или иначе вновь возрождаясь не только при Иване III, но и при его сыне, внуке. И еще гораздо позднее — в начале XVII столетия, когда в момент великой русской Смуты, иностранной интервенции и разрухи в Новгороде

¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

велись переговоры об унии со Швецией... А потому зададимся вопросом: хорошо зная о существовании подобных настроений в Новгороде (того, что Грозный царь был глубоко начитан и владел широчайшей информацией по отечественной и всемирной истории, не отрицают даже его враги!), так вот, хорошо зная все это, мог ли, имел ли моральное право внук Ивана III, царь Иван IV, спокойно, без понятной тревоги отнестись к сообщению о готовящейся измене, об уже (как не раз бывало в прошлом!) подписанном договоре с польским королем?! Не забудем: Новгород был расположен близко от театра военных действий, и затянувшаяся русско-ливонская война серьезно мешала его торговле, наносила немалые убытки городским верхам, что и могло стать поводом к новому отделению от России...

Произошло летом 1569 г. и еще одно событие, о котором умалчивает г-н Радзинский, но которое тоже заставило Грозного действовать крайне жестко... Дело в том, что сепаратистски настроенная новгородская знать во главе с архиепископом Пименом обратилась к королю Сигизмунду-Августу в момент исторически важный, глубоко символический для поляков. Именно в 1569 г. родилась Речь Посполита — великая Польша «от моря до моря» (т.е. от Балтики до причерноморских степей). Ведь это только наш «телеисторик» с легкостью позволяет себе в своем тексте использовать сие название в рассказах (точнее, упоминаниях) о событиях XV века — тогда, когда на политической карте Европы такого государства просто не существовало... Нет, Речь Посполита родилась только в середине XVI века, после неоднократных — путем заключения уний — попыток Польши привлечь Литву к объединению с короной Польской и тем самым подчинить ее. Ради этого польская шляхта в течение столетий избирала себе в короли великих

князей Литовских¹. И наконец добилась своего: раздельными заседаниями Польского и Литовского сеймов 1 июля 1569 г. была утверждена Люблинская уния, провозглашавшая полное слияние Польши и Литвы. Нетрудно догадаться, что означало это для России. Вместо бывшей непрочной конфедерации Польши и Литвы на западной русской границе (протяженностью почти 2000 км) теперь возникла крупная, сильная держава, с единым государственным языком (польским) и единым вероисповеданием (католицизм) — в отличие от прежнего Литовского княжества, где долгое время сохранялась все же и некоторая свобода для русского языка и для православия. Разумеется, мирных отношений с **таким** соседом даже не предвиделось. Ибо Речь Посполита, унаследовав от Великого княжества Литовского все захваченные им некогда украинские и белорусские земли, унаследовала и главную внешнеполитическую задачу Литвы — удержание этих территорий под своей властью. Более того. Речь Посполита с самого начала ставила целью не только закрепить за короной Польской уже наличные земли, но и вновь присоединить те русские области и города, которые были утрачены Литвой в ходе войн конца XV — начала XVI века в пользу Московского государства². Войн, которые, помнит наш добрый читатель, вели с Литвой и родной дед, и отец, и мать Ивана Грозного...

¹ Например, Кревская уния 1386 г., согласно которой, принимая корону Польскую, князь Ягайло присоединял к ней свои литовско-русские владения. Но это была личная уния, ее не поддержала литовская знать. Острожское соглашение 1392 г., явившееся дополнением к Кревской унии, предоставляло Литве широкую автономию и право иметь собственного монарха — великого князя. Далее предпринимались попытки объединения в 1401 и 1413 гг. — См.: *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 383.

² *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 117; *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 391

Вот почему, как свидетельствует современник, царь Иван лишь горько рассмеялся, узнав о заключении Люблинской унии, сказал: «Не впервой!...»¹ В этом акте, знаменующем, что два извечных врага Руси решили объединить свои силы, для русского государя действительно не было ничего нового и неожиданного... Так же, как не было для Ивана ничего нового и невозможного в сообщении о том, что в эту давнюю борьбу снова вступило новгородское боярство, как встарь, изъявив желание переметнуться под власть короля. Наконец, не было для него никакого «противоречия» в планах заговорщиков перейти на сторону Польши и, одновременно, устранить законного русского монарха, возвести на московский престол его брата, Владимира Старицкого, «князя из королевой руки» — т.е. послушного польского ставленника. Бесхарактерный и недалекий умом Владимир Андреевич и впрямь годился на эту холуйскую роль. Он-то, несомненно, сразу согласился бы с уступкой Польше и Великого Новгорода, и многих других земель... И значит, в сложившейся ситуации у Грозного царя снова не оставалось никакого выбора, кроме одного: либо взять в руки карающий меч, либо отступить и погибнуть. Так, например, как ровно за год до рассматриваемых событий, 29 сентября 1568 г. пал жертвой дворцового переворота союзник Ивана — шведский король Эрик XIV, свергнутый с трона и посаженный в тюрьму родными братьями. Грозный знал и об этом... Возможно, теперь, обобщив все эти факты, любезный наш читатель яснее поймет то, что произошло в России в конце 1569 — начале 1570 года.

Получив сообщение о новой измене, государь прежде всего вызвал к себе в Александровскую сло-

¹ *Трачевский А.* Польское безкоролевье по прекращении династии Ягеллонов. — М., 1869. С. XXXI.

боду своего двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого. Но, вопреки мрачной сцене, рисуемой Эдвардом Радзинским, встреча их так и не состоялась. Большинство источников свидетельствует: в последний момент Иван сам отказался от нее. Не пожелал он также ни участвовать, ни даже видеть казнь брата-изменника. Да и сама казнь, в сущности, не была казнью — казнью достойного сильного противника. Прекрасно зная трусливое малодушие Владимира, царь лишь приказал доверенным опричникам — Малюте Скуратову и Василию Грязному — встретить князя на пути к слободе и заставить выпить яд. Так закончил свои бесславные дни последний удельный князь Старицкий, начиная с памятной весны 1553 г. по крайней мере трижды участвовавший в заговорах против брата-государя. Вместе с Владимиром были отравлены его младшая дочь и **вторая жена, приходившаяся двоюродной сестрой беглому боярину Андрею Курбскому**. Напротив, детей Владимира от первого брака — двух дочерей и сына Василия — царь пощадил и спустя год даже вернул племяннику отцовские земли¹...

Далее, на созванном Иваном заседании опричная Дума приняла решение о походе на Новгород. Для этого похода в декабре 1569 г. было собрано все опричное войско — 15 тысяч человек, — которое выступило немедленно. Ведь царь, напомним, очень спешил, стремясь успеть встретиться с митрополитом Филиппом. Не случайно его путь пролегал именно через тот тверской монастырь, где находился опальный иерарх. И все же, как мы знаем, государя опередили — опередили, возможно, лишь на несколько дней или даже часов. Опасный свидетель был убит. Иван так и не смог ни броситься в ноги своему окле-

¹ Соловьев С.М. История России. Кн. III. С. 734.

ветанному другу, ни поговорить с ним. Лютая боль и гнев переполнили его душу...

8 января 1570 г., во время торжественной встречи царя, устроенной новгородским духовенством на Великом мосту через Волхов, Иван сам порывисто остановил архиепископа Пимена, должно быть, лицемерно уже поднявшего руку в благословляющем жесте. При этом, передает Новгородская летопись, государь сказал ему прямо в глаза: «Злочестивец! В руке твоей — не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты вместе со своими злоумышленниками хочешь вонзить нам в сердце! Знаю умысел твой... хотите отчизну нашей державы, Великий Новгород, передать польскому королю. Отсель ты не пастырь, а враг церкви и Святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!..»¹ Архиепископ был арестован и отправлен в тюрьму. Подобная же участь постигла и многих других близких к Пимену представителей духовенства. Так началась расправа с новгородскими изменниками, продлившаяся до середины февраля.

Вероятно потому, что ему претило даже находиться в Новгороде, Иван приказал разбить себе лагерь вне его стен, на древнем Городище, куда каждый день приводили на допрос сотни людей. Одновременно в самом городе были опечатаны «подцерковные и домовые палаты у всех приходских церквей и кладовые именитых людей», их имущество конфисковывалось в пользу государственной казны. «Гостей (купцов), приказных, торговых людей перехватывали и отдали приставам, дома, имущества их были (также) опечатаны, жен и детей держали под стражею»². Наконец, гласит Новгородская летопись и подтверждают ино-

¹ Новгородские летописи. — СПб., 1879. С. 430.

² Саловьев С.М. Указ. соч. С. 559.

странные очевидцы, большое число новгородцев ограбили, подвергли страшным пыткам, а затем утопили¹. Впоследствии именно эти свидетельства более всего дали оснований для осуждения Ивана Грозного. Считается, что именно в Новгороде особенно проявился жестокий нрав царя, там дал он полную волю насилию и разбою своих опричников. Но не забудем: «Рассказ новгородского летописца, проникнутый глубокой симпатией к своей родине, звучит горькой жалобой и является обвинительным актом, исходящим из среды друзей и сторонников погибших в 1570 г. людей»². Следовательно, рассчитывать на его беспристрастную объективность в передаче информации явно не приходится. Касательно же свидетельств иностранцев, то, живописуя «зверства» русского царя, самим этим авторам нелишне было бы вспомнить, что у них же под боком, в европейских странах, нравы и порядки в сию пору были отнюдь не гуманнее, чем в России Ивана Грозного. Что в широком ходу у европейских монархов было тогда и колесование преступников, и сожжение, и опускание живьем в кипяток, и еще многое, многое другое, отчего у современного человека, мягко говоря, волосы могут встать дыбом (а впрочем, могут и не встать. Прогресс Homo sapiens в деле уничтожения себе подобных пошел так далеко в сравнении с наивным Средневековьем!). А посему приведем здесь лишь один факт. Знаменитый современник царя Ивана, испанский герцог Фернандо Альба (1507—1582), подавляя в 1567—1573 гг. восстание мятежных Нидерландов (Голландии), **уничтожил 18 000 (восемнадцать тысяч)** человеческих жизней. Сколь-

¹ Новгородские летописи. С. 342—343

² Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 79.

ко погибло в Новгороде 1570 года? Пусть читатель сравнит эти скорбные цифры сам.

Как подчеркивает профессиональный историк, ввиду отсутствия материалов следствия по новгородскому делу, «самым надежным источником для определения масштабов репрессий остается синодик опальных, составленный на основе подлинных документов опричного архива, отчетов опричных судей и палачей... Суммируя эти данные, можно заключить, что во время погрома погибло **2160—2170** человек, помянутых в синодике. Эти данные нельзя считать полными, поскольку многие опричники грабили и убивали на свой страх и риск. Однако число их жертв было невелико¹... Сильно пострадало в основном новгородское духовенство и торговый посад. Были, кроме того, сожжены огромные склады товаров, предназначенных на вывоз². Но «опричный разгром не затронул толщи крестьянского населения Новгорода»³. А ведь как раз крестьяне составляли большинство в 1,5-миллионном населении новгородско-псковской земли XVI столетия. Не значит ли это, что государь подверг казням и расправам не народ, но прежде всего тех, кого считал своими изменниками — изменниками общегосударственных интересов России...

Если в Новгороде Великом число казненных составило две с небольшим тысячи человек, то во Пскове, куда Грозный направился сразу после Новгорода,

¹ *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 394—395.

² Примечателен здесь такой факт. Часть своих товаров новгородские купцы держали на складах в Нарвском порту. Ведя сыск в Новгороде, царь направил в Нарву свой отряд в 500 человек. **Опричники не тронули товаров, принадлежавших коренным жителям Нарвы и иностранным купцам, но конфисковали находившиеся там товары новгородцев.** — См.: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 388.

³ Там же. С. 395.

это число не превысило (согласно синодику опальных) 30—40 человек — в основном детей боярских да двух городских приказчиков вместе с подьячим¹. 20 февраля 1570 г. были также казнены игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий, известный своими антимосковскими взглядами, и келарь Вассиан Муромцев (кстати, оба они состояли в переписке с беглым князем Курбским, оба некогда ссужали его деньгами). Остальных псковичей, будто бы уже готовившихся к самому худшему, спасло от царской расправы лишь заступничество юродивого Николы, вышедшего встречать государя с куском сырого мяса в руках.

Что же, это так: и в мемуарах иностранных участников того похода, и в псковских летописях имеются рассказы хотя и разнящиеся в подробностях, но общий смысл которых един: известный в городе «блаженный Христа ради» Никола при встрече с царем осмелился поучать его «много ужасными словесы» и предсказал большие несчастья, если он не прекратит кровопролитие. Вскоре же после этого неожиданно пал лучший царский конь, что было воспринято как начало осуществления зловещего пророчества. И, подверженный суевериям, Иван якобы в страхе бежал из Пскова²... Однако и в этом случае Эдвард Радзинский очень избирательно отнесся к используемым историческим свидетельствам, не сообщив читателю, что, помимо изложенной им версии, существует и еще один источник, рассказывающий о псковских событиях — немецкая брошюра 1572 г.³,

¹ Скрынников Р. Г. Великий государь.. С. 390.

² См: Послание Таубе и Крузе. С. 47—51; Штаден Г. Указ. соч. С. 91; Повесть о начале Псковского монастыря. — М., 1807. С. 106; Псковские летописи. Т.1. — Л., 1941. С. 116.

³ Этот источник, например, упоминает в своем исследовании Скрынников Р. Г. (Великий государь.. С. 391).

автор которой с немецкой же педантичностью несколько иначе передает некоторые детали той истории. А именно то, что не Никола встретил царя с отважно-дерзкими упреками, *но сам Иван* посетил божьего человека в его бедном жилище. *Сам пришел* к нему, дабы услышать предсказание о будущем. И Никола принял царя подобающим образом, потчует его овсяной кашей с хлебом. Эти на первый взгляд мелкие и незначительные различия в подробностях при более глубинном их осмыслении рисуют перед нами совсем не ту надуманно-броскую сцену, которую наш историк-беллетрист предлагает читателю и которая подспудно острием своим нацелена на то, чтобы вызвать у последнего не иначе как презрительное отвращение. Нет, не полоумный кликуша ткнул в лицо деспоту кровавый кусок сырого мяса со словами: «На, поешь, коль не наелся еще человечины...» И не предсказания скорой гибели устрасился Грозный царь...

Блаженные Христа ради, нищие странники, калики перехожие — **«жалкие святые Московской Руси»**, как насмешливо позволил себе выразиться наш умнейший автор. Они действительно были когда-то воплощением народной совести. Сквозь стужу и зной, сквозь боль и добровольно принимаемые лишения они шли по земле, всматриваясь в жизнь, в душу каждого, и каждый мог проверить в их взгляде и сердце свое, и веру. Как знать, может быть, *т а к о й* взгляд — единственный среди тысяч и тысяч, среди целого людского моря — остановил некогда еще молодого Ивана. Остановил своим небесным светом, простотой и мудростью, своим глубочайшим пониманием, вдруг издалека и незримо коснувшимся его. И он уже не смог не соскочить с коня. Отбросив поводья и не глядя на изумленную толпу, государь сам подошел к нему — убогому, в лохмотьях и веригах.

Так началась их дружба — дружба московского царя Ивана и московского же юродивого Василия, будущего русского святого. Дружба, на века увенчанная одним из прекраснейших в мире храмов. Ведь Василий умер совсем незадолго до решающего — 1552 г.! — похода государя на Волгу. Именно над могилой почившего друга и приказал царь выстроить храм в честь одержанной тогда победы над Казанью. *Храм Покрова Пресвятой Богородицы. Храм Василия Блаженного...*

Увы, краткое «Житие» не сохранило в полной мере содержание их бесед. Известно лишь то, что они были очень частыми, что нищий юродивый свободно приходил даже в царский дворец. Но и одна дошедшая до нас фраза, сказанная Василием государю, раскрывает многое. Понимая то сложнейшее положение, в котором находился царь, юродивый мягко и мудро просил его: «Не кипятись, Иванушка...»

С тех далеких времен прошло почти двадцать лет. И с каждым годом, мы видели, все меньше оставалось в окружении Ивана людей, способных просто, без корысти разделить его думы, подсобить душевным и тихим словом, а в минуты горчайших решений напомнить: «Не кипятись!..» Не за этим ли искренним человеческим советом пришел одним из холодных февральских дней 1570 г. в бедную лачугу псковского юродивого Николы вконец подавленный новгородскими событиями царь? Больше идти ему было некуда... «Тело изнемогло, и болезнает дух, — с беспредельной тоской напишет сам Иван в своем завещании. — Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь...»¹

¹ Послания Ивана Грозного. С. 524.

Следствие по «новгородскому изменному делу» завершилось только через полгода, уже в Москве. Собравшийся 18—20 июля 1570 г. церковный собор осудил архиепископа Пимена, лишил его сана и приговорил к заточению в Никольском монастыре города Венева. Затем, 25 июля, на большой рыночной площади в Китай-городе должна была состояться казнь еще трехсот осужденных по тому же делу. 300 человек и вывели на площадь. Однако, как сообщает очевидец Альберт Шлихтинг, в самый последний момент государь объявил о помиловании более половины из них — 184 человек. Всех этих людей тотчас отвели от эшафота и сдали на поруки земским боярам и дворянам. Казнено, таким образом, было около 116 человек¹ — в основном новгородских дворян и приказных. Но и не только новгородцев...

Горькое признание царя, высказанное в Завещании — «отплатили мне злом за добро» — являлось отнюдь не риторикой. Чудом уцелевшая опись материалов исчезнувшего новгородского дела упрямо называет имена не только новгородских участников заговора, но и московских. Согласно этой описи подлинных документов, Пимен и его люди «ссылалися к Москве з **бояры с Олексеем Басмановым и с сыном его с Федором и с казначеем Микитой Фуниковым и с Печатником Иваном Висковатым, да с князем Офанасием Вяземским о сдаче Великого Новгорода и Пскова**»². Все это были люди из самого близкого окружения Грозного, из числа главных его опричников. И присутствие в списке государевых преступников всех этих фамилий ясно говорит о том, что изменнические настроения охватили

¹ Шлихтинг А. Новое известие. С. 47.

² Описи архива Посольского приказа 1626 г. С. 257.

не только земскую знать, не только новгородскую верхушку, но и управляющих делами опричнины. Произошло печальное, но очень понятное и сегодня. Достигнув благодаря доверию и поддержке царя высочайших постов и должностей, многие из этих людей просто не выдержали сего испытания — тяжелейшего на земле **испытания властью**. Уже вскоре среди опричников началось то, что так хотел искоренить Иван и ради чего применял самые жесткие меры. Начались, как сказали бы нынче, и злоупотребление «служебным положением», и вымогательство, и неправый суд. Рано ли, поздно ли, но это должно было стать известным государю, который не пощадил бы никого. Они, руководители опричнины, по воле царя осуществлявшие разгром «гнезд» знатнейших князей и бояр, лучше всех знали об этом. Знали и могли предвидеть, что ждет их самих, откройся Ивану правда... Не этот ли низменный страх за собственную шкуру, не это ли жгучее желание любой ценой удержаться у власти, толкнуло часть новой, возвращенной царем опричной знати в предательский сговор со старой земской оппозицией? Польза от такого сговора могла быть обоюдной. Изменившие царю опричники могли обещать земцам-заговорщикам способствовать устранению Ивана и воцарению Владимира Андреевича Старицкого. Земцы же, в свою очередь, брались гарантировать сохранение в случае переворота высокого положения для государевых изменников и неприкосновенность их имущества... Открыло ли Ивану расследование новгородского дела и эту, еще одну связанную с ним страшную цепь предательств? Увы, за отсутствием документов мы ничего не можем здесь утверждать. Однако очевидец свидетельствует: именно упоминаемый в списке Афанасий Вяземский — опричный оруженосец и любимец царя Ивана — пытался пре-

дупредить архиепископа Пимена о грозящей ему опасности, о готовящемся походе Ивана Грозного на Новгород. За что был подвергнут торговой казни — бит палками на площади, а затем сослан на Волгу, в Городецкий посад, где и умер в тюрьме, «в железных оковах»¹. А потому, хотя нам и неизвестно, за что конкретно были 25 июля 1570 г. казнены упоминаемые в том же списке царский казначей Фуников, и печатник Висковатый, и виднейший опричник Алексей Басманов, лишенный жизни уже немного позднее (в то время, как сына его, Федора Басманова, вместе с семьей сослали на Белоозеро), но сама логика тех трагических событий показывает: вряд ли государь не имел достаточно веских причин для такой суровой расправы с недавними сподвижниками.

Правда, особое недоумение вызывает у некоторых историков казнь Ивана Михайловича Висковатого — умного и даровитого выходца из простонародья, сумевшего сделать блестящую карьеру при дворе Ивана Грозного и в общей сложности 23 года прослужившего царю сначала (1549—1562 гг.) в должности главы Посольского приказа (министра иностранных дел), затем (с 1562 по 1563 г.) послом в Дании и, наконец, с 1564 г. — печатником, т.е. главным хранителем государственной печати, коей утверждались важнейшие документы. Все эти годы царь верил своему канцлеру (как называли Висковатого иностранцы), авторитет которого в вопросах внешней политики был чрезвычайно высок. Висковатый продолжал высказывать свою точку зрения по этим вопросам и тогда, когда формально уже оставил руководство Посольским приказом². Так, как это было,

¹ Штаден Г. Записки о Московии. С. 96.

² В 1562 г. на этом посту И.М. Висковатого сменил думный дьяк А.В. Игнатьев. — См.: Похлебкин В. Указ. соч. Выпуск 1. С. 213.

например, в 1566 г.: тогда к тексту общего решения Земского собора, обсуждавшего проблему войны или мира с Польшей-Литвой, Иван Михайлович приложил текст своих «особых речей», то бишь особого мнения.. Почему же вдруг столь неожиданно и страшно — на плахе — оборвалась жизнь знаменитого дипломата? Был ли причиной тому донос, ложное обвинение в измене, как сообщает Альберт Шлихтинг, или реальная вина? За что не пощадил старого дьяка Грозный царь? Прямого и однозначного ответа на этот вопрос действительно нет. В своем тексте Эдвард Радзинский вовсе и не ищет его, просто смакуя подробности казни. А потому нам с вами, внимательный и терпеливый читатель, вместе пытающимся все же понять действия Ивана, остается лишь задуматься, вспомнить, а щадил ли когда-нибудь кто-нибудь самого Грозного? Щадила ли его жизнь?..

НОВЫЕ ЗАМЫСЛЫ И НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Конец 1569 и следующий 1570 год были все же тяжелы не только из-за одного новгородского дела. Как мы говорили выше, в сентябре 1568 г. лишился власти свергнутый с престола союзник Ивана — шведский король Эрик XIV, а значит, аннулированным оказался и ранее подписанный между ними договор о дружбе. Грозилась новая война со Швецией, и, отмечает историк, «Иван мог лишь сорвать злость по поводу этой своей дипломатической неудачи, арестовав послов, присланных новым шведским королем с объявлением разрыва договора 1567 г. Но изменить антирусский характер шведской внешней политики это не помогло»¹. К власти в Швеции пришел брат Эрика — король Юхан III, сторонник союза с Польшей и злейший враг Москвы. Свое правление он начал с того, что ограбил и посадил в тюрьму русских послов. Провозглашенная им Великая восточная программа, как показывают исследования Б.Н. Флоря, ставила целью захват и включение в состав Шведского королевства не только тех земель в Прибалтике, кото-

¹ *Похлебкин В.В.* Указ. соч. Выпуск 2. Кн. 1. С. 165.

рые были заняты Россией, но и Карелии, и Кольского полуострова¹...

Не оправдались надежды и на союз с Англией. Королева Елизавета, как выяснилось, очень хотела получать солидные доходы от англо-русской торговли, но вмешиваться в Балтийский конфликт прямой поддержкой далекой Московии отнюдь не входило в ее намерения. Согласно инструкции, данной королевским министром лордом Сесилем отправлявшемуся в Россию английскому посланнику Томасу Рандольфу, он обязан был вести с царем Иваном *«общие и благопотребные речи»*, но фактически уходить от реальных соглашений². Равно как отклоняла Англия и неоднократные предложения Грозного жениться на племяннице Елизаветы — графине Марии Гастингс, чем царь думал скрепить намечаемый договор³... Ввиду всех этих неудач перед Иваном вставала насущная необходимость искать новых союзников, как за гигантской шахматной доской, просчитывать иные внешнеполитические ходы. И, будучи в Новгороде, он, несомненно, думал над ними. Хотя буря гнева, бушевавшая в душе царя, не могла не отразиться на его действиях.

Послание, отправленное английской королеве в 1570 г. (о котором упоминает и наш всезнающий автор), и впрямь вышло крайне резким. Однако не потому исключительно, что Елизавета не захотела ни сама стать женой царя, ни выдать за него свою племянницу, как тщится представить читателю Эдвард Радзинский, переводя весь конфликт в чисто лично-

¹ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. — М., 1978.

² Толстой Ю. Указ. соч. № 15. С. 45, 48.

³ В 1569 г. умерла царица Мария Темрюковна, и Иван имел право на новый брак.

стную плоскость, объясняя настойчивое желание царя жениться на английской принцессе только ненасытной похотью деспота. Весьма сомнительно допустить, что запамятовал г-н писатель-историк: брак между монаршими особами в те времена символизировал прежде всего политический и военный союз между их странами. Именно в таком союзе России и Англии был остро заинтересован Иван, добываясь руки принцессы. И коль скоро Елизавета отказалась поддержать Россию, то отказ сей был вполне логично воспринят царем и как государственное, и как личное оскорбление. Он ответил Елизавете со всей присущей ему страстностью, не скрывая презрения к ней, «пошлой девице», от имени которой правят «торговые люди», кои «о наших о государских головах и о чести и о прибыли земле не думают, а ищут только своих торговых прибытков»¹. Для него это было невыносимо. Одновременно он полностью отменил все привилегии, ранее предоставленные созданной англичанами Московской торговой компании². Вероятно, и это тоже было для царя невыносимо — позволить кому-то безвозмездно, за одни лишь «благопотребные речи» наживаться на русских богатствах.

Гораздо более тонко повел Иван дело с объединенной Речью Посполитой, которую хотя бы на время требовалось нейтрализовать. Зная, что старый противник — Сигизмунд-Август — не меньше его самого измотан десятилетней войной, царь согласился в марте месяце на предложенные королем перегово-

¹ Послания Ивана Грозного. С. 333.

² Кстати, конкретным поводом к такому шагу стала поимка на мошенничестве одного из английских купцов. — См. *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 729.

ры и уже в мае 1570 г., невзирая на огромное количество взаимных претензий, подписал с ним перемирие сроком на три года¹. Полученную таким путем передышку Иван немедленно использовал для организации антишведской коалиции и, кроме того, осуществления давно вынашиваемого плана — создания в Прибалтике вассального от России «Ливонского королевства».

Во-первых, это вновь создаваемое под русским протекторатом Ливонское государство — «своего рода политическое изобретение» Грозного², должно было стать буфером, прикрывающим Россию от западных, агрессивно настроенных к ней соседей. Чтобы подчеркнуть внешне независимый характер «королевства», Иван поставил во главе его даже не русского вельможу, а пригласил... датского принца (герцога) Магнуса. Весь блеск данного замысла будет еще более понятен читателю, если он учтет следующие «детали» царского плана. Во-первых, в случае согласия принца Магнуса стать правителем Ливонии русский государь тут же получал себе в союзники и брата Магнуса — короля Дании Фридриха II. А ведь именно Дания являлась главным и многовековым врагом-соперником Швеции на Балтике, и сам Фридрих вот уже седьмой год подряд ожесточенно воевал со шведами. Следовательно, лучшего союзника для России в борьбе со Швецией трудно было бы и придумать...

Во-вторых, акт провозглашения Ливонского королевства обеспечивал поддержку Ивану и местной ливонской феодальной знати, до этого момента откровенно враждебно относившейся к русским вла-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 393

² Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 110.

стям. Король, приглашенный со стороны, устраивал ее гораздо больше. Грозный также гарантировал ливонскому дворянству сохранение всех его старинных законов, прав и вольностей, давал полную свободу лютеранскому вероисповеданию. В силу чего, по словам современника, «очень многие тогда радовались и ликовали в Ливонии»¹. Если же учесть, что почти все ливонское рыцарство было генетически связано с Германией, то не трудно понять, что добрые отношения с ним открывали царю Ивану и возможности для союза с немецкой империей Габсбургов. Такое выгодное положение могло бы помочь ему словно тисками с двух сторон зажать непомерно разросшуюся Польшу и не допустить ее объединения со Швецией против России. Все это говорит о «верном, стратегически глубоком понимании царем расстановки сил в Европе и о его точном видении проблем русской внешней политики»².

План начал осуществляться стремительно. Конечно, малоземельный датский герцог Магнус (Арцмагнус Крестьянович русских летописей) сразу согласился с выгодным предложением Грозного царя стать его вассалом (голдовником) в обмен на ливонскую корону. Тогда же, в мае 1570 г., по прибытии в Москву, датский принц был торжественно провозглашен «королем Ливонским». Подписанные тогда грамоты гласили, что Иван передает в управление Магнусу все свои ливонские земли и обязывается предоставить ему военные и материальные средства, чтобы он мог расширить эту территорию за счет шведских и литовско-польских владений в Ливонии. Одновременно царь давал ливонцам право свобод-

¹ *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 111.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 167.

ной беспошлинной торговли в России и, в свою очередь, требовал от них также свободно пропускать в Москву иностранных купцов, художников и техников¹. Союз скрепили женитьбой Магнуса на племяннице Грозного — княжне Марии, дочери казненного Владимира Андреевича Старицкого...

Только проделав всю эту сложную дипломатическую подготовку, отмечает историк, Иван начал непосредственные военные действия против Швеции. В июле—августе 1570 г. возглавляемые герцогом Магнусом русские войска в Ливонии подошли к Ревелю (Таллину), принадлежавшему шведам. 21 августа началась осада. Если бы город удалось взять, то в руки русских перешло бы все побережье Балтики до Риги. Однако 30-недельная осада успехом не увенчалась, и 16 марта 1571 г. войска были вынуждены отступить. Неудача эта произошла главным образом потому, что датский король Фридрих не выполнил своих союзнических обязательств и не оказал никакой поддержки брату. Напротив, в самый разгар осады, фактически предавая и Грозного, и Магнуса, король Фридрих заключил 13 декабря 1570 г. Штеттинский мир со шведами, тем самым позволив им высвободить морские силы и отправить на помощь осажденному Ревелю. «Таким образом, Ивана IV вторично за два-три года подвели союзники, на которых нельзя было полагаться... Вся тщательно продуманная и своевременно осуществленная (царем) дипломатическая операция рухнула, русско-датский союз не состоялся².

Как часто бывало раньше, Грозный вновь остался один на один со своими врагами, врагами России.

¹ *Виттер Р.Ю.* Указ соч. С. 111; *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 166

² Там же. С. 167—168.

Помочь Магнусу присылкой дополнительных войск он не смог. Герцог бежал, со шведами срочно требовалось заключать перемирие. Ибо в это же самое время — время осады Ревеля — на русские земли вновь пришла Крымская орда. Основные военные силы, и особенно артиллерию, Иван принужден был сосредоточить на юге, против 120-тысячного войска Девлет-Гирея. Войска, щедро снабжаемого и направляемого не столько самим крымским ханом, сколько его верховным сюзереном — Османской империей...

Ведь невзирая на все попытки Грозного поддерживать мир с могущественным турецким султаном, Стамбул так и не смог ни простить, ни смириться с потерей своих верных вассалов на Волге — Казани и Астрахани. Уже с 1569 г., объявив России «священную войну в защиту ислама», султан Селим вместе с Девлет-Гиреем начали новое наступление на южно-русское пограничье с главной целью: отвоевать Нижнее Поволжье и изгнать оттуда русских.

Об этом, например, в отличие от Эдварда Радзинского, хорошо знал безымянный сербский хронист XVI в., сообщая под 1569 г. о походе турецких янычар на Астрахань, о том, что «воинствующе Турци... на Казань, на Русе»¹. Именно тогда, весной 1569 г., в степях Приазовья произошло соединение двух крупных войск агрессоров: 17-тысячной османской армии (имевшей 100 пушек) и 40 тысяч крымчаков, к коим также примкнули ногайцы. Используя эти силы, султан планировал прорыть канал между Доном и Волгой и осадить Астрахань. Но, соединить две великих реки, «прокопав переволоку», туркам не удалось. Следовательно, не смогли они переправить на Волгу и

¹ *Стојановић Л.* Стари српски родослови и летописи. — Београд, 1927. С. 258.

свои «каторги» (галеры) с тяжелой артиллерией¹, необходимой для осады крепости. Кроме того, надвигалась суровая зима, к которой османы готовы не были. Это и спасло город. Понеся значительные людские потери, крымско-турецкие войска отступили. Временно...

Уже через год — в сентябре 1570 г., поддерживаемые османами, крымчаки и ногайцы вновь подвергли страшному опустошению рязанскую окраину, земли близ Рыльска, Тулы, Дедилова. Однако, начиная свой кратенький рассказ-зарисовку об этом нашествии на Русь Девлет-Гирея, уважаемый наш автор по привычке не упомянул о его предыстории. Так же, как, полностью приписывая инициативу агрессии только одному крымскому хану, избегает говорить г-н Радзинский о том, кто реально стоял за спиной вассального крымского царька. Но Иван Грозный об этом знал. Как давно, еще со времен споров с «Избранной Радой», знал государь и о том, что любой серьезный конфликт с Крымом тут же может перерасти в прямое столкновение с сильнейшей на тот момент военной державой в мире — Османской империей. Такого столкновения Русское государство выдержать еще не могло. А потому государь всегда был крайне осторожен в своих посланиях в Стамбул и Крым, регулярно отправляя туда дружественные посольства, а после событий 1569—1570 гг. даже согласился на важные уступки: предлагал совместное с Крымом владение Астраханью.

Но набеги все-таки продолжались. И тогда зимой 1571 г. в Москве было принято решение полностью реорганизовать систему обороны южных границ.

¹ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. — М., 1946. Т. I. С. 111.

Задумывалось создание новой засечной черты с целым рядом крепостей. Именно чтобы «не допустить реализации этого плана, Девлет-Гирей (немедленно!) в апреле 1571 г. двинулся на Москву»¹. Царь выступил ему навстречу к Серпухову. Но крымцы обошли укрепленные позиции опричного войска. Как пишет историк С.М. Соловьев, некие «государевы изменники», «новокрещенные татары», указали Девлет-Гирею брод на Оке, переправившись через которую он смог ударить с фланга и прорваться в центр страны — к столице. Что должен был предпринять в этих условиях Иван? Г-н Радзинский без тени сомнения сообщает, что царь неожиданно и позорно бежал на север. «Беззащитная Москва была брошена на произвол судьбы. Так он боялся». Но профессиональный исследователь отмечает здесь все же другое: «Иоанн, отрезанный от главного войска, поспешил отступить из Серпухова в Бронницы, оттуда — в Александровскую слободу, а из слободы — в Ростов, как то делали в подобных случаях и **предшественники его, Дмитрий Донской, Василий Дмитриевич**»².

В самом деле, и победитель Мамай³, и многие другие прежние русские князья при неожиданных нашествиях степных орд действительно, оставляя Москву, уходили на север государства — уходили, чтобы собирать силы и рано ли, поздно ли, но вновь вступать в бой: такова была тяжелая реальность истори-

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 128.

² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 607.

³ Общеизвестен исторический факт того, что через два года после великой победы на Куликовом поле (1380 г.) Дмитрий Донской, ввиду отсутствия необходимого количества войск, не смог в 1382 г. защитить Москву от нашествия хана Тохтамыша. Столица была беспощадно разграблена и сожжена.

ческого бытия России. Никто и никогда не пытался поставить им это в вину. А значит, нет вины и на Грозном, ровно через год жестоко отплатившем Девлет-Гирею за Москву, зверски сожженную татарами в мае 1571 г.

Каким образом это было достигнуто? Сразу после ухода степняков летом 1571 г., казнив главу опричного войска князя Михаила Черкасского (допустившего прорыв крымской орды в центральные районы) и князя В.И. Темкина-Ростовского, отвечавшего за оборону столицы (а вместе с ними и еще одного воеводу — В.П. Яковлева, печально прославившегося во время недавней осады Ревеля незаконными грабежами и убийствами), царь сосредоточил все внимание на укреплении южной границы. Учитывая горький опыт минувшей трагедии, он теперь с особой суровостью требовал от каждого полка, каждого воеводы самого точного знания и неукоснительного исполнения своей задачи по охране государственных рубежей. Были приняты также меры на случай ударов крымцев с фланга. В целом на юг отправилось 20-тысячное объединенное войско земцев и опричников, а к весне 1572 г. там завершили строительство мощной подвижной крепости — Гуляй-города. Все это время у Ивана на столе среди прочих бумаг наверняка лежало вызывающе презрительное послание Девлет-Гирея, несколько оборванных фраз из которого передает в своем не менее презрительном повествовании и г-н Радзинский. Хан гордо заявлял: все богатства мира для него ничто, праху подобны в сравнении с Казанью и Астраханью — и требовал вернуть их. Вернуть кровавую власть Орды над Русью... «Вернуть?! — глухо шептал государь, в который раз перечитывая кривые злобные строки. — Нет! Не бывать тому! Сам у меня сгинешь!..»

Новое нашествие Девлет-Гирея летом 1572 г. стало для него роковым. Отступив год назад, русские теперь разбили крымцев с такой сокрушающей силой, какой они не знали никогда. И главным героем этой победы был не командующий русскими войсками старый князь Михаил Воротынский, как сказано в тексте Э. Радзинского. Подлинным героем решающего сражения 2 августа стал молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин, формально занимавший еще только пост второго воеводы передового полка¹. Именно благодаря его смелым маневрам в битвах при деревушке Молоди была наголову разгромлена отборная татарско-ногайская конница, троекратно превосходившая своей численностью русские силы. В плен попал главнокомандующий крымскими войсками — знаменитый Дивей-мурза, погибли сын и внук Девлет-Гирея, а сам хан позорно «тотчас пошел назад», устранившись вестью о подходе еще одной резервной русской рати из Новгорода². Словом, сражение это было так велико и беспощадно, что исследователи относят его к **«числу значительнейших событий военной истории XVI века. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром крымской орды под Москвой в 1572 г.**

¹ «На его исключительные заслуги в войнах с татарами указывал осведомленный современник Д. Флетчер. За два года до битвы 2 августа 1572 г. при Молодах Хворостинин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся во время войны с татарами в 1572 г. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем принял на себя командование Гуляй-городом во время решающего сражения 2 августа. — См.: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 188.

² ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе¹. Так сказался стратегический дар и непреклонная воля русского царя Ивана Грозного...

Любопытны грамоты, коими обменялись царь и хан уже после «побоища при Молодях», восстанавливая, так сказать, «дипломатические отношения»... Увы, как и все вышесказанное, они тоже выпали из «кадра» нашего мастера исторической миниатюры. Но пусть внимательный читатель все же ознакомится с ними в пересказе знаменитого русского историка. Без комментариев...

Девлет-Гирей, отправляя в Москву своего нового посла, наказывал говорить Ивану: «Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много. В длину его ход девять месяцев, поперек — шесть месяцев, а мне (все-таки) не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него и кроме них еще много городов останется. Не даст Казань и Астрахань, то хотя бы дал одну Астрахань. Потому **что мне срам от турецкого (султана): с царем и великим князем воюю, но ничего с ним сделать не могу.** Ежели только даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану. (Голоден не буду: с левой стороны у меня литовский король, а с правой — черкесы, стану их воевать, и от них еще сътей буду: ходу мне в те земли только два месяца туда и назад)».

На сию предельно откровенную тираду Иван отвечивал так. Словам твоим, хан, не верю. Знаю: **«сейчас против нас одна сабля — Крым, (а коли отдам тебе, что просишь, будет) тогда Казань вторая сабля, Астрахань — третья, ногаи — четвертая».** Посему не дам ничего. Что же

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 188.

до поминков, то «поминки (подарки) передаю тебе с послом легкие (малые). Потому как сам писал мне, что деньги тебе не надобны и все богатства мира для тебя — прах»¹. Царь смеялся. Он имел на это право... И лишь воистину жаль, что сей громкий, раскати-сто-победный смех, на все времена сохранившийся в старинной царской грамоте (грамоте, коя сама по себе достойна целого романа), тоже оказался *неуслышанным* нашим всезнающим телеисториком.

Был и еще один важный, но оставшийся за рамками интересов г-на Радзинского, результат знаменитой победы 1572 г. Вероятно, героически-смелые и в то же время предельно четкие, слаженные действия объединенных земских и опричных войск при отражении нашествия Девлет-Гирея показали царю Ивану, что его опричная политика в целом достигла своей цели. В стране постепенно укреплялся тот твердый порядок, благодаря которому она смогла в максимальные сроки сконцентрировать силы на нужном направлении и остановить агрессора, доселе считавшегося неодолимым. Потому, как полагают историки, уже в дни празднования одержанной победы Иван принял решение об отмене опричнины, т.е. счел возможным отменить чрезвычайное положение в государстве, введенное семь лет назад, в начале 1565 г. Причем опыт, полученный в течение этих непростых лет, он сознательно передавал своим наследникам. Не случайно Завещание Грозного гласит: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, (пусть так) и чинят, **а образец им учинил готов**»².

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 609—610.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — М. — Л., 1950. С. 444.

...Однако 1572 г., точнее, конец его жаркого лета, совпавшего с огненной военной страдой, стал переломным не только для внутренней политики Ивана, но и для всего международного положения России. Едва была достигнута победа над крымцами, пришла весть о том, что 7 июля умер старый польский король Сигизмунд II Август, последний из рода Ягеллонов. Умер, не оставив наследника мужеска пола, и значит, гордой шляхетской республике предстояли теперь долгие трудные выборы нового монарха, делавшие польский трон предметом жестоких споров и откровенного торга как внутри самой Речи Посполитой, так и за ее пределами. Претендентов на наследство Ягеллонов уже с самого начала объявилось предостаточно. Но удивительное складывалось положение. Если использовать современную терминологию, то наибольшую популярность среди польско-литовского «электората» имел, с самого же начала «предвыборной гонки», отнюдь не германский император Максимилиан II и даже не французский принц Генрих Анжуйский (Валуа). Нет. Стать королем Польским (случись действительно *выборы*) шансов больше всех было у... русского самодержца Ивана IV. А поскольку уже хотя бы слабое, хотя бы искаженное упоминание об этом далеко не малозначительном событии из биографии Грозного **совершенно отсутствует** в тексте телесказителя Э. Радзинского, то попробуем немного дополнить его и здесь...

Итак, в сентябре 1572 г. Москва встречала польского посланника Федора Зенковича Воропая, прибывшего с официальным предложением русскому царю о выставлении его кандидатуры или кандидатуры его сына, царевича Федора Ивановича, для выборов на сейме польским королем и великим князем Литовским. Но... особой неожиданностью сие торжественное приглашение ни для кого там не стало. Еще

во время переговоров о заключении перемирия 1570 г. польские послы довольно прозрачно намекнули Ивану, что после смерти старого бездетного короля некоторые сенаторы Речи Посполитой намерены избрать себе государя «словенского роду»¹. Однако русскому царю польская корона была не нужна, гораздо важнее были для него интересы собственного государства, и он лишь спокойно и веско ответил тогда послам, что выбора не добивается, а если все же поляки хотят его в государи, то «вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели, дабы христианство было в покое»² (царь имел в виду скорейшее заключение перемирия).

Совсем не то было в Речи Посполитой. За избрание на польский трон московского Рюриковича выступало не только православное население обширной территории Украины и Белоруссии. Кандидатура Ивана, свидетельствуют документы, поддерживалась значительной частью польско-литовской шляхты, «недовольной бессилием королевской власти и всевластием магнатов»³. Другими словами, она, шляхта (мелкое дворянство), вдоволь натерпевшись от самоуправства и притеснений со стороны высшей аристократии (вспомним хотя бы «подвиги» князя Курбского на Волыни), хотела над ней более твердой управы со стороны короля. Но король был слаб. Король был полностью зависим от решений Большого сейма, состоявшего из ясновельможных панов радных, сиречь из той же аристократии. Зависим до такой степени, что без согласия сейма не мог даже собрать ополчение в случае войны. А принятие реше-

¹ Сб. РИО. — СПб., 1892, т. 71. С. 593.

² Цитата по кн: *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 276.

³ *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 472.

ний панами-радой очень часто затягивалось на месяцы и годы, превращаясь в торг за новые «права и вольности». Все это делало основное население государства практически беззащитным и от внешних вторжений — особенно из соседнего Крыма¹ (далеко не случайно Девлет-Гирей сообщал Грозному, что «голоден не будет»). Так славная «золотая вольность» оборачивалась хаосом, бедствиями. И свободолюбивая шляхетская республика все чаще заглядывалась в сторону самодержавной Москвы...

Небывало мощный разгром Крымской орды, учиненный русским государем летом 1572 г., только усилил его авторитет в глазах шляхты. Как передавал в Париж один из французских дипломатов, тогда «не было человека, который не сознавал бы очевидных выгод прочного мира и соединения двух великих и могущественных государств»². Речь Посполитая готова была немедленно признать Ивана Грозного своим королем. Уверенность в необходимости и правильности такого выбора, более того, уже в фактическом его свершении, настолько овладела тогда людьми, что в Польше быстро стала распространять-

¹ Вот как писал об этом хорошо знакомый с жизнью польской аристократии А.М. Курбский: «Здесьшний король думает не о том, как воевать с неверными, а только о плясках да маскарадах. Также и вельможи знают только пить да есть сладко. **Пьяные они очень храбры:** берут и Москву и Константинополь, и если бы даже турок забрался на небо, они и оттуда готовы его достать. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят, встанут чуть живы, с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, узнав о варварском (татарском) нашествии, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают с своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом и, походивши два дня или три, возвращаются домой **и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят**» Цитата по кн: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 613.

² Трачевский А. Польское бескорольевье. С. 257.

ся даже русская мода. Польские красавицы спешно шили себе наряды по московским покроям¹.

Несомненно, хорошо зная все это, что ответил русский царь на официальное обращение польского посланника? Вслушаемся в его речь. Как и два года назад, она вновь была абсолютно спокойна, полна державного достоинства, хотя и сквозил в ней едкий политический сарказм... «Пришел ты ко мне от панов своих польских и литовских и принес от них грамоту с извещением, что брат мой Сигизмунд-Август умер, о чем я и прежде слышал, да не верил, потому что *нас, государей, часто морят, а мы все, до воли божией, живем*... Но теперь уже я верю и скорблю о смерти брата моего, особенно же жалею о том, что отошел он к господу богу, не оставивши по себе ни брата, ни сына, который позаботился бы о его душе и о теле по королевскому достоинству. Ваши *паны польские и литовские теперь без главы, потому что хотя в Короне Польской* (Польском государстве. — Авт.) *и Великом княжестве Литовском* и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всеми управляла, к которой бы все вы могли прибегать, как потоки (реки) к морю стекают. Не малое время были мы с Сигизмундом-Августом в ссоре, но потом дело начало было клониться и к доброй приязни между нами. (К сожалению), до того как приязнь эта окончательно утвердилась, господь бог взял его к себе. (А между тем) за нашим несогласием, бусурманская рука высится, а христианская низится и кровь разливается. Если ваши паны, будучи теперь без государя, захотят меня взять в государи, то увидят, какого получают во мне (в моем лице) защитника и доброго правителя.

¹ Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 276.

Сила поганская (татарская) тогда выситься не будет, **да не только поганство, ни сам Рим, ни одно другое королевство не сможет против подняться, ежели земли ваши будут заодно с нами!**.. (Касательно же того, что) в вашей земле многие говорят, будто я зол: **правда, я зол и гневлив, не таю сего. Однако, пусть спросят меня, на кого я зол?** Я отвечу, что, кто против меня зол, на того и я зол, а кто добр, тому не пожалею отдать и эту цепь с себя, и это платье»¹. Так говорил Иван Грозный, прямо подчеркивая, кто в ком нуждается, кто выступает в роли просителя, а кто волен диктовать условия. Он и назвал их Ф.З. Воропаю. Главным условием согласия на свое избрание царь ставил уступку Польшей Ливонии в пользу России. Причем в качестве компенсации предлагал вернуть полякам «Полоцк с пригородами»²...

Выдвигая это на первый взгляд слишком простое, открытое и заведомо невыполнимое для Речи Посполитой условие, Иван словно допустил ошибку. Ошибку, способную значительно сократить число его приверженцев в Польше-Литве... Но Грозный не был бы Грозным, не поступи именно так. Всегда крайне скептически относясь к выборной монархии, к государям не «прирожденным» (т.е. ненаследственным), но избранным на престол **«многомятежным чело-веческим хотением»**, русский самодержец XVI столетия, очевидно, не хуже нашего знал, сколько стоит сие «хотение». Ему была доподлинно известна вся помпезная ложь этих «выборов», когда, в сущности, наплевав на волю «всенародства», на желания

¹ Historica Russiae Monumenta. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. — Т. 1 СПб., 1841 № 163. С. 229-232; См. также: *Трачевский А.* Указ. соч. С. 252—254.

² Там же.

шляхты, многие польские *паны-рады, имеющие действительное право голоса в сейме*, зачастую просто продавали свои голоса тому или иному кандидату. Продавали за деньги новые пожалования, звания и почести. Так же, как, в свою очередь, давая присягу хранить нерушимо все права и вольности для аристократии, стремился подороже продаться и сам претендент на корону Польскую... Следовательно, стать королем в результате такого «избрания» мог лишь тот человек, который соглашался быть всецело исполнителем только воли высшей аристократии — воли к расширению ее собственных привилегий и земель. Вряд ли большинство ясновельможных панов-рады допускало, что на такую роль подходит зело суровый русский царь, еще отец и дед которого отняли у Польши-Литвы плодороднейшие земли Чернигова и Смоленска, а сам он отвоевал Полоцк. Вряд ли и Иван считал реальным свое избрание. А потому не пожелал даже серьезно участвовать в этой грязной, переполненной личными амбициями купле-продаже. В отличие от других кандидатов на престол, любыми правдами и неправдами стремившихся склонить на свою сторону возможно большее количество польских избирателей, Грозный, как пишет историк, *«не удостоил их даже обмана и обольщений*, не снарядил блестящего посольства к ним, не прислал даже простого гонца»¹. Нет, с присущей ему пронизательностью московский государь поступил более тонко. Выслушав предложения польского посланника, он, как бы усмехаясь, тут же поставил перед Речью Посполитой такое неприемлемое для нее ответное условие, узнав о котором паны радные должны были бы сами отказаться от своих слов...

¹ Трачевский А. Указ. соч. С. 418.

Гораздо существеннее была для Ивана мысль о том, что, отправляя к нему своего посла с официальным приглашением принять участие в выборах, паны-рада втайне преследовали совсем другую цель: втянув в процесс выборов, как можно более долго удержать его от активных военных действий в период польского бескоролья. Для него это бескоролье и впрямь явилось чрезвычайно благоприятным, поскольку вывело из борьбы за Ливонию одного из основных противников России, по собственному выражению царя, более всех «пртивоборствовавшего» ему. Стремясь использовать этот момент, Грозный бросил все свои основные силы именно в Ливонию. Наступал третий, самый удачный период его войны за Прибалтику.

Был возобновлен договор с герцогом Магнусом, и уже 1 января 1573 г. русские войска штурмом взяли крепость Пайду, крупнейший (после Ревеля) опорный пункт шведов в Ливонии. Победа омрачилась для царя лишь тем, что в ожесточенном том сражении пал его ближайший опричник Малюта Скуратов. Как и в 1563 г. под Полоцком, Иван сам командовал войсками¹. Он бросал на стены крепости свои лучшие отряды, причем некоторые из них состояли из наемников-ливонцев.

Историк подчеркивает: это была новая, оригинальная идея Грозного — набирать (вербовать) для русской армии наемников, знакомых с европейской системой боя. И вербовать именно в Ливонии, где по причине долгих непрерывных войн было много разорившихся людей и отвыкшей от работы молодежи, которая «охотно принималась за солдатское ремесло. Типичную фигуру того времени представляет, например, первый в Москве предводитель наемников,

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 134.

которому Грозный поручил вербовку, Юрген Фаренсбах (или Юрий Францбек, как его окрестили русские): ливонский дворянин, совсем ещё молодой, но успевший побывать на службе чуть ли не во всех европейских странах, — в Швеции, Франции, Нидерландах, Австрии, — Фаренсбах попал в плен к русским и прямо из тюрьмы получил свое новое назначение; он набрал семитысячный отряд и впервые показал свое мастерство» при разгроме орды Девлет-Гирея¹. Это было летом 1572 г., а уже зимой 1572—1573 гг. ливонец Фаренсбах, как видел читатель, вместе с царем Иваном штурмовал прибалтийские крепости.

Европейский хронист с явным недовольством писал по этому поводу: «Во веки веков прежде не слышно было, чтобы ливонцы и чужеземцы так верно служили Московиту, как в эти годы... Добрые старые ливонцы отреклись от Московита, но много молодых, также и старых ливонцев перешли на его сторону, несмотря на то что Московит без устали домогался их отечества и публично говорил, что не оставит Ливонии в покое до тех пор, пока не вырвет с корнем всю сорную траву, т.е. всех ливонских дворян и немцев. Несмотря на то что ливонцы по своей слепоте и неразумию всеми силами старались, чтобы Московит как можно скорее и легче уничтожил их»².

На самом деле речь шла не об уничтожении. Речь шла о налаживании сотрудничества. Московский царь привлекал в русскую армию обедневшее ливонское рыцарство подобно тому, как раньше, во время войн в Поволжье, принимал он под свою державную руку приходившие к нему многочисленные

¹ *Виннер* Р.Ю. Указ. соч. С. 112.

² Там же.

отряды казанских татар, мордвы, чувашей. Эти отряды сражались под русскими стягами и теперь, в Прибалтике. Внимательный читатель, должно быть, помнит, какой смертельный ужас наводила на противника, к примеру, татарская конница еще в начале Ливонской войны. Эта же сокрушительная сила рождавшегося разноликого, но единого российского воинства явственно проявилась и во время побед 1572—1577 годов.

А что же Речь Посполитая? Разумеется, она с тревогой взирала на успешные действия Грозного против шведов, понимая, что очень скоро может наступить и ее черед. Едва миновало полгода после первого официального обращения, как она вновь направила к царю посла с приглашением принять участие в выборах короля. Правда, на сей раз предложение это звучало более конкретно и осторожно. Так, в апреле 1573 г., найдя царя в Новгороде (Иван уехал туда, чтобы быть ближе к ливонскому фронту), посланник Михаил Гарабурда обратился к нему с вкрадчивыми словами о том, чтобы государь выдвинул на выборы уже не свою собственную кандидатуру, а кандидатуру своего младшего сына Федора. Ведь, напомним, «магнатам не нужен был сильный король». Федору же, в отличие от отца и старшего брата, свойственна была крайняя мягкость характера. Кроме того, «в случае избрания Федора Россия должна была отдать Речи Посполитой Смоленск, Полоцк с окрестными крепостями и «иные замки и волости». Наконец, вместе с Федором царю Ивану и наследнику царевичу Ивану Ивановичу надлежало подписать обязательство сохранять все шляхетские вольности и при надобности расширить их»¹. Факти-

¹ Трачевский А. Указ. соч. С. 258; Скрынников Р.Г. Великий государь... С. 473, Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 114.

чески, Польша, приглашая на свой трон русского царевича, намеревалась осуществить почти то же самое, что проделала она при объединении с Литвой: взяв в короли великого князя Литовского, она одновременно отторгла от Литвы в свою пользу крупнейшее Киевское воеводство и Волынь...

Допустить такое Грозный, конечно, не мог. Ответ его Гарабурде был резким. «Корона мне не новина, — сказал Иван, — а сын мой (Федор) молод, и государством ему править не мочно. Да и не девка он, чтоб за него приданое вам давать». Далее царь уже без обиняков заявил, что согласен только на наследственное владение польским престолом для себя и своих детей, что признает только полное, «на века», объединение с Россией Речи Посполитой, а не заключение всего лишь тесного политического союза между ними. Требовал также свободы для православной церкви в пределах Польши. Наконец, категорически отвергая любые земельные уступки со своей стороны, царь потребовал вернуть ему древнюю столицу Руси — Киев. Если же таковые условия Речь Посполитую не устраивают, заключал Грозный, то он, отказываясь от польской короны, согласен взять под свою власть одно Литовское княжество и присоединить его к России так же, как оно было присоединено к Польше в результате унии 1569 г. А коль и этот вариант станется нехорош для панов радных, тогда пусть лучше просят короля у «германского цесаря», пусть изберут его сына...¹ И это снова был тонкий дипломатический ход, обращенный уже даже не к полякам, но гораздо дальше. Называя в качестве кандидата на польскую корону австрийского эрцгерцога Эрнеста, русский царь тем самым как бы давал дейст-

¹ *Трачевский А.* Указ. соч. С. 258—260; *Саловьев С.М.* Указ. соч. С. 523—527.

венный ответ его отцу — германскому императору Максимилиану II, еще в прошлом, 1572 г., приславшему Ивану свою грамоту...

Внимательный читатель наверняка помнит: Священная Римская империя германской нации долгие века жаждала заполучить себе земли западной Польши. Заполучить путем их раздела с Россией... Первая попытка такого (правда, лишь частичного) раздела была предпринята 58 лет назад, в 1514—1515 гг. императором Максимилианом I и отцом Ивана Грозного, русским государем Василием III, при деятельном участии будущего двоюродного деда Ивана — знаменитого шляхтича князя Михаила Глинского. Теперь, более полувека спустя, «германский цесарь», стремясь воспользоваться ослаблением Речи Посполитой ввиду бескорольевья, решил возродить давние планы (как сказали бы нынче) «раздела сфер влияния». В личном письме от 20 ноября 1572 г. Максимилиан II предлагал Ивану IV осуществить уже не частичный, а полный раздел всех польских земель пополам. Так, чтобы в результате одного все этнические польские земли (Великая Польша, Мазовия, Куявия, Силезия) отошли бы к империи, Москва же получила Ливонию и Литовское княжество со всеми его владениями — т. е. Белоруссией, Подляшьем, Украиной¹. (Что и говорить, при цесарском дворе не хуже, чем в кремлевских палатах, хорошо помнили, какие громадные территории были некогда отторгнуты соседями от исторической Руси). Иными словами, у Ивана появилась удачная возможность без войн и без опереточных «выборов в король» вернуть Московскому царству земли, утраченные прежними Рюриковичами. Соглашение было

¹ *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 169, 574.

заключено¹. Царь принял решение поддержать предложение императора.

Слухи об этом договоре вызвали настоящую панику в Речи Посполитой и заставили вельможную знать поторопиться с выборами короля². В 1573 г. им стал французский принц Генрих Валуа. (Его «предвыборная программа», озвученная на сейме французским послом Жаном Монлюком, кстати, была весьма эффективна: кандидат на престол обещал создать для Польского государства флот, покончить с «нарвской» (русской) торговлей на Балтике, реорганизовать Краковскую академию, отправив за свой счет на учебу в Париж сотню молодых шляхтичей³, и т.д., и т.п.) Но... сами же поляки очень быстро возненавидели своего нового избранника. Король оказался предельно ленив и глуп. Он не знал ни польского языка, ни международной (в те времена) латыни, а потому сидел на заседаниях сейма с немым безразличием, до крайности раздражая заносчивых ораторов. Все остальное время монарх, избегая общества поляков, проводил в узком кругу друзей-французов, за карточ-

¹ Как отмечает историк, «границы предполагаемого раздела Польши почти точно совпадали с разделом на сферы влияния, осуществленным спустя 365 лет по договору Мологов—Риббентроп!» (1939 г.). — *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 169.

² Кроме того, передает историк, в Польшу с литовских кордонов шли «ужасные вести: «Сын Ивана Грозного подступает с войском к Полоцку, следом за ним идет сам царь промышлять над нами. А мы сидим без помощи, каждый из нас весь погрузился в интриги этого избрания» — *Трачевский А.* Указ. соч. С. 453.

³ *Трачевский А.* Указ. соч. С. 421—424, 498—499. Кстати, **особые обязательства** были даны тогда г-ном Монлюком от имени Генриха Анжуйского — литовским представителям на сейме, сенаторам Сиротке Радзивиллу и Яну Ходкевичу. Они весьма любопытны и ярко живописуют, сколь «добрыми» были отношения между поляками и литовцами. Так, от будущего короля литовские сенаторы требовали: «Все отнятое у Литвы Москвитянами, возвращается ей в прежних владениях. Точно так же безусловно отдаются ей **захваченные у нее Польшею земли вольнские, киевские и брацлавские...**» См. там же, с. 436.

ной игрой и в пьяных — до утра — оргиях, что тоже не могло вызвать особых симпатий. Впрочем, Генрих платил «подданным» такой же горячей взаимностью. Сию минуту после получения письма от матери — знаменитой королевы Екатерины Медичи — письма, в котором она сообщала сыну о смерти его брата, французского короля Карла IX, Генрих, не поставив в известность сейм и тем более не дожидаясь «разрешения» сиятельных панов-рады, **тайно бежал из своего королевства** 18 июня 1574 г. Бежал, чтобы занять опустевший французский престол. Корона Польская была ему и впрямь безразлична...

Вот когда воочию подтвердилась скептическая формулировка Ивана о тщетности и ненадежности власти «многоятежного человеческого хотения»... Года не прошло после избрания на польский престол французского принца, как Речь Посполитая была поставлена перед необходимостью созыва нового избирательного сейма со всеми характерными для него вельможными склоками и публичным торгом, напроць отвлекающими от решения реальных проблем государства. Как вполне справедливо отмечал еще в XIX столетии историк А.С. Трачевский, государственные вопросы там «запутывались в сетях мелких личных интриг, при которых самые отвратительные преступники выходили сухими из кругом облепившей их грязи. Они обращались благодаря наивной откровенности шляхетской демократии в колоссальный скандал, клеймивший страну позором перед лицом всей Европы»¹.

Во вновь стартовавшей «предвыборной гонке» основное количество голосов разделилось уже между тремя кандидатами: германским императором Максимилианом, русским царем Иваном и семиград-

¹ Трачевский А. Указ. соч. С. 447.

ским воеводой Стефаном Баторием. Причем последний, с одной стороны, был ставленником Османской империи, с другой, его неусыпно опекал Ватикан, тоже имея свои виды на молодого талантливоего полководца из Трансильвании¹. Таким образом, в борьбе за польский престол сомкнулись интересы двух доселе непримиримо — столетиями! — враждовавших сил — римско-католической церкви и исламской Турции. Что толкнуло их на такой немислимый шаг? Что принудило Стамбул забыть многочисленныи антиосманские лиги, то и дело сколачивавшиеся римскими папами? А святейших отцов, в свою очередь, забыть море христианской крови, пролитой турецкими янычарами? Забыть и, не мешая друг другу, словно сообща поддержать одного и того же кандидата?..

Вероятно, после разгрома Крымской орды летом 1572 г. и последовавших русских побед в Ливонии, это было не что иное, как страх. Как ясное осознание общей угрозы от крепнущего нового противника (вернее, старого, которого прежде удавалось побеждать, но который теперь все более становился способен победить сам). Этим противником, грозившим сломать все их вековые захватнические планы, для Ватикана и Стамбула была Московская Русь, был ее **Грозный царь**. Отныне его любыми средствами требовалось остановить. И осуществить сей замысел надлежало новому королю Речи Посполитой. Но об этом чуть позже. А пока...

А пока, вновь оказавшись без монарха и вовсе не ведая о планах, намечавшихся далеко от Варшавы,

¹ Быть ревнителем и защитником «истинной католической веры» едва только родившемуся Стефану предсказал, посетив проездом фамильный замок Баториев, не кто иной, как Антонио Поссевино — папский легат и знаменитейший член ордена иезуитов. — См.: *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 452—453.

Кракова и Вильно, литовская и польская шляхта уже помимо официальных обращений сама стала просить царя Ивана занять польский престол. Как свидетельствуют исторические документы, дошло до того, что многие паны откровенно писали Грозному, сколько и кому следует заплатить, какие почести обещать, дабы обеспечить в свою пользу исход голосования, и даже присылали **образцы грамот**, которые нужно поскорее направить от имени царя участникам избирательного сейма. С такими «рекомендациями» обращались в Москву, например, и минский каштелян Ян Глебович, и примас Яков Уханский, и виленский каштелян граф Ходкевич. Глебович, кстати, обращаясь к Грозному, особо старался отметить, что «ни один (государь) кроме Вашей Царской Милости бусурманской руки и силы стерти не мог бы. Того для сердечно от господа нажидаю, чтобы Ваша Царская Милость нашей земли государем был»¹. Однако, читая все эти многочисленные грамоты, Иван по-прежнему оставался почти безучастным к выборам в Речи Посполитой. По-прежнему слишком мало доверяя «выборному спектаклю», разыгрываемому панами-радой, и не желая тратить огромные деньги для их подкупа, он в ответных посланиях только кратко благодарил обращающихся к нему шляхтичей, обещая им свою милость. Но с присылкой собственных официальных грамот и официального же представителя на варшавский избирательный сейм — тянул. Порицая эту недостаточную активность Грозного, граф Ходкевич в беседе с русским послом Ельчаниновым в сердцах заметил: царь «точно через пень колоду валит»². И хотя по настоятельным советам одного Ходкевича Иван в авгу-

¹ *Бестужев-Рюмин К.* Указ. соч. С. 284.

² *Послания Ивана Грозного.* С. 650.

сте 1575 г. все-таки написал несколько грамот к польско-литовским магнатам, они тоже были весьма сдержанны и скупы. Гораздо более существенными, нежели «обработка» членов сейма, царь считал в это время действия на полях сражений.

Чтобы возможно более полно сосредоточиться именно на этом вопросе, государь в октябре 1575 г. передал часть своих полномочий служилому татарскому хану Симеону Бекбулатовичу, специальным указом назначив его главой боярской Думы, а затем правителем земщины — с титулом «великого князя всея Руси». К сожалению, сей шаг Ивана Грозного, как и его опричнина, шокирует и вызывает у большинства историков острейшие споры. «Каких только предположений (они) не высказывали, пытаясь разгадать это «загадочное» поставление! — пишет митрополит Иоанн. — Каких только мотивов не приписывали царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец, просто «прихоть тирана»... (Не допустили) лишь одного: что Симеон Бекбулатович действительно управлял земщиной (как, скажем, делал князь-кесарь Ромодановский в отсутствие Петра I)»¹. И это совершенно простое на первый взгляд замечание церковного писателя по сути своей глубоко верно. Вынужденный постоянно, а в тот момент — особенно часто — покидать столицу, уезжая то в Новгород, то непосредственно к войскам в Ливонию, Ивану необходим был такой человек в Москве — для ведения текущих государственных дел. Вспомним: еще двадцать лет назад, уходя в походы на Казань, молодой государь оставлял вместо себя править страной митрополита Макария, наказывая боярам и прочей знати со всеми вопросами обращаться именно к нему. Вот и теперь,

¹ *Иоанн (Снычев)*. Указ. соч. С. 183.

желая сконцентрировать все внимание на решении ливонской проблемы, Иван распорядился на время возглавить земщину своему подчиненному — татарскому вельможе Симеону Бекбулатовичу. **Но титул царя и высшие prerogatives власти государь всецело оставил за собой.** Как только — менее года спустя! — необходимость в «великом князе Симеоне» у Ивана отпала, он немедленно сместил его с этой должности, отправив управлять Тверским княжеством. И это обстоятельство лучше всего подтверждает то, что, назначая нового «великого князя», сам Грозный вовсе не думал отречься от престола, как пытаются доказывать некоторые историки. Речь шла о мере сугубо временной и не имеющей никакого отношения к смене правителя, а уж тем более — правящей династии...

Впрочем, упоминая о «воцарении» хана Симеона, Э. Радзинский, прямо игнорируя и исторические факты, и все вышеозначенные мнения, как всегда с «младенчески-невинной» усмешкой на ядовитых устах предлагает читателю совсем другую версию — версию о том, что это было только очередным злобным спектаклем царя-актера. Что это было «политическое шоу, полное смысла. Кланяясь жалкому татарскому хану, — пишет автор, — (Иван) как бы напоминал Руси, кто освободил ее от татарского ига, кто завоевал Казань и Астрахань, кто превратил некогда грозных ханов в жалкое посмешище, предмет для царских игрищ. В следующем году игра наскучила, и царь согнал с трона ничтожного Симеона».

Вряд ли требует комментария, каким неприкрытым презрением полны эти слова. Но презрения уже не только к Ивану, а вместе и к тому человеку, которому государь доверил управление страной. А был этот, как выражается г-н Радзинский, «ничтожный» Симеон Бекбулатович (до принятия крещения —

Саин Булат Бекбулатович) родным внуком последнего золотоордынского хана Ахмета. Того самого Ахмета, с коим у родного деда Ивана Грозного — великого князя Ивана III — произошло в 1480 г. знаменитое «стояние на Угре». Стояние завершилось бесславным отступлением и бегством войск Ахмета, которые князь Иван не счел тогда нужным ни атаковать, ни преследовать. А двадцать два года спустя он же принял под свое державное покровительство изгнанных из распавшейся Орды, лишенных отцовского трона **сыновей** Ахмета... Но подобно тому, как еще в самом начале своих «историко-психологических» заметок наш уважаемый автор, запамятовав, спутал «стояние на Угре» с совершенно иным событием, очень многое забыл он сказать читателю и теперь, вскользь упоминая о «жалком» татарском князе-наместнике...

Сказать, например, о том, что «жалкими» в Москве никогда не считали ни татарских вельмож, ни вообще представителей каких-либо других племен и народностей¹. Была борьба, было упорное — веками! — стремление отстоять свою землю от захватчиков. Но никогда не было ни ненависти, ни презрения к тем, кто приходил с миром, кто искал помощи и защиты. Это высокое нравственное свойство, этот изначально проводимый московскими князьями принцип этнической терпимости, как определял его известный историк Л.Н. Гумилев, «позволил Москве закрепить лидирующее положение, завоевать доверие, а значит, поддержку не только русских княжеств, но и самых разных народов не-

¹ Как раз наоборот: например, будущий отец Ивана Грозного — великий князь Василий, уходя в 1509 г. в поход на мятежный Псков и не имея в тот момент собственных детей, назначил **официальным наследником русского престола татарского царевича Худай-Кула (в св. крещении Петра)**...

объятного Евразийского континента, стать для них центром притяжения. Иван Калита и его последователи стали принимать служилых людей исключительно по деловым качествам, независимо от племенного происхождения, — пишет современный исследователь. — Все они — и голубоглазые славяне, и скуластые выходцы из Орды, и рослые литовцы — на государевой службе были абсолютно равны. У них были одинаковые права и обязанности, равные шансы сделать карьеру и положить начало новому московскому роду»¹.

Потому-то и нет ничего ни удивительного, ни тем более позорного в том, что со временем двор московского государя стал напоминать «каталог этнографического музея, где были представлены немецкие, греческие, татарские и литовские имена». Но переданное в тексте Эдварда Радзинского это хрестоматийное высказывание историка напрочь лишено своего подлинного смысла, а скорее звучит укором, едкой насмешкой, сравнимой разве что со словами Стефана Батория, кои тот напишет в одном из посланий Ивану Грозному. Упрекая московского царя в родстве и былой покорности его предшественников татарским ханам, Баторий высокомерно съязвит: «Ты, который кровь свою с ними помешал, которого предкове (предки)... кобылье молоко, что укапнуло на гривы татарских шкап (кобыл), лизали»².

Очевидно, ни одному, ни другому из вышеназванных авторов не удалось понять, какая великая духовная сила, после столетий кровавого противо-

¹ *Жарников А.* Москва, сотворение нации. — Мир России. 2002. № 1. С. 4.

² Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. — М., 1843. Т. 2. С. 205.

борства, все же примирила, объединила русских и татар. Объединила и повела под знаменитый победный клич степняков «ура!» громить старинные замки католических рыцарей-крестоносцев в Прибалтике...

Так, зимой 1575/76 г. московские войска перешли по льду на острова Эзель, Даго, Моон, взяли приморские крепости Апсаль, Пярну, Гельмет, что означало — Россия овладела не только выходом к Финскому и Рижскому заливам. В руках Грозного оказалось почти все балтийское побережье от Ревеля до Риги. В 1576 г. голдовник царя герцог Магнус захватил важную крепость Лемзаль, находившуюся в 60 верстах от Риги. Тогда как другая русская армия трижды подступала к Ревелю (Таллину).

Как всегда у Ивана, эти походы были тщательно подготовлены, ибо «обнаружили огромные запасы царя. Например, к началу осады Ревеля у русских было 2000 бочек пороху. Они выпустили по городу до 4000 ядер и зажигательных снарядов. Отбивши два приступа, ревельцы в ужасе обратились к германским городам с мольбой о помощи, указывая на свое положение как передового поста всех европейских государей и городов на Балтийском море: русские, (зывали они), придут еще и еще раз; если Ревель перейдет под власть московитов, падет вся Ливония; тяжело выдерживать напор яростного врага; особенно после неудач он «подобен дикому медведю, который, будучи ранен, делается еще отважнее и страшнее»¹.

Это наступление не остановили ни весть об избрании на польский престол в декабре 1575 г. Стефана Батория, ни, следовательно, крушение плана раздела Речи Посполитой между Москвой и Габсбурга-

¹ *Bunтep* P.Ю. Указ. соч. С. 120.

ми. Ведь Грозный был прекрасно информирован о том, что на выборах в Польше случился грандиозный скандал. Что за семиградского воеводу Батория 15 декабря 1575 г. проголосовала лишь часть избирательного сейма, в то время как всего тремя днями раньше, 12 декабря, другая, более значительная часть польской аристократии (сенат) все-таки объявила своим королем иного претендента, а именно — союзного на тот момент царю Ивану германского императора Максимилиана II Габсбурга. Оба новопровозглашенных монарха получили официальные приглашения занять престол, и оба вовсе не собирались от него отказываться. Вопрос об их правомочности зависал в воздухе, и решить его могла только реальная военная сила того или другого из соперников. Польша, таким образом, опять оказалась перед фактом бескоролья... при двух королях.

Все же более решительно и быстро стал тогда действовать, в отличие от престарелого и больного Максимилиана II, энергичный венгерец Стефан Баторий. Уже 8 февраля 1576 г. он поспешил присягнуть на верность *Rata conventa* — своеобразной «хартии вольностей» польского дворянства, а 1 мая торжественно короновался в Кракове. Однако напомним: Батория поддерживала лишь часть шляхты, а потому фактически весь 1576 и 1577 гг. ушли у него на борьбу со сторонниками Габсбурга. Особенно много неприятностей доставил ему мятежный Данциг (Гданьск) — богатейший торговый город в Прибалтике. Даже после того, как кандидатура Максимилиана отпала естественным образом — после смерти старого императора в октябре 1576 г. верный ему Данциг продолжал оказывать Баторию яростное сопротивление, категорически не желая признавать его королем... Дело решилось просто: 24 сентября 1576 г. Данциг был объявлен государст-

венным изменником, а 13 февраля 1577 г. Баторий начал против него настоящую войну — с участием войск и артиллерии. Но лишь 12 декабря 1577 г. благодаря мощной канонаде город удалось взять и покорить...

Воюя так против собственных подданных, новый король не преминул сразу же оскорбить и соседа. Например, отправляя в августе 1576 г. первых послов к Ивану IV с официальным извещением о своем восшествии на престол, Баторий, грубо нарушив все дипломатические нормы, в преамбуле своей грамоты не назвал русского государя царем и не включил в состав его титула княжеств Смоленского и Полоцкого, тем самым прямо указывая на то, что имеет претензии на эти земли¹ — в полном соответствии с традициями прежних польских королей. Что ж, Иван ответил ему подобающим образом...

23 января 1577 г. 50-тысячная русская армия снова взяла в осаду Ревель² — главный опорный пункт в северной Ливонии шведов — союзников Стефана. К городу подкатили 44 осадных орудия (особенно отличились тогда пушки «Соловей», «Певец» и «Лев»), в день русская артиллерия метала по 300 ядер. Но мощная крепость держалась. От тяжелого ранения скончался командующий осадой князь Иван Шереметев (так сдержал воевода свое слово, данное царю: либо взять крепость, либо сложить под ней голову). В марте осаду пришлось снять. Русские сожгли свой лагерь и отвели войска от городских стен.

Однако к лету наступление возобновилось — теперь уже на южную Ливонию, захваченную поляками еще в самом начале войны. Причем положение Польши резко ухудшилось тем, что Ивану удалось догово-

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 394.

² Бестужев-Рюмин К.Н. Указ. соч. С. 288.

риться с крымским ханом, и одновременно с русским наступлением на прибалтийские владения Речи Посполитой крымские татары осуществили набег на принадлежащие полякам Киевщину, Волынь и Подолию. Это были действительно страшные месяцы. Как отмечает историк, «воители не знали теперь никакой пощады... жгли и разоряли (все), чтобы не оставить противнику никаких опорных пунктов. Шел двадцатый год адской, неслыханно длинной войны. Забыты были все средства привлечь расположение местного населения. Осталась лишь одна мысль о завладении территорией, хотя бы только с остатками народа. Перед опустошительным ужасом налетов все никло, все бежало в отчаянном страхе»¹. В июле царь, лично возглавляя войска, выступил из Пскова. И почти сразу же ливонские крепости, эти «претвердые германские грады», как писал сам Иван, начали сдаваться ему без боя, а немецко-ливонское рыцарство переходить на русскую сторону. (Оно и понятно. Поляки презирали ливонцев. Сами же ливонцы за пять предыдущих лет бескорольвья и полной анархии окончательно утратили доверие к польским властям). В августе царские войска захватили Крейцбург, Динабург, Кокегаузен и разрушили Кирхгольм под Ригой. Позже пали Вольмар, Ронненбург, Венден, Смильтен, Трикатен. «Впечатление от военного счастья царя Ивана было таково, что весь август и сентябрь 1577 г. Запад жил самыми фантастическими слухами о силах и планах московского царя... Еще в феврале 1578 г. нунций Викентий Лаурео с тревогой доносил в Рим, что «московит» разделил свое войско на две части: одну ждут под Ригой, другую под Витебском»².

¹ *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 121.

² Цитата по кн. *Штаден Г.* Указ. соч. С. 19.

Отныне «вся Ливония по Двину (т. е. вся собственно Ливония — Лифляндия и Эстляндия), за исключением только двух городов — Ревеля и Риги, была в руках русских»¹. Грозный ликовал. Неимоверно тяжкими усилиями, но цель, поставленная двадцать лет назад, была достигнута. «С помощью всемогущей божьей десницы... — писал тогда сам Иван, — вся Лифляндская земля учинилась в нашей воле»². А значит, можно было начинать создавать постоянный русский флот, восстанавливать старые и строить новые крепости на отодвинутых к морю рубежах Отечества. Большого ему было не нужно. Большого он не желал... Не случайно, давая 10 сентября в Вольмаре свой победный пир, Грозный позвал на него не только своих бояр и воевод. Он позвал на пир и всех своих знатных пленников, среди которых находился даже бывший правитель бывших польских владений в Ливонии — гетман Александр Полубенский. Щедро угостив, царь, свидетельствует хронист, *дарил пленным литовцам «шубы и кубки, а иным ковши жаловал», после чего все были отпущены на родину.*

Но триумф сей, почти на полтора столетия предвосхитивший знаменитые баталии императора Петра, вот уже какой век предан черному забвению, о нем вспоминают лишь походя, как малозначительное событие, не принесшее России серьезных исторических последствий. Однако таковые все же имелись. И главным из них было то, что, упорно прорываясь к Балтике, Петр Великий прямо шел по стопам своего не менее великого (но с более трагической, жестокой долей) предшественника. Гениальные строки Александра Пушкина, посвященные импера-

¹ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 504

² Послания Ивана Грозного С. 383.

тору-победителю, по справедливости могли бы быть обращены и к Грозному царю...

Пирует Петр! И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен!
При кликах войска своего
В шатре своем он угощает
Вождей своих, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих —
Заздравный кубок поднимает!..

Основное же различие между этими государями заключалось в их политике по отношению к Западу. В том, что если Иван Грозный, ясно сознавая насущную необходимость для России экономического и научного сближения с европейскими странами, вместе с тем был очень чуток и осторожен в вопросах духовно-религиозных, никогда не позволяя Западу что-либо диктовать России именно в данной сфере, то императору Петру этой осторожности как раз и не хватило. Запад ослепил его блеском своих научно-технических достижений. И, открывая дорогу на Русь европейскому влиянию, он не понял, что одновременно открыл дорогу и многим разрушительным либеральным идеям, уже тогда существовавшим на Западе. Именно эти идеи, придя в Россию главным образом через масонские ложи, и нанесли самый тяжелый, губительный удар нашему духовному иммунитету...

Но вернемся к Грозному. Все-таки историческая судьба его победы в Ливонской войне действительно складывалась не столь удачно, как победа Российской империи в Северной войне сто с лишним лет спустя. В XVI веке русскому государю не удалось

отстоять и прочно закрепить свои завоевания в Прибалтике, что, собственно, и дало повод некоторым исследователям (а вслед за ними и «популяризатору истории» г-ну Радзинскому) объявить Ливонскую войну Грозного царя абсолютно бессмысленной, даже преступной тратой государственных сил, закончившейся полным фиаско. Но... почему так случилось? Только ли недальновидность политики «тирана» была тому причиной? Перелистаем еще раз тяжелые тома старинных хроник и новейших монографий...

**ОБЩЕКАТОЛИЧЕСКИЙ
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
ПРОТИВ РОССИИ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
СТЕФАНА БАТОРИЯ:
ПРИЧИНЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ**

Как явствует из текстов самого Грозного, утверждение на Прибалтийском плацдарме границ Московского государства он считал не только необходимым, но *и законным*. В многочисленных посланиях, обращенных к польским королям и вельможам, царь, опираясь на реальные исторические факты и документы, не уставал доказывать: Ливония — древняя «государева вотчина» еще «от великого князя Ярослава, сына великого Владимира, а во святом крещении Георгия, который завоевал Чудскую землю и поставил в ней город, названный по его имени Юрьевым, а по-немецки Дерптом, а затем от великого государя Александра Невского, Ливонская земля... обязалась платить дань (Руси), и они (ливонцы) неоднократно присылали бить челом прадеду нашему, великому государю и царю Василию, и деду нашему, великому государю Ивану, и отцу нашему, блаженной памяти государю и царю всея Руси Василию, о своих винах

и нуждах и о мире»¹. Обо всем этом, подчеркивал Грозный, у русских хранятся соответствующие грамоты и договоры. Следовательно, отвоевывая (или, по выражению самого царя, «очищая») свою «Лифляндскую вотчину», он действовал абсолютно справедливо. Цель его была не в захвате чужого, но лишь в возвращении того, что издревле принадлежало Руси. Тогда как претензии Польши на эти же земли исторически совершенно необоснованны, ибо Ливония никогда прежде польским королям не подчинялась².

Теперь эта цель была достигнута, и Грозный, не желая более воевать, немедленно предложил новоизбранному королю Стефану Баторию прекратить старое, затянувшееся противостояние. «Ты б о том досаду отложил, — писал царь, — и с нами нежитья не хотел, занеже то не при тебе делалось». Вполне логично указывая, что «тебе (Стефану) было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с княжества Семиградского на королевство Польское и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю». В грамоте от 12 сентября 1577 г., врученной (для передачи королю) отпускаемому в Польшу гетману Полубенскому, Иван Грозный прямо посоветовал Баторию, чтобы тот «на кровопролитье бы еси хрестьянское не прагнул (не стремился) и послов своих к нам с почестивостью, для братские приязни посылал неомешкаючи»³.

Однако мира не получилось. И вовсе не по вине «агрессивности» царя Ивана... Едва расправившись в

¹ Послания Ивана Грозного. С. 379—380.

² Там же.

³ Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 2. С. 28—29.

декабре с непокорным Гданьском, король Стефан уже 19 января 1578 г. добился от Варшавского сейма решения о начале новой войны с москвитом. Практически же эти действия короля являлись продолжением старой борьбы. Той извечной, непримиримой и беспощадной борьбы Польши против России, *продолжать которую было одним «из главных обязательств, данных Баторием при его избрании»*¹. Выполняя это обязательство, Стефан еще в октябре 1577 г. отдал свой первый приказ о наступлении на русские позиции. Отдал как раз тогда, когда Грозный, рассчитывая на мирное соглашение, только что вывел уставшие московские войска из Ливонии, оставив лишь укрепленные гарнизоны в занятых городах. В результате этого неожиданного нападения русские потеряли сразу две мощные крепости — Венден и Двинск. Так, выполняя волю своих фактических хозяев, с первого шага явно не по-рыцарски (вопреки навязываемому г-ном Радзинским романтическому представлению о нем как о короле-рыцаре), начал действовать бывший семиградский воевода. Так незамедлительно могли убедиться в правильности осуществленного выбора и те, кто возвел на престол именно его, *Батория, одного из самых талантливых и опытных полководцев того времени.*

Лишь спустя год, за который он успел не только отвоевать у русских ряд ливонских замков, но и быстро реорганизовать по западноевропейскому образцу польское войско, состоявшее из нерегулярного и трудно управляемого шляхетского ополчения, усилить пехоту и усовершенствовать артиллерию, Стефан уже официально объявил войну России.

¹ Смирнов И.И. Указ. соч. С. 82.

Причем в начале военных действий обвинил... самого русского царя¹. Но и об этом весьма неприглядном моменте телесказитель Радзинский в своем повествовании даже не упомянул, с восторгом рисуя образ благородного польского короля — полную противоположность трусливого московского тирана... Нет. Вопрос, как всегда, стоял значительно глубже. И речь шла не только и не столько о «рыцарской чести» того или иного правителя, сколько о жестком столкновении давних политических интересов. Столкновении не на жизнь, а на смерть.

Задайся автор разбираемого текста целью хотя бы немногими основными чертами *действительно* раскрыть читателю ту сложнейшую внешнеполитическую ситуацию, в которой оказался Иван IV на последнем, самом трагическом для России изломе Ливонской войны, г-н Радзинский обязан был бы тогда сказать не только о причинах и обстоятельствах нового наступления Речи Посполитой (а он этого не сделал совершенно). Обязан был автор сказать и многое другое, к сожалению, вряд ли уместившееся бы на тех не полных двух страничках, что отведены у него для событий конца Ливонской войны. А дела развивались следующим образом.

Блестящая победа Грозного в 1577 г. серьезно обеспокоила не только Краков и поддерживающий его Ватикан. До поры до времени Священная Германская империя нейтрально относилась к намерениям русских утвердиться в Прибалтике, а иногда, помнит внимательный читатель, негласно поддерживала их (хоть и не без собственной корысти). Но как только дело дошло до реальных успехов Московии, границы

¹ См. эту королевскую грамоту: Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. С. 206.

которой вплотную подошли к балтийскому побережью, настроения при дворе немецких Габсбургов резко изменились. Изменились так, что даже Польша мгновенно перестала быть для Германии и врагом, и объектом агрессии. Врагом стала Россия...

Особенно вскипели страсти на Регенсбургском рейхстаге, заседавшем с июля по октябрь 1576 г. Помимо прочих общеимперских дел, именно «русский вопрос» вызвал самые жаркие прения среди его участников. Именно там, отмечает историк, возник первый немецкий «план контрагрессии, направленной на Московскую державу; его развивает пфальцграф Георг Ганс, ярый враг Москвы, еще в 1570 г. **предлагавший организовать германский флот на Балтийском море для разгрома русской морской торговли.** Вскоре после Регенсбургского рейхстага пфальцграф сближается со Штаденом¹ и знакомится с его проектом завоевания Московии»². Проект бежавшего из России служилого немца настолько пришелся по сердцу Георгу Гансу, что он незамедлительно ознакомил с ним и императора... Надо сказать, что любопытный этот документ был составлен, как полагают некоторые историки, на основе подробных записей, сделанных автором еще на Руси. Найденный в Ганноверском архиве и только в 1925 г. опубликованный в России под весьма обычным, малопримечательным заглавием — Генрих Штаден, «О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника», он в действительности имел другое, более откровенное и жесткое название: «План обращения Московии в имперскую провинцию».

¹ Немцем Генрихом Штаденом, долгое время служившим в опричных войсках Ивана Грозного, но потом бежавшим из России

² Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 122.

Интересны конкретные детали сего «проекта»: Штаден, во-первых, предлагал для отвлечения Грозного от Ливонии создать ему новый фронт в Поморье, на севере, нанести удар со стороны Студеного моря, откуда он не ждет нападения. Далее подробнейшим образом расписываются все северные морские пути, коими имперским войскам следует добираться до России, в устья каких рек заходить кораблям для высадки десанта, какими дорогами и к каким городам войскам двигаться уже после высадки, где и что грабить в первую очередь. Скрупулезно оговаривается также, сколько вообще людей и артиллерии потребуется для осуществления намечаемой операции, даются указания точных расстояний между городами, объясняется, где надо создать военные базы и как велики должны быть оставляемые в городах гарнизоны. Например, Штаден пишет: «Когда будет занято свыше 300 миль вдоль морского берега и в глубь материка вдоль течения Онеги, следует в Каргополе на перевале, где начинается течение рек, впадающих в Волгу, устроить большой укрепленный лагерь». Или такой совет: «С отрядом в 500 человек — половина мореходцев — следует занять Соловецкий монастырь. Пленных, взятых с оружием в руках, надо **увезти в империю на тех же кораблях. Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать и на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом**»¹.

Касательно судьбы самого русского царя Ивана, то Штаден считал, что государя «вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо (тоже)

¹ Штаден Г. Указ. соч. С. 69—70.

увезти в христианскую землю (т. е. в империю). Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там, в присутствии его и обоих его сыновей, убить их так, чтобы они (т. е. великий князь и его сыновья) видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то и по 50 трупов; одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо бросить затем в реку и пустить вниз по течению»¹. Такой вот действительно продуманный до последней «мелочи» план был представлен Генрихом Штаденом в 1578 г. на личное рассмотрение новому германскому императору Рудольфу II...

Одновременно Георг Ганс с целью организации широкой антирусской коалиции европейских государств и подготовки их общего наступления против Москвы отправлял посольства в Швецию, Польшу, Пруссию, в города Ганзейского союза. Над изнуренной 20-летним противоборством страной вновь сгустились тяжелые тучи войны.

Обстановку усугубило и новое внутреннее предательство. Еще в ходе летнего наступления 1577 г. у русского царя возникли проблемы с его вассалом (голдовником) — принцем Магнусом, которого Иван сам сделал королем Ливонии. Случайно или не случайно (о том у историков свидетельств нет), но

¹ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 74.

принц Магнус, сын герцога Саксен-Люнебургского, близкий родственник германского императора и короля Шведского, именно в момент решающих военных успехов русского государя вдруг выразил недовольство условиями заключенного с царем союза. В частности, выступая из Пскова с войсками, Грозный предупредил Магнуса о том, что отдает под его власть лишь три крепости в центральной Ливонии — Каркус, Салис и Лемзаль. Герцогу разрешалось в ходе наступления расширить эти владения, но так, чтобы южной их границей стала река Говь (Гауя). Южнее этой реки он имел право взять себе только один город Венден (Кесь), все остальные должны были принадлежать самому царю... И тогда, вероятно, оскорбленный этим ограничением и, кроме того, стремясь воспользоваться общим стремительным наступлением русских войск, Магнус, рассылая призывы к населению переходить на его сторону, предпринял попытку явочным порядком захватить под свою власть гораздо больше городов, чем позволил ему царь. Возмущенный самовольством голдовника, Иван 25 августа отправил ему грамоту со строгим порицанием¹. Как передает ливонский хронист, вызвав Магнуса в ставку, царь сказал ему: «Глупец! Я тебя принял в свою семью, одел, обул, а ты восстал на меня...»², однако продержав некоторое время под арестом, Иван затем с миром отпустил герцога в его владения... Ошибка? Да, это было ошибкой. Но ведь и победа была уже так близка. И так не хотелось думать о дурном.

Царь не знал, что уже в начале того похода, как свидетельствует в своем дневнике гетман Александр По-

¹ См.: Послания Ивана Грозного. С. 503—504.

² См.: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 238.

лубенский, герцог Магнус изменил своему сюзерену, тайно связавшись с его врагом — Стефаном Баторием¹, и вел с ним переговоры о сепаратном мире². Увы, эта измена стала очевидной лишь полгода спустя, когда Магнус, сбежав из Ливонии, окончательно перешел на сторону Речи Посполитой³. Но что-либо менять было уже слишком поздно. Агрессия началась...

Агрессия, осуществляемая одновременно двумя государствами — Речью Посполитой и Швецией, но которая, по сути своей, сразу приняла характер общеевропейского и общекатолического крестового похода против Руси. Сам папа римский прислал Стефану Баторию на Рождество 1579 г. освященные им специально для похода на Москву шлем и меч (не случайно в одном из посланий Грозный отмечал, что Баторию удалось поднять на него «всю Италию», т.е. всю католическую Европу). Столь популярные нынче технологии формирования общественного мнения были известны и хорошо работали уже тогда. Авторы многочисленных «летучих листков» без устали прославляли польского короля — защитника христианства, его же противника, русского царя, соответственно, рисовали чудовищем, с коим необходимо покончить. «Дезинформированные этими листками, европейские государства охотно поставляли наемников в ряды армии Стефана Батория»⁴, где, помимо

¹ Донесение — Дневник А.И. Полубенского: см. Труды X археологического съезда в Риге в 1895 г. — М., 1900. Т. 3.

² *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 138.

³ *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 172, 395. Бежав из России, герцог-изменник до самой смерти в 1588 г. жил в бедности. В отличие от мужа, хлебнув горя на чужбине, его вдова, племянница Грозного Мария Владимировна Старицкая, вместе с дочерью все-таки вернулась в Россию, где и скончалась уже во время царствования Федора Ивановича.

⁴ *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 139.

литовцев и поляков, были и профессиональные немецкие ландскнехты, и знаменитая венгерская пехота, французы, итальянцы, и даже 600 запорожских казаков. Общая численность войск Речи Посполитой составила, таким образом, 41 814 человек. Швеция располагала 17-тысячной армией и кроме того имела лучший в Европе флот.

Россия же после двадцатилетней титанической борьбы на западном фронте могла сосредоточить не более 35 000 войск. Соотношение было явно неравным. И все-таки, как свидетельствует польский (!) хронист, оказавшийся тогда при королевском дворе, знаменитый турецкий Магмет-паша мудро заметил Стефану Баторию: **«Король берет на себя трудное дело; велика сила московитов, и, за исключением моего повелителя** (т.е. турецкого султана. — Авт.), **нет на земле более могущественного государя»**¹. Очень вероятно, что, говоря так, министр Османской империи имел в виду не столько реальную численность русских войск, сколько... силу их духа. Силу их убежденности в своей правоте, их непреклонную волю и решимость сражаться до конца. Эту же «поразительную уверенность в себе»² Грозного царя в самый тяжелый момент Ливонской войны не без удивления отмечал более 300 лет спустя совсем другой человек — католический историк, иезуит Павел Пирлинг. Да, Иван твердо сознавал свое моральное превосходство в борьбе с врагом. Он верил, что правда на стороне России, — ибо не она совершает агрессию, не по ее вине льется «кровь христианская». А потому на-

¹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне — СПб., 1889. См. также: Винтер Р.Ю. Указ соч. С. 132.

² Pierling P. La Russie et le Saint-Siege. T. II. — Paris 1897. P. 69.

деялся одержать победу. Даже королевского гонца Венцеслава Лопатинского, в 1579 г. привезшего от Батория «разметную грамоту»¹ — крайне грубо составленное официальное объявление войны, — Грозный отпустил, указав при этом, что «которые люди с такими грамотами ездят, и таких везде казнят: да мы, как есть государь христианский, твоей убогой крови не хотим»².

Первый удар польские войска нанесли в направлении Полоцка — древнего русского города, 16 лет назад отвоеванного Грозным у короля Сигизмунда-Августа. Мощная крепость была ключом ко всей Ливонии. И стратегический замысел Батория как раз состоял в том, чтобы, взяв Полоцк, отрезать Россию от Ливонии, а одновременно угрожать Смоленску, Пскову и Новгороду. Кроме того, отмечает историк, если бы король «двинулся в Ливонию, ему пришлось бы штурмовать многочисленные каменные замки. Полоцк же располагал деревянными укреплениями»³.

Однако с самого начала полякам стало ясно, что борьба будет все-таки очень нелегкой. Хронист Рейнгольд Гейденштейн передает, как поразила их русская «засечная черта» — система крепостей, возведенных по приказу Грозного вдоль русско-литовской границы. Особенно сильно укреплена была полоса между Двиной и Днепром, где стояла могучая крепость Суша. Крепости были окружены непроходимыми лесными дебрями, которым русские специально давали разрастаться, чтобы затруднить движе-

¹ Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2, № 22.

² Там же. С. 53.

³ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. — М., 2001. С. 276.

ние неприятеля. Наконец, все укрепленные пункты (и в этом тоже чувствовалась воля мудрого государя) были снабжены обильными запасами провианта и боеприпасов. Например, когда в 1580 г. гетман Замойский взял крепость Велиж, то там, свидетельствует современник, было найдено так много «провианту, фуража, пороху, военных снарядов, что не только наделили все наше войско, но еще осталось всего столько, сколько нужно было для гарнизона»¹.

Словом, как справедливо подчеркивает исследователь, эта вновь разгоравшаяся борьба могла бы иметь совершенно иной характер и иной исход, если бы Грозный и Баторий встретились не в 1579, а десятью-двенадцатью годами раньше, когда русский царь был еще в полной силе. Когда, например, после Земского собора 1566 г. «и служилые и торговые люди объявили о своей готовности энергично продолжать боевые действия. Правда, Баторий (тоже был) воитель по призванию, весьма популярный среди солдат... Зато Иван IV своими качествами техника и военного администратора мог по-своему уравновесить блестящие данные Батория как стратега и тактика. Вся беда состояла в том, что войска Ивана крайне уменьшились, сократились донельзя денежные средства»². И враг цинично жаждал этим воспользоваться.

В августе 1579 г. свежая армия наемников окружила Полоцк. Но предварительно польский король обратился к русским со специальным манифестом. Его текст, отпечатанный (а король печатный станок возил за собой на протяжении всей войны³) на не

¹ *Гейденштейн Р.* Указ. соч. С.

² *Виппер Р.Ю.* Указ. соч. С. 130.

³ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 327

скольких европейских языках и, соответственно, распространенный по всей Европе, призван был еще раз оправдать, подчеркнуть действия Батория не как агрессора, но как благородного «защитника христианства». Более того — как освободителя от тирании Грозного царя. Ибо, обращаясь к русским с клятвенными обещаниями оберегать «личность и собственность», король Стефан одновременно заверял: все «то, что (Иван) по отношению к многим людям и вам, его подданным, совершил и совершает, обратить на него самого и освободить христианский народ от кровопролития и неволи»¹. Поляки ждали, что русские станут сдаваться без боя и с великой радостью...

Но, к изумлению европейцев, все случилось иначе. Уже под Полоцком их войскам пришлось остановиться на четыре недели. Гарнизон и жители города с такой яростью и мужеством защищали свою крепость, что героизм обороняющихся не мог не признать в одном из посланий сам Стефан Баторий². Король впервые использовал под Полоцком свое новейшее изобретение — обстрел калеными ядрами, которые должны были вызывать пожар в стенах и внутри города. Однако, видимо, сама русская природа стремилась помочь осажденным.

День за днем над городом все шли и шли проливные дожди, гася вражеский огонь. Крепость держалась.

На подмогу к ней Грозный немедленно отправил из Пскова часть войск во главе с воеводами Шеиным и Шереметевым. Но окружавшая Полоцк польская

¹ Acta Stephani regis. Acta Historica res gestas Polonia illustrantia. T. XI Krakow. 1887. № CXIV

² Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. С. 200—201.

армия оказалась столь велика, что русские не смогли пробиться к своим и отступили в соседний Сокол. Наконец венгерским пехотинцам удалось поджечь деревянные городские стены смоляными факелами. Начался жестокий пожар и штурм. Город был взят. Последние защитники, не желая сдаваться, затворились вместе с епископом Киприаном в полоцком соборе Святой Софии, откуда их выбили с необычайным зверством. Засим пришло время грабежа, в ходе которого поляки и венгерцы, боясь захватить меньше добычи, бросались убивать уже не русских, а друг друга... И все же они были крайне разочарованы, так как самым ценным, что хранилось в городском кафедральном соборе, оказалась... **громадная библиотека**, сотни старинных летописей и древних рукописных книг, которые доблестные воины короля-рыцаря тут же **СОЖГЛИ**¹ за ненадобностью. Вслед за польской армией в разгромленный город вошли ее всегдашние спутники — отцы иезуиты...

Пораженный отважным сопротивлением, Стефан Баторий, по рассказу Гейденштейна, предоставил всем взятым тогда в плен «московитам» выбор: либо идти к нему на службу, либо возвращаться на родину. Очевидно, втайне король очень хотел иметь под своим началом **таких** бойцов и надеялся, что, страшась кары за потерю крепости, они изменят тирану, перейдут на сторону поляков... Но Баторий снова ошибся в своих прагматических расчетах на массовую измену в армии Грозного. Усиленно распространяемый по Европе миф о якобы господствующей в России всеобщей ненависти к «кроваждному деспоту» явно не подтверждался. Как сви-

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 332.

детельствовал пораженный не меньше короля шляхтич-хронист, большинство пленных русских воинов, свято храня любовь к Отечеству и верность присяге, предпочли вернуться на службу к своему государю, «хотя каждый из них мог думать, что идет на верную смерть и страшные мучения»¹. И здесь хорошо изучившему русскую историю Рейнгольду Гейденштейну нельзя отказать в справедливости, глубине отдельных замечаний. Ибо, рассказывая в своих «Записках о Московской войне» о той жертвенной стойкости и преданности, которые проявили тогда русские люди, польский хронист объяснял это прежде всего высочайшим религиозным чувством — чувством долга и ответственности. «По установлениям своей религии, — писал автор, — они считают верность государю в такой степени обязательной, как и верность богу, они превозносят похвалами твердость тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю, и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо»².

Надо сказать, что и царь Иван по достоинству ценил ратный подвиг и преданность своих войск, стремился щадить их. Ни одного вернувшегося из полоцкого пленения воина он не казнил. А когда армия Стефана Батория вслед за Полоцком осадила крепость Сушу, оказавшуюся у нее в тылу, царь, понимая, что оборона Суши уже не может кардинально изменить обстановку и жертвы ее будут напрасны, отправил гарнизону грамоту с приказом крепость сдать без боя. Не сомневаюсь в вашей верности, писал Грозный, но не хочу подвергать вас лишним

¹ Гейденштейн Р. Указ. соч.

² Там же.

испытаниям, а желаю сохранить для более важных подвигов. В той же грамоте царь приказал отступающим испортить все пушки и другие орудия, которые невозможно быстро увезти с собой, привести в негодность имевшиеся запасы пороха¹. Наконец, следовало закопать в землю иконы, церковную утварь и книги², дабы не стали они объектом поругания. Наверное, после падения и расправы с Полоцком царь понял, с кем придется ему воевать...

«Рыцарские деяния» армии Батория продолжались. Так, ее гордость — немецкие ландскнехты — при взятии крепости Сокол убили всех русских пленных, в том числе и воеводу Шеина. Но Рейнгольд Гейденштейн передает и еще более страшный факт. Воины короля не щадили не только живых, под Соколом ими было совершено святотатственное надругательство даже над мертвыми. Хронист пишет: «Многие из убитых (русских) отличались тучностью; немецкие маркизантики, взрезывая такие тела, вынимали жир для известных лекарств от ран, и, между прочим, это было сделано также у Шеина»³. Одновременно, выполняя волю короля, знаменитый западнорусский князь Константин Острожский беспощадно опустошал Северскую землю до самого Стародуба, а Филон Кмита — староста Орши — подступал к Смоленску.

Иван с основной частью русской армии находился во Пскове, но помочь своим войскам, сражающимся с Баторием, присылкой большой дополнительной

¹ Винтер Р.Ю. Указ. соч. С. 133.

² Почти 400 лет спустя отец автора этих строк босоногим мальчишкой под адский вой немецких «Мессершмиттов» над родным Киевом тоже закапывал в землю книги — Пушкина, Гоголя, «Историю России» Соловьева. Закапывал, чтобы уберечь от огня, от бомбежек, от новых европейских варваров. Горькая, вечная перекличка русских судеб.

³ Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 79.

помощи уже не мог. Как раз в момент падения крепостей на западе он должен был бросать войска совсем в другую сторону — на север, в Новгородскую область, где «началась концентрация шведских войск. Уже в июле шведский флот обстрелял и сжег предместья Нарвы и Ивангорода. Вслед затем многочисленный шведский корпус высадился в Ревеле и в сентябре приступил к осаде Нарвы. Русские оказались меж двух огней. Неприятельские армии обладали численным превосходством и наступали с разных сторон»¹. Правда, первая русская гавань на Балтике тогда не сдалась. Понеся большие людские потери, шведы через две недели принуждены были снять осаду и отступить от Нарвы. Но положение все равно оставалось угрожающим.

Лишь на некоторое время противников развела суровая русская зима. Баторий ушел в Вильну, Грозный в Москву, но оба готовились к новой схватке. Ибо еще в конце октября от имени боярской Думы к полякам была отправлена грамота с предложением о перемирии. Ее повез гонец Леонтий Стремоухов. Но Речь Посполитая высокомерно отклонила это предложение².

Для дальнейшей борьбы с агрессором Ивану прежде всего нужны были дополнительные денежные средства. Этого необходимого пополнения государственных доходов можно было достичь, в частности, путем ограничения земельных вкладов в монастыри. Ведь земли, подаренные или жертвуемые какой-либо обители, скажем, «на помин души», сразу же выходили «из службы», освобождались от уплаты государст-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980. С. 224.

² Ответ московским боярам, направленный тогда членами литовской рады см.: Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. С. 59.

венных налогов и податей. Как показывается в исследовании С.Б. Веселовского «О монастырском землевладении Московской Руси во второй половине XVI века», такого рода «внутреннее бегство», уклонение от службы путем передачи своих имений под юрисдикцию монастырей, было тогда в большом ходу у московской земельной аристократии. Кроме того, переходя под сень крупных привилегированных обитателей, иные из вотчинников, почему-либо оказавшиеся перед угрозой утраты (конфискации) своих владений, таким образом пытались уберечь, оставить за собой хотя бы их часть. Ибо, по законам того времени, вкладчик обуславливал свое дарение монастырю правом сохранить пожизненное пользование подаренной землей для себя и своей семьи. (Любопытен и характерен в этом отношении такой факт. Уже известный читателю богатейший боярин и глава крупного заговора против государя, И.П. Федоров-Челяднин, задолго до событий 1567 г. предчувствуя, вероятно, чем могут кончиться для него замышляемые действия, роздал значительную часть своих вотчин по большим монастырям¹.)

Словом, передача земель церкви существенно сокращала поступление денежных средств в государственную казну, между тем как война поглощала их все больше. Требовались радикальные меры. И как всегда при принятии важного решения, Иван вынес его на широкое соборное обсуждение.

15 января 1580 г. в Москве был созван церковный собор. Обращаясь к высшим иерархам, царь прямо говорил, сколь тяжело его положение: «бесчисленные враги восстали на русскую державу», потому он и просит помощи у церкви². Нельзя сказать, что обра-

¹ *Винтер Р.Ю.* Указ. соч. С. 101.

² *Горсей Дж.* Записки о России. — М., 1990. С. 66.

щение государя было воспринято безропотно. Но все же, как без малого тридцать лет назад — во время работы церковно-земского (Стоглавого) собора в феврале 1551 г., — сознавая нужды Отечества, большая часть духовенства вновь пошла навстречу Ивану. На государя были отписаны все боярские и княжеские вотчины, перешедшие до этого во владение монастырей. Кроме того, специальным соборным постановлением всем русским монастырям впредь запрещено было покупать земли, брать их в залог и, наконец, принимать земельные вклады, жертвуемые «на помин души»¹. Однако, мельком упоминая об этом суровом запрете (совершенно не указав ни истинных исторических причин, ни обстоятельств, вызвавших появление запрета), г-н Радзинский, следуя своей излюбленной манере, всецело приписывает сие решение исключительно самому Грозному, его торжествующему самовластию...

Государю меж тем было совсем не до «тиранских выходов». Над страной нависала смертельная опасность, и он всеми силами стремился ей противостоять. Так, с целью упредить новое наступление поляков царь весной 1580 г. отправил Баторию еще одно — уже от себя лично — послание, в котором заявлял, что, «смирясь перед богом и перед ним, королем», готов первым послать к Стефану своих полномочных представителей для начала мирных переговоров — пусть только придет им «охранные грамоты». Причем, до этого крайне щепетильный и требовательный в вопросах соблюдения дипломатического регламента, царь на сей раз советовал своим послам не обращать внимания на возможные грубо-

¹ Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. № 200. С. 583—587. См. также: Акты Земских соборов. // Российское законодательство X—XX веков. — М., 1985. Т. 3. С. 26—28.

сти со стороны поляков и нарушения ими норм взаимного уважения. Например, раньше, если король, принимая послов русского государя, не вставал и не справлялся о его здоровье, то это могло привести к немедленному прекращению переговоров. Теперь же в инструкции для послов Иван писал: «Если король о царском здоровье не спросит и (при поклоне) не встанет, то пропустить это без внимания; если станут бесчестить, теснить, досаждать, то жаловаться на это приставу *слегка*, а притко об этом не говорить, терпеть»¹.

Однако Баторий упорно не желал даже слышать о мире. Собрав еще более крупные, нежели в предыдущий раз, силы — 48 399 человек, — он с началом лета двинулся на Россию, так что новое русское посольство застало его уже в походном лагере недалеко от местечка Чашники, где король назначил главный сбор своим войскам. Причем Чашники — небольшая крепость над рекой Улой -- были выбраны королем далеко не случайно: оттуда дороги уходили на Псков, Смоленск и Великие Луки — три стратегически важных направления, и было неясно, по какому из них он будет развивать наступление. Чтобы дольше держать царя в неведении относительно планов своего движения, Баторий даже демонстративно устроил в Чашниках, на глазах у русских послов, военный совет — нападать ли в первую очередь на Смоленск, Псков или Великие Луки?.. В результате московские войска пришлось раздробить, отдельные отряды были посланы к Новгороду, Пскову, Кокенгаузену, Смоленску; сильные полки должны были остаться и на южном пограничье, где могли появиться крымцы.

¹ Цитата по кн: *Bunпер Р.Ю.* Указ. соч. С. 134.

Во время второго похода на Россию Баторий заявил, что требует передачи под власть Речи Посполитой уже не только Ливонии и Полоцка, но также Новгорода Великого и Пскова — вождеденной цели многих польских королей. И в соответствии с этим требованием обрушил главный удар именно на север, на Великие Луки. Овладев этой старинной крепостью, долгое время служившей главным сборным пунктом для всех русских войск, уходивших на Ливонию, Баторий надеялся одновременно и отрезать Россию от Прибалтики, и непосредственно подступить к Новгородской земле...

Удар оказался действительно тяжелым, ибо Великие Луки уже давно находились в глубоком тылу, городские укрепления обветшали, были мало пригодны к длительной обороне. И все-таки... случилось то же самое, что и под Полоцком. Как пишет историк, «располагая громадным превосходством в силах, поляки рассчитывали быстро овладеть крепостью, но натолкнулись на упорное сопротивление»¹. Сопротивление настолько упорное и яростное, что уже в первые дни осады защитники города, предприняв смелую вылазку, опрокинули часть войск под командованием польского канцлера Яна Замойского и захватили личный королевский прапор (знамя)... Попытка общего штурма также была отбита. Только после того, как неприятелю удалось поджечь деревянные стены, город сдался — 5 сентября. Причем храбрые воины короля-рыцаря убили всех пленных, даже монахов². В результате погибло около 7000 человек, а саму крепость захватчики буквально сровняли с землей.

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 225.

² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 335.

Свидетелем этой трагедии была еще одна русская посольская миссия (во главе с И.В. Сицким), прибывшая в стан Батория с мирными предложениями от Грозного 28 августа, на второй день после начала осады Великих Лук. Намеренно или нет, но, как передает литовский канцелярист, все время осады русских послов держали в «особливом намете» (шатре), а «по их выеханью замок был запален так, иж они огонь видели»¹.

Следом за Великими Луками пали крепости Невель и Заволочье. Перешедший на службу к Стефану царский изменник герцог Магнус жестоко теснил русские войска под Дерптом (Юрьевом). Поляков поддержала Швеция. Той же осенью после тщательной подготовки в Россию вновь вторглась шведская армия под командованием барона П. Делагарди. В ноябре им была взята крепость Корела. Итогом всех этих поражений для России стало то, что она потеряла большую часть территории бывшего Ливонского ордена, завоеванной с таким трудом. Но все же благодаря мужеству русских гарнизонов, сдававших замки и города только после долгой осады и кровопролитнейших боев, «дальнейшее продвижение польско-литовских войск было приостановлено»². Близилась зима, и, хотя на сей раз Баторий принял решение оставить свою армию зимовать в России, идти дальше — либо к Пскову, либо к Новгороду — он все-таки не отважился.

К тому же и шляхта требовала передышки. Во время Варшавского сейма (созванного в феврале 1581 г.), убеждая ее продолжать войну и испрашивая согласия на сбор дополнительных налогов в пользу королев-

¹ Книга Посольская метрики Велико княжества Литовского. Т. 2. С. 104.

² *Зимин А.А. Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 141.

ской армии, канцлер Замойский подчеркивал, что нельзя складывать оружия, пока не будет взята вся Ливония. Пока русский царь не будет изгнан, лишен балтийских гаваней, откуда он получает «все нужное для усиления своего могущества». Прозрачно намекая на русский герб, канцлер утверждал, что надо **«нанести врагу такой удар, чтобы у него не только не выросли снова крылья, но и плеч больше не было»**¹.

Да, Речь Посполитая — форпост католицизма на востоке Европы — страстно хотела обрубить крылья России, навечно отрезав ее от Балтики... Несмотря на то что к концу 1580 г. Москва ради заключения мира готова была пойти на самые значительные уступки (царь Иван не мог не понимать: в сложившейся обстановке «объективные интересы Русского государства требовали скорейшего прекращения войны, хотя бы и ценой временного отказа от осуществления целей, вызвавших данную войну»²), несмотря, повторим, на то, что даже личные послы Грозного передали Баторию его согласие отдать королю всю Ливонию с крупнейшими городами Юрьевом, Феллином и Перновом, Баторий упорно отказывался начинать мирные переговоры. Отказывался, ибо в предложенном царем списке не было главного — *Нарвы*. Как пишет историк, «Грозный готов был пожертвовать интересами русских помещиков в Ливонии и отказаться от всех завоеванных земель, чтобы сохранить «нарвское мореплавание»³. И, как отмечает другой историк, король знал, что он не сможет ни окончательно разгромить Москву, ни

¹ Цитата по кн: *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой. — СПб., 1904. С. 202.

² *Смирнов И.И.* Иван Грозный. С. 83.

³ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 226.

достаточно прочно обеспечить за Польшей Ливонию, пока в руках Грозного остается эта балтийская гавань, «окно в Европу»¹. Главным условием мира, в грубо ультимативной форме выдвинутым тогда польской стороной, была сдача русскими Нарвы и выплата ими громадной контрибуции в 400 000 злотых — за военные издержки Речи Посполитой...

И Иван уже не смог, да и не видел более смысла сдерживать свой гнев. 29 июня 1581 г. он отправил Баторию одну из самых знаменитых своих грамот, начинавшуюся словами: «Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по божьему изволению, а не по многмятежному человеческому хотению...» Далее Грозный царь прямо обвинял своего врага в агрессии. В намерении захватить уже не только ливонские территории, но и собственно русские земли. «Мы ищем того, — писал он, — как бы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать». «Наши послы уступили тебе более семидесяти городов (в Ливонии), но ты... договориться (с ними) не пожелал и решил отослать». Ибо **«тебе ничего другого не нужно, только бы быть сильнее нас»**. Ибо «уже сначала, когда тебя посадили на престол, паны привели тебя к присяге, что ты будешь беспрестанно отвоевывать все те земли, которые отделены от Великого княжества Литовского к Московскому государству». А потому, «сколько послов ни посылай, что ни делай — ни чем вас не удовлетворишь и миру не добьешься»².

Категорически отвергая все условия Батория, Грозный, конечно, отверг и требование о выплате контрибуции. По сему поводу он, кстати, со злой

¹ Винтер Р.Ю. Указ. соч. С. 118.

² Послания Ивана Грозного. С. 390—410.

иро́нией указывал: «Просишь оплатить военные сборы, — это ты придумал по бусурманскому обычаю такие требования выставляют татары, а в христианских государствах не ведется, чтоб государь государю платил дань — нигде этого не сыщешь; да и бусурмане друг у друга дань не берут, только с христиан берут. Ты ведь называешься христианским государем, — чего же просишь с христиан дань?.. И за что нам тебе дань давать? С нами же ты воевал, столько народу в плен забрал, и с нас же убытки взимаешь. Кто тебя заставлял воевать? Мы тебе о том не били челом, чтобы ты сделал милость, воевал с нами! Взыскивай с того, кто тебя заставил воевать... Следовало бы скорее тебе оплатить нам убытки за то, что, беспричинно напав, завоевал нашу землю, да и людей бы вернуть без выкупа»¹.

В заключении грамоты царь заявлял, что готов подписать перемирие с Баторием только на своих условиях. (В частности, он уступал полякам Великие Луки, Холм и Заволочье, но требовал оставить ему в Ливонии Нарву, Юрьев, а также вернуть Русскому государству Полоцк.) «И если ты (король) хочешь с нами соглашения, договора или перемирия, то согласишься на (эти) условия, переданные нашим послам — дворянину и наместнику Муромскому Остафию Михайловичу Пушкину с товарищи. Если же не хочешь соглашения, а желаешь кровопролития, то отпусти к нам наших послов и пусть с этого времени между нами в течение сорока-пятидесяти лет не будет ни послов, ни гонцов. А когда ты послов наших отпустишь, то прикажи проводить их до границы, чтобы их твои пограничные негодяи не убили и не ограбили; а если им будет причинен какой-нибудь ущерб, то

¹ Послания Ивана Грозного. С. 411—412.

вина ляжет на тебя. Мы ведь предлагаем добро и для нас и для тебя, ты же несговорчив, как онагр-конь (осел), и стремишься к битве; бог в помощь! Уповая на его силу и вооружившись крестоносным оружием, ополчаемся на своих врагов»¹.

В ответной грамоте, отправленной из Заволочья, Баторий², словно поднимая брошенную Грозным перчатку, назвал его Каином, фараоном Московским, Иродом и волком, вторгшимся к овцам, а под конец действительно предложил царю сразиться в личном — один на один — поединке³, о чем с восхищением передает в своем тексте наш неутомимый телерассказчик. Вот только не упомянул г-н Радзинский, что свой горделивый вызов «московского тирана» на рыцарское ристалище польский король Стефан Баторий подкрепил... новым походом на Россию летом 1581 г. теперь уже **100 000 войска**⁴...

Целью этого похода был древний Псков. Родина равноапостольной княгини Ольги и сильнейшая русская крепость, город этот веками славился самоотверженной борьбой с Тевтонским орденом, по сути прикрывая собой всю северо-западную Русь. Но одновременно Псков являлся и воротами в Ливонию. Так что Баторий был совершенно прав, когда подчеркивал важное стратегическое значение крепости. Он не раз говорил своим военачальникам в лагере под стенам Пскова: если мы принудим его сдать,я

¹ Послания Ивана Грозного. С. 413—414.

² Послание, написанное, кстати, по современным свидетельствам, не самим королем, а его секретарем Гизиусом, и экземпляр которого был немедленно отправлен в Ватикан. — См.: *Коялович М. О. Дневник последнего похода Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени.* — СПб., 1867. С. 42.

³ Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2 № 74.

⁴ *Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 297; Похлебкин В. В. Указ. соч. С. 396.*

вся эта земля достанется нам в руки без кровопролития... Но «короля-рыцаря» ждало поражение. Самое жестокое поражение во всей его жизни.

Как писал в своем дневнике поляк, участник тех знаменитых боев, «такого большого города нет в Польше. Он весь обведен стенами. За стенами красуются церкви, как густой лес»¹. И автор не грешил перед истиной. Псков окружал тройной каменный пояс. Крепостные стены имели общую протяженность в 9 километров. Высота их достигала 8—9 метров, толщина — около 5 метров. Гарнизон составлял приблизительно 7000 человек. Кроме того, указывает историк, «русское командование, обнаружив намерения противника, успело перебросить в Псков подкрепление из близлежащих ливонских замков. Подобная мера ослабила линию обороны в Ливонии, но она оправдывалась военной необходимостью»². Наконец, — и что, пожалуй, самое главное, — в городе проживало около 20 000 жителей. Как искони ведется на Руси, все они, включая стариков, женщин и детей, тоже поднялись на защиту своего города.

В эти тяжелые дни Грозный, руководя войсками, находился совсем недалеко от Пскова, в Старице. «Неприятельские разъезды сожгли несколько деревень в непосредственной близости от его резиденции. Из окон дворца можно было видеть зарево пожаров. Литовское командование даже обсуждало планы пленения царя». Но вопреки упорно навязываемой г-ном Радзинским версии, «перед лицом опасности Иван IV не выказал малодушия. Он отослал жену с младшим сыном, а сам стал готовить кре-

¹ (Пиотровский И). Дневник последнего похода Стефана Батория на Руссию (Осада Пскова.) Перевод с польского ОН Милевского. — Псков, 1882. С. 92.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 227.

пость к обороне. С царем в Старице находилось не более 700 дворян и стрельцов»¹...

20 августа 1581 г. отборные польские войска под командованием Стефана Батория и коронного гетмана Яна Замойского окружили Псков. Баторий немедленно отдал приказ копать «борозды» (траншеи), чтобы, вплотную подойдя к крепостному рву, установить там пушки. 7 сентября начался массированный артобстрел крепостных стен — пролог к общему штурму. Двадцать осадных орудий в течение суток беспрестанно вели огонь. Но взять город единым лобовым ударом агрессору все же не удалось. Хотя в южной стене был сделан пролом и захвачены две башни, однако на следующий день под набатный звон колокола церкви Святого Василия на Горке мужественные защитники Пскова опрокинули наступление польско-литовских и венгерских отрядов. Метким огнем из пушки «Барс», стоявшей на Похвальской горке, псковские пушкари снесли верхние ярусы двух захваченных врагом башен. А безымянные герои, сознательно жертвуя жизнью, проникли в подземелья Свинусской башни и взорвали ее вместе с неприятелем. Чтобы поддержать сражающихся воинов и горожан, в бой вступили даже монахи Псково-Печерского монастыря, неся с собой особо почитаемую в городе икону Богоматери. И свершилось чудо. Многократно превосходящий псковичей численностью враг *дрогнул*. Со страшными потерями (около 5000 человек, среди которых был любимец короля Стефана — предводитель венгерской кавалерии Гавриил Бекеш) войска Батория сдали захваченные позиции и отступили. Участник похода, аббат Пиотровский, с изумлением записывал в своем днев-

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 228.

нике: «Не так крепки стены (русских), как (их) твердость и способность обороняться»¹.

«Эта неудача до тех пор непобедимого врага, — отмечает историк, — произвела огромное впечатление на обе воюющие стороны». Осажденные, по словам летописца, «храбро-победного своего поту отерше», «начали (предпринимать) вылазки, подводить подкопы к вражеской линии. В конце концов командующий псковским гарнизоном кн. И.П. Шуйский даже сделал смелую попытку выйти с войском за стены города и напасть на лагерь неприятеля². Поляки же были повергнуты в шок. Им не оставалось ничего другого, как начать долгую осаду крепости...

Правда, на следующий день после неудавшегося штурма Баторий еще раз предложил горожанам сдаться, пытаясь подкупить их своими обещаниями. Он написал псковским воеводам грамоту, содержание которой передает в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзин. «Дальнейшее сопротивление для вас бесполезно, — самонадеянно утверждал король. — Знаете, сколько городов завоевано мною в два года? Сдайтесь мирно: вам будет честь и милость, какой вы не заслужите от московского тирана, а народу льгота, неизвестная в России, со всеми выгодами свободной торговли... Обычай, достояние, вера будут неприкосновенны. Мое слово — закон. В случае безумного упрямства — гибель вам и народу!» С сею бумагою, — продолжает Н.М. Карамзин, — (поляки) пустили стрелу в город (ибо осажденные не хотели иметь никакого сношения с врагами). Воеводы

¹ Дневник последнего похода... С. 107. Через несколько страниц автор добавляет: «*Не знаю, сколько наших легло при этом штурме, потому, что говорить об этом не велят У нас и фельдшероу столько нет, чтобы ходить за ранеными..*». — Там же. С. 117.

² *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 136.

таким же способом ответили королю: **«Мы не жиды: не предадим ни Христа, ни Царя, ни Отечества. Не слушаем лести, не боимся угроз. Иди на брань: победа зависит от бога»**¹ Такова была воля русских людей, полагаясь на Божию помощь, решивших защищать свою Родину и свою честь до конца. «Пушки же (у русских) отличные и в достаточном количестве, — писал поляк, — стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиною с голову... Достанется нашим батареям и насыпям!..»² Он не ошибся. Досталось с лихвой. **За пять месяцев осады псковичи отбили еще ровно 30 попыток врага штурмом овладеть их городом**³.

Последняя из этих попыток была предпринята 2 ноября 1581 года, когда в осажденной крепости уже начался голод и мор, а вся Псковщина и прилегающие тверские земли были опустошены. Однако, свидетельствует едва ли не самый знаменитый современник и очевидец тех событий, легат Святейшего престола Антонио Поссевино, «русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием под-

¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 444—445.

² Дневник последнего похода... С. 93.

³ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 396. «Сегодня была баталия, — сообщает, например, в своем Дневнике тот же Пиотровский. — Наши стреляли в стену, но русские отплатили в десять раз. Много наших в окопах погибло от их выстрелов. Вчера и сегодня убили, между прочим, четырех пушкарей. Не понимаю, откуда у них такое изобилие ядер и пороху? Когда наши выстрелят раз, они в ответ выстрелят десять, и редко без вреда. Над стенами построили срубы и высокие башни, с которых бьют на все стороны, где бы только что ни показалось, и на нас кричат со стен: «Отчего вы не стреляете? Если бы вы и два года осаждали Псков, то и тогда вам не видать его! Зачем сюда приехали, когда пороху не имеете?» **Не имеем ни пороху, ни ядер, ни людей, а русские все более и более укрепляются. Не знаю, что далее будем делать**». — Дневник последнего похода... С. 211—213.

копа и заграждают (проломы) грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются»¹. Так случилось и 2 ноября 1581 г., когда польско-литовское войско попыталось овладеть городом, перейдя замерзшую реку Великую, но тут же в страхе и панике должно было отступить, оставив на льду горы трупов, сраженных артиллерийским обстрелом с высоких крепостных стен.

Это было великое одоление... Как пишет историк, «Псков стал бастионом, о который разбилась волна неприятельского нашествия»². Именно там «сорвалась... цель, которую в своем победоносном движении осмелился поставить себе Баторий, когда рассчитывал окончательно разгромить Россию»³. «Доблесть защитников Пскова спасла русские города», — признает и г-н Радзинский. Но увы. Лишь двух строк хватило сему «блистательному» автору для мимолетного упоминания об этой военной и — еще более — *духовной* победе псковичей. А вот о том, что к концу осады Пскова польская армия была полностью деморализована и находилась на грани краха, наш иронично-легкий сочинитель не сказал совсем ничего (хотя источников об этом — польских и русских — предостаточно). Он не сказал, как уже на второй месяц осады, оказавшись без пороха (запасы которого были крайне невелики) и вынужденное стаями голодных волков рыскать по окрестностям в поисках провианта и фуража, буйное шляхетное рыцарство принялось... открыто роптать на своего короля-«мадьярца», короля-неудачника, не способного победить варваров-москвитов. Жизнь в

¹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI века. Перевод, вступительная статья и комментарии Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 46.

² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 229.

³ *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 137—138.

холодных землянках под несмолкаемым пушечным обстрелом рыцарей более не устраивала. Как свидетельствует в своем дневнике участник осады, «солдаты дезертируют от холода, босые, без шапок и платья, страшно дерутся с жолнерами из-за дров, которые привозят в лагерь, отнимают друг у друга платье и обувь... воровство в лагере страшнейшее»¹. Наконец, из-за долгой неуплаты жалованья ропот начался даже среди наемников, грозивших самовольно покинуть армию, разойтись по домам. И, дабы предотвратить катастрофу, гетману Замойскому приходилось и публично сечь, и вешать «возмутителей спокойствия»... Но и об этом посчитал за лучшее промолчать наш всезнающий рассказчик. Впрочем, автора можно понять. Ведь все эти подробности так явно не вписываются в любезный ему образ «благородного короля», который вместе с «доблестным, непобедимым воинством» своим нанес сокрушительное поражение московскому тирану...

Между тем с наступлением в октябре первых заморозков положение польской армии ухудшилось еще больше. Как случалось не раз со многими нашествиями европейцев на Россию, их лютым врагом становилась обычная русская зима. Вот и Баторий, рассчитывая быстро взять Псков и закончить войну, совершенно не подготовил свои войска к длительной зимней кампании. Очевидец писал: «Дождались мы такой зимы, какая у нас в конце января, а говорят, морозы будут еще сильнее. Все мы хоронимся в земле, как звери. Платья, шубы и не спрашивай... Русские (партизаны) захватывают лошадей, слуг, провиант и все прочее. **Дай бог, чтобы королю и гетману**

¹ Дневник последнего похода... С. 152—153. См. также: Коялович М.О. Указ. соч. С. 173, 174—175.

удалось благополучно вывести отсюда наши войска...»¹.

В ноябре поляки покинули свои траншеи у стен Пскова и отступили в лагерь. Туда же увезли с огневых точек все пушки. Было ясно, что осада не удалась, и теперь король решил ограничиться только блокадой города. Но от голода и стужи королевская рать стала таять еще быстрее, чем прежде, гнетущие настроения в ней усиливались. И когда Баторий покинул армию, уезжая в Варшаву на сейм, перед которым должен был отчитываться, то отъезд его многие воины восприняли как бегство. В лагере начался мятеж. Мятеж, подавить который помогло только известие о близком мире с русскими. Таков был истинный итог третьего, и последнего, похода короля Стефана Батория на Россию...

Да, именно поражение под Псковом, как указывает профессиональный исследователь (но о чем умолчал г-н Радзинский), «вынудило поляков суровой зимой 1581 г. согласиться на мир (с русскими), **хотя они предполагали заключить его лишь после захвата всей Новгородской земли** вместе с наступавшими с северо-запада шведами»². Но, сумев остановить главного врага — Батория, Россия все же не смогла сдержать одновременное наступление его союзника на другом фронте. Находясь в Старице и очень хорошо зная о героической обороне Пскова, Грозный не имел возможности послать ему на помощь ни подкрепления, ни более значительные силы — для нанесения решающего удара. С севера в Новгородский край действительно вторглась армия шведского короля Юхана III...

¹ Дневник последнего полхода... С. 152.

² *Похлебкин В.В.* Указ. соч. С. 396.

Уже всю весну и лето 1581 г. эти войска под командованием барона Делагарди были заняты методичным уничтожением изолированных русских гарнизонов, еще остававшихся в некоторых ливонских замках и городах. Отрезанные от России гарнизоны эти защищались с отчаянным мужеством и, не желая сдаваться, часто гибли все до последнего воина... К исходу же 1581 г. шведы, перейдя по льду замерзший Финский залив, захватили все побережье Северной Эстонии, Нарву, Везенберг, а затем двинулись к Риге, по пути забирая Гапсаль, Пернов и всю Южную (русскую) Эстонию — вместе с Феллином и Дерптом (Юрьевом). Всего шведские войска за это время захватили 9 городов в Ливонии и 4 — в Новгородской земле, включая Иван-город, Ям и Копорье¹.

Собственно, многими историками отмечено: шведы предлагали полякам прийти к ним на помощь и прямо под Псков, но... Баторий отклонил это предложение, ибо испугался. Испугался слишком больших успехов своего союзника². Разгромить Россию, повергнуть ее к подножию Святого престола, стяжая тем самым лавры славы нового Карла Великого, Баторий, очевидно, жаждал исключительно сам. Делить пальму первенства ему не хотелось ни с кем... И Грозный знал об этом. Русский царь Иван знал, что единственный, кто способен оказать давление на «Батуру» (как называл он польского короля), чьему властному слову немедленно покорится его спесиво-гордый нрав, — это Рим. Туда, в Вечный город, к главе католической церкви папе Григорию XIII и отправил московский государь своего специального гонца Истому

¹ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 172. См. также: Флоря Б. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны. — Советское славяноведение. 1972. № 2. С. 25.

² Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 299.

Шевригина («молодого сына боярского») — с просьбой о посредничестве в заключении мира между Россией и Речью Посполитой...

Как пишет историк, «среди исключительно тяжелых военных обстоятельств у царя... нашлась энергия гениальным дипломатическим ходом спасти глубоко потрясенную державу. Вспомнив заветную мечту о сближении православной Москвы с католической церковью, Грозный решил использовать римского первосвященника в качестве защитника против страшного завоевателя, призвать его быть посредником в великой международной распре»¹. А точнее, Иван просто очень хорошо понимал, кто фактически является верховным руководителем Батория в его действиях против России. Исполнителем чьих давнишних замыслов выступает польский король как верный сын «святой католической церкви». Понимал и решил обратиться к этому руководителю. Обратиться напрямую, минуя самого короля Стефана. Решил еще тяжким августом прошлого, 1580 г., когда Баторий стоял под Великими Луками². Взамен на то, что Ватикан остановит наступление польских войск на Россию, Грозный пообещал папе Григорию неслыханное — то, чего веками добивался Рим от русских государей! — присоединиться к Антиосманской лиге, воевать вместе с Европой против турок — «бусурман»³. Точно такое же предложение было сде-

¹ *Buntner P.Ю.* Указ. соч. С. 138.

² «Лета 7088 (1580) августа 25 день по литовским вестям как литовский Стефан король... пришел к государеву городу к Лукам, приговорил государь, царь и великий князь с сыном своим, с царевичем князем Иваном Ивановичем и с бояры послати наскоро в Рим к папе и к Рудолфу цесарю от себя с грамотою гонца Истому Шевригина...». — Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Т. X. С. 6.

³ Там же. С. 11.

лано тогда царем и германскому императору Рудольфу (сев на корабль в Пернове, Шевригин — через Данию и Германию — добрался сначала именно к императору в Прагу, а уже потом, минуя Венецию, поехал в Италию)...

Иные исследователи, впрочем, считают, что этот «беспрецедентный»¹ в истории русской дипломатии факт обращения к католическому миру с просьбой о посредничестве был серьезной уступкой Грозного, проявлением его слабости... Однако, как отмечал еще в конце XIX века К.Н. Бестужев-Рюмин, а в наши дни — Л.Н. Годовикова, «прецеденты» все же имелись. Русская история знает немало подобных фактов. К примеру, в 1526 г. на переговоры между отцом Ивана Грозного — «государем Василием III и польским королем Сигизмундом I вместе с представителем германского императора Герберштейном был приглашен и представитель папского престола Джан Франческо ди Потенца (Иван Френчюшко, как называют его русские источники). О том, что этот факт был известен (и самому) Ивану IV, говорят выписки из посольских книг 1526 г., сделанные специально для него дьяком Андреем Щелкаловым по случаю приезда Поссевино»².

Нет, на уступки пошел Ватикан. Стоило русскому монарху только поманить его — всего лишь **предложением** вступить в антиосманский союз с Римом, как папа Григорий XIII немедленно ухватился за эту возможность контакта с Москвой. Контакта, который, по его мнению, открывал пути не только для вовлечения России в опасную борьбу с могуществен-

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 226.

² Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. С. 6—7; см. также: Бестужев-Рюмин К. Указ. соч. С. 299—302.

ной Турецкой империей. Главное, что рассчитывал заполучить он у «московита» в результате миротворческого посредничества, — это расширение влияния Рима, дозволение свободной проповеди католицизма на русских землях, а впоследствии и полное подчинение их Святейшему престолу... Именно об этом думали высокопоставленные члены папской курии, необычайно торжественно принимая в роскошном дворце на Ватиканском холме русское посольство, прибывшее в Рим 24 февраля 1581 г. Несомненно, об этом же думал и сам Григорий, давая личную аудиенцию Истоме Шевригину. Безмолвным участником их беседы была величественная громада собора Святого Петра, смотревшая в высокие окна папских покоев. Собора еще недостроенного, но в котором наверняка уже готовились места для будущих мозаичных изображений русских святых — князя Владимира, княгини Ольги. Фресок, призванных символизировать «апостольское единение и любовь» с православными братьями во Христе...

Но случилось совсем не так, как замыслили искусные ватиканские стратеги. Готовя изощренную ловушку для русского царя, они сами оказались пойманными на заброшенный им крючок. Хотя Григорий в кратчайшие сроки удовлетворил просьбу Ивана Грозного, и уже 27 марта 1581 г. (чуть более месяца спустя после приезда Шевригина) Рим покинул знаменитый посланник, легат Святейшего престола Антонио Поссевино, направлявшийся в Речь Посполитую, а затем и в Россию с целью лично способствовать скорейшему заключению мира между воюющими державами, Ватикан не достиг своей *потайной* цели...

«ПОСЛАНЕЦ МИРА» АНТОНИО ПОССЕВИНО И ЗАВЕРШЕНИЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

18 августа 1581 г., проехав всю Польшу и Западную Русь, Антонио Поссевино прибыл к Грозному в Старицу. (Как отмечает историк, уже сама поспешность, с коей явился в Россию посол папы римского и чей приезд к тому же почти совпал с началом осады Пскова, «показали Ивану, что положение его далеко не безнадежное»¹.) Высокий гость был принят с надлежащим почетом. Но... в то время как римский дипломат, стремясь словно «с порога» доказать горячее желание *помочь* русскому государю, рьяно взялся готовить документы для начала мирных переговоров, сам Иван держался с ним крайне осторожно. В многочисленных письмах и дневниковых записях за месяц, проведенный непосредственно рядом с царем, Поссевино раздраженно констатировал: как ни пытался он при личных встречах с Иваном *хотя бы начать с ним обсуждение* главного для Рима вопроса — вопроса о вере и объединении церковей, однако не смог ни на йоту сдвинуть дело с мертвой точки. Ибо... русский государь упорно уклонялся, уходил

¹ Виттер Р.Ю. Указ. соч. С. 139.

от разговора на эту тему¹. Причем уходил, надо полагать, с высочайшим тактом и прозорливостью истинного дипломата. Ведя речь чрезвычайно тонко, мастерски, Грозный, не разрушая окончательно тайных расчетов своего собеседника, «добился прямого давления Рима на врага России», сам при этом не сделав ватиканскому эмиссару *ни единой реальной уступки* касательно проповеди католицизма на русских землях. Фактически царь выразил согласие Москвы лишь «на дипломатический обмен с Римом и на свободный проезд папских миссий (через Россию) в Персию»... Таким образом, заключает историк, «папский престол не получал никаких привилегий; возможность вступления Москвы в лоно католической церкви оставалась столь же туманной, как и раньше, а между тем посол папы должен был приступить к своей посреднической роли»². 14 сентября 1581 г. Поссевино покинул Старицу и выехал в направлении Пскова, осаждаемого войсками Батория. Он вез королю условия мира, продиктованные русским царем... И здесь нам снова необходимо небольшое отступление...

Дело в том, что, с упоением говоря о «сокрушительном поражении тирана», автор рассматриваемой книги счел позволительным пропустить в своем тексте не только все события, связанные с заключением Ям-Запольского перемирия между Россией и Речью Посполитой. Из поля его зрения выпали и люди, в них участвовавшие. Удивительно: *ни единого* слова не удостоился у Эдварда Радзинского даже Антонио Поссевино — главный «миротворец» тех лет... Почему же? Чего откровенно убоялся наш всезнаю-

¹ *Поссевино А.* Историческое сочинение о России XVI века. С. 199.

² *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 139.

щий беллетрист, обойдя абсолютным молчанием личность, казалось, столь яркую и благородную? Почти героя, прибывшего в дикую Московию с миссией мира и любви от Святого престола. Ведь как мог пригодиться автору сей благостный образ, дабы еще раз оттенить «кровожадность» русского деспота. Но тем не менее он предпочел промолчать. И это таинственное безмолвие в который раз подтверждает, что г-н Радзинский все-таки прекрасно знает, о чем рассказывает (и не рассказывает) своему доверчивому зрителю...

Ввиду того, что подлинные задачи и цели приезда в Россию знаменитого папского легата мы уже пояснили выше, пожалуй, стоит обратить теперь некоторое внимание и на *исполнителя* этих задач. Сама биография его, «посланника мира», раскроет нам загадку странного пробела в тексте нашего телесказителя.

...Встретившиеся в Старице Иван Грозный и Антонио Поссевино были почти ровесниками. Антонио родился в 1534 г. в Мантуе, в семье мастера золотых дел. Духовное образование получил в Риме. В Риме же был замечен и кардиналом Гонзагой, который взял его себе в секретари. Переломным стал для одаренного и честолюбивого молодого человека 1559 г., когда он вступил в орден иезуитов и всего за 6 месяцев преодолел строгий новициат — испытательный срок, рассчитанный на два года. Проницательный и жесткий, Антонио сразу стал получать самые ответственные поручения. Так, в 1560 г. генерал ордена Лайнес отправил его в Савойю, где в это время участились выступления еретиков. Доклад, составленный Поссевино после объезда края, требовал самых суровых мер к мятежникам. Более того. Он лично убедил герцога Эммануила Филиберта послать против них двухтысячное карательное войско, которое

сам и сопровождал¹. Таков был его первый шаг к вершинам власти и славы. Только первый...

В начале 1560-х годов вездесущий и беспощадный страж католической церкви — орден Иисуса — направляет Поссевино во Французское королевство для борьбы с гугенотами. В результате громкого скандала 1568 г. во французском парламенте, он отстаивает право иезуитов преподавать в парижской Сорбонне и к тому же добивается разрешения открыть по всей стране еще целый ряд иезуитских коллегий, ректором одной из которых — в Авиньоне — становится сам. Кстати, в том же 1568 г. Поссевино издает небольшую (собственного сочинения) книжицу — «Христианский воин», где пишет, что **каждый сражающийся с еретиками солдат — герой, погибший в этой борьбе — мученик, а малейшая пощада — преступление**. И... например, жители солнечной Тулузы, вдохновленные столь зажигательной проповедью, в течение нескольких месяцев подряд перебили более **5000 (пяти тысяч)** гугенотов. Это же сочинение явилось важным подспорьем для идейной подготовки кровавого кошмара **Варфоломеевской ночи** в Париже².

В результате таких «духовных» побед самое имя Поссевино стало вызывать ужас. Когда в 1569 г. он готовился отправиться в Рим, дабы принять последний, четвертый обет ордена и вступить в высший класс Общества Иисуса, по Авиньону разнесся вдруг страшный слух, что Поссевино имеет секретное поручение ходатайствовать о восстановлении в городе священной инквизиции с ее обязательными костра-

¹ Геттэ Р. История иезуитов. — М., 1911. Т. 1. С. 117.

² Снесаревский П.В. Папский нунций Антонио Поссевино и русский посланец Истома Шевригин. — Вопросы истории. 1967. № 2. С. 213—214.

ми и виселицами. Среди авиньонцев началась жуткая паника, погасить которую удалось лишь с большим трудом...

С 1578 г. ревностное служение Поссевино ознаменовалось переводом его на «дипломатическую работу». Папа Григорий XIII, серьезно обеспокоенный положением дел на севере Европы, где католическая церковь стремительно теряла свою власть, вытесняемая раскольниками-лютеранами, отправляет туда именно Поссевино — проверенного бойца, способного своим отточенным умом полемиста и, главное, непреклонной твердостью характера удержать колеблющихся и вернуть святой римско-католической церкви заблудшие, впавшие в ересь души.

Впрочем, отправляясь в Швецию, к Юхану III (при дворе коего взяла верх Реформация и чьи идеи увлекли даже самого короля), Поссевино получил официальное назначение не только **«апостольским легатом и викарием всех северных стран»**, но также Литовского княжества и... **России**. России, которая, напомним, как раз к этому времени одержала свои самые блестящие победы в Ливонии, что было совсем не в интересах Польши и стоящего за ней Ватикана. А потому, сумев «лестью, обещаниями, запугиваниями»¹ вернуть Юхана III в лоно католической церкви (совершив над ним даже обряд конформации), Поссевино одновременно вряд ли не вел с королем душеспасительных бесед о необходимости борьбы против русских варваров — схизматиков. И беседы сии очень скоро возымели свое действие. Как помнит внимательный наш читатель, ровно через год — в 1579-м, — присоединяясь к возглавляемой Речью Посполитой антирусской коалиции и поддерживая польское наступление на По-

¹ Годовикова Л.Н. Указ. соч. С. 8.

лоцк, Швеция пошлет свой лучший в Европе флот обстреливать русскую крепость Нарву. Таковы (косвенно) были результаты миссии в Швецию знаменитого иезуита.

Таков был Антонио Поссевино, с коим встретился 18 августа 1581 г. и в течение почти целого месяца вел переговоры Грозный русский царь... Перу теперь еще неведомого, действительно талантливого и непредвзятого рассказчика, несомненно, еще предстоит живописать весь блеск, глубину и трагичность **т е х** встреч. Встреч двух едва ли не самых ярких представителей православного Востока и католического Запада. Встреч, во время которых шел все же спор не только о судьбах Ливонии. И, конечно, не только о русских городах, захваченных поляками и шведами. По большому счету, шел тогда спор, который не окончен и донныне, но в котором Иван Грозный все же одержал победу, заставив своего врага действовать так, как это нужно было России...

Прибыв в польский лагерь под Псковом, Поссевино оказался в крайне тяжелом и невыгодном для себя положении. Он видел и сознавал, что ни поляки, ни русские до конца не доверяют ему. Еще менее настроены они были на уступки друг другу. Но при всем том их требовалось каким-то образом склонить к примирению. Историк отмечает, что *«в первое время зимняя квартира Поссевино... составлявшая собственно курную избу, служила только местом, где послы двух воюющих держав обменивались резкостями и со скандалом расходились»*¹... Чтобы достойно выбраться из этого настоящего «псковского болота», католическому агенту потребовалось, наверно, все его красноречие, весь богатейший опыт политика ватиканской школы. Матерый иезуит, он и стал

¹ *Вунтер Р.Ю.* Указ. соч. С. 139—140.

действовать истинно по-иезуитски, страшая одного из противников, другого же пытаюсь сломить вкрадчивой лестью...

Так, убеждая Батория прекратить осаду Пскова, легат Святейшего престола кротко, но настойчиво внушал ему, что занятие это... **бесперспективное**. Что нынешняя война зашла в тупик и лишь отнимает силы, кои разумнее было бы употребить для свершения более необходимого и благого — борьбы с неверными. Для той священной борьбы, к которой согласен теперь присоединиться даже московский князь, чью протянутую руку не стоит отгалкивать. Напротив, с ним лучше заключить мир, и тогда сам король Стефан мог бы возглавить их объединенное христианское воинство в победоносном походе против турок. Тогда была бы окончательно подготовлена почва и для объединения церквей, что уже на века покроет имя короля немеркнущей славой¹...

Одновременно в письме к царю Ивану (9 октября 1581 г.) Поссевино с легкостью, не жалея черных красок, утверждал прямо противоположное. А именно то, что ради заключения мира прежде всего Грозному следует первому пойти на уступки и сдать Баторию Псков. Причем сделать это возможно скорее, так как положение крепости безнадежное и со дня на день ожидается ее падение. Цинично и расчетливо, ни словом не обмолвившись о катастрофической обстановке в польском лагере, легат, дабы еще пуще запугать царя и вынудить его сдаться, продолжал: «В городе очень многие погибают от обстрелов королевских пушек, от болезней и душевной скорби, подобно тому, как и в (окрестных) деревнях многие испытали на себе меч враг... Храмы разрушены или

¹ *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой. — СПб., 1904. С. 269.

обращены в конюшни... трупы взрослых и детей валяются повсюду, и на дорогах их топчут копыта коней. Происходит много убийств и грабежей мирных сельских жителей, на них охотятся с большим азартом в лесах, забыв об охоте на диких зверей. На обширных пространствах видны следы пожаров и невероятного опустошения»¹.

Но невзирая на все эти ухищрения, дело продвигалось медленно. Вопреки ожиданиям Поссевино, король отнюдь не сразу согласился с его заманчивыми планами, убежденный, что мирные переговоры только дадут «Московиту» передышку и возможность стянуть новые силы в западные области². Еще пуще Стефана был недоволен навязчивым иезуитом командующий польскими войсками коронный гетман и канцлер Замойский. С нескрываемой злостью канцлер говорил, что «такого сварливого человека и не видывал; он (Поссевино) хотел бы знать все королевские планы относительно заключения мира с московским царем, он втирался в королевский совет, когда обсуждалась наша инструкция послам. Он готов присягнуть, что великий князь к нему расположен и в угоду ему примет латинскую веру, а я уверен, что эти переговоры кончатся тем, что князь ударит его костью и прогонит»³.

Судя по этим в сердцах высказанным словам, гетман хорошо понял стратегический замысел Грозного и не питал совершенно никаких иллюзий относительно возможности союза Москвы с Римом. Но переговоры все же начались. И пойти на них вынудили поляков отнюдь не убеждения «ватиканского миротворца». Пойти на мирные переговоры с Россией за-

¹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России... С. 97, 108.

² *Possevini A* *Missio Moscovitica.* — Paris. 1882. P. 7—8.

³ *Коялович М. О.* Указ. соч. С. 249.

ставили врага мужественные защитники Пскова, так и не сдавшие свой город.

Разумеется, в Ям-Запольский, где была назначена встреча послов, папский нунций приехал вместе с польской делегацией. Переговоры же начались в 15 верстах от города — в маленькой деревушке Киверова Горка¹ 13 декабря 1581 г. Стараясь и там подчеркнуть особое значение своего присутствия как посланника Святого престола, Поссевино сам взялся вести заседания, сам писал их протоколы, сам же снимал копии с каждого принимаемого документа. При этом он успевал обмениваться письмами с царем, королем и отправлять подробные отчеты в Ватикан. Но даже его, прожженного иезуита, не миновал досадный срыв во время этих напряженных заседаний, продолжавшихся почти месяц. Исторические источники свидетельствуют, что в ходе одного из споров Поссевино не выдержал своей роли беспристрастного посредника... Позабыв дипломатическую сдержанность, он «вырвал из рук (русского) посла черную запись (черновик), бросил оную к двери, а самого посла, схватив за ворот за шубу, все на оной пуговицы оборвал, закричал: «Подите от меня вон из избы. Мне с вами говаривати нечего»².

Впрочем, даже без этого всплеска эмоций русские послы отлично знали, что Поссевино «не прямит» России, о чем и докладывали своему государю. «А нам, — писали они в грамоте от 1 января 1582 г., — видетца, что Онтоней во всех делах с литовскими послы стоит за одно и в приговорах во всяких говорит в

¹ Произошло это по причине того, что в Яме-Запольском не оказалось ни одного уцелевшего строения — ни избы, ни даже сарая, где можно было бы вести заседания делегаций. Все было сожжено, так что пришлось искать место поблизости.

² *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россией и Польшей по 1700 г. — М., 1862, ч. 1. С. 176.

королеву сторону»¹. Чего же добивались поляки и на чем упорно настаивали русские во время столь бурных дебатов, доходивших иногда чуть ли не до рукопашной?

Как было решено на совещании, состоявшемся 22 октября 1581 г. в Александровской слободе, где присутствовал сам Грозный, его наследник Иван Иванович и члены боярской Думы, Россия соглашалась уступить Баторию свои ливонские владения в обмен на захваченные польско-литовскими войсками русские города. Причем строго подчеркивалось, что Москва отдает только те территории в Ливонии, которые захвачены поляками, но никак не шведами. Это важное политическое решение стало основой для инструкций, данных царем своим представителям на Ям-Запольском мирном конгрессе (как называют историки русско-польские переговоры середины зимы 1581/82 г. Оно свидетельствовало о том, что Грозный намерен был уступить Польше и заключить с ней мир исключительно с целью высвободить силы и сосредоточить их на борьбе со Швецией. Борьбы за возвращение России крепости-порта Нарвы, прочих территорий, захваченных шведами в Северной Эстонии². Именно чтобы оставить за собой возможность и право на такую борьбу, царь уже в ходе переговоров неоднократно личными грамотами предостерегал послов, чтобы в перемиренные документы ни в коем случае не были бы включены эти земли. Чтобы, «помирися... с Литовским с Стефаном королем, стати на Свейского (шведского короля) и Свейского бы не замирива-

¹ *Лихачев Н.П.* Дело о приезде Поссевино. — СПб., 1903. С. 171.

² *Иловайский Д.И.* Царская Русь. — М., 2002. С. 332—333.

ти»¹. По всей видимости, государь не мог не знать о начинавшихся разногласиях между Польшей и Швецией как раз из-за ливонских земель, и это придавало ему уверенности в успехе.

Между тем ясно, что Речь Посполитую, желавшую заполучить *все* наследство Ливонского ордена, включая и то, что заняли союзники-шведы, такие условия царя устроить не могли. Жесткие прения по этому вопросу начались уже с самых первых заседаний Конгресса. Поляки требовали заключения мирного соглашения сразу между тремя участниками конфликта, а вместе и признания Россией перехода под власть Польши именно всей ливонской территории — находившейся как в руках русских, так и шведов². Но московские дипломаты, выполняя приказ Грозного, день за днем упорно отклоняли эти требования, довольно резонно указывая: их государь не может уступить Баторию то, чем сам теперь не владеет³. Так что под давлением этой железной логики польские представители пришли в крайнее замешательство и были вынуждены с тревогой обратиться к канцлеру Замойскому (руководившему ими из осадного лагеря под Псковом) за дополнительными инструкциями: следует ли им снять свои предложения или вовсе прервать переговоры?⁴

Но и сиятельный канцлер, по существу, уже ничего не мог изменить. Катастрофа поляков под неприступными стенами Пскова достигла апогея. «*Поло-*

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Т. X. СПб., 1871. С. 257. См. также: Коялович М.О. Указ. соч. С. 176.

² Коялович М.О. Указ. соч. С. 413—414. См. также: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 333.

³ Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. С. 222.

⁴ Коялович М.О. Указ. соч. С. 495.

жение войск тяжелейшее, — писал Замоиский. — Я не продержусь более 8 дней. Надо или скорее заключать мир, или «с посрамлением и опасностью отступить от Пскова»¹.

Вот в таких-то явно не блестящих для польской стороны условиях и был заключен 15 января 1582 года, нет, не мирный договор (хотя г-н Радзинский в своем тексте использует именно это выражение — «заключен мир»). На самом деле 15 января 1582 г. в деревушке Киверова Горка русские и польские представители подписали документ, известный в истории под названием Ям-Запольского перемирия, заключенного между Россией и Речью Посполитой сроком на 10 лет. Согласно этому документу Россия уступала Польше земли, завоеванные в Ливонии за четверть века (исключая Новгородок Ливонский и еще несколько крепостей). Баторий же возвращал русским Великие Луки, Холм, Невель и Велиж. Отказывался король и от требуемой ранее громадной контрибуции. Наконец, как настояли русские дипломаты, в тексте перемирных грамот не оказалось ни единого упоминания о ливонских территориях, захваченных шведами².

И хотя один из знаменитых дворянских историков, высокопарно обвиняя *только* Грозного в уступках, хлестко назвал сие соглашение «самым невыгодным и бесчестным для России из всех, заключенных до того времени с Литвой»³, не стоит забывать, что это было все-таки *первое* большое столкновение России с Речью Посполитой (а по сути — со всем Западом) за стратегически важнейший Прибалтийский плацдарм. Что хотя действительно молодое Российское царство не смогло устоять в этой жестокой 25-летней борьбе,

¹ Коялович М.О. Указ. соч. С. 585.

² Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 400.

³ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 451.

но не столь впечатляющими были и достижения Польши. Совсем наоборот. Невзирая на поддержку всей католической Европы, Польша с каждым годом *слабела* в своей агрессии против России, тогда как «сопротивление (этой агрессии на русских землях) *усиливалось*... Так, в итоге первой кампании на Востоке 40-тысячная королевская армия добилась внушительного успеха, завоевав Полоцк. В ходе второй кампании почти 50-тысячная рать затратила все усилия на покорение небольшой крепости Великие Луки. В последней кампании польское войско не смогло овладеть Псковом»¹ и было **вынуждено** пойти на мирные переговоры с Москвой, не достигнув поставленной ранее цели полного разгрома России. Что касается Прибалтики, то, захватив часть земель в Ливонии, Речь Посполитая тем самым приобрела себе нового непримиримого врага-соперника в лице (бывшего союзника) Швеции, «замирения» с которым так и не допустили дипломаты русского царя.

Иными словами, отрезав Россию от выхода к Балтике, Польша все же и сама не смогла достаточно прочно утвердиться в этом регионе. Вопрос о нем оставался тогда открытым как для Грозного, так и для Батория. И оба государя вовсе не собирались откладывать его решение в долгий ящик. Оба жаждали новой борьбы и победного реванша. О чем ярко свидетельствует, например, официальное заявление польских послов, по приказу Замойского сделанное ими еще в Киверовой Горке 6 января 1582 г. В этом заявлении говорилось, что король Стефан считает все земли Ливонии своей собственностью и будет продолжать их «доставать», кому бы они ни принадлежали².

¹ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С 230.

² Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. № 84.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что, как ни тяжелы были для Российского государства условия перемирия с Польшей, подписанного в январе 1582 г., речь тогда вовсе не шла ни об окончательном поражении одного из противников, ни о безоговорочной победе другого, что и зафиксировал бы соответствующий договор. Нет, речь шла именно о перемирии, т.е. о временной передышке, приостановке боевых действий¹, необходимой *обоим* участникам конфликта. Первая попытка России утвердиться на Балтийском плацдарме, в ходе которой московские войска уничтожили старинный Ливонский орден, закончилась неудачно, пресеченная Западом. Однако русская воля к победе осталась непоколебимой². Россия отступала на исходные рубежи, но от

¹ *Вашишевский К.* Указ. соч. С. 355, 365; *Виттер Р.Ю.* Указ. соч. С. 143.

² Ливонский хронист Бальтазар Рюссов, отмечая эту поразительную боеспособность русских и сравнивая их с немцами, главное преимущество одних над другими видел в том, что, во-первых, русские работящий народ: русский, в случае необходимости, не утомим во всякой опасности и тяжелой работе днем и ночью, и молится богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей: если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может. В-третьих, если русские добровольно сдают крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться на своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они держатся в крепости до последнего человека, **«скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно, где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться»**. (цит. по кн.: *Виттер Р.* Иван Грозный. С. 125.). Прибалтийскому хронисту вторит польский аббат Пиотровский, откровенно удивляясь тому, что успели сделать русские в Ливонии. «Нас всех изумило, — писал он в своем Дневнике, — что во всякой крепости мы находили множество пушек, изобилие пороха и ядер, больше чем мы сами могли набрать в нашей собственной стране... мы точно приобрели маленькое королевство, **не знаю, сумеем ли мы что-нибудь сделать с ним...**» (*Пиотровский И.* Дневник последнего похода... С. 185).

дальнейшей борьбы не отказывалась, и это был главный итог Ливонской войны Ивана Грозного.

Так, историк отмечает, что «еще до завершения переговоров в Яме-Запольском русское правительство развернуло подготовку к военному походу против шведов. В первой половине декабря 1581 г. в Новгороде начался сбор войск, которые царь и его советники... рассчитывали направить на шведский фронт. Сбор войск продолжался на протяжении всей второй половины декабря и на рубеже 1581/82 г., когда уже были урегулированы основные спорные вопросы между Россией и Речью Посполитой и принято окончательное решение об организации похода «на свейские немцы»¹.

7 февраля 1582 г. по приказу Грозного русские войска под командованием воеводы М.П. Катырева-Ростовского начали наступление с целью освободить русские крепости, захваченные шведами недалеко от Новгорода. Неприятель попытался их остановить, но потерпел серьезное поражение, разбитый передовым русским отрядом близ деревушки Лялицы². «Ситуация в Прибалтике стала заметно изменяться в пользу России, что не осталось незамеченным политиками Речи Посполитой. Уже в марте старосты пограничных замков информировали короля об успехах русских авангардов, за которыми, как они сообщали, должны были выступить в поход «добывать Нарву» главные силы русской армии. Перспектива возвращения Россией потерянного выхода к Балтийскому морю вызвала большое беспокойство у короля и его окружения»³. Впрочем, «беспокойство» — это еще мягко сказано. Король Стефан был

¹ Флоря Б. Указ. соч. С. 28.

² Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 324—325.

³ Флоря Б. Указ. соч. С. 28.

взбешен. Он готов был рвать и метать от одной лишь мысли, что Нарва вновь может достаться русским. С целью исключить самую возможность такого поворота событий, Баторий немедленно отправил своих представителей к барону Делагарди, а затем и лично к королю Юхану с ультимативным требованием передать полякам Нарву и остальные земли Северной Эстонии. За эту уступку шведам обещана была значительная денежная компенсация и помощь в войне с Россией¹...

Тогда же был отправлен с королевскими грамотами гонец и в Москву. В этих грамотах Баторий, угрожая срывом только что заключенного перемирия, требовал, чтобы до приезда в Россию «великих послов» Речи Посполитой для ратификации Ям-Запольского соглашения царь Иван запретил своим людям «входить» «под замки наши Нарву и иные, которые полвек в границах земли Ифляндские суть»².

Однако совсем не эти угрозы и требования принудили царя не развивать, а действительно остановить столь успешно начатое наступление русских войск против шведов. Исследователь указывает, что королевский гонец был принят государем 26 апреля 1582 г., между тем как еще за неделю до вышеупомянутого приема, согласно Разрядным записям, состоялся «приговор» царя и боярской Думы о необходимости срочной переброски с севера и сбора войск на Оке против крымского хана³. Там, на восточном и юго-восточном пограничье, снова было неспокойно...

¹ См.: *Новодворский В.В.* Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория. — Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Ноябрь. С. 37—38.

² Книга Посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 2. № 87, 89. С. 246—247.

³ *Флоря Б.* Указ. соч. С. 30.

Еще во время тяжелых боев с наступающей армией Батория под Полоцком, Великими Луками, Псковом в Москву стали приходиться тревожные вести о том, что ногайский князь Урус обратился к волжским черемисам с подстрекательским призывом выступить против власти Ивана Грозного. И волнение действительно вспыхнуло — при прямой поддержке ногайских мурз конница которых (численностью до 25 000 человек), нападая со стороны Астрахани, опустошала белевские, коломенские и алатырские земли¹. Так что отправленных на Волгу всего трех царских полков оказалось недостаточно для восстановления порядка в огромном крае, волнение продолжало расти. «В этих условиях прорыв Крымской орды мог привести к очень опасным для России последствиям. Очевидно, желая избежать такой опасности, русское правительство и приняло решение перебросить войска, временно отказавшись от наступления на Швецию»².

А между тем король Юхан вовсе не собирался отдавать полякам Нарву вкуче с остальными шведскими владениями в Ливонии (ответив на грубый ультиматум Батория столь же грубым отказом). Нет, Нарву Шведское королевство намеревалось оставить себе. И не только ее. Живо стремясь воспользоваться внутренними трудностями Русского государства (в Стокгольме ходили слухи даже о смерти Грозного и скором распаде его царства), Юхан планировал захватить также **Новгород** (население которого, согласно королевской инструкции от 28 июля 1582 г., командующий шведскими войсками барон Делагарди должен был убедить перейти под власть шведской коро-

¹ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. — М., 1986. С. 84.

² Флоря Б. Указ. соч. С. 31. См. также: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 333.

ны), а потом *Псков, Гдов, Ладогу и Порхов — т.е. единым махом отсечь весь северо-запад России, не меньше...* Однако Москва опять нашла возможности и силы разрушить и этот хищный замысел.

Во-первых, агрессивные намерения шведов вызвали тревогу не только у русского правительства. Пожалуй, еще больше Грозного их успеха опасался... Стефан Баторий. Опасался, что бывшие союзники просто-напросто опередят его в захвате как ливонских, так и русских территорий. И страх этот был столь велик, что заставил гордого мадьяра совершить шаг поистине для него невероятный, а именно обратиться к люто презираемому и ненавистному царю Ивану с предложением... объединить силы и вместе воевать против шведов. Причем теперь он соглашался даже на то, чтобы Россия *вернула* себе новгородские пригороды, захваченные ранее войсками Делагарди и с большими спорами так и не включенные в текст Ям-Запольского перемирия.

Беспрецедентное заявление об этом, как, опираясь на архивные документы, показывает в своей работе историк Б.Н. Флоря, сделали послы Речи Посполитой на официальном приеме у Грозного 12 июля 1582 г. Не желает ли государь, говорили послы, чтобы он «с государем нашим Стефаном королем был на свейского заодни». Король Стефан отобрал бы у него Эстонию, а царь мог бы вернуть «свою вотчину Новгородскую (новгородские земли), Ивангород и прочие города»... В заключение они просили, если эти предложения окажутся для царя приемлемыми, выслать послов с надлежащими полномочиями на ближайший сейм¹.

¹ Флоря Б. Указ. соч. С. 32.

Как же поступил в сложившейся обстановке Иван? Несомненно, он чувствовал, что в воздухе снова пахнет войной. Большим столкновением за ливонское наследство, которым не дали овладеть ему, но за которое вот-вот готовы сцепиться в свирепой сватке два его сильнейших противника. И... предпочел *не мешать* им. Он решил, что для России теперь лучше поберечь силы, выждать, пока они будут заняты взаимным уничтожением. Выждать и со временем все-таки нанести решающий удар уже ослабленным соперникам... Будущее показало, сколь точен был и этот расчет Грозного царя, когда действительно, столетие спустя, «после отчаянной борьбы обе стороны (т.е. Польша и Швеция) дали возможность своему общему врагу отплатить и той и другой»¹...

А пока, следуя давней привычке опытного дипломата, ни единым словом не поддержав и не отвергнув спешно выдвинутую Речью Посполитой идею антишведского союза, Иван лишь предложил Стефану для начала подписать соглашение, по которому не только сам обязывался в течение 10 лет «ничем не вступаться» в города шведской Прибалтики, но и польская сторона взяла бы на себя аналогичное обязательство в ходе военных действий против шведов «не вступаться» на захваченные ими русские земли. Предложение было рассмотрено и быстро подписано². Так, принятием этого на первый взгляд невыгодного, ограничивающего свободу действий России документа царь добился безопасности от возможного захвата поляками новгородских земель, находящихся под властью Юхана. Но одновременно сам фактически уклонился от реальной борьбы против Швеции на стороне Речи Посполитой. Воевать за ее интересы и,

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 359.

² *Флоря Б.* Указ. соч. С. 32.

следовательно, за ее победу, ее укрепление, в том числе и в Прибалтике, Иван не желал. Он всегда воевал только за свои интересы и за свою отчину...

Между тем, пока шли летом 1582 г. вышеупомянутые русско-польские консультации, войска Делагарди приступили к осуществлению разработанного в Стокгольме плана захвата русских северо-западных земель. Наступление их было стремительным, но столь же стремительно и захлебнулось в собственной крови. Шведов постигла та же участь, что ранее войска Батория. Осадив в октябре знаменитую русскую крепость Орешек, они уже в начале ноября были вынуждены эту осаду прекратить. Как отмечает исследователь, «шведская армия оказалась полностью деморализованной, **офицеры обратились с письмом к самому королю, заявляя, что они не в состоянии выполнять приказы командующего**, и требовали мира». Именно под давлением этих требований король Юхан, отказываясь от своих самонадеянных планов аннексии русского северо-запада, и обратился к Ивану с предложением урегулировать отношения. Глубокой осенью 1582 г. состоялись первые встречи официальных представителей обеих воюющих сторон, начались переговоры, завершившиеся в августе 1583 г. подписанием (в местечке Мыза, что при устье Плюсы и в семи верстах от города Нарвы, находится теперь на территории Эстонии) двухлетнего перемирия¹. Перемирия, правда, на условиях status quo — т.е. с уступкой шведам захваченных ими в предшествующие годы новгородских крепостей — Яма, Копорья, Ивангорода. Но не более.

Однако и здесь г-н Радзинский с презрительной ухмылкой торопится объявить: «Мир со Швецией был еще унижительней (чем с поляками)», — сообщает

¹ Флоря Б. Указ. соч. С. 34.

он в своих глубокомысленных зарисовках, естественно, ни сном ни духом при этом не вспомнив ни о русской победе под Орешком, ни вообще о том, что подписанное тогда соглашение со шведами (как ранее Ям-Запольское с Речью Посполитой) было не окончательными «миром», но только перемирием, что является весьма большой разницей в дипломатическом лексиконе. И свидетельствовало оно в первую очередь не о поражении, а о том, что, подписывая со Швецией перемирие «на столь краткий, двух-летний срок, русские политики рассчитывали... что с началом польско-шведской войны им удастся все же вернуть захваченные шведами новгородские пригороды, *и не хотели связывать себе руки*»¹.

В пользу возможности подобного реванша говорило многое. Но прежде всего — исторический факт того, что после тяжелейшей 25-летней Ливонской войны, потребовавшей огромных человеческих жертв и материальных затрат, Россия все-таки смогла *остановить* развязанную против нее агрессию сильнейших западных стран. Что, как уже отмечалось выше, сопротивление этой агрессии с каждым годом не только не падало, а, напротив, *росло*. Незирая на очевидное военное превосходство, враг не смог добиться от Москвы значительных уступок собственно русских территорий и был вынужден пойти практически на ничейный результат. Ценой колоссального напряжения, но созданное Грозным государем в великих муках и испытаниях могучее Российское царство устояло, ему необходима была лишь передышка, чтобы продолжить свою исполинскую борьбу. И бог знает как пошла бы дальше история Евразийского континента, если бы Иван IV действительно успел победно завершить этот замысел...

¹ Флоря Б. Указ. соч. С. 34.

Но глубоко прозорливое стремление Грозного прорваться к морю, утвердить русские рубежи на важнейшем Прибалтийском плацдарме удастся осуществить только 140 лет спустя императору Петру Великому, в результате *не менее продолжительной* и тяжелой, чем это было у Грозного царя, двадцатилетней Северной войны. Самому же Ивану к моменту заключения Ям-Запольского и Плюсского перемирий оставалось жить не более двух лет. Жить со страшной болью, которой нет утешения. Жить, оплакивая смерть собственного сына...

МИФ О «ТИРАНЕ-СЫНОУБИЙЦЕ»

Да, добрый наш, терпеливый и внимательный читатель! Здесь мы подошли к самой тяжелой, самой мрачной загадке царствования Ивана Грозного, которая жутким кровоподтеком заволакивает, напрочь скрывая от потомков его подлинный образ, реальные дела и свершения, отталкивая, уничтожая самое желание их понять. Легенда о том, как в припадке гнева убил он своего сына, запечатленная на холсте даже великим русским живописцем, словно проклятие, из века в век довлеет над именем Грозного царя, сама по себе став наиболее ярким «доказательством» его «тиранства» и «психической ненормальности».

Конечно, следуя излюбленным приемам дешевой беллетристики, наш всезнающий историософ не отказал себе в удовольствии «обыграть» эту легенду возможно более отвратительно. Причем с мерзкой изощренностью усилив ее и без того тягостный смысл ссылкой на заключение антрополога М.М. Герасимова, данное ученым после исследования останков старшего сына Грозного — Ивана Ивановича. Заключение о том, что ввиду повышенной влажности в саркофаге череп царевича Ивана сохранился плохо, поврежден, почему и восстано-

вить внешний облик царского сына оказалось невозможно¹. По всей видимости, именно это заключение позволило нашему автору, мягко говоря, снова несколько отступить (или дополнить?) показания некоторых исторических источников, а конкретно — «Исторического сочинения о России» уже известного читателю Антонио Поссевино...

Дело в том, что папский легат, действительно являющийся одним из первых, кто поведал миру о якобы произошедшей трагедии в царском дворце Александровской слободы, на страницах своих «Записок», где ему не было совершенно никакой надобности ни смягчать характер упоминаемых событий, ни тем более сколько-нибудь оправдывать Грозного (как раз наоборот!), передавая обстоятельства кончины наследника, по сути ограничил все только случайной семейной ссорой, хоть и со смертельным исходом. Как-то, сообщает Поссевино, царь неожиданно застал свою беременную невестку недостаточно одетой. Эта небрежность рассердила его, он сделал женщине суровое порицание. А молодой царевич, попытавшийся заступиться за жену, тут же сам получил от разгневанного отца удар тяжелым посохом, который попал «почти в висок»² и стоил наследнику жизни. На четвертый день он умер... Нереальность, явная целенаправленная надуманность передаваемой «сцены» сама бьет в глаза. (Сцены, которой Поссевино, кстати, **не мог видеть**, ибо посетил Россию (вторично) только три месяца спустя после смерти царевича. По собственному признанию, он записал лишь придворные **слухи**...) Но для нас в данный момент важно даже не это. Важно другое,

¹ Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М.М. Герасимова. — М., 1973. С. 24—33.

² Поссевино А. Указ. соч. С. 50.

важно то, что, хотя и утверждая: убийство было, сей искушеннейший автор-иезуит, отлично сознававший, что его слова уйдут в века, тем не менее ни единым, хотя бы слабым намеком не додумался сказать, что оно было преднамеренным или, точнее, было осуществлением долго вынашиваемого подспудного **желания** чересчур подозрительного царя-тирана покончить с сыном-соперником. Нет, все это «домыслил» за святого отца инквизитора, мастерски «дорисовал» в своем тексте уже г-н Радзинский. Цинично используя сообщение о «поврежденном», истлевшем за четыре сотни лет черепае, он со сладостной жестокостью вещает доверчивому обывателю: царевич пал жертвой отнюдь не минутного гнева отца. «Вскрытие могилы подтвердило» — это было «зверское избиение», опровергающее «известную версию о том, что убийство случилось из-за пустячной ссоры». «Иван не просто убил — он убивал... Боярин Борис Годунов, который пытался вмешаться, был весь изранен... Чтобы так убивать, нужны были серьезные причины...» Какие? Увы, ответ и на сей вопрос у нашего историка не блещет оригинальностью, как и вся вышеприведенная версия. Главной причиной, толкнувшей Грозного на сыноубийство, считает он, был «постоянный маниакальный страх, владевший деспотом». Именно страх «заставил его подозревать даже сына. Царя пугало, что сын так похож на него, что смеет он осуждать сдачу Полоцка и даже хочет возглавить войска в Ливонии. Он уже тогда носил в тайниках своей души страшную мысль: его сын замышляет против него... И оттого ничтожный повод — ссора из-за жены — вызвал бешеный гнев». Но очень скоро «кровь покорно умирающего сына вернула несчастного царя к реальности. Его безумие оставило страну без наследника... На трон после него теперь должен был сесть второй сын, Федор, — жал-

кий карлик с «семейным» крючковатым носом. Таково было божье наказание»...

Кстати, последняя радостная фраза о смерти старшего сына как «божьим наказанием», якобы постигшем на склоне лет царя-изверга, заимствована нашим глубокомысленным повествователем уже не из сочинений Антонио Поссевино, а у другого автора-иностранца, тоже писавшего о загадочной смерти царевича. Правда, в отличие от г-на Радзинского, без тени сомнения утверждающего, что молодой Иван был «весь в отца», столь же необуздан, жесток, развратен и, повзрослев, наравне с родителем всегда принимал участие во всех злодеяниях рассматриваемой эпохи, так вот в отличие от этого «психологического портрета» Джером Горсей, английский купец и дипломат, отзывается об Иване Ивановиче совсем по-другому. Неоднократно посещая Россию в качестве посланника английской королевы Елизаветы и лично встречавшийся как с самим царем, так и с его сыном-наследником, Джером Горсей в своих мемуарах сообщает, что последний производил впечатление **«мудрого, мягкого и достойного царевича (the prince), соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью»**¹. Исходя из этой характеристики принца Ивана, мистер Горсей дал совершенно иное, чем отец иезуит Поссевино, объяснение причины рокового конфликта между царем и наследником. Англичанин считает: толчком к нему послужила отнюдь не неряшливость царской снохи, а вещь гораздо более серьезная — разногласия между отцом и сыном по вопросу о методах управления, о чрезмерной жестокости Грозного к своим подданным. «Царь, — пишет Горсей, — разъя-

¹ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. — М., 1990. С. 81.

рился на царевича Ивана *за его сострадание к этим забитым бедным христианам...* Кроме того, царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше его любили царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину... царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня»¹.

Коротко говоря, перед нами, читатель, предстает действительно совсем другая версия, в которой и молодой царевич уже не «весь в отца», а прямая ему противоположность, да и смертельный царский «удар посохом в висок» вырисовывается всего лишь пощечиной. Кому же верить? Кому из вышеозначенных авторов-иностранцев отдать предпочтение? Тем более что существует и еще несколько свидетельств современников, опять-таки по-своему передающих причины и обстоятельства смерти цесаревича...

Например, польский хронист Рейнгольд Гейденштейн, составивший весьма содержательные, а потому неоднократно цитировавшиеся здесь «Записки о Московской войне» (т.е. о походах Стефана Батория на Россию). Правда, в самой Москве хронисту никогда бывать не доводилось, и информация, даваемая им о происходивших там событиях, уже не столь достоверна, чем, скажем, о передвижении польских войск. Между тем, не упоминая ни имени сего автора,

¹ *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. С. 80. Причем, как подчеркивает А.А. Севастьянова автор используемого здесь перевода «Записок», а также вступительной статьи и комментариев к ним, на полях рукописи Горсея, **НО НЕ ЕГО РУКОЙ**,azole слов «дал ему пощечину» имеется сделанная каким-то таинственным редактором роковая **ПРИПСКА**, оставшаяся в тексте навсегда и в корне меняющая излагаемую Горсеем версию смерти царевича: «Thrust at him with his piked staff», т.е. «метнул в него своим острым посохом». — См.: там же С 187. **КТО** и когда позволил себе таким образом «подправить» рукопись английского дипломата, мы, пожалуй, уже не узнаем. А вот **ЗАЧЕМ** — понять можно...

ни названия его труда (хотя это в данном случае очень важно), именно трактовку Гейденштейна использует в своем тексте г-н Радзинский, рассказывая, что страшные подозрения и гнев царя на сына могло вызвать несогласие царевича с уступкой полякам Полоцка и его желание самостоятельно возглавить русские войска в Ливонии. Правда, если до конца точно следовать Гейденштейну, то Иван Иванович рвался тогда не в Ливонию, а «сразиться с королевскими войсками» под Псковом. Но... так и не смог этого сделать. Ибо «немного спустя» царь ударил сына жезлом, после чего «тот или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер»¹.

«В духе Гейденштейна и со ссылкой на Поссевино» о жестком споре между сыном и отцом о целесообразности присылки дополнительных войск под Псков, во время которого будто бы молодой наследник был ранен царем и назвал его «кровавой собакой», сообщал также (правда, уже *полгода* спустя после упоминаемого события) в письме от 10 мая 1582 г. и один из военачальников Батория — Г. Фаренсбек. Наконец, этой же канвы (лишь с незначительными вариациями в подробностях) придерживаются немецкий протестантский пастор П. Одеборн, автор знаменитого, отличающегося особенной злобностью памфлета на Грозного царя², и более поздний мемуарист И. Масса, писавший уже в XVII столетии³.

¹ Гейденштейн Р. Указ. соч. С. 213, 242.

² По мнению историка, «памфлет пастора превосходит другие иностранные записки *обилием грубых вымыслов и фантазий*». См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный С. 445.

³ Краткий обзор этих источников см: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. — М., 1986. С. 91—92.

Иными словами, хотя красочная легенда «о царевиче Иване — ратоборце за Псков» имеется в Псковском летописце и, как полагает один из исследователей, «скорее всего родилась на Псковщине, где пытались как-то осмыслить, почему же Грозный не оказал действенной помощи осажденному городу и связывали это с гибелью Ивана Ивановича»¹, все-таки большинство авторов, отстаивающих версию «Иван Грозный — сыноубийца», это авторы-иностранцы. **Ни один из них**, как было показано выше, **не являлся непосредственным очевидцем описываемой трагедии**. Не было также в руках этих писателей-обвинителей ни единого достоверного документа, свидетельствующего о том, что это горестное событие действительно произошло. Но тем не менее в своих и без того крайне тенденциозных по отношению к России сочинениях они единым слаженным хором говорят практически одно и то же: Грозный деспот — не только мучитель своей страны, он — убийца собственного сына. Так, видимо, не одолев крепнущую Россию в открытом столкновении на Балтийском плацдарме, заклятые враги решили нанести великому русскому государю более коварный и жестокий удар, на веки пригвоздивший его к позорному столбу истории.

Так с подачи иезуита-инквизитора, католического хрониста, и прочих не менее одиозных авторов родился «миф о тиране-сыноубийце»... Фактически же это можно назвать первой в истории попыткой своего рода информационного заговора, блокады. Первым пробным залпом той беспощадной информационной войны, которую Запад с упорной ненавистью и поныне ведет против России. Залпом, направлен-

¹ *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. С. 90.

ным на политическую и — главное! — моральную дискредитацию наиболее сильного противника, каким был для западных агрессоров Грозный русский царь. Личная драма Ивана — неожиданная смерть старшего сына 19 ноября 1581 г. (смерть, о которой русские летописи говорят именно как о кончине, а не убийстве: «Ноября 19 преставился царевич Иван Иванович на утрени, а лет его 28»¹), эта драма немедленно кощунственно и цинично была использована заинтересованными лицами. Был пущен слух, послана по миру жуткая ложь: царевич умер не естественной смертью. Царь сам, своими руками убил его... Причем, как указывает выдающийся русский церковный публицист митрополит Иоанн (Снычев), нелепость этой первой версии «мотивов убийства», высказанной Поссевино — скандал из-за жены царевича, — «уже с момента возникновения была так очевидна, что потребовалось «облагородить» рассказ, найти более «достоверный» повод и «мотив» «убийства». Так появилась другая сказка — о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца и был убит царем по подозрению в участии в боярском заговоре»².

Следуя исключительно этим откровенно русоненавистническим «сказкам», наш досточтимый телелитератор снова не поставил в известность ни зрителя своего, ни тем паче читателя о том, что существует — все же существует! — непобедимо, как сама правда, продираясь сквозь толщу многовековой клеветы, действительно *другая* версия кончины царевича Ивана. Версия не «гибели от руки отца», но его ес-

¹ Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 3 (1864). — СПб., 1865. С. 6 См. также: «того же году (7090) преставился царевич Иван Иванович в Слободе». — ПСРЛ. Т. 4. С. 320.

² *Иоанн (Снычев)*. Указ. соч. С. 174.

тественной смерти от болезни. Смерти, которую он, возможно, задолго предчувствовал сам. Предположения об этом, в отличие от «свидетельств» иностранцев, как опять-таки указывает митрополит Иоанн, «имеют под собой документальную основу»¹. Думается, читатель вправе ознакомиться и с ними...

Начнем с того, что англичанину Джерому Горсею молодой наследник царя далеко не случайно запомнился человеком «мудрым и мягким». Эти чудом уцелевшие *осколки* разбитого, злобно раскромсанного и оплеванного образа царевича, как и образа его отца, действительно передают нам реальные черты личности старшего сына Ивана Грозного. Иван Иванович в самом деле был очень похож на отца. Похож прежде всего глубокой образованностью, искренней верой. Именно поэтому «еще в 1570 г., — пишет церковный автор, — болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоящего ему царского служения, пожаловал в Кириллов-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад — тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопровождал вклад условием, чтобы «ино похочет постричися (принять постриг), (то) царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати». Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня — скорее всего время предсмертной болезни царевича». Наконец, добавляет тот же автор, «в последние годы жизни Иван Иванович все дальше и дальше отходил многомятежного

¹ *Иоанн (Снычев)*. Указ. соч. С. 175.

бурления мирской суеты. Эта «неотмирность» наследника престола не мешала ему заниматься государственными делами, воспринимавшимися как «божие тягло». Но душа его стремилась к Небу. Документальные свидетельства подтверждают силу и искренность этого стремления. В сборнике библиотеки Общества истории и древностей помещены служба преподобному Антонию Сийскому, писанная царевичем в 1578 г., «Житие и подвиги аввы Антония чудотворца... переписано бысть многогрешным Ивановом» и похвальное слово тому же святому, вышедшее из-под пера царевича за год до его смерти. Православный человек поймет, о чем это говорит...»¹

Кстати, о духовных сочинениях Ивана Ивановича, сохранившихся в архиве графа Ф.А. Толстого (и действительно опубликованных в многотомной Библиотеке императорского Общества истории и древностей российских), вспоминает в своей книге о Грозном историк Казимир Валишевский. Но... ограничивается по сему поводу лишь снисходительным указанием на то, что царевич был-таки «не чужд образования»². В большинстве же прочих исследований сам факт существования этих рукописей и вовсе обходится глухим, бессильным молчанием. Ведь тогда потребовалось бы, волей-неволей нарушая вековое табу, пересмотреть, глубинно переосмыслить всю привычную схему убогих (так и разящих за версту непримиримым «классовым подходом») представлений о «жестоком и разнузданном» наследнике тирана. Наследнике, у которого с отцом, по «свидетельству» пастора Одеборна, даже любовницы были

¹ Иоанн (Снычев). Указ соч. С 175.

² Валишевский К. Указ. соч. С. 391 См. также: *Иловайский Д.И.* Царская Русь. — М., 2002. С. 340—341.

общие, и коими отец и сын, ради дикой прихоти, время от времени менялись друг с другом...

Между тем о кончине царевича так или иначе сообщают не только иностранные авторы. И не только русские летописи. Читатель должен знать (хотя г-н писатель-историк Э. Радзинский снова не предоставляет ему этой возможности): **о смертельной болезни сына говорил сам Грозный**. В личном послании из Александровской слободы, адресованном боярину Н.Р. Юрьеву и дьяку А. Щелкалову, царь писал: «Которого вы дня от нас поехали и того дня Иван сын разнемогся и нынече *конечно* болен и что есма с вами приговорили, что было нам ехать к Москве в среду заговевши и нынече нам для сыновии Ивановы немочи ехать в среду нельзя... а нам докудова бог помилует Ивана сына ехать отсюда невозможно»¹. Послание датируется серединой ноября 1581 г., т.е. действительно последними днями жизни царевича. Но, как видим, в нем отсутствует даже слабый намек на какие-то серьезные разногласия, трагический конфликт между отцом и сыном. А ведь именно в своих письмах царь всегда был предельно эмоционален. Именно в них — когда с презрительной надменностью или едким сарказмом, а порой и с пронзающей горечью — говорила его пылкая, искренняя душа, не таившая ни доброго, ни злого, ясно сознававшая все свои пороки и «язвы духовные». А потому случись действительно нечто страшное в те ноябрьские, уже по-зимнему стылые дни, и оно неминуемо прорвалось бы на бумагу десятками, сотнями самобичующих слов, подобных тем, что на веки остались в Завещании Грозного: «От божественных заповедей ко ерихонским страстям

¹ Лихачев Н.П. Дело о приезде в Москву А. Поссевино — СПб., 1903. С. 58. См. также: Скрынников Р.Г. Великий государь... С. 534.

пришед, и житейских ради подвиг прелстихся мира сего мимотекущею красотою... Лемеху уподобихся первому убийце, Исаву последовах скверным невоздержанием»¹...

Но нет. Ничего подобного в *т о м* письме нет. В нем нет даже такой присущей Ивану Васильевичу фразы, как «по грехам моим» (все беды и неудачи царь неизменно объяснял в первую очередь своими же собственными грехами, просчетами, ошибками). Он скажет эти слова позднее, на заседании боярской Думы, собранной уже после похорон наследника. А пока в царской грамоте чуть слышно лишь глухое мужское отчаяние, молчаливо-безысходное горе отца, на глазах у которого умирает сын. Именно оно сделало речь государя столь сдержанной и отрывистой: «Сын конечно болен, ехать нельзя...» Правда, цитируя это же самое послание, современный исследователь услышал в нем другие, более привычные мотивы. По его мнению, Грозный писал четыре дня спустя после ссоры с сыном, когда тот уже лежал на одре, а сам царь «колебался между страхом и надеждой и гнал от себя мысль, что «немочь» наследника смертельна. В Слободу были спешно вызваны медики, но их вмешательство не помогло. На одиннадцатый день болезни, 19 ноября 1581 г. царевич Иван умер от нервного потрясения»².

Итак, «удар в висок», «зверское избиение», «пощечина», наконец, «падучая болезнь», «нервное потрясение»... Что угодно, лишь бы не тихая кончина на руках у скорбящего отца. Какие угодно ужасы, лишь бы не действительное понимание человеческой боли... А посему, как это не раз уже случалось выше, приведа

¹ Послания Ивана Грозного. С. 524.

² *Скрынников Р.Г.* Великий государь... С. 534.

все показания наиболее значимых исторических источников, а вместе и мнения специалистов, мы снова предоставим внимательному читателю сделать свой, ни от кого не зависимый и, следовательно, непредвзятый вывод...

Смерть старшего сына и наследника, как когда-то уход из жизни горячо любимой Анастасии, был еще одним тягчайшим испытанием для Грозного царя. Он в который раз остался один на один с собственной жестокой долей. Ему снова не на кого было положиться, не от кого ждать ни помощи, ни человеческого сострадания. Эта горькая и невосполнимая утрата вконец расшатала здоровье государя, без того серьезно подорванное. Подорванное, к слову сказать, не только «разгульным образом жизни», как стараются убедить нас чужеземные мемуаристы. Довольно вспомнить, что Иван IV с семнадцати лет лично принимал участие во всех без исключения войнах, которые вела его молодая держава. Никогда не щадил он себя и во время кратких мирных передышек. Мощные громовые раскаты русских пушек, обстреливающих казанский Кремль и ливонские замки, сменялись неистовыми спорами в боярской Думе, бессонными ночами за столом с рабочими бумагами, летописями, книгами (не забудем: именно Грозный, поддержав Ивана Федорова, основал первую в России типографию!¹). Далекie «объезды» вотчин чередовались с многодневными допросами, «перебором людишек», холодная жестокость смертных приговоров — с горячей, исступленной, до кровавого пота, молитвой. Все это было реальностью его

¹ Эта типография вскоре сгорела, подоженная по чьему-то злому умыслу, и царь приказал возобновить печатное дело уже не в Москве, а в своей личной резиденции — Александровской слободе.

жизни. Все требовало огромных физических и нервных перегрузок, дотла сжигавших силы могучего некогда организма. Думается, прежде всего они стали причиной того, что Грозный уже в 51 год выглядел глубоким старцем. Его постоянно мучили сильные боли в позвоночнике и суставах. Однако истощались силы телесные, но никак не духовные. Душа Ивана по-прежнему принадлежала России. Священный долг царского служения звал его бороться за свою отчину даже после кончины сына...

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГРОЗНОГО. КОМУ БЫЛА НУЖНА СМЕРТЬ ЦАРЯ

Выше мы не случайно стремились подробнее напомнить нашему читателю как о героической обороне Пскова, так и обо всех последующих перипетиях заключения Ям-Запольского и Плюсского перемирий. Дело в том, что последний кризис в болезни и кончина царевича Ивана приходится как раз на момент, когда стало ясно, что войска Батория не в состоянии взять Псков. Что уже не русские, но сами поляки, замерзающие в болотах Псковщины, желают и готовы идти на мирные переговоры с Москвой... Тогда перед царскими дипломатами встала задача — используя это фактическое преимущество, добиться от противника возможно более приемлемых для России условий перемирия. И читатель видел, как чутко следил государь за ходом этих переговоров. Как глубоко продуманно руководил действиями русских посланников, отправляя им инструкцию за инструкцией, требуя не делать полякам никаких значительных уступок. И добился своего: Польша отказалась почти от всех завоеваний в России.

Но, к сожалению, до сих пор никто из авторов, так или иначе касавшихся «тайны Грозного», не пожелал отметить, что это было достигнуто именно в первые,

самые тяжелые для государя месяцы траура по царевичу. Как, следовательно, не было отмечено и высокое мужество его характера, при огромном личном горе все же не потерявшего способности и — главное! — *вали* по-прежнему сосредоточенно и целеустремленно заниматься делами государства... Все опять-таки перекрывает весьма специфический «образ», рисуемый Антонио Поссевино и другими подобными ему «свидетелями». «Образ» человека, находящегося на грани психического помешательства, а значит, малоспособного на какие-либо разумные действия. Так, по словам иезуита, обезумевший от ужаса содеянного собственными руками, «царь-сыноубийца» часто вскакивал тогда ночами, оглашая дворцовые покои страшными воплями, драл на себе волосы и, наконец, вовсе объявил, что намерен уйти в монастырь, в связи с чем будто бы даже созвал боярскую Думу и прямо поставил вопрос о своем преемнике¹... Но «наученные прошлыми играми царя-актера бояре ему не поверили», — снова дополняет Поссевино г-н Радзинский. «Нет! — пишет он, — учуяв опасную ловушку, придворные сразу раболепно ответили государю, что желают иметь царем только его самого, Ивана, и никого более...»

Однако сами исторические факты опровергают эти откровенно клеветнические домыслы. Да, несомненно, в глубоком трауре, да, с тяжелейшей болью в груди, но Иван *работал*, неустанно продолжая защищать интересы своей страны. И хотя то заседание боярской Думы после кончины царевича, о котором говорит Поссевино, в самом деле могло и даже должно было состояться, но вряд ли шла на нем речь об *отречении*. Скорее всего государь собрал бояр для того, чтобы в соответствующей торжественной об-

¹ *Поссевино А.* Указ. соч. С. 51

становке официально провозгласить имя нового наследника престола, как требовал того строгий дворцовый обычай. Думать об отречении ему было некогда.

Так, в 1584 г. Иван IV отдал приказ о начале строительства большого города-порта при впадении Северной Двины в Белое море. По его замыслам этот порт должен был возместить потерю Нарвы, восстановив русскую торговлю с Европой через северный морской путь. Новый город станут называть Архангельском, и именно в нем столетие спустя Петр I примет решение о развитии русского мореплавания, о создании флота. Как видим, и в этом знаменитый император прямо шел по стопам своего Грозного предшественника.

В те же последние годы жизни Ивана Васильевича добровольно присоединилась к Российскому царству Сибирь. Однако явно вынужденно вспоминая сие, без преувеличения, великое событие, г-н Радзинский с нескрываемым злорадством выуживает из огромного количества фактов и легенд, связанных с этим событием, лишь одну — о «проклятом царском подарке» — роскошных воинских доспехах, в коих и погиб славный казацкий атаман Ермак.. Между тем кому как не автору-историку следовало бы знать и напомнить своему зрителю: экспедиция Ермака Тимофеевича имела давнюю предысторию, и имя Грозного царя играло в ней не такую уж «проклятушую» роль...

Например, г-ну Радзинскому следовало сказать о том, что к XVI в. государственность сибирских народов находилась еще в зачаточном состоянии. Разрозненные и малочисленные племена¹ остяков и

¹ По данным историков, археологов, этнографов, лингвистов, население Западной Сибири тогда не превышало 200 000 человек — население небольшого современного города...

вогулов, югры и самоедов часто воевали между собой под предводительством местных князьков, а это сильно снижало их общую обороноспособность в борьбе с внешними агрессорами. Так, к началу 50-х годов того же века сын бухарского хана Муртазы Кучум, собрав под свое начало узбекских, ногайских и башкирских кочевников, повел их в поход на сибирского хана Едигера — с единственной и простой целью: свергнуть противника и самому править его землей. Возможности защищаться от них у властителя Сибири не было никакой. Тогда-то и отправились впервые специальные послы хана Едигера — Тягрупп и Панчады — в Москву, к царю Ивану Грозному. Отправились бить челом, чтобы русский государь **«*всю землю Сибирскую взял под свое имя и от сторон ото всех заступил (защитил) и дань свою на них положил и человека своего прислал, кому дань собирать*»**¹. Но обратим внимание на дату приезда посольства от Едигера. Это был январь 1555 г. Молодой Иван только овладел Казанью. Немудрено, что ввиду огромного военного напряжения, коим была достигнута сия победа, царь не смог оказать испрашиваемой поддержки далекому сибирскому правителю. И в 1563 г. Кучум все-таки осуществил свой план захвата Сибирского ханства. Едигер (вместе с братом-соправителем) был зверски убит, а многие его подданные — сибирские татары и остяки-язычники — насильно обращены в ислам. К тому же люди Кучума стали постоянно совершать разбойные нападения на пограничные строгановские «крепостцы», стремясь вытеснить русских из Приуралья...

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 248. См. также: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 687, 700—701.

Так что после всего этого скорее не завоевателями, а освободителями пришли в Сибирь снаряженные солепромышленниками Строгановыми казачьи отряды Ермака Тимофеевича¹. Ненавидимый местными жителями хан Кучум не смог противостоять их напору. После «сечи злой» в конце 1582 г. его войско разбежалось. Сам Кучум, бросив столицу — Кашлыку, «ушел в поле», т.е. откочевал в степи. А окрестное население во главе со своими князьками присягнуло на верность России. Причем размеры вновь устанавливаемого ясака с него обсуждались еще между посланниками хана Едигера и царем Иваном Грозным², и был тот ясак во много раз легче кучумовского. Не даром поэтому в легендах и сказаниях сибирских народов часто встречаются такие, вроде бы странные для характеристики «завоевателя» Ермака, слова: *«Добром пришел, добром встречен»*. Их могло бы не быть, окажись сей отважный воитель подданным какого-нибудь другого, более «цивилизованного» европейского монарха, скажем, испанского короля, конкистадоры которого бесчисленно грабили и уничтожали в это же самое время американских индейцев. Нет. Над Ермаком стоял Грозный русский царь. И великая история освоения необъятных просторов Сибири пошла иначе...

Наконец, один из последних «непростительных грехов», который издавна приписывается Ивану IV, — это «грех» отмены Юрьева дня, т.е. начало фактического закрепощения крестьянства в России. Долгое время считалось, что именно Грозный, с целью обеспечения разорившегося (за годы Ливонской

¹ Кстати, до этого атаман Ермак успел отличиться еще в сражениях Ливонской войны. В частности, он принимал участие в военной операции русских против литовцев под Смоленском летом 1581 г.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 248, 276, 285.

войны) служилого дворянства постоянной рабочей силой, издал в 1580—1581 гг. указ о так называемых «заповедных летах», когда был запрещен свободный уход крестьян от своих господ. Знакомая со старых школьных учебников, «теория» эта полностью перекочевала и в труд нашего прогрессивнейшего писателя-либерала. «Теперь, — чуть ли не цитируя т. Карла Маркса, провозглашает г-н Радзинский, — многочисленный класс новых рабов трудился на его (Ивана) служилых людей. Мирно, без всякого ропота отдали крестьяне свою свободу грозному царю. Безумное молчание...». Но... молчание ли?

Ведь если полистать те же старенькие наши учебники истории, то можно вспомнить, что, к примеру, на знаменитое «Соборное уложение 1649 г.», действительно на высшем юридическом уровне оформившее крепостное право в Российском царстве, «безропотное» российское крестьянство сразу ответило не менее знаменитым бунтом Стеньки Разина (1670—1671 гг.). А на правление «просвещенной» императрицы-немки Екатерины II, дозволившей вконец распущенному российскому дворянству относиться к крестьянам не иначе, как к бессловесному скоту, — уже и грандиозной крестьянской *войной* под предводительством народного царя Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.). Войной, охватившей едва ли не половину империи... Все это факты, от которых, как говорится, нам никуда не уйти, как не уйти нам и от того, что ничего подобного вышеуказанным крестьянским волнениям и войнам не было зафиксировано во время царствования Грозного.

Все более-менее значительные народные восстания и бунты в России рубежа XVI—XVII вв. начались уже *после* кончины Ивана IV, когда высшая государственная власть оказалась в руках «демократически избранного» на царство Бориса Годунова, а затем и

откровенного боярского ставленника — Василия Шуйского. Именно этим правителям принадлежит позорная пальма первенства в закреплении русских крестьян. Но, разумеется, об этом знаток «темных провалов Российской истории» г-н Радзинский сказать не посмел..

Между тем Судебник 1550 г. свидетельствует: уже с самого начала своего правления, действительно тщательно оберегая интересы служилого дворянства, Иван Грозный не издал ни единого законодательного акта в ущерб крестьянской свободе. Его Судебник полностью сохранил старинное право русского землепашца один раз в году — за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после Юрьева дня, — расплатившись по оброчным и налоговым обязательствам, покинуть имение своего господина. Так, повторим, было в начале царствования Грозного. Так же было и в последние его годы. Современный исследователь Р.Г. Скрынников, автор десятков научных монографий и книг об Иване IV, неизменно подчеркивая «противоречивость» личности первого русского царя, его «тиранские наклонности», все же, изучая исторические документы, относящиеся к закреплению крестьян, не смог не признать: «детальный анализ источников (приводит к заключению), что **при жизни царь Иван Грозный не издавал никакого указа об отмене Юрьева дня**». И далее, ввиду чрезвычайной важности проблемы, мы позволим себе еще одну, весьма пространную цитату из того же автора. Историк пишет: «Бесспорным остается факт, что ни один документ, составленный при жизни царя, вообще не употребляет термин «заповедные лета» применительно к крестьянам. Первым источником, четко сформулировавшим норму «заповедных лет», была царская жалованная грамота городу Торопцу в 1590 г.

(т.е. через шесть лет после смерти Грозного, когда фактически во главе страны уже стоял Борис Годунов). Правительство разрешило властям Торопца вернуть в город старинных тяглых людей, которые с «посаду разошлись в заповедные лета». Как видим, действие «заповедных лет» распространялось на городское население, которое к Юрьеву дню не имело никакого отношения. Следовательно, содержание «заповедных лет» невозможно свести к формальной отмене Юрьева дня. Вернее будет сказать, что «заповедные лета» означали временное прикрепление податного населения — крестьян и посадских людей — к тяглу, то есть к тяглым дворам и наделам.

ОБРАЩЕНИЕ К ГРАМОТЕ 1590 г. ОПРОВЕРГАЕТ ТЕЗИС О ЗАКРЕПОЩЕНИИ КРЕСТЬЯН ГРОЗНЫМ»¹.

Напротив, продолжает исследователь, самым обстоятельным образом история закрепощения русских крестьян запечатлена «в Уложении царя Василия Шуйского 1607 г. Как значится в преамбуле Уложения, «при царе Иоанне Васильевиче... **крестьяне выход имели вольный**, а царь Федор Иоаннович, **по наговору Бориса Годунова... выход крестьянам заказал**, и у кого колико крестьян тогда было, книги учинил». Именно эта грамота свидетельствует, что отнюдь не Грозный царь, а его слабый умом сын и преемник Федор, подпав под влияние своего властолюбивого шурина Б. Годунова, «отменив Юрьев день, приказал составить писцовые книги (переписать крестьянское население. — *Авт.*), закрепив тем самым крестьян за их землевладельцами»²... Здесь, кстати, любопытно отметить и такую деталь. Как писатель с историческим образованием, г-н Радзинский, несомненно, знает и о существовании вы-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный — М., 2001. С. 423—424.

² Там же. С. 425.

шеуказанных документов, и о тех выводах, к которым пришел на основе их изучения профессиональный историк. А потому, громко объявив читателю о начале крепостного права при Иване Грозном, наш весьма находчивый автор, несколько позже по тексту, словно поправляя (и страхуя) себя, вынужден был добавить (хотя уже не так напыщенно, как первое утверждение), слова о том, что никто другой, но самолично правитель Годунов «в 1592 г. окончательно отменил вековое право (крестьянского выхода), и крестьяне стали собственностью хозяев земли». Ибо такова была страшная *плата* этого коварного узурпатора за свою *власть*. Ибо только «курс на закрепощение крестьян обеспечил Борису Годунову широкую поддержку со стороны российского дворянства»¹, т.е. дворянского воинства. Воинства, единственно при помощи которого он мог совладать с презиравшим его старомосковским боярством и... заставить молчать тех, кто ранее был соучастником его борьбы за трон, кто знал, что на совести правителя не только смерть *ребенка*, но и смерть *отца*. Увы, подробно живописуя основные вехи этой поистине кровавой борьбы, г-н Радзинский опять-таки не сказал главного...

...Борис Годунов появился на свет в знаменитый год взятия Казани. Он был сыном Федора Годунова — потомка старинного рода, основателем коего историки считают татарского вельможу Чат-мурзу, еще при Иване Калите выехавшего из Золотой Орды на службу в Москву². Но к XVI веку род уже захирел, растерял земельные богатства, и его многочисленные наследники превратились в обыкновенных мелких помещиков. Сам Федор из-за своего физического не-

¹ *Скрынников Р.Г.* Русь IX—XVII века. С. 245.

² *Валишевский К.* Смутное время. — М., 1989. С. 10.

достатка носил прозвище «Кривой» и, пожалуй, на этом исчергываются все имеющиеся о нем сведения. Умер он рано, а потому двух осиротевших его детей взял в свою семью родной брат Федора — Дмитрий Годунов, служивший главой Постельного приказа, т.е. начальником дворцовой стражи при молодом Иване Грозном. Чин немалый и ответственный: например, постельничий вечером должен был лично обходить все внутренние дворцовые караулы, а потом укладывался с царем «в одном покою вместе»¹). Неудивительно, что столь выгодное положение позволило Дмитрию хорошо «пристроить» и племянника с племянницей. Борис Годунов оказался во дворце еще почти подростком и именно в ведомстве дяди получил свое первое придворное звание камергера (подавал и принимал у государя одежду). А будущая красавица — Ирина Годунова (ровесница младшего царевича Федора) и вовсе с семи лет воспитывалась в царских палатах, где росли дети Грозного. Словом, в Кремле сирот не обидели, дав и хлеб, и кров. Но черной оказалась «благодарность»... Под непроницаемой маской услужливой покорности придворного в душе Бориса, видимо, изначально зародилась огромная зависть и дикое желание самому стать повелителем. Но острый, расчетливый ум — ум татарского вельможи — до времени сдерживал эту дикую страсть...

Клан Годуновых сумел завоевать доверие в самом, наверное, тяжелом лично для царя Ивана вопросе — о больном Федоре. Как пишет историк, «царь постоянно возлагал на Годуновых заботу о младшем сыне. Отправляясь в военные походы, он оставлял Федора в безопасном месте под их присмотром». И в то время, когда, например, «одни сверстники (Бориса) слу-

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов — М., 1978. С. 8.

жили в приказных и дипломатических ведомствах, а другие обороняли крепости от врагов, Борис усердно постигал тайны дворцовых интриг»¹, тайны власти... Положение Годуновых еще более укрепилось, когда Борис женился на сестре знаменитого опричника Малюты Скуратова, а подростковую Ирину вовремя удалось сосватать за царевича Федора. Теперь он стал родней самому царю. До престола было рукой подать и... все-таки непреодолимо далеко. И Борис продолжал упорно ждать. Ждать своего часа...

И он пришел, этот час! Смерть цесаревича Ивана открыла дорогу к трону его брату Федору... Но тайная радость Бориса тут же омрачилась тревогой: после 12 лет супружества у Федора с Ириной все еще не было детей. После того как младший сын стал официальным наследником престола, его бездетность серьезно беспокоила Грозного. Пытаясь спасти будущее династии, отец несколько раз пробовал заставить царевича развестись, жениться на другой. Но... слабосильный и абсолютно безвольный Федор, до беспамятства любя Ирину, даже слышать не хотел о расторжении брака. Сама же Ирина Годунова благородством помыслов вовсе не была похожа на свою дальнюю родственницу Соломонию Сабурову, историю которой мы вспоминали в начале нашего повествования. Красивая, умная, властная, она имела огромное влияние на мужа и отнюдь не желала добровольно отказаться от достигнутого положения, сменив корону на монашеский куколь. Как писал старый историк, царевна «редко разделяла ложе своего хворого и целомудренного супруга, зато более часто являлась соучастницей его или даже заменяла его в исполнении верховной власти». Но главное, Ирина нежно любила брата, всегда и во всем поддерживая

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 15.

Бориса¹. Иван Васильевич понял опасность, исходящую от пригретых некогда сирот. Однако понял слишком поздно.

Мучимый страшным предчувствием, царь незадолго до смерти коренным образом переработал текст своего завещания. Но в отличие от прежней, относящейся еще к 1572 г., эта новая редакция не сохранилась, **была уничтожена** почти сразу после смерти государя. Содержание ее (лишь частично) восстанавливается по пересказам, имеющимся в других источниках. Источниках, впрочем, тоже в некоторых случаях существенно противоречащих друг другу, что дает исследователям основания доныне вести спор о том, какова была последняя воля Ивана IV... И все же, как полагает большинство специалистов, основной смысл ее заключался в следующем: «Не питая иллюзий насчет способности Федора к управлению, Грозный поступил так, как поступали московские князья, оставляя трон малолетним наследникам. Он вверил сына и его семью попечению думных людей, имена которых назвал в своем завещании». Это были, во-первых, глава боярской Думы кн. Иван Мстиславский, во-вторых, прославленный руководитель обороны Пскова кн. Иван Шуйский, в-третьих, родной дядя царевича Федора по матери — Никита Романович Юрьев (брат покойной царицы Анастасии!) и, наконец, «худородный» оружничий Грозного (назначенный также «дядькой»-воспитателем малолетнего царевича Дмитрия) — Богдан Бельский, выдвинувшийся на первые роли еще во время опричнины. «Считают обычно, что во главе регентского совета царь поставил Бориса Годунова. Критический разбор источни-

¹ *Валишевский К.* Смутное время С. 8.

ков обнаруживает ошибочность этого мнения»¹. Годунов даже не был включен в список будущих опекунов, и не исключено, что именно этот вопиющий факт толкнул его, придя к власти, немедленно уничтожить завещание Грозного царя, ибо оно подрывало под ним почву. Оно жгло ему руки. И не только руки...

Между тем ясно видно, что столь круто изменить отношение к бывшему любимцу, к человеку, которому он раньше так доверял, государя заставила не мифическая «маниакальная подозрительность», а реальные обстоятельства. Неизменно поддерживая Ирину — как залог собственной близости к трону и власти, Борис всячески противодействовал разводу сестры с царевичем. Естественно, мог помешать он ему и в будущем. Потому-то царь и отказался сделать Годунова опекуном Федора, считает Р.Г. Скрынников. Примерно так же, исследуя историю возвышения царя Бориса, еще в 1970 г. писала О.А. Яковлева, полагая, что осуществление желания государя развести сына негативно отразилось бы на судьбе Годунова, и именно поэтому он в первую очередь мог быть заинтересован в скорейшей кончине Грозного и даже *причастен* к ней²...

Не случайно в знаменитой трагедии «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстой так рисует последние минуты жизни самодержца, когда он говорит, обращаясь к Борису:

Ты... Ты...

Я понял взгляд твой!.. Ты меня убить...

Убить пришел! Изменник!.. Палачей!..

Федор, сын!.. Не верь ему!.. Он вор!..

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. С. 16—17.

² Яковлева О. К истории возвышения Бориса Годунова. — Ученые записки НИИ Чувашской АССР 1970. Т. 52. С. 270.

Но, в отличие от прекрасного русского писателя, картина смерти Грозного, передаваемая современным «телесказителем», увы, не столь впечатляюща и не так близка к исторической действительности. По привычке не упомянув ни об одном из вышеприведенных фактов, г-н Радзинский просто заявляет: «Пришла смерть за Иваном, **и сгнил грешный царь**»... Неоднократно цитируя «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, автор и на сей раз опять предпочел пропустить очень важное его свидетельство — свидетельство, подтверждающее версию о том, что Грозный хотя и болел, но умер все же не своей смертью, а был именно **отравлен**...

А ведь этот хронист начала XVII века — «наблюдательный, хорошо осведомленный», составляя свой труд, и впрямь, как отмечает историк, «судил царей и подданных за их поступки, болел за судьбы родины. Грозного он не любил, осуждал его за безудержный гнев, за то, что он был скор на расправу»¹. Но даже при всей этой нескрываемой антипатии отвратительного слова «сгнил» Иван Тимофеев в своем тексте не допустил. Очевидно, нравственный и интеллектуальный уровень был у него неизмеримо выше, чем у г-на Радзинского. Мудрый дьяк всегда помнил, что окончательный приговор любому, даже последнему из падших, вправе выносить только всевышний судья. Это и не позволило ему ни солгать, ни опуститься до злобного презрения. Кончину государя Тимофеев описывает следующим образом: «Жизнь же яростиваго царя, глаголют нецѣиин, прежде времени ближнии сего зельства его ради сокращения угасиша: Борис, иже последи в России царь бысть, сложившийся купно с двема в тайномыслии о убиении его с

¹ *Корецкий В.И.* Смерть Ивана Грозного. — Вопросы истории. 1979. № 3. С. 95.

настоящим того времени царевем приближенным возлюблюником неким, глаголемым Богданом Бельским»¹.

Как видим, «ближними людьми», убившими государя, прямо названы двое — Годунов и Бельский, как раз те, кто и был рядом с Иваном в его последние минуты. Имя третьего, доказывает, привлекая другие документы, исследователь В.И. Корецкий — Иоганн Эйлоф, который скорее всего являлся уже только «простым орудием» в руках двух вышеупомянутых заговорщиков². Ибо англичанин Эйлоф, этот известный придворный врач (а по совместительству — крупный коммерсант, не раз отправлявший из России собственные корабли, груженные товаром), Эйлоф находился в прямом подчинении у Богдана Бельского — главы не только сыскного ведомства, но и Аптекарского приказа. По словам И. Массы, именно Бельский подал больному царю прописанное доктором Эйлофом питье, незаметно бросив в него яд, отчего царь вскорости умер»³.

Совпадают с этими свидетельствами и показания о смерти Ивана Грозного, имеющиеся в мемуарах Джерома Горсея. Автор сей, хорошо знающий «не только о жизни русского, но и английского двора, где также процветали в то время коварство и жестокость, рисует, по сути дела, картину тайного заговора против Ивана IV. Не называя имен его убийц, подчас всего не договаривая, он между тем вскрывает побудительные мотивы действий заговорщиков»⁴. Кстати, среди них названы не только попытка Ивана развес-

¹ Временник Ивана Тимофеева. — М. — Л., 1951. С. 178.

² Корецкий В.И. Указ. соч. С. 99.

³ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. — М., 1937. С. 32.

⁴ Корецкий В.И. Указ. соч. С. 99.

ти сына, но и его собственное сватовство к английской принцессе Марии Гастингс, удачное осуществление коего тоже могло серьезно повредить высокому положению царского шурина. «Князья и бояре, — пишет Горсей, — особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых (the Godonoves) были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения»¹.

Да, читатель, переговоры о женитьбе на племяннице английской королевы Елизаветы Иван Васильевич действительно вел в 1583 г. При помощи этого намечаемого союза государь хотел укрепить международное положение России после тяжелой Ливонской войны (а не удовлетворить всего лишь свою «старческую похоть», как считает г-н Радзинский). Но переговорам не суждено было завершиться. 18 марта 1584 г. на 53-м году жизни Грозный царь неожиданно скончался. Вот как, опираясь на русские и иностранные источники, реконструирует события этого рокового момента историк..

Хотя, по одной из легенд, волхвы предсказали государю смерть именно 18 марта — в Кириллов день, и сам царь прекрасно знал об этом предсказании, однако это никоим образом не отразилось на его психическом состоянии. Царский дворец жил обычной жизнью. Иван собрался в баню, а потому еще 17 марта дворцовый служилый человек Тимофей Хлопов в кладовой «взял к государеву делу два полотна тверских», как брал он полотняные простыни и 9 марта 1584 г. Кроме того, в оный же день (17 марта), гласят посольские книги, «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси» «велел литовскому послу Льву

¹ *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 84.

Сапеге», задержанному до того в Можайске, «быть к Москве», собираясь дать ему аудиенцию. «Таким образом, и политическая, и бытовая жизнь Грозного шла по проторенной колее»¹.

18 марта в полдень, пишет Горсей, «он пересмотрел свое завещание, не думая, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал... приготовить все необходимое для бани. Желая узнать о предзнаменовании созвездий, он вновь послал к колдуньям своего любимца (Бельского), тот пришел к ним и сказал, что царь велит их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. День наступил, а он в полном здравии как никогда. «Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится только, когда сядет солнце», — ответили колдуньи. Бельский поспешил к царю, который готовился к бане. Около третьего часа дня царь пошел в нее, развлекаясь любимыми песнями, как он привык это делать, вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в запахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел (faints) и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни послали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем царь был удушен (was strangled) и окоченел»².

¹ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 95.

² *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 86—87.

Изучая источники, повествующие о смерти Грозного, В.И. Корецкий пришел к выводу, что сообщение Горсея об удушении царя не противоречит свидетельствам об отравлении. «По-видимому, царю дали сначала яд, а затем для верности, в суматохе, поднявшейся после того, как он внезапно упал, еще и придушили»¹. Потом, продолжает Горсей, «вышеупомянутые Богдан Бельский и Борис Федорович... как брат царицы, жены теперешнего государя Федора Ивановича, вышли на крыльцо в сопровождении своих родственников и приближенных, их вдруг появилось такое великое множество, что было странно это видеть. Ворота Кремля закрылись и хорошо охранялись»².

Иными словами, перед нами — все ключевые моменты настоящего дворцового переворота, совершенного царским шурином Годуновым вместе с Б. Бельским, коего он сумел привлечь на свою сторону. Совершенный в страхе за собственную жизнь и положение при дворе... Это не было тайной даже в Польше. Коронный гетман Ст. Жолкевский писал, обвиняя Бориса: «Он лишил жизни царя Ивана, подкупив врача, который лечил Ивана, ибо дело было таково, что если бы он его не предупредил (не опередил), то и сам был бы казнен с многими другими знатными вельможами»³... В том, что у Грозного действительно имелись основания так или иначе подвергнуть опале ближайшего родственника своего сына, читатель мог убедиться страницей выше. Борис об этом знал лучше кого бы то ни было и действительно решил поторопиться. Он и впрямь *опередил* царя. Великий госу-

¹ Корецкий В.И. Указ. соч. С. 99.

² Горсей Дж. Указ. соч. С. 87

³ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. — СПб., 1871. С. 3.

дарь был убит. Как сообщает один из неофициальных летописцев, спешно вызванный старый духовник Ивана — Феодосий Вятка — совершил обряд пострижения уже над мертвым телом¹... Однако, обожая смаковать ужасы и преступления дворцовых парадных зал и сырых, кишаших крысами подвалов, наш блистательный, ироничный автор опять-таки счел за лучшее познакомить читателя лишь с одной, прямо противоречащей вышеизложенным фактам версией смерти Грозного. Версией, навязанной придворным летописцам... самим убийцей государя. Ибо историк доказывает: зафиксированный официальной хроникой рассказ о том, что кончина Грозного была естественна, что перед смертью он, как положено, не только исповедался и принял монашеский постриг под именем Иова, но, главное, благословил на царство сына Федора, а помогать ему во многотрудных делах государственных велел... Борису Годунову, рассказ этот, повторим, был составлен и внесен в официальный летописный свод по приказу самого правителя Бориса². Так он хотел идеологически обосновать и укрепить с в о ю власть, придать ей характер преемственности и законности. Так надеялся возместить утраченное (уничтоженное!) им завещание Грозного. Но это не избавило правителя от страшной расплаты. предав государя, он вскоре предаст и своих сторонников, а затем и сам окажется преданным и проклятым — всеми. «Вошел как лисица, правил как лев, умер как собака» — скажет о нем немецкий хронист Конрад Буссов³...

Показательна дальнейшая судьба и другого царевубийцы — Богдана Бельского. В прошлом активный

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 229.

² *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 92—93, 102.

³ *Валишевский К.* Смутное время. С. 159.

деятель опричнины, Богдан и после убийства царя попытался ввести в столице чрезвычайное положение. Не забудем, он ведь являлся «дядькой» последнего сына Грозного и рассчитывал, что благодаря сему высокому чину сможет не только удержаться в Кремле, но и расширить, укрепить свое влияние, в полной мере разделив власть с Годуновым. Но... это ему не удалось. По городу молниеносно пронесся слух, что «Богдан Бельский (со) своими советники извел царя Ивана Васильевича, а ныне хочет бояр побити и хочет подыскать под царем Федором Ивановичем царства Московского своему советнику» (Б. Годунову)¹.

Восставшие жители московского посада вместе с присоединившимися к ним отрядами служилых людей из Рязани немедленно разгромили арсенал, подкатили к Флоровским воротам Кремля пушки и начали их обстрел, требуя выдачи Бельского, который, как кричали они, «хочет извести царский корень и боярские роды»². Так уже с самого начала народ не принял временщика-убийцу, так стремился защитить власть законного государя... События разворачивались столь стремительно и столь грозно, что Борис понял: ежели он и впрямь не выдаст своего сообщника, Кремль будет взят, а тогда пощады не ждать уж никому... Быть может, припомнился ему леденящий душу ужас января 1564 г., когда еще отроком увидел он, как точно такая же бесчисленная толпа посадских, неодолимо и мощно заполнив собою дворцовую площадь, потребовала от боярской Думы идти к царю Ивану в Александровскую слободу. Идти просить его вернуться на царство... И Борис сдал Бельского! Сдал трусливо, подло, как положено хит-

¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 35—36.

² Там же.

рому придворному интригану. От имени царя Федора он послал бояр Мстиславского и Юрьева выяснить, чего хотят восставшие, а затем объявил об опале Богдана и высылке его в Нижний Новгород¹. Только узнав об этом «и видяще всех бояр», посадские люди «розыдошася койждо восвояси».

Однако пути двух главных цареубийц еще пересекутся — 16 лет спустя... В трудах знаменитого русского историка В.Н. Татищева есть ссылка на древнюю, не дошедшую до нашего времени летопись, которая сообщала, что, тяготясь ли страшным грехом или же по какой другой причине, но «Бельский отцу духовному в смерти царя Иоанна каялся, что зделал по научению Годунова, которое поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, (после чего Годунов) немедленно велел Бельского взяв, сослать. И долго о том, куда и за что сослан, никто не знал»². Именно это опасное признание, как доказывает исследователь, спасло Богдану жизнь. Спасло в 1600 году, когда, уже будучи царем всея Руси, Годунов (не с намерением ли вновь приблизить давнего сообщника? Приблизить по прошествии многих лет, многое стерших в памяти современников...) вернул Бельского из нижегородской ссылки и послал строить на южной границе России новый город-крепость Царев-Борисов, и где, по свидетельству К. Буссова, Богдан допустил неосторожность сказать, что «он теперь царь в Борисограде, а Борис Федорович — царь на Москве»³. Об этом немедленно полетел донос в столицу. Самозванного борисоградского царя, арестовав, доставили в Москву и предъявили тяжкое политическое обвинение —

¹ Тогда же, как полагает исследователь, был удален из Москвы и Иоганн Эйлоф. — См. *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 102.

² *Татищев В.Н.* История Российская. М. — Л., 1966. Т. VI. С. 289.

³ *Буссов К.* Московская хроника. — М. — Л., 1961. С. 92—93.

желание занять царский престол. Но казнить Бельского Годунов все же не стал. И не потому, что «дал обет в течение 15 лет не проливать крови». Исследователь В.И. Корецкий полагает, что от казни Богдана царя Бориса удержало другое. Казнить бывшего общника он не осмелился именно после того его «покаяния» в страшном грехе цареубийства, рассказ о котором нашел в старинной хронике В.Н. Татищев. «Покаяния, ставшего достоянием гласности, пусть и в узком придворном кругу». Если бы Годунов действительно подверг тогда Богдана казни, то тем самым как бы подтвердил сказанное Бельским «на духу». Поэтому он прибег только к жестокому унижению Бельского. По приказу царя Бориса ему публично вырвали бороду и снова сослали¹.

Но пройдет еще пять лет, и это унижение обернется не менее зверской расплатой. Бельский все-таки поквитался с предавшим его правителем — уже с мертвым... После смерти Годунова 13 марта 1605 г. (смерти, наступившей то ли от яда, выпитого в бессилии и страхе перед близящимся возмездием, то ли вследствие апоплексического удара — современники сообщают по-разному) боярская Дума издала указ о всеобщей амнистии. Свободу получило много опальных, которых Борис держал по тюрьмам, в ссылке. И «самым опасным из них, — как считает историк, — был Богдан Бельский». В то время к Москве уже двигался с войском самозванец Лжедмитрий. Вернувшись в столицу, бывший «дядька» «чудесно спасшегося царевича», удачно использовал этот момент. Он всенародно **покаялся**, что сам, своими собственными руками **спас** сына Грозного от убийц, подосланных царем Борисом, «и его слова положили конец колебаниям толпы. Народ ворвался в

¹ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 97—98.

Кремль и принялся громить дворы Годуновых...»¹. Едва воцарившийся 16-летний наследник Бориса — Федор вместе с матерью, царицей Марией Григорьевной, были задушены. Труп же самого правителя извлекли из могилы в Архангельском соборе и закопали вместе с останками жены и сына на заброшенном кладбище вне городских стен...

Таковы важнейшие «подробности», опять оставленные «за кадром» телерассказчиком Радзинским. «Подробности», относящиеся к двум историческим деятелям, кои лично находились рядом с Грозным царем в момент его смерти и были, по утверждению многих источников, и непосредственно заинтересованы в этой смерти, и виновны в ней. Зная, учитывая вышеизложенные обстоятельства, вряд ли допустимо обвинять Ивана IV в «излишней подозрительности» по отношению к своему окружению. Произошло именно то, что он всю жизнь стремился предотвратить: измену и захват власти своекорыстными временщиками. Захват в ущерб законному государю, как защитнику общенациональных интересов страны. А значит, попрание и предательство этих интересов. Предательство, ставшее одной из основных причин всех трагедий великой русской Смуты начала XVII века. И о том, что Борис Годунов (и все его «преемники», поочередно захватывавшие тогда русский престол) действовали именно как предатели, как, (если воспользоваться определением Грозного) «изменники и воры», снова свидетельствуют простые и общедоступные исторические факты.

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 181—182.

ПРАВИТЕЛЬ-УБИЙЦА БОРИС ГОДУНОВ

Итак, Годунов. Со свойственной схематичностью изложения, весьма условно и неточно передавая основные этапы борьбы придворных группировок после смерти царя Ивана IV, этапы последовательного отстранения от власти, физического уничтожения Борисом всех членов мешавшего ему опекунского совета при Федоре Ивановиче, г-н Радзинский умолчал, что Годунов все же смертельно *боялся*. Боялся, ибо знал, что действует как преступник. И как раз этот-то животный страх иуды за собственную шкуру вместе с неистребимым желанием власти — власти любой ценой! — толкал правителя на все новые и новые предательства. Так как случилось это уже в первый год царствования наследника Грозного, когда Федор Иванович, тяжело заболев, едва не умер. Прекрасно понимая, что смерть шурина одновременно станет и его собственной политической смертью, крушением его карьеры, Борис попытался подстраховаться..

В начале 1585 г. правитель отправил в Вену, ко двору Габсбургов, свое тайное посольство. Не надеясь, что после кончины Федора Ирина сможет удержаться на троне, Борис заранее решил сосватать сестру за одного из немецких принцев, а потом... воз-

вести этого принца и на русский престол в качестве супруга законной царицы... Но подробный донос поляка-переводчика Якова Заборовского расстроил сии далеко идущие планы. О начавшихся переговорах между германским императором и доверенными лицами Годунова стало известно при королевском дворе в Речи Посполитой, который, конечно, не преминул заявить свой гневно-благородный протест действиям «москвитов». Разразился грандиозный скандал, о коем судачили чуть ли не по всей Европе. Проштрафившийся Борис только и смог сделать, что приказал своим дипломатам выступить с беспомощным оправданием, гласившим: «И мы то ставим в великое удивление, што такие слова злодейские (о сватовстве к «цесареву брату») нехто затеял злодеи и изменники»¹. Но эти жалкие заявления помочь уже не могли.

Вот когда партия «старых бояр» во главе с Шуйскими действительно пошла в наступление, намереваясь использовать промах ненавистного ей выскочки для собственного реванша! Однако, по привычке довольно туманно и путано, опуская многие детали, рассказывая читателю о попытке Шуйских избавиться от Годунова путем организации развода царя Федора с «неплодной» Ириной и вторичной его женитьбы, г-н Радзинский предпочел не заострять внимания на том, сколь по-настоящему опасный характер приобрело это выступление, поддержанное церковью и народом. А между тем профессиональный историк прямо пишет: обстоятельства складывались для Бориса столь безнадежно, что он стал готовиться к бегству за границу. Причем, как некогда первый российский «демократ» Андрей Курбский,

¹ *Scriptores rerum polonicarum.* — Т. XVIII. Cracoviae, 1885. P. 422. См. также: *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 29.

Годунов стремился все обустроить самым тщательным образом и явиться за рубеж не с пустыми карманами... В Англию предварительно был послан доверенный человек правителя — «англичанин Джером Горсей. В Лондоне не поверили своим ушам, когда Горсей изложил королевскому совету просьбу Годунова. Борис просил в случае беды предоставить ему и его семье убежище в Англии. Разъяснения эмиссара рассеяли все сомнения в серьезности его намерений. Горсей уведомил королеву, что сокровища¹ Годунова уже в Соловецком монастыре, откуда при первом удобном случае их легко переправить в Лондон. Королева Елизавета не скрывала своего удивления и долго расспрашивала Горсея о причинах, по которым Годунов намеревался вывезти из России свои богатства»².

Причины же были действительно веские. Подстрекаемая Шуйскими огромная толпа посадского люда, ворвавшись в Кремль, уже требовала выдачи Годунова, «олицетворявшего в ее глазах гнет и несправедливость»³. Но... хитрый татарин сумел и на сей раз вывернуться, представив себя не узурпатором, а наоборот, защитником прав царя Федора, по-прежнему отказывавшегося от развода. Борис с праведным укором стал пенять митрополиту Дионисию, что негоже, мол, церкви способствовать такому греховному делу, как расторжение законного брака. Что, во-первых, наследник Федору уже есть — его

¹ А «сокровища» эти, надобно сказать, были немалые. Конюший, «великий» и «ближний» боярин, наместник царства Казанского и Астраханского, наконец правитель, Годунов получал со всех своих владений около 100 000 рублей в год — «сумма по тому времени огромная и превышавшая доходы любого другого подданного». См.: *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 350.

² *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 30, *Валишевский К.* Указ соч. С. 20.

³ Там же. С. 32.

брат царевич Дмитрий Углицкий. Во-вторых же, и сама царица Ирина, находясь «в летах цветущих», вполне способна еще подарить государю сына¹... словом, современники недаром считали Годунова мужем «умным и сладкоречивым». Требование о пострижении царицы было отклонено, а князьям Шуйским предложена «мировая» или, как сказали бы нынче, «сотрудничество» — сотрудничество с властью. И мятежная аристократия поверила ему, возомнив, что правитель все же сдастся, что он уже всецело в ее руках... Да и нараставший с каждым часом тревожный рокот людского моря под стенами Грановитой палаты становился все более опасным как для Годунова, так и для самих Шуйских. Используя «чернь» в качестве мощного рычага политического давления на правителя, оппозиционная знать теперь не меньше его была заинтересована в том, чтобы поскорее убрать ее из Кремля... Поэтому неудивительно: не кому-либо иному, как особо любимому москвичами Ивану Петровичу Шуйскому (герою обороны Пскова и главному опекуну Федора по завещанию Грозного), была поручена рискованная миссия, спешно выйдя к народу, от имени всех бояр провозгласить, что «им на Бориса нет гнева». Что «они помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». В этот-то момент, как свидетельствует летописец, из толпы выступили два купца и, обращаясь к Шуйскому, с горечью сказали: «Помирились вы нашими головами: и вам, князь Иван Петрович, от Бориса про-

¹ Годунов действительно очень надеялся на такой исход. Ирина несколько раз уже была беременна. Но все эти беременности кончались выкидышами. Не случайно вышеупомянутому Дж. Горсею кроме прочих наказов «лорд-правитель» дал особо секретное поручение найти в Англии и привезти в Россию знающего врача, а также хорошую акушерку для сестры... См.: *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 98. См. также: *Гамель И.Х.* Англичане в России XVI—XVII вв. — СПб., 1865—1969. С. 114—115.

пасть, да и нам погибнуть»¹. Как в воду глядели торговые люди московского посада... Той же ночью, опять-таки сообщает летописец, оба купца были схвачены и сосланы «неведомо куда». Еще шестерых купцов Борис приказал обезглавить у стен Кремля. Наконец, много народу отправлено было в сибирскую ссылку. В ссылку же 13 октября 1586 г. отправится и лишенный сана митрополит Дионисий. Так Годунов оплатит духовенству и «черни» за пережитый ужас...

Но гораздо более осторожными, скрытыми от посторонних глаз (хотя и не менее жестокими) станут его действия по отношению к главным врагам — Шуйским. Известно, что из пяти представителей этой фамилии, имевших право заседать в боярской Думе, — Ивана Петровича, Андрея, Василия и Дмитрия Ивановичей Шуйских, а также Василия Федоровича Скопина-Шуйского, — Борис приказал умертвить лишь двоих: Ивана и Андрея, остальных же только отправили в ссылку. Причем если Ивана Петровича действительно, как об этом вспоминает и г-н Радзинский, люди Годунова заставили принять постриг в отдаленном Кирилло-Белозерском монастыре, а потом задушили — в ноябре 1588 г., то Андрей Иванович был арестован и убит в тюрьме уже в июне 1589 г. по обвинению в том, что он «неправды многие показал перед государем»². Однако, вскользь упоминая об этих тайных расправах, автор книги опять легкомысленно даже не попытался объяснить, что же все-таки заставило Бориса на исходе той тревожной осени 1586 г. обойтись со своими злейшими противниками столь сдержанно и тянуть с их казня-

¹ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 349.

² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 36, 43—44.

ми почти два года? Что мешало отдать приказ немедленно, сейчас же?

А мешало вот что. Могучий княжеский род Шуйских был все еще очень силен, обладая широкими связями и большим авторитетом среди старой аристократии, дворянства, московского купечества. Открыто противостоять его влиянию худородному правителю было тяжело. К тому же бояре Шуйские явно рассчитывали на поддержку из-за рубежа. Стремясь либо серьезно ограничить власть Годунова, сделав его послушной марионеткой, либо убрать вообще, возведя на трон своего ставленника, они не исключали варианта **объединения России с Речью Посполитой**. Как пишет исследователь, «об истоках польских симпатий Шуйских можно догадаться. Московской знати всегда импонировали политические порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Русь путем слияния двух государств». Не случайно осенью 1586 г. в письме к Антонио Поссевино король Стефан Баторий самодовольно сообщал, что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут польской помощи... Был даже собран сейм, долженствовавший обсудить и конкретизировать планы вторжения в Россию¹, в то время как новоизбранный папа римский Сикст V вместе с «пастырским благословением» уже готовил щедрую субсидию для сего похода — 250 000 скудо²...

В сложившейся обстановке правителю не оставалось ничего иного, как бросить Шуйским прямое обвинение в измене. Литовская разведка доносила в

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 34.

² Валишевский К. Указ. соч. С. 14. См. также: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 353.

Краков: «Глубокой осенью 1586 г. он (Борис) заявил в Думе, что Андрей Шуйский ездил под видом охоты на границу и встречался там с литовскими панами. По слухам, боярину удалось оправдаться. Но разбирательство в Думе будто бы закончилось тем, что **Годунов и Шуйский** подрались и ранили друг друга»¹... Надо ли говорить, что жестокая, кровавая схватка сия произошла в Грановитой палате на глазах у всего боярского совета отнюдь не из-за вопиющего попрания государственных интересов России: все изложенные выше факты ясно свидетельствуют, что эти интересы были в равной степени безразличны как Годунову, так и клану Шуйских. Свидетельствуют они и о том, что зверски били и душили один другого эти два именитых мужа уж конечно не из-за оскорбленной *чести*. Им, прожженным царедворцам-интриганам, вопросы чести, а значит *и служения*, и верности долгу пред богом и Отечеством, были столь же безразличны. Единственным и главным камнем преткновения всегда являлась для них только власть. Власть, за которую они готовы были и продаться кому угодно, и убить тоже кого угодно. Убить своими собственными руками...

Но двинемся далее. Набрасывая образ правителя, а затем и царя Бориса, г-н «писатель-историк» Эдвард Радзинский сообщает, что время его стало чуть ли не благостным отдохновением для измученной Грозным деспотом страны. Временем мудрых реформ и кратких победных войн (совсем не тяжелых, не изнурительных, в отличие от памятной ливонской эпопеи). Что же, «реформы» у правителя-татарины действительно были, и о главной из них, отмене Юрьева дня, т.е. введении крепостного права в России, мы уже говорили с читателем выше.

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 34.

Ее страшные последствия будут губительны для нашего крестьянства, почти на три века сковав его рабскими кандалами (как некогда сковывали степные торговцы «живым товаром» бесчисленные караваны русского полона, угоняемого на продажу). Однако именно она, сия роковая «реформа», стубит прежде всего и самого Бориса. Но об этом речь чуть позднее.

Здесь же нам необходимо уточнить слова г-на Радзинского о Годунове как об удачливом военачальнике. Еще историк К.Валишевский писал, что «Борис не знал ратного дела, и, конечно, перед таким противником, как Баторий, его постигла бы жалкая участь»¹. Не случайно уже с момента смерти Ивана Грозного славный «король-рыцарь» открыто перестал считать обязательным для себя исполнение Ям-Запольского соглашения о десятилетнем перемирии с Россией, подписанного в январе 1582 г. И если Москва к 1586 г. освободила 900 пленных поляков, то Речь Посполитая со своей стороны за этот же период отпустила только 20 человек. За остальных объявили громадный выкуп... Одновременно Баторий, «продолжавший носиться с замыслами о завоевании едва ли не всего Московского государства, вновь упорно начал требовать от России уступки Смоленска, Северной земли и даже Новгорода и Пскова...»². Словом, как видит читатель, начиналось вроде бы новое историческое действие, но разворачивалось оно по старому, веками отработанному, сценарию. Спеша воспользоваться внутренним «нестроением» на Руси, к ее границам с запада снова готовились двинуться многотысячные вражеские войска. Войска, осеняемые прямым и жестким католическим крестом...

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 14.

² *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 352.

Однако, сама смерть неожиданно остановила Батория в его последнем злобном порыве на восток. 20 декабря 1586 г., чуть более пятидесяти лет от роду, король Речи Посполитой скончался — видимо, от гангрены, причиной которой была не заживавшая долгое время рана на правой ноге. Как пишет исследователь, эта «загадочная, вечно гноящаяся рана изнуряла когда-то сильный и бодрый организм трансильванского воеводы, волею польской шляхты избранного в польские короли»¹. Так что при упоминании о смерти Батория, воспользуйся г-н Радзинский своей желчно-презрительной лексикой, и ему вполне можно бы сказать, что Стефан «сгнил», как употребил он данное выражение, говоря о смерти Грозного. Но... ничего подобного нет в повествовании нашего телеисторика. Для него польский король — прежде всего «великий воин, создавший самую мощную армию в Европе». И это откровенное любованиё врагом Русского государства, которое автор подкрепляет знаменитым высказыванием Карамзина о том, что «если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть еще в самом начале нового века», все это, повторим, опять с головой выдает автора. Выдает его жалкую попытку, с одной стороны, ни единым словом не омрачить перед читателем блестящий образ «короля-рыцаря», а с другой — вознести на недосыгаемую высоту и авторитет Годунова, которому «удалось без крови покончить со смертельной угрозой». Но «удалось» благодаря чему? Благодаря *каким* особым талантам и усилиям?

Ответа на этот вопрос у г-на Радзинского нет. Нет по той простой причине, что, решишь наш и впрямь всезнающий автор все-таки дать ответ на него, и ему

¹ *Либерович С.* Неполомицкий царевич. — СПб., 1904. С. 2.

неминуемо пришлось бы признать, что отнюдь не «военные и дипломатические способности» правителя обусловили тот «успех». Как говорили старые историки, только случайная (или все же не случайная?..) кончина Батория — (общепризнано) одного из выдающихся полководцев своей эпохи; — спасла Россию в тот критический момент, более чем на 15 лет отодвинув срок нового нашествия с запада. Неисповедимыми путями истории был выведен из строя самый главный враг Руси. Стремительно провалившись в омут очередного бескоролья, гордая шляхетская республика надолго утратила саму способность к агрессии. В основном лишь благодаря этому русская земля действительно получила тогда необходимую ей передышку. Только потому, что не было у правителя Годунова по-настоящему сильного противника, долго спасался и сам он от позора поражений. Об этом свидетельствует вся последующая история его военных «триумфов».

Так, расписывая всеми радужными красками факт «победы» Бориса над шведами, в результате которой России были возвращены (уступленные Грозным по Плюсскому перемирию в августе 1583 г.) несколько старинных русских городов у берегов Финского залива — Ивангород, Ям и Копорье, г-н Радзинский не рассказал читателю о действительных героях и реальных достижениях этой победы. А она весьма красноречива...

Немедленно по кончине царя Ивана IV в Москву поступил запрос барона Понтуса Делагарди — командующего войсками и наместника шведского короля в Эстонии. Барон хотел знать, намерен ли новый правитель России продлить сроки уже истекавшего к тому времени Плюсского перемирия или, в отличие от Грозного, он все же согласится прислать своих представителей в Стокгольм для заключения

«вечного мира» со Швецией, тем самым окончательно признав потерю побережья Финского залива. Но читатель видел: именно тогда Годунову больше приходилось отсиживаться в осажденном народом Кремле, чем заниматься государственными делами. К тому же, как указывает историк, правительство Бориса ни за что «не решалось на новую войну против шведов, пока был жив Стефан Баторий со своими захватническими замыслами»¹. Нет, интриган-царедворец избрал другой, более присущий ему путь. Русским послам — князю Шестунову и думному дворянину Татищеву — отправленным в октябре 1585 г. на встречу со шведами, он велел предложить выкупить указанные выше города. Шведы, конечно, от этого напрочь отказались. Барон Делагарди, ранее нанесший русским войскам немало серьезных поражений, особенно упорно добивался теперь окончательного решения вопроса о побережье. Так что переговоры грозили зайти в тупик, и дело спас лишь случай. Встречи послов проходили на устье р. Плюсы близ Нарвы. В один из дней лодка со шведскими уполномоченными, переправлявшимися через Нарову, была перевернута сильным ветром и разбилась. «В числе утонувших оказался сам Делагарди. Русские избавились, таким образом, от злейшего врага», и перемирие было продлено еще на четыре года².

Только пять лет спустя, когда уже давно не было в живых Стефана Батория, когда на русско-польских границах воцарилось относительно долгое затишье и Российское государство реально успело отдохнуть, собраться с силами (именно то, чего так не хватало в свое время Ивану Грозному!), правитель все же осмелился потребовать у шведов возвращения России го-

¹ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 354.

² Там же.

рода-порта Нарвы, а также Яма, Копорья и Корелы. Стокгольм ответил отказом. Тогда-то, в январе 1590 г., и начался новый большой русский поход против шведов. Формально войско возглавил сам царь Федор Иванович, сопровождаемый шурином Борисом Годуновым и двоюродным братом по матери Федором Никитичем Романовым. Уже в том же месяце русские рати легко овладели Ямом. Затем воевода передового полка удалой князь Дмитрий Хворостинин (некогда, еще совсем молодым человеком, наголову разгромивший орду Девлет-Гирея) разбил войска шведского генерала Банера близ Нарвы, и началась осада этой важнейшей прибрежной крепости. Первый штурм шведы отбили. Но стоило русским (как это не раз бывало при Грозном царе) начать 19 февраля массивный артобстрел городских стен — и осажденные, немедленно выбросив белый флаг, послали к Годунову своих парламентариев. Смертельно опасаясь того, что русские вот-вот захватят эту ключевую для морской торговли на Балтике крепость-порт, шведы, спешно начав переговоры, предложили ему забрать и Ям, и Ивангород, и Копорье — лишь бы он оставил в покое Нарву, а вернее, от ка-з а л с я от главного. От возвращения России на Балтику, от ее усиления за счет развития русского мореплавания. И... невзирая на прямую возможность, даже очевидность победы русских ратников, победы, для достижения которой не хватало лишь одного последнего удара, Борис Годунов согласился на предложенную уступку. Как сообщает Псковская Первая летопись *«Ругодива /Нарву/ не могли взять, понеже Борис им /шведам/ наровил, из наряду бил по стене, а по башням и по отводным боем бити не давал»*¹.

¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 264.

Говоря об этом, в сущности, предательском по отношению к собственным войскам шаге правителя, один из дореволюционных историков объяснял его такими известными чертами характера Годунова, как нерешительность и зависть, тем, что он «при всех своих способностях не обладал храбростью и воинским талантом и в то же время не желал, чтобы этими качествами выдвинулся помимо его какой-либо другой боярин. Таким образом, Нарва, которая едва ли могла выдержать настойчивое бомбардирование и новый приступ (штурм), осталась в руках неприятеля, а Годунов с царем возвратился в Москву торжествовать победу»¹. Правда, современный исследователь Р.Г. Скрынников уже не склонен видеть в поступках правителя ни измену, ни зависть. Оценивая действия Бориса под Нарвой, историк приходит к выводу, что они были только «ошибочными», и причины сих ошибок² объясняются не каким-то тайным умыслом в пользу шведов (как констатирует летопись), но лишь «**полным отсутствием (у Годунова) боевого опыта**»³. И при этом даже не возникает вопроса, а как же мог, как позволил себе Борис, будь он действительно человеком мудрым и честным, как он мог, ничего не смысля в воинском деле, **взять в свои руки руководство осадой** столь важной крепости? Почему ввиду собственной некомпетентности он не поручил это дело кому-либо другому — например, тому же Дмитрию Хворостинину, уже одержавшему целый ряд побед? Или хотя бы прислушаться к советам более сведущих воевод?.. Однако,

¹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 355

² В частности, Борис отдал неверный приказ сконцентрировать артиллерийский огонь только по городским стенам, а «по башням бити не давал».

³ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 51.

как указывает тот же Р.Г. Скрынников, именно за «неумелое руководство (правителя) осадный корпус заплатил под стенами Нарвы дорогую цену». «Осторожность, сделавшая Годунова неуязвимым на поприще политических интриг, не оправдала себя в дни войны. Победа ускользнула из его ловких рук»¹. Он подписал перемирие на условиях противника...

Столь же двусмысленной оказалась роль Бориса и в победе над Крымским ханством. Кстати, упоминая о ней, г-н Радзинский не сказал, что, нападая на Россию летом 1591 г., хан Казы-Гирей действовал совместно со шведами. Ибо, отдав москвитам Ивангород и Копорье, король Юхан III вовсе не думал, что отдаст их навсегда. Едва подписав перемирие с Борисом, Юхан тут же заключил военный союз с Крымом для нового наступления на Россию. Ради этого Швеция даже провела крупнейшую со времен Ливонской войны мобилизацию и в момент стремительного нашествия 100-тысячной орды Казы-Гирея сосредоточила на русской границе до 18 000 своих солдат, готовясь бросить к Новгороду и Пскову.

Но снова что-то не заладилось у агрессоров.. Утром 4 июля крымчаки по сСерпуховской дороге вышли прямо к Москве и заняли местечко Котлы. Русские полки расположились у Данилова монастыря, возведя там подвижные укрепления — «гуляй-город». Весь день между ними и татарами шли малозначительные столкновения, ибо ни одна из противостоящих сторон так и не задействовала свои главные силы. А ночью враг неожиданно отступил и, гонимый неизвестно чем вызванным паническим страхом, бежал. Бежал, бросая обозы и захваченные трофеи...

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 61 — 62.

Сие загадочное по своей внезапности и поспешности бегство крымцев и поныне остается странным для историков. Хотя официальные Разрядные записи гласят, что «победа» она вся всецело принадлежит Борису, который под покровом ночи вывел будто бы войска и пушки из «гуляй-города», вплотную подошел с ними к ставке хана и начал ее обстрел, что и явилось причиной паники¹, версия эта вызывает большие сомнения. Вызывает сомнения потому, что, подчеркивает исследователь, сохранились ранние, черновые, не прошедшие цензурный контроль канцелярии правителя записи тех же Разрядов. А они сообщают, что русские воеводы тогда «стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили». И действительно, вполне справедливо продолжает историк, «едва ли у них были основания покидать укрепления посреди ночи. Управлять полками и перевозить артиллерию в темноте трудно, практически невозможно»².

Свидетельствует о том, что никакой «атаки Годунова» в реальности не происходило, и уже знакомый читателю дьяк Иван Тимофеев. А ведь он служил тогда в Пушкарском приказе и вполне мог быть не только очевидцем, но и прямым участником тех событий. Как и московские летописи, дьяк Тимофеев в своем знаменитом «Временнике» сообщает, что татар испугала сильнейшая пушечная пальба, вдруг начавшаяся среди ночи в русском стане. Встревоженный этим хан велел допросить русских пленников. И те ответили: сие подошла помощь москвичам — полки из Новгорода и других мест... Этого, должно быть, и оказалось достаточно для крымцев, еще хорошо помнивших, как двадцать лет назад, в 1572 г., здесь

¹ Разрядная книга 1475—1598. — М., 1966. С. 443—444.

² *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 64.

же, под Москвой, была наголову разгромлена войсками Грозного царя могучая орда Девлет-Гирея¹. Вторично испытывать судьбу не захотел никто... Объятые диким ужасом, татары не стали дожидаться даже утра. Хан Казы-Гирей, не смогший ни сдержать, ни хоть как-то упорядочить это позорное ступление, сам вернулся в Бахчисарай на простой телеге, с перевязанной рукой. Поскольку нет свидетельств, что он участвовал в столкновениях с русскими, то не сложно понять: был он ранен именно в свалке ночного бегства...

Лишь на переправе у Оки произошла задержка этого стремительного отступления. При желании Борис мог бы воспользоваться моментом для преследования и полного разгрома противника. Но правитель и его приближенные ограничились только тем, что послали вдогонку татарам несколько сотен дворян, которые разбили татарские арьергарды и взяли в плен до тысячи человек².

Все это ясно указывает на то, что, «как и при осаде Нарвы, Борис Годунов не проявил в войне с татарами ни решительности, ни энергии. Тем не менее вся слава после победы досталась ему. Столица и двор чествовали его как героя». Чествовали, невзирая на то, что фактическим главнокомандующим русскими войсками при отражении нашествия Казы-Гирея был вовсе не Годунов, а князь Федор Иванович Мстиславский³...

Весть о паническом бегстве Казы-Гирея сорвала и шведское наступление на Новгород и Псков. Осадив

¹ Это же, возможно, обстоятельство дало основание царю Федору Ивановичу сказать свою знаменитую пророческую фразу о том, что «к утру под Москвой татар уже не будет»...

² *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 359.

³ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 64. *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 359.

маленькую крепость Гдов, войска короля Юхана идти дальше не решились. И это тоже указывает. Указывает отнюдь не на «полководческий гений» временщика... Возможно, более правильным было бы предположить, что страх, неуверенность в собственных силах, столь отчетливо проявившиеся тогда в действиях татар и шведов, равно как и понесенные ими поражения, свидетельствуют о другом. О хорошей подготовке и вооружении. О возросшем мастерстве русского воинства. О значительном пополнении его боевого опыта в долгих, тяжелых войнах времен Ивана IV. Войнах, шедших как на юго-востоке, так и на западе, северо-западе, в Ливонии, где русские рати впервые могли познакомиться с европейской системой боя. Все это, повторим, было достигнуто в царствование Ивана Грозного и теперь давало свои плоды. Вот только пахаря, с мукой, потом и кровью взрыхлившего сию ниву, уже не было в живых. Его урожаем хищно воспользовался другой.

Однако верными оказывались не только военно-стратегические замыслы и начинания царя Ивана. Весь дальнейший ход событий подтверждает: глубоко продуманной и верной была его внешняя политика. Сумев понять, что главная угроза Русскому государству всегда исходит с Запада и, на протяжении всей своей жизни ведя с ним непримиримую борьбу, Грозный, вместе с тем, решив казанскую проблему, столь же упорно стремился обеспечить для России надежные тылы на Востоке. Стремился наладить и укрепить возможно более прочно мирные связи с государствами Кавказа и Закавказья. Именно благодаря такой, намеченной еще с участием мудрого святителя Макария политике начал формироваться у народов Кавказа образ России как могучего, дружественного соседа, никому не отказывающего в высокой державной защите. Именно благодаря ей

потянулись они к Москве, как к **реально сильному союзнику**, способному обеспечить мир и безопасность для каждого, кто обратится к нему за помощью. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что лишь несколько лет спустя после смерти Грозного с просьбой о русском подданстве обратилась к Москве Грузия.

Но, вскользь говоря об этом событии, Эдвард Радзинский приписывает исключительно заслугам правителя Годунова принятие под скипетр России Грузинского царства, когда, по «глубокомысленному» выражению автора, «и без того безграничная Московия пришла на Кавказ». Хотя г-н писатель-историк должен бы знать, что «Московия пришла на Кавказ» задолго до того, как Борис, узурпировав власть, обосновался в кремлевских палатах. Еще в 1561 г., женившись на кабардинской княжне Кученей (да, той самой, вместе с которой, по мнению г-на Радзинского, «в царский дворец пришла деспотия — азиатское проклятие России...») царь Иван, по просьбе отца Кученей, а своего тестя князя Темрюка, приказал выстроить на одном из горных склонов у слияния рек Терека и Сунжи мощную крепость Терек. Крепость защищала владения Темрюка от воинственных соседей. Вот это и было **первым русским «приходом на Кавказ»**. Не случись данного события, вряд ли прислал бы вслед за кабардинским князем прославленный кахетинский царь Леван своих послов «бить челом» Ивану Грозному с точно такой же просьбой — о помощи и защите против Османской империи и Персии. Наконец, вряд ли и преемник Левана, царь Александр в 1587 г. присягнул бы на верность русскому царю Федору Ивановичу, преемнику Грозного, в ответ на что Александру было незамедлительно послано на подмогу большое войско под командованием уже знакомого читателю славного русского

воеводы князя Дмитрия Хворостинина. Так что и это тоже можно назвать достижением политики Грозного. Важным звеном в той единой логической и непрерывной цепи исторических фактов, умышленно разрывать которую преступно...

Но вернемся к Годунову. Итак, правитель торжествовал нежданную победу над крымским ханом, и ему очень нужен был сей помпезный триумф, с многодневным царским пиром, с гуляньями по всей Москве и раздачей демонстративно щедрой милостыни нищим. Нужен был не только потому, что (как пишет историк) «Борис жаждал славы великого военачальника»¹. Громкие торжества, многократные прославления его имени в июле 1591 г. как воздух необходимы были Борису, дабы скорее забылся, пресекся всеобщим ликованием страшный слух. Слух, который упорно, несмотря на тайные усилия правителя его остановить и искоренить, все шире расходился по Русской земле. Народная молва о страшном убийстве, совершенном людьми Годунова всего лишь полтора месяца назад, 15 мая 1591 г. Убийстве невинного ребенка — девятилетнего царевича Дмитрия, последнего сына Ивана Грозного.

Удивительно, как, заводя речь об этой знаменитой «угличской драме», г-н Радзинский, дотоле худо-бедно, но временами все же придерживавшийся общепризнанных ныне в исторической науке взглядов по рассматриваемым в его тексте вопросам, на сей раз резко отступает от господствующего среди историков мнения. Мнения о том, что царевича Дмитрия никто не убивал, но сам ребенок, страдая припадками эпилепсии, случайно нанес себе смертельную рану ножом в горло... Мнения, возникшего на основе изучения подлинных материалов следственного

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С: 64

дела 1591 г. Отчета о специальном «розыске», проведенном высокой комиссией во главе с князем Василием Шуйским. Комиссией, присланной из Москвы в Углич буквально на третий день после разыгравшейся там трагедии¹. Самым горячим сторонником излагаемой в деле версии о «нечаянном самоубийстве царевича-эпилептика» является сегодня Р.Г. Скрынников, во многих статьях, книгах дотошно разбирающий обстоятельства смерти Дмитрия. Поставив целью оправдание «незаслуженно» (по его мнению) «оклеветанного Бориса», историк напрочь отвергает причастность Годунова к смерти царевича и доказывает, что ребенок погиб именно в результате несчастного случая, когда во время игры «в тычку», его внезапно постиг очередной приступ «черной» («падучей») болезни и он сам напоролся на нож, повредив себе то ли сонную артерию, то ли яремную вену...² Очень трудно даже допустить, что г-н писатель-историк Э. Радзинский, работая над темой, не ознакомился с этими бесчисленными публикациями. И все же, как видно из текста автора, они для него будто не существуют, их просто нет. Поворот странный. И странный не только целенаправленной избирательностью г-на Радзинского по отношению к существующим различным версиям того или иного исторического события, в чем читатель уже не раз мог убедиться выше. Странен он именно резкой сменой красок, неправдоподобной смешанностью света и

¹ Хотя г-н Радзинский не без гордости упоминает о том, что лично изучал это дело, хранящееся в историко-архивном институте Москвы, нелишне все же сказать, что материалы «розыска» Василия Шуйского опубликованы в Собрании государственных грамот и договоров. Часть II. М., 1819. См. также: Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. — М., 1913. Следовательно, познакомиться с этими материалами при желании может каждый.

² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 80.

тени, вдруг проступившей у писателя в создаваемом им образе Годунова. Героя, к которому сам же автор дотоле благоволил...

Уж очень жестко и совершенно однозначно звучат, к примеру, следующие слова рассказчика: «Убийство не может быть без убийцы. Мысль о том, что мальчик зарезал сам себя, выглядела дикой в глазах народа и неминуемо должна была породить единственно возможный вывод: это Годунов послал убийц, это он зарезал...» Однако, если вернуться всего лишь страницей назад, где г-н Радзинский обосновывает этот страшный шаг своего героя, сразу станет ясно, зачем, пренебрегая доводами современного исследователя, решил вдруг наш хитроумный мэтр на столь нелестное для характеристики Годунова признание. Нет, безоговорочное обвинение правителя в смерти царевича потребовалось г-ну Радзинскому не для вящей достоверности, убедительности повествования. Оно потребовалось автору для того, чтобы, вкрадчиво ухмыляясь, еще раз напомнить и подчеркнуть: Борис ведь **сформировался как личность «при дворе царя-убийцы Ивана»**. Вот в чем главный корень зла! Вот по чьему примеру сложились у Годунова такие «представления о нравственности», которые позволяли ему не только хладнокровно расправляться со своими политическими соперниками, но убить даже ребенка! А из одного уже как бы само собой напрашивается (навязывается) читателю: Борис не столько убийца, сколько сам жертва. Жертва кровожадного тирана! Жертва деспотического духа и порядков Московии! Это они сделали Годунова таким! Это они не дали ему, «достоинейшему», иного выбора, кроме одного: или убить девятилетнего мальчишку и самому стать царем, или лишиться власти и погибнуть...

Ну что ж, говорить о нравственных принципах человека, отравившего своего государя — государя, который чуть ли не с детства давал ему и хлеб, и кров, и положение в обществе, — действительно сложно. Как весьма спорно говорить и о том, существовала ли вообще «проблема выбора» для государственного деятеля, сознательно уничтожившего завещание законного царя, а потом столь же сознательно узурпировавшего власть его преемника. Но вот касательно суждения г-на Радзинского о «пагубном внешнем влиянии» на личность Годунова... Вряд ли не знает «мастер психологического портрета»: независимо от внешних обстоятельств, а порой и вопреки им, каждый человек всегда выбирает в жизни именно тот путь, на какой он *способен*. Как, например, сам выбрал свою крестную дорогу митрополит Филипп Колычев. Подобно Борису Годунову, он тоже вырос при московском государевом дворе. Однако ни кровавые ужасы, ни преступления политической борьбы так и не запятнали его души, она их отторгла, сохранив чистоту и святость. Будучи младшим современником митрополита, Борис не мог не знать о его судьбе, о его примере жертвенного служения и высокой преданности... И все же предпочел иное. Он предпочел власть и упорно шел к ней всю жизнь, не останавливаясь ни перед какими «нравственными порогами». Следовательно, это была изначально только его собственная воля, его *выбор*, винить за который кого-то или что-то другое представляется малоперспективным.

Точно так же, как очень мало шансов на успех и для тех, кто пытается оправдать Бориса, доказывая его непричастность к убийству царевича Дмитрия. К 1591 г. у Федора и Ирины по-прежнему не было детей, и подраставший в далеком глухом Угличе последний сын Грозного царя теперь уже с каждым

днем, каждым часом своего существования становился все более опасным для правителя-узурпатора. Годунов просто не был бы Годуновым, если бы не послал к нему убийц.

К этому вела правителя вся логика его жизни, все предшествующие «деяния». И единственной (роковой) ошибкой для Бориса в данном случае было лишь то, что сию кровавую тайну убийства невинного дитяти он решил разделить с представителем своих злейших врагов, с князем В.И. Шуйским, которому смерть Дмитрия была не менее желанна, не менее выгодна. Неспроста ведь именно его, главу мятежного боярского клана, Годунов вернул из ссылки незадолго до намечаемого убийства. И не только вернул, но доверил управление Новгородом Великим. А когда в Угличе свершилось предначертанное, его же, Шуйского, послал «расследовать» дело. Так, видимо, думал Борис *кутить* старого аристократа. Так повязать общей ответственностью за преступление. Так заставить молчать и служить...

Но повторим еще раз: этот «беспроегрышный», по выражению г-на Радзинского, ход правителя оказался ошибочным. Здесь наш автор совершенно прав, говоря о том, что «не понял замороженный собственными успехами Годунов характер незаметного боярина, не знал, какой ад был в душе Василия, какая ненависть к выскочке, погубившему его семью, заставившему прислуживать потомков Рюрика ему, безродному боярину». Правитель, «конечно, ожидал, что Шуйский сумеет найти «козла отпущения», не связанного» с его, Бориса, именем, но он не просчитал, какой опасностью может вдруг обернуться сия услуга.

И действительно, «более коварного заключения Шуйский привезти не мог». Оно гласило, что 15 мая 1591 г. никакого преднамеренного, заранее сплани-

рованного убийства в Угличе не произошло. Царевич Дмитрий убил сам себя, упав на нож во время неожиданно начавшегося приступа болезни. Упав на глазах у трех женщин-нянек и еще четырех дворцовых «жилыцов» — мальчиков-сверстников, обычно игравших с царевичем... Ибо, во-первых, даже если допустить, что Дмитрий и впрямь страдал эпилепсией, во время приступов которой его «било оземь», и справиться с ним в подобные минуты было чрезвычайно трудно, так как всем пытавшимся это сделать он «руки ел»¹ (кусал), повторим, даже если допустить это, все же очень сложно представить, что в момент, когда царевичу якобы сделалось плохо, девятилетнего ребенка не смогли удержать *три* взрослые женщины. Ни удержать, ни хотя бы как-то отнять, забрать из детских рук нож?! Неминуемо возникает вопрос: что это было? Преступное ли небрежение своими обязанностями? (Няньки могли ведь просто заговориться, пока дети играли, и не сразу заметить беду²...) Равнодушные? (Мол, пусть его...). Или все же чей-то жуткий замысел, по которому в подходящий момент несчастному эпилептику специально подсунули нож?

Во-вторых же, вызывает подозрения и такой факт. Несмотря на то что всего по ходу следствия было опрошено 140 свидетелей, о «нечаянном самоубийстве» царевича прямо говорили лишь семь человек — все те же три незадачливые няньки и четверо мало-

¹ О чем несколько раз весьма предусмотрительно упоминается в деле Шуйского. См.: Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. Часть II. — М., 1913. С. 11, 15, 40, 46.

² И тогда понятно, почему «удивительно искренними», как пишет Р.Г. Скрынников, выглядят слова одной из трех женщин — кормилицы Арины Тучковой. «В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «Она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом поколосся...» — См: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 78

летних товарищей Дмитрия, о которых упоминалось несколькими строками выше. Да, наш добрый, терпеливый читатель! Громкая версия «самоубийства» последнего сына Грозного основывается на показаниях... женщин-служанок и детей. Именно их перепуганных, сбивчивых слов оказалось **достаточно** князю Шуйскому. Они же берутся на вооружение как показания непосредственных очевидцев смерти Дмитрия и Р.Г. Скрынниковым, словно бы забывшим о том, что подобных «свидетелей» в те времена не было надобности даже подкупать. Им довольно было приказать говорить то, что нужно... Точно так же, как очень легко было объявить «мертвецки пьяным» Михаила Нагого, упорно настаивавшего, что царевича именно убили.

А между тем еще известный русский историк конца XIX — начала XX века Д.И. Иловайский очень сдержанно и корректно отмечал: «Все эти показания отзываются как бы **одним затверженным уроком**; такое впечатление производит чтение сего следственного дела. Но **что первоначально показывали спрошенные и как они пришли к такому единогласию, остается для нас темно и сомнительно**. По всем признакам, следствие о смерти царевича было произведено способом преднамеренным, и отчет о нем составлен недобросовестно»¹.

Вероятно, строгий академический стиль изложения не позволил старому историку выразиться более

¹ *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 368—369. С этим мнением совпадает мнение К. Валишевского, который пишет, что в материалах следствия «недостает показаний главного свидетеля — царицы Марии; ее, оказывается, не допрашивали. Показания большинства других свидетелей чересчур согласны между собой и производят впечатление хорошо заученного урока. Очных ставок не делали, когда это было явно необходимо сделать, а в других случаях не допрашивали порознь, когда это послужило бы на пользу дела». См.: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 39—40.

откровенно: дело было сфальсифицировано. И сфальсифицировано на первый взгляд именно в угоду Борису Годунову. Не случайно в материалах следствия не раз подчеркивается вроде стопроцентное алиби главного представителя Годунова в Угличе — дьяка Михаила Битяговского. Дьяка, коему правитель велел держать царевича и его родню под постоянным неусыпным надзором. И сам этот дьяк, и сын его Данила в момент смерти Дмитрия будто бы мирно обедали у себя дома, а поэтому никак не могли быть причастны к его гибели. Встревоженный набатным звоном, дьяк Битяговский прибыл в угличский Кремль уже после того, как свершилось непоправимое. Однако... есть в деле и другая интересная, о многом говорящая деталь: дьяк бросился сразу не к окровавленному телу царевича, но *мимо* его — на колокольню¹. А сие словно тонко подсказывает: в тот момент Битяговскому важно было не то, что произошло с вверенным под его ответственность Дмитрием. Дьяку важно было скорее остановить набат, не допустить огласки и лишних свидетелей мнимого «самоубийства». События, которого... не ждал ли он?..

Но прекратить отчаянный гул набата не удалось, и это стоило жизни уже самому Битяговскому. Дьяк тщетно ломился в крепкую дубовую дверь звонницы. Оказавшись случайным свидетелем преступления, звонарь «заперся и в колокольню его не пустил». Собравшийся между тем на дворцовой площади простой люд, увидев мертвого царевича, ни мгновения не сомневался в словах матери убитого ребенка — царицы-вдовы Марии Нагой, которая кричала, указывая на ненавистного дьяка: «Он, он убийца!» (Причем, возможно, царица имела в виду Битяговского не

¹ О которой упоминает и Р.Г. Скрынников, впрочем, не придавая ей особенного значения. См.: *Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 74.*

столько как реального *исполнителя* убийства, сколько его тайного *организатора*.) Марию поддержали прискакавшие вскоре ее родные братья — Михаил и Григорий Нагие. Битяговский пытался укрыться в дьячей избе. Но возглавленная Нагими толпа народа ворвалась и разгромила избу, убив самого Михаила Битяговского, его сына Данилу и еще более 10 их сторонников. Всего в результате этого стихийного самосуда погибло 15 человек. Тела их бросили в ров за городом

И... удивительно! «Розыск», начатый как расследование причин смерти царевича Дмитрия, быстро превратился в «розыск» против непосредственной родни погибшего. Против двух его дядей по матери, которых комиссия Шуйского обвинила в подстрекательстве к бунту и убийству правительственного чиновника. Мать убитого ребенка была насильно пострижена и отправлена в дальний Никольский монастырь под Череповцом, а ее братья — Михаил и Григорий — арестованы и брошены в тюрьмы. Спаслись удалось лишь третьему брату — Афанасию Нагому. Он сумел бежать и, проезжая через Ярославль, глубокой ночью тайно встретился там со своим давним знакомцем Джеромом Горсеем, поведав ему страшную весть об убийстве царственного племянника. (Сообщение, которое любознательный англичанин не преминул занести в свои мемуары¹.) Еще

¹ *Горсей Дж.* Указ. соч. С. 130. Кстати, Горсей рассказывает об этом не только в своих «Записках», но и в письме к лорду Берли, датированном 10 июля 1591 г. «19 июня, — сообщал он, — случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет... был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились еще многие столь же необыкновенные дела.. После чего произошли мятежи и бесчинства». См.: *Лурье Я.С.* Письма Джерома Горсея. // Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия истор. наук. — Л., 1941. Выпуск № 8. С. 199—201.

двумстам (200) жителям Углича *вырвали языки* (как и их мятежному колоколу, который первым поднял тревогу). Наконец, очень большое число горожан было приговорено к ссылке в Сибирь.

Так постарался князь Василий Иванович Шуйский задавить, лишить голоса и возможности действовать тех, кто мог, имел право и, наверное, хотел добиваться истины в раскрытии причин и виновников смерти царевича Дмитрия, кто мог рассказать совсем не то, что говорилось в официальном заключении следственной комиссии... Так услужил он главному заказчику сего дела. Но пройдет 15 лет, и, уже сам став царем, Василий Шуйский легко откажется от собственной, некогда белыми нитками сшитой версии «нечаянного самоубийства». В своих грамотах он всенародно объявит тогда, что последнего сына Грозного умертвили именно по приказу Годунова¹. Однако столь долго скрываемая и раскрытая в сугубо конъюнктурных целях правда сия ему мало поможет. Точно так же, как не помогла, а очень быстро привела Годунова к гибели и его, Шуйского, ложь...

И все же в тот момент Борис остался доволен. Ненавистный отпрыск царя Ивана был мертв, следы убийства замечены. Власть ослепила правителя. Как верно замечает г-н Радзинский, он не понял «подарка князя», «не сумел оценить опасности «пороховой бочки», исподтишка подложенной врагом. «Он продолжал верить в свое могущество, уже сулившее ему царство». Но крайне ошибочным для нас с вами, читатель, стало бы допущение того, что эта уверенность правителя в самом деле основывалась только на удачно осуществленных убийствах. Нет, убежденность Бориса в скором достижении вожделенной

¹ См.: Собрание государственных грамот и договоров. Часть II. С. 300, 311.

цели — русского престола — имела еще одну очень вескую причину. Причину, событие, не помня о котором невозможно до конца точно понять ни обстоятельства возвышения Годунова, ни его падения.

Событие это — введение крепостного права. Несколько ранее мы уже говорили о том, как умышленно связал писатель Э.С. Радзинский начало крепостничества на Руси с деятельностью Ивана Грозного, хотя этому нет ни одного документального подтверждения. Истинным же первопроходцем здесь был Годунов. Именно ему принадлежат первые крепостнические указы. Указы, которым суждено было стать важнейшей трагической вехой в социально-политическом и экономическом бытии России. Но, видимо, и сей факт показался слишком скучным для нашего чересчур вольного «популяризатора истории», больше занятого душевными переживаниями своих персонажей, нежели тем, что происходило в реальности. А происходило вот что.

Дорогу к трону Борис прокладывал себе не только посредством подкупов и предательств. И не только физическим устранением соперников. Как искушенный политик, Годунов понимал, что в схватке за власть — схватке с могущественной аристократией — ему не обойтись без серьезного союзника, силы которого можно было бы противопоставить силам ненавидевшей его старой знати. А такого союзника он мог найти тогда лишь в лице мелкопоместных дворян, войска которых составляли главную военную мощь страны «Молодшие» служилые люди, дворяне, коим царь за их службу предоставлял небольшой надел земли, были заинтересованы в крепкой централизованной власти монарха и потому не разделяли сепаратистских устремлений крупных бояр-вотчинников. Его, дворянство, и стал крадучись «обхаживать» Борис, едва начав править «именем Фе-

дора». Он смотрел далеко и загодя готовил себе надежно привязанных корыстью сторонников...

Например, в отличие от Грозного царя, который неуклонно добивался, чтобы Русскому государству служили все, кто в нем живет, независимо от своего социального положения, точно так же, как все без исключения, будь то первый боярин или простой землепашец — должны были исправно платить налоги со своих земельных владений в пользу государственной казны, подчеркнем, в отличие от всего этого, Борис, едва став правителем, немедленно специальным указом «обелил от подати» (т.е. освободил от уплаты налогов) все господские пахотные земли в дворянских усадьбах. И, как пишет историк, эта реформа впервые «провела резкую разграничительную линию между привилегированным дворянским сословием и податными низшими сословиями»¹, в частности, крестьянством, ремесленным населением городских посадов.

Дальше — больше. С конца восьмидесятых годов XVI в., подобно тому, как некогда переписывали все население Руси татарские чиновники — сборщики дани для золотоордынских ханов (переписывали, дабы никто не уклонился от уплаты позорного «выхода!»), **правитель Борис велел учинить всеобщую перепись жителей** сначала центральных, а затем и прочих уездов Российского царства. Перепись завершили в основном к 1592 г. Именно тогда государевыми дьяками были составлены и утверждены знаменитые писцовые книги, впоследствии ставшие главной основой для крепостнического законодательства. Ибо, скрупулезно описывая город за городом, деревню за деревней, эти книги строго фиксировали, на какой земле живет тот или иной че-

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 19.

ловек, чем владеет, кому служит, какие подати обязан платить в государеву казну.

Некоторые историки считают, что первоначально сие масштабное «мероприятие», собственно, и было-то направлено лишь на упорядочение финансово-налоговой системы страны¹. Системы, начавшей давать все более серьезные сбои после того, как Годунов «обелил» дворянские земли и главная тяжесть налогового бремени легла на плечи крестьян, на плечи посадского люда. С каждым годом это бремя стремительно увеличивалось, разоряя народ, вынуждая многие тысячи крестьян бросать хозяйство, насиженные места и уходить на необжитые окраины государства, или еще дальше — в «дикое поле», в степи, на вольный Дон. А это, разумеется, приводило и к запустению центральных уездов, и к резкому снижению поступлений налогов в казну. Вот чтобы хоть как-то приостановить сие массовое бегство, правительство Бориса в 90-х гг. XVI в. и начало издавать указы о так называемых «урочных», «заповедных летах» (запретных годах), которые внимательный читатель наверняка помнит еще со школьных учебников. Согласно сим высоким предписаниям, в эти годы ни один крестьянин и ни один посадский человек не мог более по собственному желанию покинуть ни своего господина, ни места несения своего «тягла» (повинностей). Он обязан был находиться там и только там, где его зафиксировала писцовая книга.

Нет, официально старинное право свободного ухода в Юрьев день еще не отменялось (и здесь особенно явственно чувствуется осторожная манера правителя действовать вкрадчиво, скрытно, не вызывая лишнего шума). Но воспользоваться этим правом в «заповедные годы» для крестьянина становилось

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 20—22.

практически невозможно. До отмены «урочных лет» он как бы прикреплялся к земле, к месту своей «прописки», самовольное оставление которой грозило жестокой расправой... Что же, мера для упорядочения налоговых платежей и впрямь безотказная. Но, начиная эту «реформу», вряд ли не понимал «вельми умный» Борис Годунов, кому, помимо сборщиков податей, она может прийти по душе, кому показаться особенно выгодной...

А было это как раз то самое мелкопоместное дворянство, поддержки коего так втайне жаждал правитель. Да, прежде всего *дворян* намеревался он заинтересовать своим нововведением. С тонким коварством восточного вельможи предложил и м довольно легкую возможность обзавестись прикрепленными к земле рабами. И увы! Расчет оказался верен. Более всего недовольные, часто разорявшиеся из-за нехватки крестьян в усадьбах, из-за постоянного и все увеличивавшегося с каждым годом их бегства, дворяне быстро поняли, *что* сулят им государевы «указы» о запрете ухода землепашца от хозяина в «урочные лета». Не случайно, пишет историк, вроде бы «узкофинансовая мера — временное прикрепление налогоплательщиков к дворам и пашенным участкам — имела неодинаковые последствия для горожан и сельских жителей. В городах она не прижилась, зато в деревне помещики оценили все выгоды, вытекавшие из прикрепления крестьян к имениям, и сделали все, чтобы превратить временное распоряжение в постоянно действующий порядок»¹.

Поместный приказ в Москве — один из главных столичных приказов — был вскоре буквально завален тысячами дворянских жалоб на беглецов и, как сказали бы теперь, «злостных неплательщиков» «го-

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 20—22.

сударевой подати». Прикрываясь этими «благородными» стенаниями, помещики требовали установить определенный, возможно более длинный срок, во время коего они имели бы право искать и возвращать своих ушедших «в бега» крестьян на прежнее место. Разумеется, правительство Бориса с готовностью удовлетворило сии горячие прошения. В мае 1594 г., со ссылкой на «государево повеление», Поместный приказ установил пятилетний срок сыска беглых крестьян на всей территории страны. Указ еще раз повторят 24 ноября 1597 г. И хотя в его тексте опять не было ни единого слова об отмене Юрьева дня, указ фактически уже «исходил из того, что нормы выхода крестьян утратили силу. Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле»¹. А утвержденный тогда пятилетний срок сыска беглых возрастет впоследствии до десяти, потом до пятнадцати лет, пока не станет вовсе бессрочным... Так, с явной подачи правителя-татарина Бориса Годунова было лукаво наброшено на шею русского (и не только русского) крестьянина тяжелое ярмо крепостной зависимости. Люди на Руси знали и запомнили это точно. Уже в 1595 г. одна из официальных грамот прямо гласила «Ныне по государеву указу крестьянам и бобылям выходу нет»². Запомним эти даты и мы...

Запомним, ибо действительно только после того, как осуществилось все то, о чем было рассказано выше (но чему, к сожалению, почти не нашлось места в книге г-на Радзинского), Борис Годунов решился сделать свой последний шаг к трону...

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 23.

² Археографический ежегодник за 1966 год. — М., 1968. С. 313.

«7 января 1598 года в час пополуночи в своей опочивальне скончался царь Федор. Уже в наше время при исследовании его останков обнаружат повышенное содержание ртути. Возможно, всесильному боярину надоело ждать», — пишет наш романтический автор, хотя гораздо ближе к зловещим штрихам той непроглядно-вьюжной январской ночи было бы сказать, что Борису не только «надоело ждать», но что все у него было уже *готово* к тому, чтобы действовать без Федора, не прикрываясь более его именем. И к действиям он приступил сразу же, немедленно...

Слабый здоровьем царь Федор Иванович, последний из великой династии Рюриковичей, умер и был похоронен в крайнем небрежении. Его одели в бедный кафтан, перепоясанный простым кожаным поясом — об этом тоже сообщают современные исследования гробницы в Архангельском соборе Кремля¹. Не сподобился он, всю жизнь проведенный в постах и молитвах, и предсмертного обряда пострижения в монахи, хотя сие считалось давней незыблемой традицией для московских государей. Разумеется, очень трудно допустить, что все это произошло случайно, без чьего-то конкретного, мелочно-злобного приказа, который не посмели нарушить ни дворцовые служители, ни даже духовенство.

Основательно позаботился некто и о том, чтобы не осталось для потомков подлинного текста «духовной грамоты» (завещания) Федора — еще одно грубое нарушение вековой традиции. Один русский летописец глухо упоминает, что царь будто бы долгое время сам отказывался «свершить духовную» и на настоячивые вопросы патриарха и бояр, кому он жела-

¹ *Тихомиров М.И.* Российское государство в XV—XVII вв. — М., 1973. С. 83.

ет оставить свое царство и царицу, лишь уклончиво отвечал: «Во всем моем царстве волен бог; как ему угодно, так и будет»¹. Другой — немец К. Буссов — передает на сей счет известия уже совершенно иного характера. Он рассказывает целую красочную легенду о том, как, за неимением собственного наследника, Федор Иванович поочередно предлагал принять державный скипетр четверем своим двоюродным братьям по матери, царице Анастасии, — Федору, Александру, Ивану и Михаилу Романовым. Но все четверо поочередно же, один за другим отказались от этой высокой чести, что вывело умирающего из себя, заставив крикнуть срывающимся голосом: «Так пусть возьмет его тот, кто хочет!» Только после этого якобы и выступил из-за спин плотно окружившей Федора родни Борис Годунов. Выступил и сам поднял брошенный царский жезл²...

Скорее всего, однако, ничего подобного все-таки не было. Находясь под неусыпным контролем своего шурина-правителя, последний Рюрикович либо действительно умер без завещания, либо текст его «духовной грамоты» был тут же уничтожен (как ранее — завещание Грозного), а взамен составлен другой, полностью соответствующий интересам Годунова. Именно эта «последняя воля» усопшего государя и была зафиксирована для будущих времен в официальном постановлении Земского собора 1598 г. Собора, созванного в Москве для того, чтобы утвердить его, Бориса, «избрание» на русский престол. Ибо соборная грамота гласила, что в бозе почивший царь Федор Иванович «учинил» после себя на троне жену Ирину, а шурина Борису «приказал» царство и душу

¹ Никоновская летопись. С. 3—4.

² Буссов К. Московская хроника. С. 80—81.

свою¹. В сущности, в этих кратких словах был зашифрован целый план. Четким осуществлением чего-то давно и глубоко продуманного выглядело и все дальнейшее.

Так, уже на девятый день по смерти вряд ли любимого мужа царица Ирина неожиданно постриглась в Новодевичьем монастыре. Постриглась, невзирая на то, что была молода (около 30 лет) и могла править очень долго. А ведь внимательный читатель помнит, еще несколько лет назад никакие просьбы духовенства, никакие угрозы народных волнений не могли вынудить ее, гордую властную красавицу, оставить трон, принять монашество. Теперь же все решилось в считанные дни, и это понятно. Теперь Ирина покидала трон, чтобы уступить его *брату*². И покидала вовремя. Впереди была решающая схватка...

Едва истекли сороковины по Федору, московская знать, быстро сменив траурные одежды, приступила к выборам нового царя. Но напрасно снова вводит в явное заблуждение читателя наш автор своим слишком легким сообщением о том, что страной правила «пока боярская Дума и патриарх Иов, всем обязанный Годунову и отлично понимающий: лучше Бориса правителя сейчас не найти. Дума тоже на стороне Бориса — бояре знают, какой дождь царских милостей посыплется на них после его избрания». Увы, все опять складывалось куда более сложно и непредсказуемо, чем это видится г-ну Радзинскому.

¹ Российское законодательство X—XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов. — М., 1985. С. 36—40.

² Не случайно, уже будучи в монастыре, *Ирина «тайно призывала к себе военнoслужилых сотников и раздавала им деньги, чтобы они убеждали своих подчиненных в необходимости избрания Бориса»*. См.: *Иловайский Д.И.* Указ. соч., С. 372—373. См. также: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 59.

Хотя патриарх Иов действительно поддерживал Годунова, и именно ему принадлежала инициатива срочного созыва Соборного совещания на патриаршем подворье 17 февраля 1598 г. всех наиболее активных сторонников правителя из духовенства, дворян, приказных дьяков и купечества (и где, кроме того, присутствовали сами Годуновы вместе со своей родней: Сабуровыми и Вельяминовыми) — совещания, которое первым вынесло историческое постановление об избрании на русский престол «царя Бориса»¹. Но вот касательно боярской Думы... Дума не только не была «на стороне» сего «избранника», а прямо выступила против оногo.

Пожалуй, можно лишь догадываться, какого острого драматизма достигла тем промозглым февральским днем политическая обстановка в Москве, когда в одно и то же время с Соборным совещанием на подворье у патриарха знатнейшие руководители боярской Думы собрали свое особое заседание в Большом Кремлевском дворце. Ведь по закону исключительно боярский совет, и только он один, имел право рассматривать и решать проблемы престолонаследия. Он же мог и отменить решение по данному вопросу любых других представителей власти — даже патриарха... Борис всегда доподлинно знал о враждебности к нему бояр, и, возможно предвидя именно такой ответный выпад со стороны Думы, он уже за две-три недели до описываемых событий практически перестал ездить в Кремль и присутствовать на ее заседаниях. Втайне препоручив все хлопоты о собственном «избрании на царство» патриарху, он сам как бы добровольно устранился от дел. Но обманчивой была сия «смиренная отстраненность».

¹ Акты археографической экспедиции. Т. II. № 7. С. 16.

Отсидевшая сначала на своем обширном подворье, а затем и вовсе перебравшись к сестре за высокие, неприступные стены Новодевичьей обители, Годунов зорко наблюдал и выжидал...

И дождался. Несмотря на все свои законные полномочия, Дума так и не смогла наложить veto на решение об избрании Годунова, принятое во время Соборного совещания у патриарха. Но случилась эта удача не потому, что могущественные аристократы ждали от него — презренного «выскочки» — «дождя милостей», как считает наш телевизионный сказитель. Причина была как всегда и глубже, и проще. Она крылась в том, что саму Думу раздирали противоречия. В ней самой имелось слишком много претендентов на царский венец. Как указывал, к примеру, в своих письмах знатный польский современник Андрей Сапега, служивший тогда воеводой на русско-польском кордоне, таким претендентом являлся, во-первых, непосредственный председатель (глава) Думы — князь Федор Мстиславский, в жилах которого текла кровь великих князей литовских и который был праправнуком государя Ивана III. Во-вторых же — двоюродные братья умершего царя — Федор и Александр Никитовичи Романовы¹. И современник полностью прав. В основном жесткие раздоры и взаимные притязания между этими боярами привели к расколу аристократической оппозиции Годунову, обусловили ее фактическое бессилие.

На бурном заседании 17 февраля она сподобилась принять лишь слабое компромиссное решение о введении в стране... собственного правления, правления боярской Думы. Торжественно объявить народу о необходимости «целовать крест» именно Думе был

¹ См.: *Валишевский К.* Указ. соч. С. 61.

отражен на Красное крыльцо знаменитый оратор тех лет — дьяк Василий Щелкалов¹. Но в тревоге толпившийся перед Большим дворцом простой посадский люд Москвы, видимо, очень хорошо понимал (а старики, еще заставшие те лихие времена, когда был мал и незащищен будущий Грозный царь, могли и порассказать), чем оборачивается для народа никем не обузданная власть бояр. Щелкалову пришлось спешно уносить ноги. Как сухо констатирует историк, «попытка ввести в стране боярское правление не встретила поддержки в народе»².

Намного более успешно действовал в это время патриарх Иов. Уже 20 февраля ему удалось организовать первое «всенародное» шествие к Новодевичьему монастырю — с молением «принять царство». Как свидетельствует очевидец той знаменитой, никогда прежде невиданной в истории Руси политической мистерии, полузатворник-полуправитель Борис, выйдя к собравшейся толпе, якобы с достоинством, доброжелательно выслушал «речи людей разных чинов», но на все прошения ответил резким отказом, вдобавок чуть ли не со слезами на глазах поклявшись, что в жизни даже не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин»³. С этим «всенародному множеству» и пришлось тогда разойтись.

Но наивно было бы полагать, что столь отменно срежиссированная и, по всем свидетельствам, столь же недурно сыгранная сцена сия не возымела своего действия на зрителей... Вчитываясь в старинные летописи и хроники, повествующие о тех далеких со-

¹ Об этом сообщал очевидец тех событий — австрийский голец Михаил Шиль. См.: Донесение М. Шили о поездке в Москву (1598 г.). — М., 1875. С. 12.

² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 28

³ *Временник Ивана Тимофеева.* С. 53.

бытиях, не перестаешь удивляться, как мастерски действовали (выражаясь терминами нашей англоязычной современности) создатели политического «имиджа» «кандидата в цари» Бориса Годунова. Как цинично, кощунственно лгал сам он уже на последних ступенях к трону. Откуда взялось вдруг на Руси конца XVI века это глубокое знание и точное следование основополагающим принципам «предвыборной агитации»? Или, действительно, заведомый обман рядовых, неискушенных избирателей является вечным, неотъемлемым законом любых «демократических выборов», в любой стране и в любое время?.. Ибо факты неумолимо свидетельствуют: именно в соответствии с этим лживым законом поступил Борис, демонстративно отказавшись от короны 20 февраля 1598 г. Одновременно в толпу был тонко запущен слух о его желании, как ранее сестра, уйти от мира, принять монашество... И, заключает историк, «под влиянием умелой агитации настроение в столице (столице, дотоле ненавидевшей правителя-убийцу! — *Авт.*) **стало меняться**»¹.

Однако сторонники Бориса во главе с патриархом Иовом продолжали действовать. Эффект «отказа» правителя от власти был многократно усилен ими еще одним способом психологического давления на народ. Будто в особенно напряженный, великий момент пасхальных торжеств, с вечера 20 февраля и до зари следующего дня, в столице не закрывались храмы. Всю ночь в них шли богослужения «о даровании России царя», чрезвычайность, тревожно-скорбный дух которых, конечно же, не мог не привлечь туда огромное число взволнованных судьбой Отечества москвичей. И дело было вовсе не в

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. — М., 1978. С. 115.

том, что (как «глубокомысленно» уверяет г-н Радзинский) «страна рабов осталась без Хозяина, люди не знали, как дальше жить». Всем предшествующим изложением мы стремились показать, сколь ясно сознавал русский народ опасности; которые несет отсутствие сильной, единой власти в государстве. Какие угрозы внутреннему порядку и внешней безопасности Руси таит в себе наступление нового боярского правления. Эту совершенно оправданную тревогу, охватившую москвичей, и использовали люди Годунова. Хотя в источниках не осталось упоминаний о том, что и кто говорил в ту роковую ночь с церковных амвонов и папертей, но нам, очевидцам нынешних «предвыборных гонок», сие не так уж трудно представить.

Результат ночных «проповедей» оказался налицо утром, когда, по словам летописца, из московских храмов была вынесена вся «святость», все наиболее почитаемые иконы и, возглавленный духовенством, к монастырю на Девичье поле отправился уже гигантский крестный ход — тысячи людей¹. Так было предпринято второе «прошение Бориса на царство». Но... взглянемся внимательно: *только ли* посадские ремесленники, торговцы, купцы, бабы с детишками собрались в беспокойном ожидании у высоких стен Новодевичьей обители 21 февраля 1598 г.? *Только ли* они настойчиво и усердно кричали, обращаясь к правителю: «Будь нам царем! Не оставь сиротами!»² Кричали даже напротив окон кельи царицы-инокини — дерзость, неслыханная по тем временам... Не

¹ Неизвестный московский летописец XVI века из музейного собрания ГБЛ. Публикация *Буганова В.И., Корецкого В.И.* — Записки ОРГБЛ. Выпуск 32. М., 1971. С. 159—160.

² Кричали столь бесчинно и громко, что хотелось заткнуть уши — писал очевидец Иван Тимофеев. См.: *Временник Ивана Тимофеева*. С. 53—54.

стоял ли в той многоликой толпе кто-то еще, чье присутствие являлось не менее значимым, но о ком весьма предусмотрительно промолчал г-н Радзинский?..

А были это дворяне. Как указывает профессиональный историк, ссылаясь на подлинные документы, литовская разведка в России еще **в середине февраля** доносила королю Сигизмунду, что в ходе борьбы за власть в Москве Годунова активнее всех поддерживают именно дворяне¹. Много дворян находилось **и у стен Новодевичьего монастыря 21 числа**. Там, обратившись к правителю, а затем войдя в келью к его сестре Ирине (в монашестве Александре), представители дворянства прямо заявили: ежели Борис не примет власти, они «перестанут служить», откажутся защищать страну от неприятеля, а «в земле будет кровопролитие»². И, собственно, это решительное, во всеуслышанье прозвучавшее предупреждение, было очень понятно, ожидаемо, коль вспомнить, что сделал для дворян Годунов, чем заплатил им за долго, впрок... Увы, **такого** «кандидата» «служилым» действительно имелся теперь смысл требовать на царство особенно рьяно, поддерживая его сплоченным мощным криком (и, наверное, не только криком) сотен глоток, от которого, писал очевидец Иван Тимофеев, у многих «багровели лица и утробы расседились»³.

Лишь после сего громогласного «вопля» и вышел Годунов вторично к народу. Но вышел только для того, чтобы снова отказаться от предлагаемой короны, так как (опять же замечает дьяк Тимофеев), он

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 116.

² Неизвестный московский летописец... С. 160.

³ Временник Ивана Тимофеева. С. 53.

«не хотел быть умоленным скоро», что обнажило бы его тайные желания¹. Нет, напротив, дабы видно было возможно большему числу собравшихся, он поднялся на высокую церковную паперть и, как петлю, накинул на шею платок, словно говоря, что скорее удавится, чем станет царем². Этот-то по всем канонам театра выразительнейший жест окончательно и взорвал толпу. Ее рев сделался таким оглушающим, «что Борис смог наконец пожать плоды многодневных усилий. Общий клич создал видимость всенародного избрания, и Годунов, расчетливо выждав еще минуту, великодушно объявил о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство»³.

«Представление закончилось», — с легким вздохом подводит итог наш бульварный беллетрист Радзинский, правда, тут же вкрадчиво добавляя: остались и другие «глухие известия о том, что творилось за его кулисами». В качестве примера он (по обыкновению, без ссылки) приводит слова некоего абстрактного «современника», писавшего, что к Новодевичьему монастырю «народ неволею был пригнан, а не желающих идти велено было приставам бить без милости. Приставы же понуждали их громко кричать и слезы лить». Что ж, имя составителя так называемого «Иного сказания», из которого были взяты процитированные г-ном Радзинским строчки⁴, действительно неизвестно. Но добавим уже от себя: на тех же страницах говорится не только о «битье без

¹ Временник Ивана Тимофеева. С 53—54.

² Там же.

³ *Скрышников Р.Г.* Указ. соч. С. 116.

⁴ Сб. РИБ. Т. XIII. С. 15.

милости», но и о том, что приставы грозили людям крупными штрафами в случае отказа идти на Девичье поле «плакать и вопить» за Бориса... Исходя из этих и других деталей, содержащихся в сем произведении неведомого автора XVII века, историки пришли к выводам о том, что оно носит ярко выраженный антигодуновский характер и, скорее всего, было создано уже после смерти Бориса, по заказу его противников. Противников, стремившихся доказать, что правитель сам организовал свое избрание на царство. Что, иными словами, эта летописная повесть не достоверное свидетельство современника, а только «злостный памфлет на Бориса»¹. И, право же, не нам здесь решать эту сложную источниковедческую проблему. Здесь нам важно отметить другое. То, что, правдиво ли, ложно ли вышеприведенное упоминание о насилиях и угрозах со стороны властей в ходе «всенародного избрания Годунова», но сам факт его существования уже говорит о многом. Он опять доказывает: на Руси уже в те далекие времена были прекрасно осведомлены почти обо всех «нюансах», свойственных «демократическому волеизъявлению масс». Доказывает именно это, а не какую-то «рабскую покорность», «рабскую психологию», присущую исключительно русскому народу, как хотелось лишний раз ярко проиллюстрировать Э. Радзинскому. И ради чего он, видимо, и вспомнил сей рассказ летописца...

¹ Так считает, например, уже известный читателю защитник Годунова — историк Р.Г. Скрынников. Обосновывая свою точку зрения, исследователь, в частности, указывает, что «непосредственный очевидец событий дьяк Иван Тимофеев, отнюдь не принадлежавший к числу его почитателей, ни словом не упомянул о насилиях со стороны приставов». Не говорит об этом также и другой весьма осведомленный современник — троцкий келарь Авраамий Палицын. См.: *Скрынников Р.Г. Указ. соч.* С. 116, 187.

Но вернемся в монастырскую келью правителя... Даже будучи официально «нареченным» властвовать, Годунов еще более месяца — с конца февраля и вплоть до 1 апреля — останется там, в Новодевичьем. Почему же он снова медлил? Почему тотчас не назначил день своей коронации? Тем паче что, по словам г-на Радзинского, для этого уже не осталось никаких препятствий. «Иов и Дума», — пишет он, — собрали Земский собор. Собор, который «единогласно постановил призвать Бориса на царство»... Однако, читатель видел, какие *реально* были отношения между этими самыми «Иовом и Думой». Если патриарх вынужденно действовал на стороне Годунова, то боярская Дума была откровенно против «худородного выскочки». Следовательно, **вместе** они никакого Земского собора в поддержку Бориса созвать не могли. Точно так же, как не мог и сам патриарх венчать правителя шапкой Мономаха. Не мог, пока новому царю не присягнет Дума, то бишь не даст своей санкции на эту коронацию. А потому...

А потому, исходя из этих исторических обстоятельств, нам придется подчеркнуть здесь еще одну явную неточность г-на Радзинского. Его слова о том, что «другие кандидатуры на царство, вроде призрака Ивановых забав татарина Симеона Бекбулатовича, (казались) просто смешными в сравнении с мудрым правителем Годуновым», и впрямь могут вызвать лишь снисходительную улыбку. В действительности все опять происходило совсем иначе и смешным не казалось никому.

...Когда 1 апреля 1598 года, осторожно дождавшись окончания Великого поста (во время которого любые празднества, как известно, были запрещены), Годунов решил вернуться в Москву, «его сторонники не пожалели средств и сил на то, чтобы подготовить

столицу к торжественному приему нового царя. Народ встречал Бориса на поле, за стенами города. Те, кто был победнее, несли хлеб и соль, бояре и купцы — золоченые кубки, соболя и другие дорогие подарки, подобающие «царскому величеству»¹. Причем и здесь правитель проницательно не упустил возможности блеснуть своим «смирением»: он отказался от всех ценных подношений, но с глубоким поклоном принял *главное* — хлеб-соль.

В Кремле под звон колоколов его встречало духовенство. Началась праздничная служба в Успенском соборе, в ходе которой присутствующие «здравствовали» правителя, а патриарх еще раз благословил его на «скифетродержавство»². (Лишь благословил, так как, повторим, непосредственное венчание на царство считалось невозможным без присяги членов боярской Думы. Однако как раз высокородных «думцев» и было в соборе очень мало, а уж что касается их собственноручных подписей под «утвердительной грамотой» об избрании Годунова, то таковых не оказалось тогда совсем...) И все же, как пишет историк, по мысли устроителей, именно «богослужение в Успенском соборе, традиционном месте коронации государей, должно было окончательно утвердить Бориса на троне»³. После завершения службы Годунов отправился в царские покои и сел там «на царском своем престоле».

Понятно, что столь пышное и основательное водворение Бориса в царском дворце заставило бояр наконец-то забыть местническую рознь и вражду. Объединившись против татарина-узурпатора, они

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 117. О торжественной встрече Годунова см. также: *Иловайский Д.И.* Указ. соч. С. 375.

² Древняя российская вивлиофика. Часть VII. М., 1788. С. 8.

³ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 117—120.

действительно (как мельком вспоминает и г-н Радзинский), провозгласили своим общим кандидатом в цари другого татарина — Симеона Бекбулатовича, старого соратника Грозного государя. И выбор этот вельможной знати был не случаен. Во-первых, князь Симеон управлял делами государства в то время, когда сам Иван был занят в Ливонии; следовательно, в глазах многих русских людей он все еще олицетворял собой живую память о минувшем великом царствовании. Во-вторых же, «кандидат» сей был уже слишком стар для державных забот, и знать считала, что его проще простого будет превратить в безучастную марионетку, ширму для прикрытия. Ведь главная «ее цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести (в стране) боярское правление, на этот раз посредством подставного лица»¹.

И Борис не стал мешать им! Сознывая всю уязвимость своего положения, он мудро остерегся вступать в открытый спор с высшим государственным советом. Но хоть и являясь неважным стратегом на поле боя, этот искуснейший мастер политической интриги придумал для себя *другой* «обходной маневр». Маневр, с помощью которого он смог, вновь прослав «защитником Отечества», все-таки заставить гордых бояр признать его, «вчерашнего раба», своим повелителем, признать «царем и великим князем всея Руси»... Ибо, свидетельствует умный русский дьяк XVI века, было у Годунова «особое свойство», «был таковой обычай выступать против воюющих противников: *когда они не выходили на бой, он тогда выступал против них*; когда волки не вредили овцам, он, показывая себя как бы храбрым, только свистом призывая их на себя; а когда свирепые бесстыд-

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 122.

но начнут на смиренных нападать, он остается и не выходит из каменных стен»¹.

Точно так и поступил он той весной 1598 года... В апреле месяце неким воеводой Оскольским была принесена весть о скором нашествии крымчаков. Весть заведомо ложная, так как после памятного бегства от стен Москвы хана Казы-Гирея летом 1591 г. и заключения в 1593 г. мирного договора между Русью и Крымом на южном русском пограничье царила тишина и войны не ждали². Это очень хорошо должен был знать (и знал!) прежде всего сам Борис, *еще из кельи в Новодевичьем отправивший в Бахчисарай гонца с дружественным посланием к хану...* Но тем не менее в Москве была объявлена тревога и отдан приказ о сборе войск, возглавить которые пожелал сам «нареченный» на трон. А когда (к началу мая) все было собрано, полки готовы к выступлению, Годунов просто поставил бояр перед выбором: «либо занять высшие командные посты в этой армии (тем самым de facto признавая его власть. — *Авт.*), либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинение в измене. В такой ситуации руководство боярской Думы предпочло на время подчиниться. Борис добился своей цели и мог торжествовать»³.

Что ж, он и торжествовал, гордо выступая впереди многотысячного, преданного ему дворянского войска. Высокородные князья, бояре, воеводы темнее тучи следовали за ним, не смея поднять глаз от жгучего стыда и злости... Но Борис теперь даже не замечал этих сумрачных лиц. Как писал дьяк Тимо-

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 223

² Не ждали еще и потому, что русская разведка в Крыму доносила: именно в это время хан готовил поход на Венгрию

³ *Скфынников Р.Г.* Указ. соч. С. 123.

феев, будучи «твердо уверенным в том, что хан на него не пойдет»¹, Годунов, прибыв в ставку под Серпуховом на Оке, велел «спросить о здоровье» всего воинства — бояр, дворян, стрельцов, казаков, простых ратников (по некоторым данным, численностью в 500 000 человек), учинил им общий смотр, а засим... А засим **в течение двух месяцев** следовали «богатые пиршества, на которых присутствовало до 70 000 гостей»². Кстати, для упомянутых пиршеств правитель приказал взятым из столицы мастерам выстроить на зеленом берегу Оки целый «палаточный городок» или, как говорили очевидцы, «чудный град» из белоснежных шатров в виде дворцов, башен и стен — так, что издалека действительно казался настоящим белокаменным городом³. В этом причудливом сооружении он и потчевал, не жалея роскошных яств и вина, своих дворянских ополченцев. Но, по едкой ли иронии судьбы, именно там же застали Бориса и... послы из Крыма — прибывшие... нет, не с объявлением войны. Но лишь с тем, чтобы просто в порядке дипломатической вежливости передать от своего хана *поздравления Годунову по случаю «избрания на царство»*... Конечно, совершенно изумленных открывшимся зрелищем громадного (и абсолютно беспричинного) скопления войск посланников этих тоже пригласили к столу. Летописец зафиксировал: «Посол крымский у государя был на посольстве и был у стола, в шатрах ели, в приставке — царь Касимовский Мустафалей, царевич Абраслонолей Кайбалович, царевич Мустафалей Сибирский, в большом столе — бояре князь Федор

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 224.

² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 65.

³ См: Временник Ивана Тимофеева. С. 224—225.

Иванович Мстиславский с товарищи, в кривом столе — крымские послы в лавках, а приставы в скамьях. И, утвердив перемирие (т.е. подтвердив договор 1593 г. — *Авт.*), крымских послов государь отпустил, пожаловав, в Крым. А к хану послал посланника Леонтья Ладыженского с любовью и с братством и с поминками (подарками)»¹. В то время как «войско, вокруг и около его стоящее, украшали цветущие растения и зеленые травы»². Такова была еще одна и впрямь **бескровная** победа Бориса, еще одна характерная «деталь», к сожалению, показавшаяся ненужной г-ну Радзинскому...

А между тем лишь после этого весьма веселого двухмесячного «стояния на Оке» Годунов, пишет современник, **«как фараон, со множеством колесниц и всадников, возвратился со своей лживой победой в великой славе в царствующий город Москву, (желая) еще более заставить всех, не понимающих его хитрости, полюбить его»**³. Слова дьяка Тимофеева поясняет современный исследователь: «Серпуховский поход стал решающим этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Раз подчинившись правителю, бояре стали обращаться к нему за решением своих местных тяжб и тем самым признали его высший авторитет. Со своей стороны Борис постарался удовлетворить самолюбие главных противников, вверив им командование армией»⁴. Таким образом, были уничтожены последние преграды на пути к общей бояр-

¹ Неизвестный московский летописец.. С. 161.

² Временник Ивана Тимофеева. С. 224—225.

³ Там же. С. 225.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 123.

ской присяге. И хотя Годунов все еще не решался предложить членам Думы подписать утвердительную грамоту о его «всенародном избрании», а саму церемонию присяги, очевидно, для вящей безопасности повелел перенести из традиционного места ее проведения (зала заседаний боярской Думы) — в Успенский собор, но присяга все-таки состоялась¹.

Кстати, весьма примечательной *доработке* был подвергнут и сам текст присяги государю... Это с горечью отмечал уже Иван Тимофеев, свидетельствуя, что «во время своего воцарения он (Годунов) придумал всех привести страхом (в повиновение) себе, а после себя и своему потомству, приказав народу принести себе, рабу, крестную клятву тверже, чем это было при прежних царях»². Например, не Грозный «деспот» Иван IV, но именно *демократически избранный* «на царство» Борис Годунов, по собственному изволению взяв на себя прерогативы чуть ли не самого господ бога, впервые включил в текст этой присяги требование **под угрозой анафемы, вечного проклятия** «ни думати, ни мыслити, ни семьитись, ни дружитись, ни ссылатись» с врагами государя, «не изменять (ему) ни делом, ни словом; не умышлять на его жизнь и здоровье, не вредить ни ядовитым зельем, ни чародейством, доносить о всяких скопах и заговорах, не уходить в иные земли»³. И надо ли говорить, что для XVI века это были не просто слова, не просто угроза. Это был на-

¹ Как писал Иван Тимофеев, она состоялась «в пору жатвы», или тогда, когда миновали «два обращения луны» после Серпуховского похода, т.е., в конце июля — августе. См.: Временник. С. 225.

² Временник. С. 234—235.

³ Грамота, содержащая текст присяги, опубликована в собрании документов: Акты археографической экспедиции. Т. II. № 10. С. 61. И дается также в пересказе у Н.М. Карамзина в «Истории Государства Российского», т. XI. С. 7, примечание 5. Сомнительно допустить, что г-н Радзинский как писатель-историк не знаком с данными текстами...

стоящий переворот в сознании людей, начало разрушения основного нравственного принципа русской монархии, согласно которому человек, «целуя крест» (присягая) государю, обязывался служить ему не «за страх», но по долгу и совести (совести, которая, по определению русского философа И.А. Ильина, есть голос божий в человеческой душе)... Однако в тексте присяги Годунову именно совесть и подменялась *страхом*, — страхом за какое бы то ни было неподчинение царю понести кару не только в жизни земной, а и в жизни загробной, вечной... Так строки подлинного исторического документа опять с убийственной ясностью вскрывают, *кто* стоял у истоков пресловутой «российской рабской психологии», *кто*, закрепостив сначала российских землепашцев, стал потом превращать уже в духовных рабов и всех остальных своих подданных... Не случайно церемония присяги проходила при большом стечении народа в Успенском соборе, но (как опять же сообщает нам очевидец событий дьяк Тимофеев) пришли туда люди только потому, что таков был суровый приказ, нарушить который отныне грозило даже не смертью — грозило геенной огненной...

Только тогда патриарх смог, наконец, совершить главное — акт венчания на царство. Торжественная коронация «вчерашнего раба» состоялась в самые первые дни русского Нового года — т.е. 3 сентября 7107 г. (1598). Летопись гласит: «Венчался государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси царьским венцом тем же обычаем, как писано царское венчание царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси. И в тот день царьского поставления сказано боярам и окольным, и дворянам большим, и стольникам, и дворянам из городов, и всяким служилым людям государево жалованье на одном году

вдвое, а гостям и торговым людям льгота»¹... Были благодетельствованы и злейшие враги — например, братья отравленного государя Федора Ивановича — Александр и Михаил Романовы. Первый получил от Бориса чин боярина, второй стал окольным²...

Немудрено, что еще полгода спустя, на собранном в Москве Земском соборе, присутствовала уже *вся* боярская Дума в полном составе... Правда, собор этот, призванный окончательно утвердить избрание на престол нового царя (и на который вместе с знатнейшими боярами, духовенством, приказными дьяками по традиции приглашены были также столичные и провинциальные дворяне, стрелецкие головы, купцы и посадские старосты), оказался только жалким подобием тех *действительно* соборов-советов «со всей землей Русской», что собирал в свое время Иван Грозный. Фактически вопрос, ради которого был созван Земский собор в январе 1599 г., даже *не обсуждался* на его заседаниях. Анализируя сохранившиеся документы, исследователь сухо констатирует: все функции последнего Земского собора в России XVI века свелись к тому, что его участники выслушали текст утвердительной грамоты (заранее подготовленный канцелярией Бориса) и скрепили его своими подписями³. Причем с этого документа сразу сделали два списка (копии). Один отправили в государеву сокровищницу, а вот другой... Другой список новоиспеченный царь препоручил на «вечное хранение» не кому иному, как первому святому покровителю Московской державы — митрополиту Петру, нетленные мощи которого почивали в Успен-

¹ Неизвестный московский летописец . С. 161.

² Там же.

³ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 129—130.

ском соборе Кремля. Для этого Борис пошел на неслыханное святотатство. Он приказал, сорвав вековые печати, вскрыть раку (гроб) святого митрополита. Туда, в гроб чудотворца, и вложил он собственными руками соборную грамоту, удостоверяющую его «всенародное» избрание на русский трон. Так, по словам очевидца, надеялся Годунов еще раз «утвердить свое имя»¹.

Но... несмотря на все эти «бесовские ухищрения»², равно как и на все попытки с первых дней своего уже законного царствования прослыть повелителем добрым, справедливым (ради чего он и дал при вступлении на престол «тайный» обет не проливать человеческой крови в течение 15 лет), Борис не мог чувствовать и не чувствовал себя царем. Его снова мучили страх и неуверенность, о чем опять-таки свидетельствуют его современники. Вопреки идиллическим восторгам беллетриста Эдварда Радзинского, захлеб убеждающего читателя, что, достигнув трона, Борис просто «обезумел от счастья — вчерашний потомок жалкого рода, а ныне владетель величайшего царства», приведем здесь еще одну цитату из записей дьяка Ивана Тимофеева, и пусть читатель сам сравнит психологическую глубину обоих высказываний... «Солгав приобрел себе (Годунов) сие великое и обширное царство», — писал дьяк, — а потому, «во дни царствования никакого счастья у него не было, а были только в членах его трепет и боязнь всех из-за величия сана»³.

Да, так грезившаяся когда-то шапка Мономаха вдруг оказалась для Бориса не просто вельми тяже-

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 243.

² Там же.

³ Там же. С. 251.

лой (если воспользоваться словами классика)... Должно быть она раскаленным обручем жгла ему голову, как ежечасно терзал душу ужас, понимание неотвратимости возмездия за совершенное зло. Сам клятвопреступник, убийца и вор, Годунов в каждом приближенном действительно мог видеть теперь лишь врага, тайного соперника или мстителя и вряд ли в своих подозрениях был далек от истины... Не случайно, пишет историк, уже в январе 1599 г. «в Польше и Ливонии стали циркулировать упорные слухи о том, что царь Борис убит своими подданными. Король Сигизмунд получил известия об этом сразу из двух источников. Из Орши ему сообщали, что Годунова убил «некий царек». Из Вильны писали, что во время аудиенции в Кремлевском дворце Борис ударил посохом одного из Романовых, за что тот поколол его ножом¹.

Да, он боялся, боялся люто, мучительно. Пытаясь хоть как-то избавиться от этого неотступного страха, Борис даже создал личную гвардию телохранителей, состоявшую исключительно из иностранцев — немцев, приехавших из Ливонии и Германии. Не доверяя своим, он отныне рассчитывал на полную преданность только этого отряда иностранных наемников, щедро наделяя их поместьями с русскими крестьянами-рабами². (Пройдет еще совсем немного времени, и точно так же станет действовать победитель-преемник Годунова — Лжедмитрий I, целыми вотчинами раздавая русские земли полякам.) Но это не спасло его. Как не помогло ему и пышно расцветшее доносительство, которое он всячески поощрял, сделав главой сыскного ведомства своего родича —

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 128.

² См.: Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 378.

Семена Годунова. Причем дошло до того, что доносчиков-холопов стали возводить в дворянское достоинство и награждать их поместьями — прилюдно, на площади у Челобитного приказа... Как не помогли, наконец, первому «выборному» царю Борису и жестокое подавление уже начинавшихся, вспыхивавших то там, то здесь крестьянских волнений. (С особенным зверством было, например, подавлено восстание в Комарицкой волости, куда Годунов отправил татарскую конницу и учинил там настоящий погром: мужчин вешали за ноги, жгли и расстреливали из луков, женщин и детей топили, а оставшихся в живых продали в холопство.)

Ибо, подчеркнем еще раз, хотя благодаря гибкой, изворотливой политике ему и удалось на какое-то краткое время привлечь на свою сторону аристократию и дворянство, «сплотить верхи вокруг трона», однако «роковой для династии Годунова оказалась ненависть низов. Борис воздвиг свой трон на вулкане»¹, и вулкан этот назывался — крепостное право.

¹ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 142.

МИФ О «ЦАРЕВИЧЕ ДМИТРИИ» И ЕЩЕ ОДНО ВТОРЖЕНИЕ ПОЛЯКОВ В РОССИЮ

Разумеется, мощное извержение этого вулкана началось не вдруг и не сразу, и обусловил его не один только «рост недовольства в народе закрепостительной политикой властей» (как предельно схематично утверждала ранее советская историография). Известно: в реальной истории всегда самым причудливым, зачастую невероятным образом переплетаются многие факторы. Вот и причин сильнейшего социального взрыва, гражданской войны или, по глубинному определению современников, Смуты, что произошла в России на стыке XVI—XVII веков, было много. Но все-таки главенствуют среди оных лишь три, теснейшим образом связанные друг с другом. Это, во-первых, захват власти изменником-временщиком Борисом Годуновым, который за время правления осуществлял политику, направленную не на укрепление государства и защиту интересов народа в целом, но на утверждение только лично своей власти. Такие действия, разумеется, не могли не привести к резкому и стремительному ухудшению общего положения в стране, к падению ее внешней обороноспособности и, главное, нарушению внутренней стабильно-

сти, особенно тогда, когда Годунов окончательно отменил Юрьев день и вызвал тем самым рост недовольства сотен тысяч крестьян. Это стало второй основной причиной Смуты. Третьей же предпосылкой гражданской войны, как считает современный историк, был «кризис дворянского сословия»¹, критические настроения, получившие широкое распространение среди служилых людей. Правда, с той существенной разницей, что если крестьяне были действительно недовольны крепостническими указами Годунова о «заповедных летах» и начинали бунтовать именно против этого, то возмущение дворян имело совсем другой смысл. Они были недовольны **не самими указами**, лишавшими крестьян воли, **а только не слишком последовательным проведением их в жизнь...** Получив однажды от Бориса право собственности на землепашца, на его безвозмездный рабский труд, служилые люди очень скоро почувствовали, что новый царь **не в состоянии обеспечить надлежащее исполнение** того самого закона, благодаря которому он и смог заручиться поддержкой дворян во время своего избрания. Как правило, предоставлявшиеся «служилым» земельные поместья были слишком малы, и крестьян там не хватало до такой степени, что очень часто новоиспеченный помещик, получив надел где-нибудь на окраине страны, вынужден был сам пахать свою землю. И среди дворян начался глухой до времени ропот².

А между тем все больше крестьян бежало от своих хозяев в «дикое поле», на вольный казацкий Дон, и

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов — М., 1992. С. 39.

² Особенно тогда, когда Годунов велел завести на юге страны государеву десятинную пашню и степных помещиков стали привлекать к отбыванию барщины на царской пашне. — См.: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 39.

все чаще Москву будоражили тревожные вести об убийствах помещиков, о поджогах усадеб, о жутких разбоях на дорогах. Годунову не верил уже никто, кроме ближайших приспешников. Как писал современник, всем надоели его притеснения и кровожадность¹. Но надо было случиться еще более худшему, чтобы эта общая подспудно клокотавшая ненависть разразилась подлинным взрывом. Увы, русский человек всегда терпит до последнего.

В 1601—1602 гг. на Россию обрушился голод, во время которого в одной Москве погибло около полумиллиона человек. Правда, вспоминая об этом, г-н Радзинский не преминул, лишь саркастически ухмыляясь, спросить: «Но когда же не было голода в хлебной нашей стране?» Однако в начале XVII века голод действительно был, и вызвали его не какие-то наши личные огрехи, как прозрачно намекает историк-беллетрист, а общее ухудшение климатических условий, наблюдавшееся тогда по всей Европе, от Франции до Польши и России. Так, затяжные дожди летом 1601 г. не дали хорошо вызреть хлебам. А ранние морозы погубили озимые посевы, ибо для них крестьяне вынуждены были использовать «зяблые», незрелые семена. На следующий год они дали очень мало (или не дали вообще) всходов. Но и эти слабые ростки опять уничтожил слишком рано ударивший мороз. В результате народ остался даже **без семенного зерна**. Романтичный бытописатель дворцовых интриг явно не любит таких скучных «аграрных» подробностей истории. А ведь именно от них и зависела обычная каждодневная жизнь русского крестьянина, будь то в XVII столетии, да и в начале XX тоже... Э. Радзинскому это стоило бы понять, прежде чем со злорадством передавать (*своими* словами) неподготовленному читателю тяжкое

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 254.

свидетельство летописца о том, сколь ужасен был начавшийся голод, из-за коего «родители пожирали детей, на рынках продавалось человеческое мясо, а люди боялись останавливаться на постоянных дворах — пропадали».

Итак, положение складывалось критическое. К весне 1602 г. цены на рожь выросли в шесть раз, так что не только малоимущие, но уже даже средние слои населения не имели возможности покупать хлеб. Исчерпав запасы, люди стали есть кошек и собак, сено, липовую кору, человеческие трупы. Начались болезни, мор... Едва ли не со слезами умиления повествует наш всезнающий автор о благотворительных акциях царя Бориса в тот тяжелый момент. О бесплатной раздаче хлеба, денег нуждающимся. Но, как указывает, опираясь на подлинные исторические документы, профессиональный исследователь, милостыню и хлеб из царских житниц раздавали исключительно в городах. «Годунов благоволил к посадам, чтобы сохранить основной источник денежных поступлений в казну. Многомиллионное же крестьянство оказалось предоставленным собственной судьбе. Даже в дворцовых волостях (фактической вотчине Годуновых) дело ограничилось *продажей* (выделено нами. — *Авт.*) крестьянам «старого хлеба» в долг, *на условиях заемной кабалы*¹. Вот как реально выглядела его «государева щедрость и попечение» о страждущих.

¹ *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. — М., 1978. С. 150. А вот о своей «государевой чести» и выгоде Борис действительно заботился. Конрад Буссов передает, что во время голода в России немецкие купцы привели в Нарвский порт много кораблей, груженных хлебом, «которым бы можно было накормить сотни тысяч людей. Однако Борис, — продолжает немецкий мемуарист, — не захотел подобного бесчестья, чтобы в его богатой хлебом стране покупался и продавался иноземный хлеб. Поэтому корабли должны были вернуться обратно, не распродав зерно, так как русским под страхом смерти запрещалось покупать его...»

Нет, должно быть, уже явственно ощущая растущую ненависть к нему народа, он думал, что все же сумеет погасить ее, не прибегая к чрезмерным затратам... 28 ноября 1601 г. последовал указ Годунова О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА ГОД КРЕСТЬЯНСКОГО ВЫХОДА В ЮРЬЕВ ДЕНЬ. Причем, подчеркивает историк, если закон о запрете этого выхода был введен в действие с тайной подачи Бориса еще во время правления и *именем царя Федора Ивановича*, то теперь, уже в своей собственной царской грамоте *Годунов сам себя объявлял освободителем народа от прежнего несправедливого закона*. Благоделем, который опять «велел крестьянам давати выход»¹. Так он «постарался одним ударом завоевать привязанность сельского населения»².

Крылся в этом указе и еще один коварный псдвох, столь свойственный политической манере Годунова. Несмотря на то что в его тексте громогласно оповещалось о даровании воли крестьянам «во всем государстве», фактически действие Юрьева дня власти восстановили только на землях провинциального дворянства, низших офицеров и мелких приказных чиновников. Напротив, земли членов боярской Думы, столичного дворянства и духовенства не тронули, крестьяне там остались крепостными. Иными словами, в реальности Борис снова выступил не как защитник народа, но как «решительный защитник привилегий знати и верхов феодального сословия, непосредственно участвовавших в его избрании». Предусмотрительно не было возобновлено действие Юрьева дня и в пределах Московского уезда — опять же потому, что Борис «не желал восстанавливать против себя мелких московских помещиков, посто-

¹ Акты археографической экспедиции. Т. II. С. 20.

² *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 151.

янно обретавшихся в столице. Так Годунов избегал шагов, которые могли вызвать раздражение знати, и в то же время не побоялся раздражения мелкого дворянства — самой многочисленной прослойки господствующего класса»¹. И все же тогда он ошибся, этот умный, проницательный татарский вельможа! В очередной раз предав тех, на кого опирался ранее, он плохо рассчитал свои силы.

Как отмечает даже немецкий исследователь Хельмут Нойбауэр, в сложившихся после частичного восстановления Юрьева дня обстоятельствах «нельзя было ожидать, что служебное рвение средне- и мелкопоместного дворянства будет расти»². А между тем именно от усилий всего служилого дворянского воинства по защите порядка в государстве (как и внешних рубежей страны), от его преданности трону зависела тогда и судьба самого Годунова, и всей его семьи. Судьба, уже висевшая на волоске.

Э. Радзинский без всякого зазрения совести сообщает читателю, что «голод был побежден» в благодатное правление Бориса. Но исторические документы свидетельствуют, что все происходило совсем иначе... Именно Великий голод, который многие считали божией карой, до предела обострил годами копившуюся в стране напряженность, что и стало началом краха временщика-убийцы, обманом захватившего русский престол... К 1603 г. действия на московских дорогах разбойных шаяк (объединявших как разорившихся дворян, так и беглых холопов) приняли столь угрожающий характер, что на борьбу с ними Годунов вынужден был бросить специальные отряды служилых людей, руководимых Иваном Бутурлиным,

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 151

² *Нойбауэр Х.* Борис Годунов. — В кн: Русские цари. Сб. статей. — Ростов-на-Дону, 1997. С. 78.

одним из лучших воевод времен Ливонской войны и главой Разбойного приказа. Но разбои и грабежи продолжались, так что «с мая 1603 г. москвичи стали свидетелями военных приготовлений неслыханных масштабов. Можно было подумать, что городу вновь угрожают татары. Борис разбил столицу на несколько секторов и поручил их оборону пяти боярам и семи окольниковым. Осенью Иван Басманов, охранявший порядок на Арбате, выступил в поход против «разбоев». Воеводы прочих секторов остались на месте. Власти опасались, очевидно, не столько повстанцев, сколько волнений в столице»¹. Однако и победа над разбойным войском, которое под предводительством атамана Хлопко Косолапа сумело прорваться непосредственно к стенам Москвы, далась недешево правительственным отрядам. Хотя ими был взят в плен и казнен атаман Хлопко, но в жестоким бою погиб воевода Басманов. Не смогли полностью покончить они и с войском «разбойников»: многим его участникам удалось уйти от преследования, бежать на южные «украины», к тому времени тоже охваченные бунтами и мятежом. «И вскоре, — как писал еще в начале XX в. старый историк, — эта уже заряженная электричеством среда получила и с другой стороны страшный толчок»².

Так отвернулась Россия от Бориса, отторгла его власть. И произошло это не из-за того, что, будучи государем не наследственным, не «по прирождению», а лишь избранным на престол, он «в сознании народном все равно «не по чину взял», как тщится убедить читателя Эдвард Радзинский. И также не потому, что русское «общество было воспитано московскими царями в великом неуважении к собственному мнению

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 153—154.

² *Валишевский К.* Указ. соч. С. 89.

и в великом уважении к «природным правам» и оттого не могло признать прав избранного им самим царя». Настоящая проблема заключалась тогда не только в «признании» или «непризнании» «прав» Годунова... Увы, здесь от беглого, поверхностного взгляда писателя-беллетриста снова ускользнула еще одна существенная «деталь». А конкретно, что любые права, в том числе и право на власть, для русского человека были прежде всего неотделимы от понятия ответственности. Ответственности перед богом всех и каждого. Это вытекало из той основной нравственной идеи, которой веками держался государственный организм России. Идеи взаимного служения пред лицом Всевышнего Судии государя — народу и народа — государю. Только правитель, сознающий свой высокий долг (или, как говорили в те времена, имеющий в душе «страх божий») и действующий сообразно ему, мог считаться истинным, законным правителем государства. Однако именно Годунов и нарушил этот древний принцип. Как писал дьяк Тимофеев, сначала «он казался ко всем добрым, тихим и щедрым, и был всеми любим за уничтожение в земле обид и всякой неправды», но после, «когда достиг царского сана... он обманул ожидания всего народа, который с надеждой и сердечной верой ждал от него лучшего. Он тотчас переменялся и оказался для всех нестерпимым, ко всем жестоким и тяжким»¹. Но, продолжает пятнадцатью страницами ниже автор знаменитого «Временника», виновны в этом сами русские люди, тоже утратившие чувство ответственности. Думаю, — писал он, подводя итоги своему рассказу о причинах Смуты, — что все указанное произошло с нами *от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не*

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 250.

ожидаем над нами Суда... Если бы мы не смолчали, (предоставив) Борису всячески губить благороднейших после царей (бояр)... то едва ли вышеозначенный (Борис) осмелился на второе убийство — т.е. (убийство) нового мученика царевича Дмитрия, и на сожжение в это время поджигателями лучшей части всего царства (Москвы), чтобы все погоревшие сроду своего плача забыли восстать на него за эту смерть»¹.

Иными словами, вышеприведенная цитата из записок современника Смуты ярко подтверждает: власть царя Бориса русский народ отверг совсем не потому, что ему не хватило «уважения к собственному мнению» и прочих достоинств «цивилизованного общества». Обманом и преступлениями добившийся избрания на престол, боярин Годунов действительно оказался несправедливым, «не истинным» государем. И многим людям на Руси как раз достало и высокого чувства гражданской ответственности, и осознания личного греха перед богом за то, что такой человек мог прийти к власти. Не случайно (и мы сказали уже об этом немного выше) голод 1601—1603 гг. был сразу понят народом как божья кара, как расплата за грех... В отличие от Э. Радзинского, это смог уяснить для себя даже современный германский историк-славист Х. Нойбауэр, очевидно, более внимательно читавший наши летописи. С холодной рассудительностью опытного исследователя он, например, указывает: «Летописцам... была вполне привычна формула «ради грехов наших». Следующие один за другим голодные годы, без сомнения, способствовали размышлениям о причинах несчастья: это могло быть воспринято как наказание за грехи правителя», в частности, за давнее убийство царевича Дмитрия.

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 265—266.

Многие стали считать доказанным, что «благополучие не может основываться на власти... (государя), получившего трон благодаря коварству и насилию». Что «Борис не тот человек, которому царская власть подобает по закону, и, если народ ему подчиняется, то несет вину, заслуживает наказания вместе с ним». И «как бы ни казался такой ход мыслей простым и наивным, — подчеркивает далее тот же автор, — он находил отклик у неграмотного населения, тем более что и в правящих кругах были люди, заинтересованные в распространении слухов и подозрений»¹.

И это действительно очень точное замечание. Ибо в то самое время, когда среди «неграмотного» народа все больше росли тревога и открытое сопротивление власти «не истинного» царя, в «правлящих кругах» действительно нашлись люди, попытавшиеся использовать надвигающуюся бурю в своих корыстных целях. Это была старая боярская оппозиция, которую Борис, казалось, сломил, скрутил, навечно прибрал к рукам с помощью угроз, казней и льстивых подачек, но которая немедленно воспряла духом, стоило только зашататься под ним царскому престолу...

Внимательный и терпеливый наш читатель, должно быть, помнит, как пыталась она в свое время помешать воцарению Годунова, выдвинув «кандидатом» на трон соратника Ивана Грозного — престарелого князя Симеона Бекбулатовича. Теперь же, дабы свалить и уничтожить «безродного выскочку», ею предпринят был иной ход. Тонко пользуясь ожившими в народе воспоминаниями и мучительными раздумьями, связанными с тайной «угличской драмы», а также тем, как по-прежнему глубоко чтит простые люди память о великом самодержце-воителе, оппозиционная аристократия **теперь подняла «на щит» имя уже**

¹ Нойбауэр Х. Указ. соч. С. 78.

даже не соратника, но сына столь ненавистного когда-то ей самой Грозного царя...

Да, новое усиленное «распространение слухов и подозрений» о том, что Борис причастен к гибели самого младшего наследника Ивана IV, что это он подослал убийц к ребенку, было очень выгодно боярам для того, чтобы поскорее расправиться с Годуновым. Как была очень выгодна им и запущенная тогда легенда о «чудесном спасении» царевича Дмитрия», о том, что неким «добрым людям» все же удалось уберечь его от убийц, спрятать в надежном месте, где он вырос и откуда уже скоро придет «добывать свое царство». Надо признать, боярские «аналитики» рассчитали верно... Ибо если для высшей знати имя Дмитрия с самого начала было не чем иным, как всего лишь циничным «идеологическим прикрытием» очередной схватки за передел власти, то для поработанного Годуновым народа имя «царевича Димитрия Ивановича» действительно стало символом борьбы за справедливость. Весть о «чудесно спасшемся» сыне Ивана Грозного всколыхнула все русское крестьянство. Отказываясь подчиняться власти Бориса, лишившего их воли, люди стали требовать вернуть трон законному наследнику — истинному царевичу, который и будет управлять страной по божьей правде, как правил его родной отец. Который покарает изменников и защитит народ. Так сильна была на Руси вера в законного царя. Вера, рожденная многими веками взаимного служения...

В конечном счете именно это открытое неприятие народом Бориса — с одной стороны, и его же, народа, горячая вера в «истинного царевича», с другой стороны, привели к тому, что династия Годуновых потерпела жестокий крах, а победу одержал Самозванец. Точнее, одержали победу те, кто сумел использовать сложившуюся ситуацию в своих конкретных полити-

ческих целях. А таких **заинтересованных** лиц было много. Много и в самой России, и за ее пределами...

Ведь рассказывая о появлении Самозванца, г-н Радзинский снова слишком упрощает события, объявляя главными его «создателями» бояр Романовых. Как ближайшие родственники отравленного царя Федора Ивановича, братья Романовы-Юрьевы действительно являлись злейшими врагами Бориса. Они же считались в Москве наиболее вероятными наследниками короны, случись вдруг неожиданная смерть Годунова. Несомненно, эти бояре знали и могли немало... И все же было бы большой смелостью допустить, что Самозванец, принявший на себя имя «царевича Дмитрия Ивановича», — «детище» исключительно Романовых. Повторим, слишком много лиц было **заинтересовано** тогда в его появлении... А посему, в отличие от писателя-беллетриста, профессиональный историк, опираясь на сохранившиеся документы, крайне осторожно подчеркивает: связь между Романовыми и Лжедмитрием I хоть и прослеживается, но не столь значительная, чтобы можно было делать какие-то серьезные выводы. Да, будущий монах и «царь-расстрига» Григорий Отрепьев (в миру — Юрий Богданович Отрепьев, бедный дворянин из Галича), совсем юношей приехав в Москву в поисках удачи, и впрямь служил при дворе бояр Романовых — но только самое непродолжительное время. Затем он по собственной воле ушел к князьям Черкасским и служил уже им. Лишь после этого, спасаясь от обвинений в «воровстве» (т.е., политической измене), которое грозило ему смертной казнью, Отрепьев был вынужден принять монашеский постриг, стать чернецом в дальнем монастыре. Впрочем, и там молодой человек надолго не задержался, явно тяготясь монашескими обетами. Какое-то время он просто «бегал» (скитался) по захолустным провинциальным

обителям, пока... Пока снова не вернулся в Москву. И не просто вернулся, но по протекции был принят в главнейший кремлевский Чудов-монастырь. Причем по протекции отнюдь не Романовых, кои сами к тому времени были арестованы и сосланы, но уже совсем других влиятельных особ¹. Вот из этой-то наиболее привилегированной, аристократической обители, откуда Григорий, вероятно, мог быть не раз зван и в патриархии покои, и в боярскую Думу, он и ушел вдруг зимой 1602 г. прямым ходом «в Литву», т.е. в Речь Посполитую — излюбленное пристанище первых российских «диссидентов»...

Таким образом, как видит читатель, хотя доподлинно вряд ли можно установить, кто именно внушил молодому честолюбцу мысль объявить себя «чудесно спасшимся царевичем», кто подсказал ему, куда бежать, где искать поддержки, дабы вернуть себе «отцовский трон». Но, наверное, в данном случае для нас важно прояснить не столько конкретные имена этих людей, сколько понять их политические пристрастия. Понять, ради чего был создан ими миф о «чудесно спасенном царевиче» и на кого они с самого начала рассчитывали опереться в своем намерении возвести на русский престол Самозванца. А то, что умный, энергичный, недурно образованный дворянин Отрепьев — надо признать, блестяще, со знанием дела подобранная кандидатура в «царевичи»! — был направлен именно в Речь Посполитую, как раз и указывает на эти пристрастия. Ибо читатель уже хорошо мог убедиться, что «вольная шляхетская республика» всегда была идеа-

¹ Так, чтобы опальный инок был принят, слово за него перед чудовским архимандритом Пафнутием замолвил некий «богородяцкой протопоп Еуфимий». См: *Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 162. См. также: Сб. РИО. Т. 137. СПб., 1912. С. 247.*

лом для оппозиционного московского боярства. Веками именно на Польшу обращало оно свои вожде- ленные взоры, раз за разом пытаюсь установить та- кой же «вольный» (для себя) порядок и на Руси — пусть даже ценой ее расчленения. И раз за разом, го- товя очередной государственный переворот, боя- ре-изменники рассчитывали на поддержку своих преступных замыслов прежде всего из Польши, пре- жде всего там, у прямого врага России находили жи- вейший отклик своим предательским планам. Так было и при Иване III, и при Иване IV, когда бояре, вступив в сговор с поляками, пытались отторгнуть от Русского государства Новгород и Псков. Так же случилось и в начале семнадцатого столетия, когда, объявившись в Польше под именем «царевича Дмитрия», боярский посланник Гришка Отрепьев предложил в обмен на поддержку «борьбы за отцов- ский трон» отдать ей все те же Новгород и Псков. Так внутренняя боярская измена вновь соедини- лась с происками внешнего врага. И на сей раз — ус- пешно...

Собственно, это справедливо отмечал В.О. Ключевский, говоря о том, что Лжедмитрия I заквасили в Москве, а испекли в польской печке. Однако практи- чески то же самое, но более глубоко писал и совре- менник Смуты — дьяк Иван Тимофеев. К примеру, размышляя над истоками успеха «расстриги» и при- шедших вместе с ним в Москву польско-литовских захватчиков («ляхов»), Тимофеев, полностью в соот- ветствии с духом своего времени, определяет этот успех как «божие поущение за наши грехи». Но тут же посчитал необходимым указать и на то, что мно- гие века не переставая «ратоваху и наступаху» (воюя и наступая) на Русь, ее противники, все же, не «пре- могоша» (не смогли) причинить ей больше вреда, «якоже ныне». Ибо **«тогда они без сложенья на-**

ших (изменников) с ними копья свои против нас ломали». Ныне же ушли к ним «самоизвольно богоотступники и предатели» наши и тем усилили их, сделали мечи их обоюдоострыми. Потому и победили они нас. А если бы наши не соединились с ними против нас, одни они (враги) таких побед над нами никогда бы не могли одержать, хотя ранее и многие у нас с ними были сражения¹.

Да, дорогой наш терпеливый читатель, в который раз нам приходится подчеркнуть: в отличие от современного телесказителя, проницательный русский дьяк XVII века несравненно более широко и объективно оценивал происходившие на его глазах события. Он *знал*, о чем пишет. Он умел сопоставить прошлое и настоящее. Потому-то и в истории с Самозванцем он увидел прежде всего *измену*, увидел *соединение* предателей с внешними врагами Отечества. Ибо только так и можно было объяснить стремительный — менее чем за год! — взлет в Польше никому там дотоле неведомого беглеца из «варварской Московии». Только так можно было понять то, почему надменная польская шляхта, столетиями жаждавшая прибрать к рукам земли Северщины, *вдруг* поверила, что он — презренный русин — и есть «царевич Дмитрий». И не просто поверила — загорелась желанием оказать ему поддержку. Хотя доподлинно известны слова знаменитого польского канцлера Яна Замойского, который считал, что помогать представителю прежней *законной* династии в Москве не будет благом для Польши, но, напротив, окажется вредом для нее². (Свидетель катастрофы армии короля Батория у древних стен Пскова, он на личном

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 82—83, 252.

² *Валишевский* К. Указ. соч. С. 129.

опыте мог убедиться, как действует истинный русский царь; он тоже знал, что говорит.)

А потому те немногие странички г-на Радзинского, где рассказывается о первых шагах Самозванца в Речи Посполитой, о его знакомстве с Мариной Мнишек, о том как она поверила вчерашнему монаху лишь в силу того, что сама всегда мечтала стать королевой и поддалась его пылким обещаниям: он завоеует царство для нее — «обольстительной и гордой польской аристократки», все эти странички, подчеркнем, не более чем еще одно повторение старой романтической легенды, лишь самым отдаленным и туманным образом напоминающей о том, что произошло тогда на самом деле. Увы, все опять было и проще, и жестче, и интересней, чем это выглядит в рассматриваемом повествовании.

Хотя страсть Отрепьева к властной красавице Марине вполне могла возникнуть и сказаться на их судьбах, точно так же, как, без всяких сомнений, мог владеть Григорий и громадным даром убеждения, мог покорять людей своей уверенностью в собственных силах и правоте (ведь напомним, он был так молод, горяч, артистичен и амбициозен — благодаря чему и приглянулся еще в Москве на роль Самозванца), но не только эти личные его качества и личные решения определили дальнейшее развитие событий. Определяющим стало то, что Отрепьев действительно пришел туда, где его давно *ждали*, и где действительно не сразу, но после многих тщательных проверок в Гоще, в имении Вишневецких, а затем и в Самборском замке (а как же иначе для Запада, во все века не доверявшего русским?..) его признали царевичем Дмитрием и сочли нужным помочь. Правда, г-н Радзинский относит это растянувшееся на многие месяцы осторожное изучение, прощупывание личности московского беглеца совсем на другой счет — на

счет того, что большая часть польских магнатов была настроена крайне нерешительно, попросту не желала ввязываться в авантюру с Самозванцем, каких немало тогда бродило по всей Европе... Однако слишком цепкими, слишком последовательными выглядят действия поляков, чтобы назвать их «нерешительными и сомневающимися»...

Нет, «Дмитрий» был взят под контроль сразу, и контроль весьма пристальный, о чем имеются документальные свидетельства — в Ватиканском архиве... Даже историк-иезуит о. П. Пирлинг признает: еще «1 ноября 1603 г. папский нунций при польском дворе, Рангони, имел аудиенцию в Вавельском замке, где Сигизмунд III впервые сообщил ему о появлении Дмитрия, выдававшегося за московского царевича и пребывавшего тогда на Волини, у князя Адама Вишневецкого. Изложив свои соображения по этому поводу, король добавил, что обратился к Вишневецкому с требованием объяснений о загадочном пришествии». И князь действительно не заставил себя ждать. Уже через неделю (!) он прислал Сигизмунду подробнейший отчет — как полагают, собственноручно записанный им со слов самого «Дмитрия» рассказ о его чудесном спасении в детстве, о долгом скитании по глухим русским монастырям и, наконец, о прибытии в пределы Польши. Доклад этот был воспринят королем с чрезвычайной заинтересованностью. По его приказу с документа немедленно сняли копии и разослали всем польским сенаторам — для ознакомления и выработки по нему общего мнения¹. А еще один список доклада Вишневецкого — уже в латинском переводе, — «едва ли не самый древний список из всех имеющихся», подчеркивает о. Пир-

¹ Пирлинг П. Из Смутного времени (Статьи и заметки). — СПб., 1902. С. 2, 4, 90.

линг, был тогда же отправлен в Рим нунцием Рангони, вместе с депешей, датированной 8 ноября 1603 г. (Кстати, в подстрочном примечании Пирлинг дает и «координаты» этих документов: Ватиканский архив, отдел Боргезе, III. 90, а.)¹. Такова была истинная, весьма заинтересованная реакция и польского короля, и католического прелата...

А как же в это время действовал сам Отрепьев? Еще не будучи представленным ко двору, он, дабы завоевать доверие к себе со стороны вельможного панства, обязан был не только раздавать щедрые обещания на счет русских вотчин. И не только вздыхать о любви и преданности Речи Посполитой, о желании сразу после победы ввести в России католицизм. Чтобы не прослыть голословным проходимцем и серьезно подкрепить все свои горячие уверения, он действительно должен был выучить польский язык (о чем мельком упоминает и г-н Радзинский). Он должен был хоть немного овладеть и обязательной для католика латынью. Наконец, демонстрируя свою «искреннюю сыновнюю покорность» Святейшему престолу, он должен был отречься от православия. Впрочем, для такого прожженного циника, каким, по всей видимости, был Лжедмитрий I, последнее вряд ли составило для него хоть сколько-нибудь значительную нравственную проблему... Церемония проходила в присутствии главного представителя Ватикана в Польше — нунция Клавдия Рангони, а также отцов иезуитов Савицкого и Зебжидовского. И ни для кого из троих не осталось тайной, что новообращаемый «царевич» произнес соответствующие моменту слова только как хороший актер. При этом, кстати, полагалось целовать туфлю папы римского. Но за отсутствием туфли папы «Дмитрий», ревностно пав

¹ Пирлинг П. Из Смутного времени (Статьи и заметки). С. 3.

ниц, попытался воздать ту же почесть самому нунцию — поцеловать его башмак. Как пишет историк, «все было комедией» и, «принимая активное участие в этой комедии, ни о. Савицкий, человек весьма догадливый, ни сам нунций, ни о. Зебжидовский ни на одну минуту не дали себя обмануть»¹.

Тем не менее о факте своего отказа от «зablуждений греков» Отрепьев сразу сообщил в Рим понтифику Клименту VIII. В собственноручно написанной им по-польски грамоте, оригинал которой поныне хранит Ватиканский архив, он, уничижительно называя себя «самой жалкой овечкой» и «покорным слугой» Его Святейшества, клятвенно обещал «верховному пастырю и отцу всего христианства», что, коль будет на то воля Провидения, он станет «проповедником истинной веры, дабы обратить заблудшие души и возвратить в лоно католической церкви всю русскую нацию»².

Лишь после таких однозначных проявлений лояльности 15 марта 1604 г. Самозванец и был, наконец, приглашен на личную аудиенцию королем Сигизмундом. Обласкал неопита и Клавдий Рангони, ставший главным посредником между «Дмитрием» и Ватиканом³. Специальным королевским указом новоявленному московскому «господарчику» (царевичу) назначили годовое содержание в 400 флоринов. Ибо, как писал старый исследователь, не важно, «истинный или мнимый, но обращенный в католичество царевич мог стать неоценимым средством для вступления поляков в Москву»⁴. Так, несомненно, тоже прекрасно зная о том, каким огромным довери-

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 135.

² *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 96; *Валишевский К.* С. 135—136.

³ См. об этом подробнее: *Пирлинг П.* Указ. соч. С. 67, 76—77.

⁴ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 129

ем и любовью окружено в русском народе имя Ивана Грозного, политические и церковные верхи Речи Посполитой, как и московские бояре-изменники, тоже решили сделать ставку на имени «воскресшего из небытия сына» Грозного. Так решили вновь попытаться осуществить свои давние агрессивные планы — теперь уже под благородным флагом защиты прав «законного царевича».

Далеко не случайно самым деятельным, самым яростным «проповедником» по всей Европе лживых слухов об «истинном царевиче Дмитриии» сразу стал такой известнейший мастер подобных дел, как АНТОНИО ПОССЕВИНО. В архивах сохранилось очень много его писем к различным европейским государям и прочим высокопоставленным особам, где с жаром доказывается, что Самозванец — действительно царский сын. Что, принявший католичество, теперь он всецело под влиянием Рима, и ему обязательно надо оказывать всяческую поддержку¹, дабы возможно прочнее укрепился он на отцовском престоле и способствовал переходу своего народа под сень Ватикана. В 1605 г. в венецианской типографии, под псевдонимом Бареццо Барецци Поссевино напечатает даже целую повесть — «О юноше Дмитриии»². И сочинение это было немедленно переведено на французский, немецкий, испанский языки...

¹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 99, 214--215.

² *Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno Imperio, conseguita dal Serenissimo Giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fu coronato l'ultimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. In Venezia, appresso Barezzo Barezzi, 1605.* — Повесть о замечательном и чудесном завоевании отцовской империи, совершенном Яснейшим Юношей Дмитрием, великим князем Московским, в 1605 году. С описанием его венчания, состоявшегося в последнее число июля. Собрал из достоверных известий Бареццо Барецци. Венеция. Типография Бареццо Барецци, 1605.

Так матерый иезуит, создавший некогда страшный для России миф о тиране-сыноубийце, уже на пороге могилы вновь взялся за свое ядовитое перо. Взялся, чтобы с кривой, хищной усмешкой выводя слово за словом, подлить масла в разгорающийся огонь еще одной, не менее страшной, разрушительной лжи — лжи о «воскресшем» сыне великого Грозного царя. Ибо, должно быть, уже тогда сей умный враг догадывался: Россию можно победить только ею — *ложью*...

Но, разумеется, до поры до времени все вышеуказанное держалось в строжайшей секретности — ведь огласка грозила международным скандалом. Когда, например, пошли слухи о том, что вокруг объявившегося в Польше «русского принца» собираются отряды шляхты с намерением идти войной против Московии, Сигизмунд немедленно заявил, что это не является делом государственной политики и он не имеет к сим отрядам никакого отношения. А если представители вольного польского дворянства становятся под чьи-то знамена и желают воевать, то это сугубо их личное решение и право... Иными словами, король тоже заведомо лгал, отрицая и существование тайного договора с Самозванцем, и все прочее. Именно поэтому, как пишет Х. Нойбауэр, весьма «немногим было известно, какое реально большое участие принимал Сигизмунд в деле Самозванца». Столь же резко отвергали свою причастность к данному предприятию и другие «высокопоставленные лица Речи Посполитой, которым за выдачу Лжедмитрия было (со стороны Бориса Годунова) обещано существенное вознаграждение»¹.

А Борис действительно сулил многое, лишь бы добиться цели... Причем если за голову «пьяницы и бег-

¹ Нойбауэр Х. Указ. соч. С. 80.

лого вора» Гришки Отрепьева полякам были обещаны просто крупные суммы денег, то уже в официальном обращении к Венскому двору он предложил германскому императору ни больше ни меньше как военный союз против Речи Посполитой. Но... Рудольф II в ответном послании Годунову 16 июня 1604 г. дипломатично ограничился только выражением «искреннего сожаления» по поводу возникших осложнений между Москвой и Краковом¹ и от союза отказался. Так Борису не верил уже никто. Не верили ни внутри страны, ни за ее пределами. И в этой неумолимо затягивающейся петле «царь вынужден был пенять на себя: вместо войны (с Польшей) он получил теперь гражданскую войну»².

13 октября 1604 г. войска Самозванца, форсировав Днепр чуть выше Киева, вторглись в пределы Российского государства. Однако хотя правительственные отряды и оказали ему сопротивление, но было оно столь вялым и нерешительным, что даже отдаленно не напоминало прежние яростные сражения и героические осады, которые выдерживали русские ратники во времена нашествия Стефана Батория. Фактически дворянская армия не желала воевать за Годунова. Увы, ему не помогло даже то, что он, стремясь сбить недовольство дворян восстановлением Юрьева дня, **в 1603 г. снова запретил крестьянский «выход»**³. Дворянство его так и не простило, ответив на измену — изменой.

Не желал защищать его и народ. И это, по-видимому, тоже было учтено теми, кто разрабатывал планы, издав далеко руководил наступлением Лжедмитрия. Не случайно (указывал еще Казимир Валишевский)

¹ Валишевский К. Указ соч. С. 149.

² Нойбауэр Х. Указ соч. С. 81.

³ Скрынников Р.Г. Указ соч. С. 151.

«мнимо-православный царевич» пошел тогда не традиционным путем былых польских нашествий на Москву — «по прямой линии через Оршу, Смоленск и Вязьму». Нет, дорогу Самозванцу умело наметили словно бы в обход, но как раз через те волости юго-западной «украины», где наиболее часто случались бунты и население особенно жестоко пострадало от недавних карательных рейдов, учиненных по воле Бориса¹. Там прихода «истинного» государя ждали, как спасения... Потому действительно, стоило Самозванцу только ступить на эти земли, как простой обездоленный люд громадными толпами начал стекаться в его армию, там надеясь найти правду и защиту. Начал сдавать ему города без боя, под колокольный звон открывая ворота крепостей — как произошло, например, в Моравске и Чернигове. Именно в этом и крылась «непостижимая» (для г-на Радзинского) тайна первых стремительных успехов «царевича Дмитрия Ивановича». Тайна великой лжи, отменно просчитанного обмана, при помощи которого решено было полонить Русь...

За неполные три месяца власть «чудесно спасшегося сына Ивана Грозного» признали такие стратегически важные города, как Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, Белгород, Царево-Борисов, огромные территории вдоль Десны, Северского Донца. Его армия непрерывно росла, пополняемая беглыми крестьянами и казаками. И даже серьезное поражение, которое все-таки нанесли Самозванцу регулярные царские войска в сражении под Добрыничами 21 января 1605 г., не смогло коренным образом переломить сложившуюся ситуацию. Лжедмитрий только

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 147. См. также: *Нойбауэр Х.* Указ. соч. С. 81.

немного отступил, засев в хорошо укрепленном Путивле. Причем характерно, что во время его отступления царские воеводы имели достаточно войск для организации преследования противника. Они вполне могли или захватить Самозванца в плен, или вовсе изгнать за пределы страны. Однако преследования не случилось. Не случилось, считает историк, не потому, что командовавший войсками кн. Мстиславский и прочие воеводы умышленно затягивали дело, дабы «подготовить торжество Самозванца». Но потому, что им пришлось сражаться среди враждебно настроенного населения, среди многочисленных партизанских отрядов и казачьих шаек, рыскавших по всем дорогам и грозивших в любой момент ударить в тыл царским войскам¹.

К тому же стояла зима. Военные действия велись в Комарицкой волости, до последнего предела разоренной и опустошенной. Дворянская армия замерзала и терпела жестокую нужду в продовольствии. Как пишет исследователь, «эта нужда заставляла ратных людей попросту дезертировать, уходить домой или отбиваться от армии в поисках пищи и фуража. Уже в конце февраля 1605 г. в Путивле знали, что Борисово войско под Рыльском тает; была даже перехвачена отписка царю Борису от какого-то воеводы с донесением, что его ратники разбегаются, и с просьбою о подкреплении, без которого воевода не мог держаться. В таких условиях Мстиславский и другие воеводы пришли к мысли о необходимости закончить кампанию. Они хотели распустить на несколько месяцев свое войско. Но царь, «сведав о том, строго запретил увольнять воинов». Летописец со-

¹ Платонов С.Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. С. 172. См. также: *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 178.

общает: Борис «раскручинился» на бояр и прислал к ним грамоту с выговором за то, что «того Гришки не умели поимати». Так, заключает историк, «недовольство царя и запрещение распускать войска возбудили в ратных людях злобу и желание «царя Бориса избыти»¹...

И тем не менее, повествуя об этих полных драматизма событиях, г-н писатель-беллетрист ни одного из вышеуказанных обстоятельств снова не вспоминает, рисуя победное шествие Лжедмитрия I как некое фатальное «везение», напрочь лишённое какой бы то ни было социальной основы. Лишь одно слово, действительно имеющееся в исторических документах эпохи Смуты, попало на страницы текста г-на Радзинского. Слово, произнесенное Годуновым окружавшим его боярам: «*подставили*»... Что же, и впрямь еще тогда, когда пришли первые сообщения о появлении Самозванца в Польше, «Борис не стал скрывать своих подлинных чувств и сказал в лицо боярам, что это их рук дело и задумано, чтобы свергнуть его»². Когда же «оживший призрак» вторгся на Русь, ведя за собой отнюдь не призрачные отряды польской шляхты и целые полчища взбунтовавшегося мужичья, зело умный Борис понял, что это конец. Не мог не понять. И, должно быть, это страшное понимание медленно, день за днем убивало его гораздо больше, нежели сообщения о поражениях, которые терпели московские войска, высланные навстречу врагу.

Хотя об этом автор вновь молчит, но современники свидетельствуют: именно в последние месяцы своей жизни (а было ему только около 50 лет) Годунов сильно сдал, заметно одряхлев. Следующие один

¹ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 173.

² Там же. С. 177.

за другим провалы, видимо, серьезно надломили его психику, одновременно обострив и физические недуги. Былая подозрительность приобрела чуть ли не болезненные формы. Он совсем перестал доверять своим боярам, своим придворным, но, будто цепляясь за последнюю спасительную соломинку, все чаще прибегал к советам ведунов и гадалок. Историк подчеркивает: задолго до этого времени «еще Горсей отмечал склонность Бориса к чернокнижию. Один из членов польского посольства в Москве в 1600 г. писал: «Годунов полон чар и без чародеев ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...» Теперь эта слабость превратилась в неодолимую страсть. «Погруженный в отчаяние из-за постоянных неудач, он перестал доверять даже себе и, казалось, терял рассудок. Предчувствуя близкую смерть, Борис мучительно размышлял над тем, может ли он рассчитывать на снисхождение в будущей жизни, и за разрешением своих сомнений обращался то к богословам, то к знаменитой в Москве юродивой — старице Олене. «Ведунья» Дарьица давала официальные показания о ворожбе во дворце у Бориса спустя 40 лет после его смерти»¹. Наконец, «будучи обладателем несметных сокровищ, он стал выказывать скупость и даже скарденность в мелочах. Живя отшельником в Кремлевском дворце, Борис иногда покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты ли и запечатаны входы в дворцовые погреба и кладовые для съестных припасов»². Так жалко заканчивал свои дни некогда всемогущий интриган...

¹ *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 179.

² *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. — М., 1992. С. 59.

В то время над Москвой появилась комета с громадным хвостом, зловеще мерцавшим в ночи. Годунов вызвал немца-астролога из Ливонии и приказал составить ему гороскоп. «Открой хорошенько глаза, государь, и посмотри вокруг, кому доверяешь»¹, — уклончиво ответил прорицатель. Но смотреть надо было скорее не «вокруг», а внутрь себя, и Борис это чувствовал... Как писал дьяк Тимофеев, все-таки не бояре, и даже не Самозванец окончательно «низвергли (Годунова) с высокого царского престола... а **своя совесть его низложила**, так как он знал все, что сам некогда сделал»², «и мальчики кровавые в глазах», по знаменитым словам классика, действительно могли мерещиться его воспаленному сознанию.

На исходе февраля и в марте он еще пытался как-то перегруппировать войска, укрепить ослабевшую армию свежим пополнением, с тем чтобы весной возобновить военные действия, выставив против Самозванца превосходящие силы, но... Но, очевидно, поступавшие в Москву сведения об общем положении дел были столь неутешительны, что до конца парализовали его волю, его желание продолжать борьбу. 13 апреля 1605 г. царь Борис Годунов скоропостижно скончался.

Многие русские и иностранные современники утверждали, что в порыве отчаяния он просто принял яд, тем самым совершив последний смертный грех — грех самоубийства. По их сообщениям, в тот день, вставая из-за обеденного стола, Борис вдруг упал и начал задыхаться. У него пошла кровь из горла, носа, ушей и даже из глаз, а подобные случаи кро-

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. — М., 1992. С. 59.

² Временник Ивана Тимофеева С. 253.

вотечения, отмечает историк, «довольно часто встречались тогда в России: их обыкновенно приписывали отраве»¹. Другие же говорили, что причиной смерти был не яд, но апоплексический удар². Словом, тайна тех жутких мгновений, когда коронованный временщик-убийца судорожно захлебывался в собственной крови, поныне остается тайной. Несомненно лишь одно: явился ли он сознательным самоубийством или же следствием только сильного нервного потрясения, но конец Бориса был ужасен — действительно мучительный конец клятвop-преступника и предателя...

Дальнейшее общеизвестно. Едва присягнув новому царю — Федору Годунову — большая часть дворянской армии тут же предала его, перейдя на сторону Лжедмитрия. Под влиянием «прелестных грамот», присылаемых из стана Самозванца, начались волнения и в Москве. Наконец, 10 июня 1605 г. возглавляемая князем Василием Голицыным толпа стрельцов и черни ворвалась в Кремль, разгромила дворы Годуновых, а сам юный Федор Борисович был зверски задушен вместе с матерью. Отныне путь к столице России оказался открытым, никаких препятствий на нем более не существовало... И все же умные руководители Григория Отрепьева посоветовали ему еще немного выждать, не торопиться со вступлением в город, дабы не выглядело оно именно как вступление **завоевателя — победителя...** Только более недели спустя, 20 июня, когда страсти уже чуть поулеглись и все было подготовлено самым тщательным образом, состоялся торжественный въезд в Москву «царевича Дмитрия Ивановича».

¹ *Валишевский К.* Указ. соч. С. 159.

² *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. — Часть 1. СПб., 1868. С. 282.

Да, увы, коварно обманутый народ сам распахнул ворота своей столицы человеку, персональное дело которого, вместе с сыновне-почтительными письмами к понтифику Клименту VIII, донныне хранится в Ватиканском архиве¹. Однако не пройдет даже года, как сия глубоко просчитанная ложь будет все-таки понята, разоблачена и сокрушительная волна народного гнева вышвырнет из Кремля иезуитского ставленника. Вышвырнет вместе с его приспешниками-поляками. Ибо отнюдь не «волю» хотел он дать русским людям. Ибо помимо всех прочих губительных для России уступок и обещаний, которые раздавал Лжедмитрий своим тайным хозяевам и кредиторам, главным свидетельством о **подлинных намерениях** этого «государя» является его собственный именной указ от 1 февраля 1606 г. указ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ ПЯТИЛЕТНИЙ СРОК СЫСКА БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН. Т.е. указ, ВОССТАНАВЛИВАЮЩИЙ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО, введенное еще Борисом и им же (временно, под давлением обстоятельств) отмененное в 1601 году.

Да, 17 мая 1606 г. Самозванец был убит. Более того. Его тело сожгли, а пеплом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, в сторону Запада — туда, откуда он явился на русские земли с войском наемников. Но было это не рецидивом «холопских настроений» русского общества, как тщится убедить читателя г-н Радзинский. Прежде всего, было это актом справедливого ВОЗМЕЗДИЯ. Актом САМОЗАЩИТЫ от агрессора, для которого Самозванец, принявший на себя имя сына великого царя, был лишь «знаменем», удобной «ширмой», что на время скрыла его

¹ См: *Пирлинг П.* Из Смутного времени (Статьи и заметки). — СПб., 1902. С. 96.

вековые планы захвата и порабощения Руси. Планы, кои она раз за разом ломала, крушила, почти на всем протяжении своей тысячелетней истории. Кстати, как писателю-историку, Э. Радзинскому должно быть хорошо известно, что не менее сложной, кровавой была, например, борьба за свое историческое выживание и древнего еврейского народа: слова «убили», «убил» и «убей» встречаются едва ли не на каждой странице Ветхого Завета...

Но проблему столь поверхностного и одностороннего толкования многих событий русской истории, содержащихся в очерке «Мучитель и тень», вряд ли и будет правильным объяснить только некомпетентностью автора. Скорее, дело в ином. В том, что, как свидетельствует все сказанное выше, работая над данным очерком, г-н писатель вовсе не утруждал себя задачей действительно понять русскую историю. Понять и, соответственно, дать своему читателю возможно правдивый рассказ об одном из ее сложнейших и интереснейших моментов. К сожалению, за внешним лоском и ироничной глубокомысленностью этого (и не только этого) произведения Э.С. Радзинского таится... не то чтобы элементарное незнание материала или профессиональная безграмотность автора, нет. При всех встречающихся в текстах досадных неточностях отказать ему в широкой исторической эрудиции трудно. Главная беда г-на Радзинского в том, что он является приверженцем старой, зародившейся еще в XIX в. либеральной концепции истории России. Концепции крайне предвзятой и оставляющей слишком мало возможностей для объективного исследования. Именно ее жесткие схемы постоянно довлеют над автором, не выпуская за рамки привычных представлений и штампов, хотя сам он прекрасно знает их истинную цену.

Конечно, останься подобная приверженность делом только личного выбора автора, и в этом не было бы ничего предосудительного — о вкусах не спорят. Но отнюдь не «делом личного вкуса» является то, что, выступая с подобными «зарисовками», Э. Радзинский таким образом навязывает миллионам читателей и телезрителей искаженное представление о прошлом России, подспудно вызывая к нему неуважение и неприязнь, как чему-то убогому и недостойному. Это уже не просто дань определенной идеологии. По потаенной жесткой целенаправленности произведения Э. Радзинского сродни психологической диверсии, взрывающей национальное самосознание русского народа. Сродни тем леволиберальным и бульварным изданиям, которые еще на заре XX столетия своей злобно-неистовой критикой расшатывали вековые морально-этические и державные устои Российской империи. Которые внушали людям чувство недовольства, чувство ненависти к собственной стране, тем самым готовя ее дальнейшее крушение — во имя торжества «свободы», во имя «отречения от старого мира».

Ибо давно и неоднократно доказано, что опорочить в глазах народа его идеалы, его историческое прошлое — это и значит, прежде всего, выбить почву из-под его ног, уничтожить духовные ориентиры и, следовательно, лишит способности к сопротивлению, к самозащите от любых видов агрессии. Именно осуществлению таких разрушительных, дестабилизирующих замыслов всегда способствовала и продолжает способствовать «российская» либеральная публицистика, всего лишь одним из представителей которой является писатель Э.С. Радзинский. И, как говорится, бог ему в том судья.

Подводя итоги этого разговора, нам с вами, добрый, внимательный и терпеливый читатель, важно подчеркнуть совсем другое. Укоренившийся в литературе и упорно пропагандируемый миф о «кровавом тиране», об «исчадии ада на русском престоле», миф, почти затмивший в нашем сознании подлинный образ первого самодержца, фактически является фальсификацией. Является лишь частью того общего негативного представления о России как о стране «варваров и рабов», которое было сформировано и активно использовалось на Западе (особенно в Польше) еще с XVI столетия. Использовалось для того, чтобы уже тогда дискредитировать молодое Русское государство, способствовать его международной изоляции и распаду. Ибо Запад (и опять-таки Польша в особенности) был совсем не заинтересован в том, чтобы на Востоке Европы вновь возникла и существовала сильная православная держава, претендующая на захваченное им земельное наследие Киевской Руси. И так как наиболее значимый вклад в укрепление этой новой молодой державы внес именно царь Иван Васильевич Грозный, то он же стал и главной мишенью жестокой клеветы. Жестокой, непримиримой психологической войны, которая была начата Западом против России отнюдь не в XX веке, а гораздо раньше. Технологии обмана и лжи стары как мир...

Между тем подлинные, неискаженные исторические факты свидетельствуют: судьба русского народа во все времена складывалась не лучше и не хуже исторических судеб его соседей и на Западе, и на Востоке. Но то, что была она неизмеримо тяжелей, трагичней, что постоянно требовала огромного напряжения духовных и физических сил — факт тоже

беспорный. Так же, как беспорен факт того, что неизмеримо горька оказалась доля, выпавшая одному из величайших русских государей — Ивану Грозному. Человеку, который всю жизнь отдал служению Отечеству. Человеку, которому самой Историей судилось нанести последний, наиболее беспощадный, но и самый решающий удар старой феодальной аристократии и вывести свое государство на новый этап развития. Прежде всего этим и был ненавистен Грозный царь всем своим явным и тайным политическим противникам, в бессильной злобе на века оклеветавшим его...

Оглавление

Слово к читателю	5
Глава 1. Немного историографии	9
Глава 2. Европа и Русь накануне рождения Ивана Грозного: мифы и реальность	22
Глава 3. Политическая борьба у царской колыбели	49
Глава 4. Миф о «первых зверствах» Ивана	80
Глава 5. Миф об «Избранной Раде». Начало реформаторской деятельности Ивана Грозного	107
Глава 6. Взятие Казани — агрессия или защита? . .	127
Глава 7. Миф о «бессмысленности» Ливонской войны	161
Глава 8. Измены и потери. Миф о «роковом переломе» в правлении Ивана Грозного. .	183
Глава 9. Миф о первом русском «правозащитнике» — князе Курбском	207
Глава 10. Опричнина: «разгул террора» или борьба с подлинной изменой?	229
Глава 11. Миф о «беспричинном разгроме» Новгорода	264
Глава 12. Новые замыслы и новые испытания. . .	285
Глава 13. Общекатолический крестовый поход против России под предводительством Стефана Батория: причины побед и поражений.	324

Глава 14. «Посланец мира» Антонио Поссевино и завершение Ливонской войны	361
Глава 15. Миф о «тиране-сыноубийце»	383
Глава 16. Последние годы жизни Грозного. Кому была нужна смерть царя.	397
Глава 17. Правитель-убийца Борис Годунов.	420
Глава 18. Миф о «царевиче Дмитрие» и еще одио вторжение поляков в Россию	476

Наталья Пронина

ИВАН ГРОЗНЫЙ: «МУЧИТЕЛЬ» ИЛИ МУЧЕНИК?

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Г. Киселева*

ЛР № 065715 от 05.03.1998. ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Интернет/Home page: [www/eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)
Электронная почта (E-mail) info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.10.2005.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 4000 экз.
Заказ № 4502630.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.